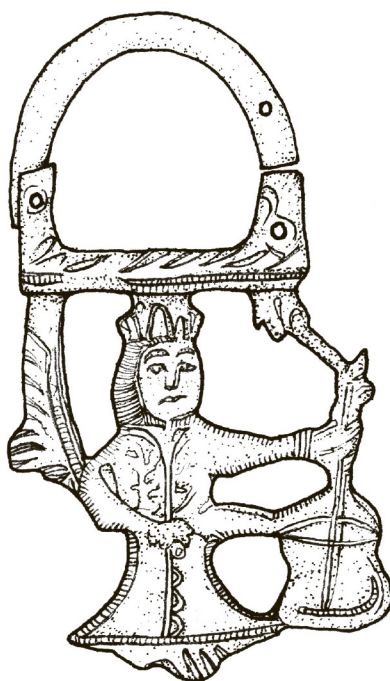

АНО «ЦЕНТР
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОЕКТИРОВАНИЯ»

**КОСТРОМСКОЙ КРАЙ
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В НОВОЕ ВРЕМЯ**

К 160-летию со дня рождения Н.М. Бекаревича

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
IV Межрегиональной научной конференции**

КОСТРОМА
2021

ОГБУК «КОСТРОМСКОЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

ОГБУ «НАСЛЕДИЕ»

АНО «ЦЕНТР ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ»

IV Межрегиональная научная конференция

**КОСТРОМСКОЙ КРАЙ
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ДРЕВНОСТИ,
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В НОВОЕ ВРЕМЯ**

К 160-летию со дня рождения Н. М. Бекаревича

КОСТРОМА
2021

ББК 63.3(2...)

УДК 94”+/18”:908

Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 160-летию со дня рождения Н.М. Бекаревича: сб. науч. тр. / Под ред. А. С. Лазарева, И. С. Наградова, В. Л. Щербакова. – Кострома: Костромской музей-заповедник, 2021. – 304 с.

Редакционная коллегия: Лазарев А. С., Наградов И. С., Щербаков В. Л.

Рецензенты:

Новиков А.В., к.и.н., доц., зав. кафедрой истории Костромского государственного университета

Бушуев И.А., к.и.н., главный эксперт-редактор Туристско-информационного центра Костромской области.

На обложке: силуэтный замок из раскопа на ул. Красноармейской, д. 35А в г. Костроме (автор рисунка В.В. Фомичёва). Увеличено в 1,5 раза.

В сборник вошли научные труды участников межрегиональной научной конференции «Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время» (Кострома, 2 декабря 2021 г.), приуроченной к 160-летию со дня рождения костромского археолога, члена Костромской губернской ученой архивной комиссии Н.М. Бекаревича (1861-1905). Статьи посвящены новейшим археологическим, естественно-научным, историческим и краеведческим исследованиям. Широкие временные границы исследований делают сборник интересным для специалистов в области истории, археологии, дендрохронологии, музееведения, этнографии и краеведения.

ББК 63.3(2...)

УДК 94”+/18”:908

ISBN 978-5-6042548-7-5

9 785604 254875

От редакции

В 2021 году исполняется 160 лет со дня рождения археолога, действительного члена Костромской губернской учёной архивной комиссии Николая Михайловича Бекаревича (1861 – 1905). С 1882 г. по направлению Казанского университета и до самой смерти Николай Михайлович производил раскопки древнерусских курганов под Костромой, а также ветлужских и варнавинских городищ. Он занимался составлением подробной археологической карты Костромской губернии. Некоторое время Н.М. Бекаревич заведовал музеем костромского губернского земства, носившим естественнонаучный характер, а в 1898 г. стал неперенным членом КГУАК, в обязанности которого входило наблюдение за музеем. В 1905 г. он умер, и заседание КГУАК 5 марта этого года было посвящено его памяти. Сегодня мы вновь вспоминаем Николая Михайловича – одного из основоположников костромской археологии и музейного дела.

Активное изучение истории края продолжается и в современности. Исследователи на основании письменных, устных и вещественных источников занимаются более глубокой разработкой отдельных вопросов истории костромского региона и сопредельных территорий. Важно, что работа исследователей зачастую носит междисциплинарный характер. Особо стоит отметить расширение тематики сборника за счёт включения исследований естественно-научного характера. Этому как нельзя лучше соответствует посвящение научного мероприятия юбилею Н.М. Бекаревича, совмещавшего в своей работе знания ученого-естественника, археолога и музейщика.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1.

К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. БЕКАРЕВИЧА

КУЗНЕЦОВА В.Н.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ Н.М. БЕКАРЕВИЧА
В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН..... 7

СИЗИНЦЕВА Л.И.

Н.М. БЕКАРЕВИЧ В КОСТРОМЕ В ПОСЛ. ЧЕТВ. XIX – НАЧ. XX В. 18

ДОКУМЕНТЫ И ФОТОГРАФИИ ИЗ СОБРАНИЯ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.М. БЕКАРЕВИЧА (ПОДГОТОВКА К ПУБЛИКАЦИИ И.Ю. КУЧУМОВОЙ) 22

РАЗДЕЛ 2.

ИСТОРИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ В СВЕТЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

ФИЛИПОВА К.Г., КОНСТАНТИНОВ Е.А.,

ЗАХАРОВ А.Л., МЕДВЕДЕВ А.А., СЫЧЕВ Н.В., КУЗЬМЕНКОВА Н.В.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СТРОЕНИЮ И ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КОТЛОВИНЫ ЧУХЛОМСКОГО ОЗЕРА..... 54

МАЦКОВСКИЙ В.В., ДОЛГОВА Е.А., СЕМЕНЯК Н.С., КУЗНЕЦОВА В.В., СОЛОМИНА О.Н.

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В КОСТРОМЕ И КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ..... 63

СЕМЕНЯК Н.С., МАЦКОВСКИЙ В.В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПТИЧЕСКОЙ ПЛОТНОСТИ ГОДИЧНЫХ КОЛЕЦ
ДЛЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ДАТИРОВАНИЯ
АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ..... 66

КУЗЬМИНЫХ С.В.

ГАЛИЧСКИЙ «КЛАД» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ..... 72

ЗАВЬЯЛОВ В.И., ТЕРЕХОВА Н.Н., ЩЕРБАКОВ В.Л.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В КУЗНЕЧНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ X-XIV ВВ..... 83

ЧЕТВЕРТАКОВ Е.В.

ФИНСКИЕ (МАРИЙСКИЕ) СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ В ОКРУГЕ БЫВШЕГО
БОРОВСКОГО КОРДОНА В КРАСНОБАКОВСКОМ РАЙОНЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....91

ВТЮРИНА К.Н.

ЖЕЛЕЗНЫЕ СТРЕМЕНА С ТАУШИРОВКОЙ СЕРЕБРОМ С МОГИЛЬНИКА
БОРОВСКОЙ КОРДОН 1: ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИИ, ТИПОЛОГИИ И РЕСТАВРАЦИИ..... 101

АРИСТОВ А.А.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИЩА ВОСКРЕСЕНСКОЕ
В ГАЛИЧСКОМ РАЙОНЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 2019-2020 ГГ..... 110

ЛАЗАРЕВ А.С.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАСТРОЙКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ Г. КОСТРОМЫ
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013-2018 ГГ..... 116

ЛАЗАРЕВ А.С., ГОРОХОВА А.В.

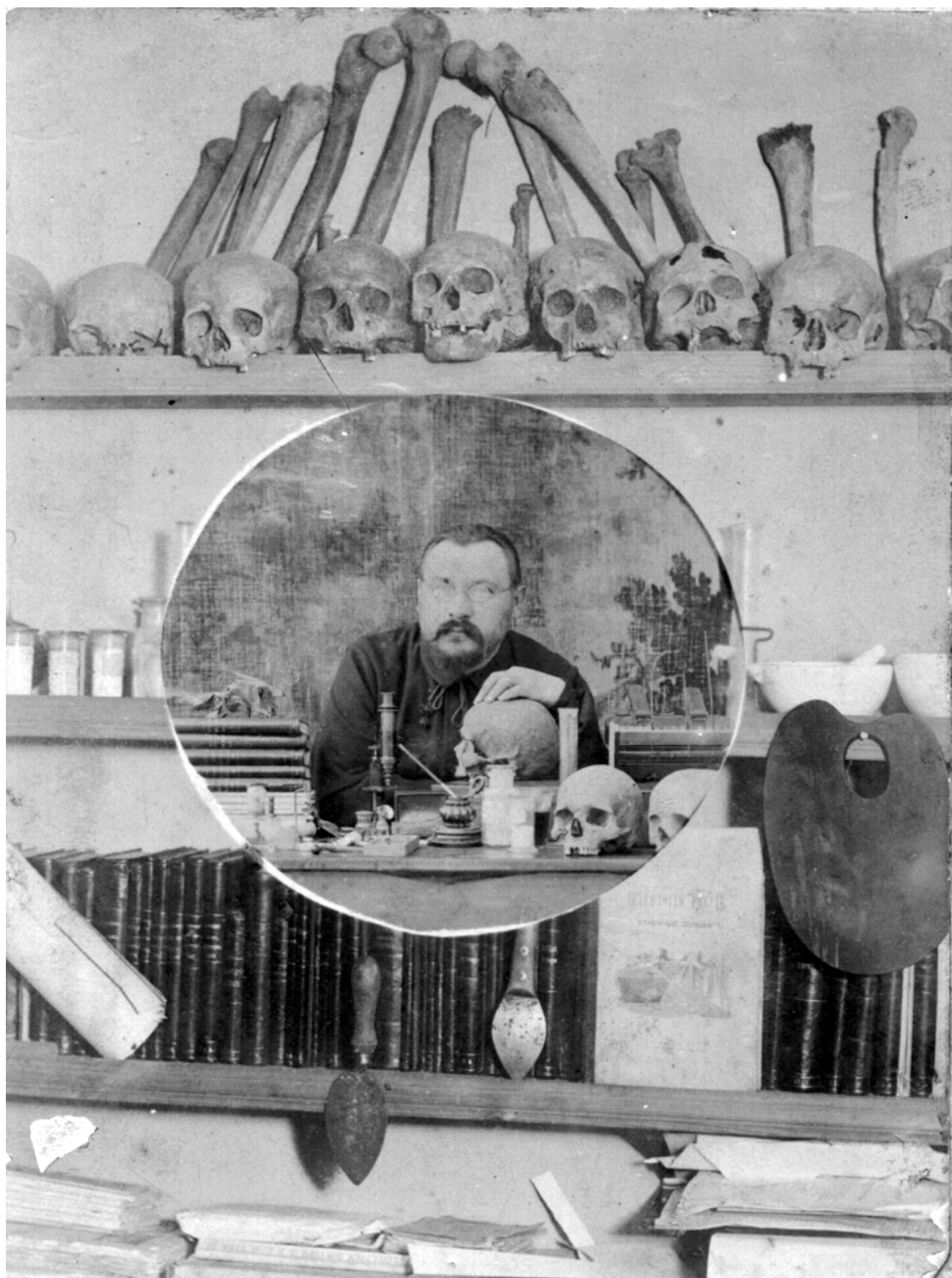
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА XVIII-XIX ВВ.
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК НА УЛ. КРАСНОАРМЕЙСКОЙ, 35А В Г. КОСТРОМЕ В 2019-2020 ГГ.).....125

ФОМИЧЁВА В.В. ПРЕДМЕТЫ ИЗ СТЕКЛА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2019-2020 ГГ. В Г. КОСТРОМЕ НА УЛ. КРАСНОАРМЕЙСКОЙ, 35А И УЛ. ДЕПУТАТСКОЙ, 78.....	137
ЩЕРБАКОВ В.Л. КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ Г. ГАЛИЧА НА БЕРЕГУ СТАРОГО РУСЛА Р. КЕШМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2020 г.....	146

РАЗДЕЛ 3.

ИСТОРИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ В СВЕТЕ ПИСЬМЕННЫХ И УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

ГОРОДИЛИН С.В. «БЫСТЬ ВЕЧЕ НА КОСТРОМЕ»: СОБЫТИЯ 1304 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОМ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ.....	153
КУЗЬМИЧЁВ И.А. ГОРОД УНЖА ПО ПИСЦОВЫМ МАТЕРИАЛАМ XVII В.....	163
ВИНОГРАДОВА С.Г. ТОПОГРАФИЯ УЛИЦ ГОРОДА КОСТРОМЫ ПО ПИСЦОВОЙ КНИГЕ 1628 ГОДА.....	169
ЛУКЬЯНОВИЧ А.А. ЖИТЕЛИ ЯРОСЛАВСКО-КОСТРОМСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПЕТЕРБУРГА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ).....	178
МАЛЬЦЕВА Н.Ю. ВЯТСКАЯ ВОЛОСТЬ КОСТРОМСКОГО УЕЗДА И ЕЕ ЖИТЕЛИ В ДОКУМЕНТАХ РГАДА XVII – XVIII ВВ.....	192
ТИХОМИРОВА Е.Л. ПАМЯТНИКИ ИКОНОПИСИ КОСТРОМЫ XV–XVIII ВЕКОВ ИЗ СОБРАНИЯ РУССКИХ ИКОН ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО.....	199
ЛЕВАШОВА Л.В. СЛУЖИТЕЛИ ЦЕРКВИ ВАРВАРЫ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ГОРОДА ПЛЕСА В 1628-1918 ГГ.....	217
СЕРГАЗИНА К.Т. ВНЕХРАМОВЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ СООБЩЕСТВА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА.....	227
ПАНЧЕНКО Г.В. СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ ИЗ СОБРАНИЯ ПЛЕССКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА.....	234
БУТРИН Е.С. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА ЮРЬЕВЦА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ.....	239
ГОРАК А.Г. ПЕТР ПЕТРОВИЧ СТРЕМОУХОВ В КОСТРОМЕ (31.XII.1912 – 19.I.1915).....	250
ДЕМИРОВА Н.И. КОСТРОМСКОЙ УЧЕНЫЙ В.И. СМИРНОВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ-АРХЕОЛОГИ.....	265
НАГРАДОВ И.С. ДОМ СТАРООБРЯДЦЕВ СКОБЁЛКИНЫХ: ГЕНЕАЛОГИЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЛАДЕЛЬЦЕВ, МУЗЕЕФИКАЦИЯ ЗДАНИЯ.....	272
САМОДЕЛОВА Е.А. О СВАДЕБНОМ ПРИВОРАЖИВАНИИ В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2015-2016 ГГ.).....	289
СПИСОК АВТОРОВ	300
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	302

Н.М. Бекаревич. Кон. XIX - нач. XX в. КМЗ КОК-7880

РАЗДЕЛ 1.

К 160-летию со дня рождения Н. М. БЕКАРЕВИЧА

© Кузнецова В.Н.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ Н.М. БЕКАРЕВИЧА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН¹

КУЗНЕЦОВА В.Н.

Институт истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург

Аннотация: В статье рассматриваются материалы, связанные с деятельностью Костромской губернской учёной архивной комиссии и хранящиеся в научном архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: Костромская губерния, археология, Костромская губернская учёная архивная комиссия, Н.М. Бекаревич, история археологии

MATERIALS OF N.M. BEKAREVICH'S RESEARCH IN THE MANUSCRIPT DEPARTMENT OF THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF THE IIMC RAS

KUZNETSOVA V.N.

Institute of the History of Material Culture, St. Petersburg

Summary: The paper discusses materials related to the activities of the Kostroma Provincial Scientific Archival Commission and stored in the scientific archive of the IIMC RAS in St. Petersburg.

Keywords: Kostroma province, archeology, Kostroma Provincial Scientific Archival Commission, N.M. Bekarevich, history of archeology.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0010 «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1926– 1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)».

Материалы костромских курганов послужили основой для многочисленных исследований, связанных как с археологией Верхнего Поволжья, так и Древней Руси в целом. В Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН хранятся уникальные документы, характеризующие раскопки Костромской губернской ученой архивной комиссии в 1892–1903 гг. и Н.М. Бекаревича в частности. Более ранний период изучения курганных древностей был описан Е.А. Рябининым в первой главе монографии «Костромское Поволжье в эпоху средневековья». Н.М. Бекаревич приступил к раскопкам курганов в 1882 г. (*Рябинин, 1986. С. 11*), на тот момент он работал «по поручению Общества Естествоиспытателей при Казанском Императорском Университете» (*НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 53. Л. 8*).

В рассматриваемом контексте интерес представляют двенадцать архивных дел (*НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 53; 1893. Д. 101; 1894. Д. 51; 1895. Д. 49; 1896. Д. 55; 1896. Д. 223; 1897. Д. 49; 1898. Д. 61; 1899. Д. 74; 1900. Д. 87; 1902. Д. 80; 1903. Д. 35*), к которым в различные годы обращались исследователи, ставшие классиками советской и российской археологии. Среди знаковых работ, посвященных костромским курганам, можно отметить исследования П.Н. Третьякова (1931) и Е.А. Рябина (1986).

КГУАК вела активную переписку с Императорской археологической комиссией (далее – ИАК). В делах содержатся прошения о выдаче открытых листов и сами документы, дающие право проведения раскопок, уведомления об отправке и получении находок обеими сторонами, а также фотографии таблиц с нашатыми на них костромскими древностями (*Рис. 1–3*).

В мае 1892 г. КГУАК был получен открытый лист и проведены раскопки курганов, находящихся в Костромском уезде. Работы проводились И.Д. Преображенским и Н.М. Бекаревичем в июне и августе.

Каждый из этапов исследования сопровождался отношениями, направляемыми в ИАК (*НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 53*): «В следствие отношения от 4 Мая настоящего года за №537 Костромская Губернская ученая архивная Комиссия имеет честь уведомить Археологическую Комиссию, что согласно разрешения ея по поручению Комиссии членами Бекаревичем и Преображенским произведены были раскопки курганов, находящихся в Костромском уезде. Дневник раскопок и доклад Г. Бекаревича, читанный в заседании Комиссии 12 июня сего года при сем прилагаются» (*НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 53. Л. 5*).

В докладе Н.М. Бекаревич отмечал, что для проведения раскопок были наняты местные крестьяне: «При снятии же слоев насыпи, за которыми можно было предполагать нахождение костяка, дальнейшая раскопка уже проводилась лично нами, во избежании порчи вещей и черепов. Выемка земли производилась обыкновенными заступами, около же костяка – садовой лопаточкой или просто руками. Все, что замечалось при исследовании, как-то: величина кургана, форма его, глубина положения скелета, его направление, вещи и проч. Немедленно заносились по мере обнаружения того или другого в дневник, который нами ведется при раскопках» (*НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1892. Д. 53. Л. 5*). В результате были раскопаны 99 курганов в 11 группах (*Алексеев и др., 1997. С. 11*).

Исследования 1892 г. примечательны еще и тем, что в этом году члены КГУАК, обратили внимание и на поселение – Городище, которое на 1892 г. было «распахано под паровое поле»: «Покончив со 2й группой, мы отправились на так называемое «Городище», находящееся в 1 ½ верстах от с. Минскаго... При непродолжительном исследовании, так-как наступила уже ночь, нами было найдено 30 черепков от слабо обожженной глиняной посуды с примечью в глине хряща» (*Ф. 1. 1892. Д. 53. Л. 8*).

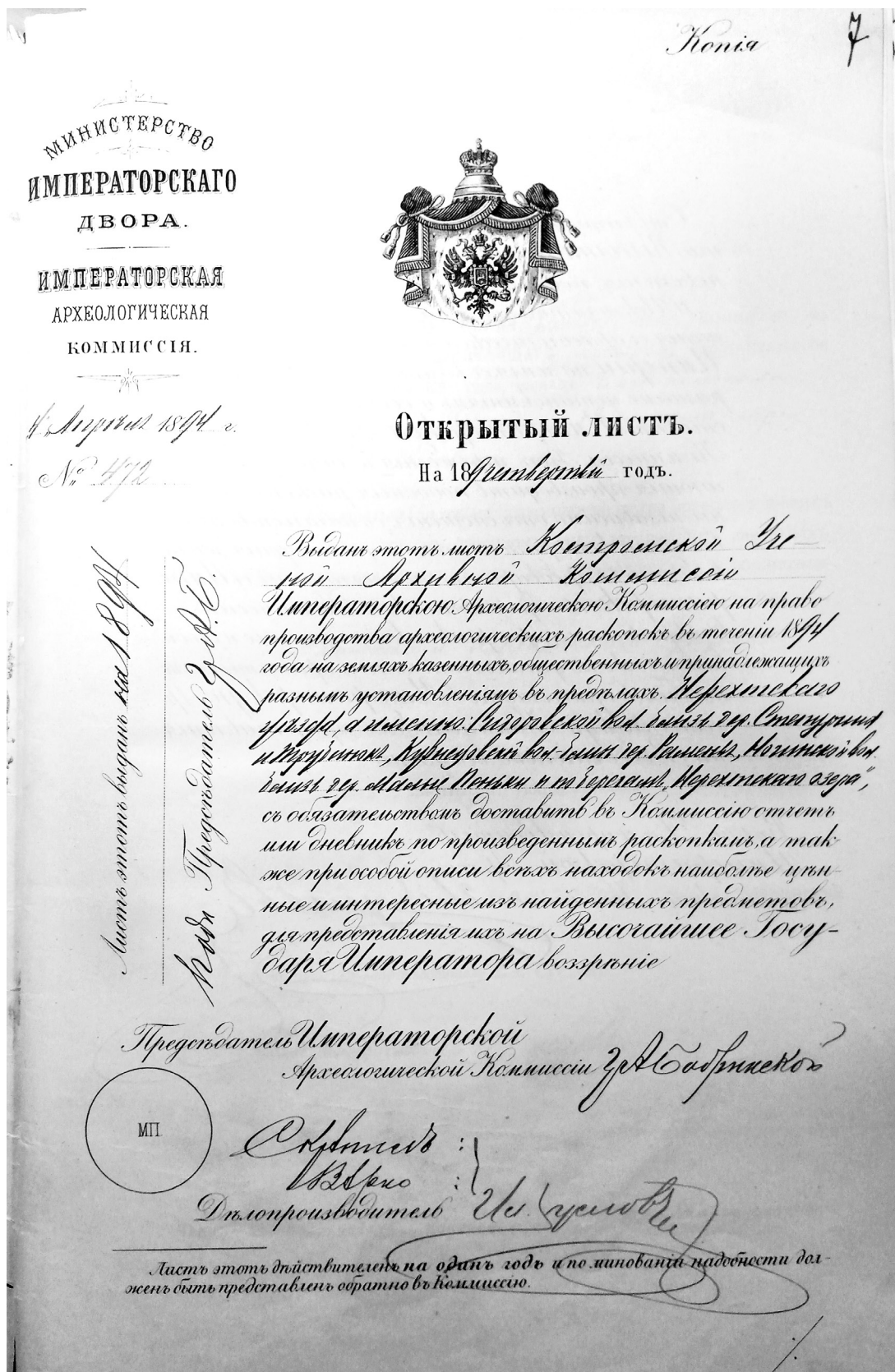

Рис. 1. Открытый лист, выданный КГУАК на проведение раскопок в 1894 г.
(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 7)

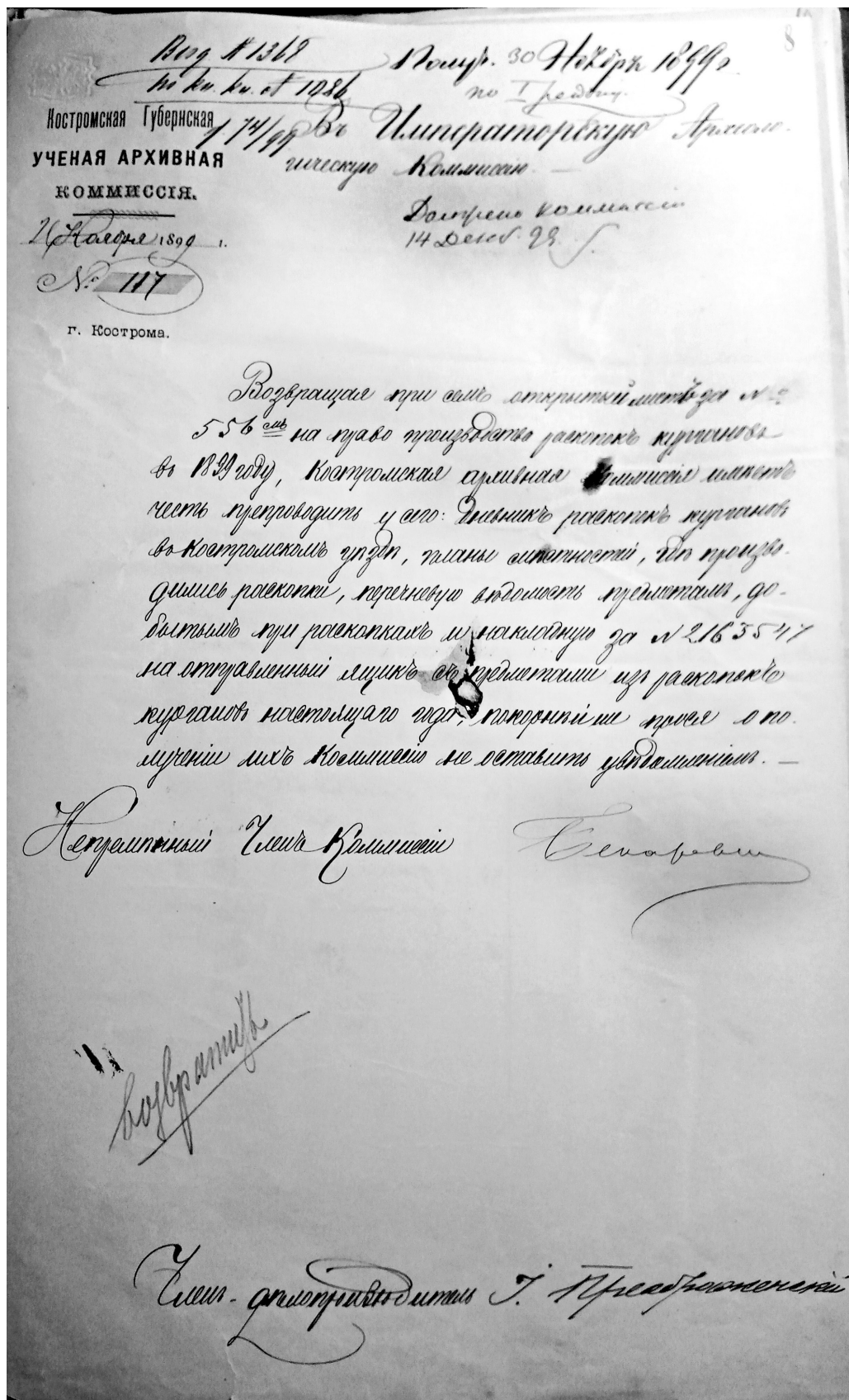

Рис. 2. Отношение КГУАК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1899. Д. 74. Л. 8)

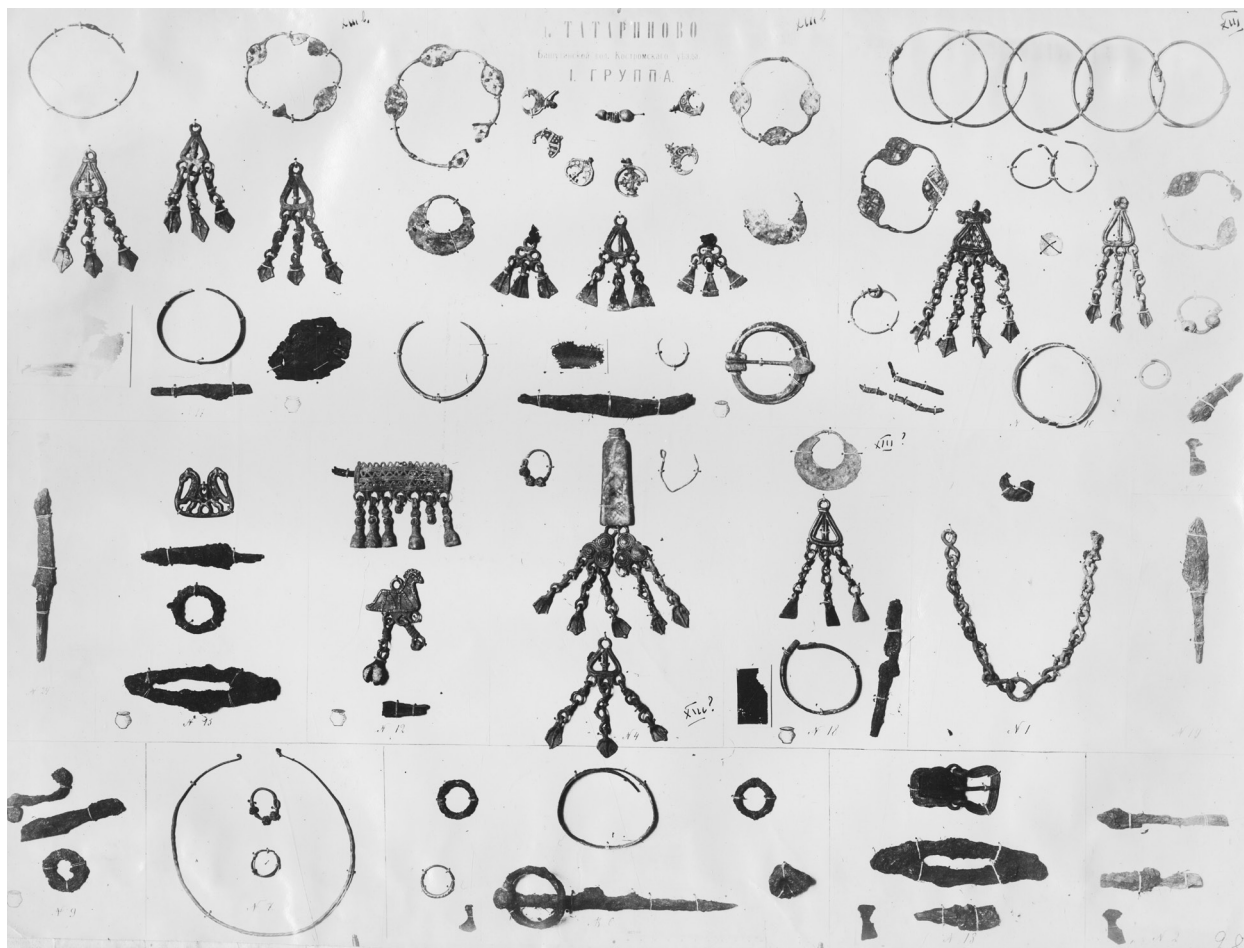

Рис. 3. Таблица находок. Д. Татаринovo, Башутинской вол. Костромского у.,
I группа курганов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 49. Л. 35)

Примечательно стремление членов КГУАК к комплексным исследованиям, Н.М. Бекаревич пишет: «Место это настолько интересное, что требовало бы особого, специального исследования, так оно могло быть, судя по древним черепкам, жилищем «курганных людей» (Ф. 1. 1892. Д. 53. Л. 8).

В 1893 г. КГУАК получила открытые листы на раскопки в Нерехотском, Варнавинском и Костромском уезде.

Однако судя по отчету И.Д. Преображенского, производившего раскопки в этом году, работы велись только на территории Костромского уезда: «Вследствие

отношения от 14 июня сего года за № 811, Костромская Губернская ученая архивная Комиссия имеет честь препроводить при сем в Археологическую Комиссию дневник раскопок курганов, произведенных летом 1893 года членом-делопроизводителем И.Д. Преображенским в Костромском уезде <...> чертеж местности, где раскопаны курганы, а также и найденные при раскопках вещи с описью их» (Ф. 1. Оп. 1. 1893. Д. 101. Д. 8). За полевой сезон 1893 г. были раскопаны 45 курганов в девяти могильниках (Алексеев и др., 1997. С. 11). Н.М. Бекаревич в архивных документах 1893 г. не фигурирует.

В 1894 г. авторами раскопок выступают три члена КГУАК – Н.М. Бекаревич, И.В. Миловидов и И.Д. Преображенский. В этом году были раскопаны 106 курганов в 14 могильниках (*Алексеев и др., 1997. С. 11*).

Отчет, направленный в ИАК по итогам раскопок 1894 г., был подвергнут критике: «Рассмотрев представленный в Императорскую Археологическую Комиссию отчет о произведенных летом 1894 г., с ее разрешения, раскопок в Костромском уезде членами Костромской Ученой Архивной Комиссией, Археологическая Комиссия обратила внимание на то, что отчет этот, в настоящем виде, страдает значительною неполнотою» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 53*).

В качестве претензии отмечалось, что «в конструкции курганных насыпей не выступает с ясностью характер покрытия их камнями и способ укрепления их основания валунами» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 53*). Не устраивало ИАК и отсутствие данных о том, «усыпалось ли песком или золой основание курганов» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 53*), отсутствие информации о «расположение в курганных насыпях углей, черепков, золы», виде гробовищ, степени сохранности костяков, четкого определения положения предметов «особенно в области таза и груди» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 53*). «Гробовища имеют вид деревянных колод или состоят из досок, не может быть уяснено» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 53*).

В ответ на замечания ИАК, касающихся методики раскопок 1894 г., в январе 1895 г. КГУАК направляет письмо, в котором объясняет «неполноту отчета» тем, что «материальные средства для производства раскопок у Костромской архивной Комиссии крайне ограниченные... помимо ведения дневников членам, занимавшимся раскопками, приходилось самим наравне с наемными рабочими рыть

курганные насыпи» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 55*). В ответе содержались также лаконичные ответы на вопросы, поставленные ИАК.

При всех высказанных замечаниях, нельзя не отметить, что доклад о раскопках 1894 г. является наиболее объемным и содержащим всестороннюю интерпретацию материалов. В материалах последующих лет приведены унифицированные дневники, рассылаемые ИАК и заполненные Н.М. Бекаревичем, описи находок, более краткие доклады или выписки из них. В приложенных рукописях акценты делаются на наиболее интересных находках.

Так, например, к числу наиболее интересных находок с точки зрения КГУАК по итогам раскопок 1896 г. были отнесены монеты, раковина каури. Для последней приводится обширная выписка из энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона и дается заключение «Вероятно найденная нами каури попали к Костромским мерянам из Болгар и служили в качестве амулетов» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 55. Л. 15*). Упоминается волосяная кисть в кургане № 13 близ дер. Большое Андрейково, а также приводится выписка из брошюры «Выставка древностей, предлагаемых Императорскою Археологическою Комиссией...» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 55. Л. 16*).

По итогам раскопок 1898 г. «самой ценной археологической находкой» был признан «погребальный горшок с остатками пищи» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1898. Д. 61. Л. 17*). «при тщательной препаровке содержимого горшка мы выделили многие кости скелета щуки и яичные скорлупы. Итак, погребенному мерянину, жившему на берегу рыбной реки Покши, была дана провиция на тот свет из местных произведений, да и яичная скорлупа могла принадлежать яйцами диких уток, обильно водившихся на древней многоводной лесистой Покше» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1898. Д. 61. Л. 18*).

В 1895 – 1899 гг. членами КГУАК был раскопан 721 курган (*Алексеев и др., С. 12*). Дневники раскопок Н.М. Бекаревича, проведенных в обозначенный период, были опубликованы фактически дословно, но без какого-либо иллюстративного материала (*Бекаревич, 1901*). Издание включало и данные о памятниках, изученных в более ранний период, в общей сложности, в нем приведены данные о 818 курганах из 85 групп (*Рябинин, 1986. С. 14*). В 1900 г. КГУК раскопала восемь насыпей в бассейнах Солоницы и Шачи. В последующие годы исследования курганов прерываются, несмотря на поданное прошение в 1903 г. Как отмечал Е.А. Рябинин, «решительным противником этих работ выступил А.А. Спицын» (*Рябинин, 1986. С. 14*), мотивировавший свое отношение крайне низким уровнем раскопок.

Меж тем сам Е.А. Рябинин полагал, что «заключение А.А. Спицына... представляется несколько преувеличенным» (*Там же*). С 1895 г. члены КГУАК использовали унифицированные полевые дневники, рассылаемые ИАК. Безусловно, схематичное обозначение сохранившихся костей и расположения находок нельзя в полной мере считать полноценным чертежом. Однако, они, несомненно, являются ценным дополнением к словесному описанию, равно как и планы могильников, содержащиеся в архивных делах.

Материалы из раскопок осмыслились в контексте имеющейся в конце XIX в. историографической традиции. Собственно в докладе Н.М. Бекаревича приводится библиографический список, в который включены ключевые работы по исследованию финно-угорских древностей. Классическим трудом, на который непременно ссылается автор, является работа А.С. Уварова. В библиографическом списке также значилась работа В.Н. Ястребова.

Сами же материалы курганных могильников были интерпретированы как мерянские. Так, в докладе о раскопках 1896 г. отмечается: «в течение нынешнего лета нами было раскопано 160 курганов близ 16 селений. Курганы эти, как и курганы, исследованные в предшествовавшие годы, должны быть отнесены к «мерянским» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 55. Л. 13*). Хотя и славянское влияние члены КГУАК не отрицали в полной мере: «Питаем надежду, что при благосклонном внимании Костромской Ученой Архивной Комиссии, всегда сочувственно относившейся к нашим работам, у нас рано или поздно явится возможность более подробно ознакомиться с курганами нашего края и выяснить, на сколько помогут обстоятельства, ту эпоху, когда Меря, под влиянием христианства, слилась со славянами» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 33*).

Характер интерпретации представляет своего рода стихийное палеоэтнологическое направление, когда материалы могильников рассматриваются в контексте максимального количества известных автору этнографических аналогий.

Отметим также, что КГУАК обращается в ИАК и за финансовой помощью, мотивируя необходимость столь обширных раскопок фактически охранными целями: «Костромская Губернская Комиссия позволяет себе вновь возбудить убедительнейшее ея ходатайство о пособии, хотя бы на будущий 1895 год, о чем заблаговременно и заявляет, привосокупляя к сему, что крайне скудные ея денежные средства не позволяют ей заняться раскопками во всех намеченных и в печати оглашенных местах, неизбежным последствием чего следует ожидать тайную сторонними лицами раскопку ... предотвратить которую не в силах, не только Губернская Архивная Комиссия, но, по всей вероятности, и сама местная Полиция» (*НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 53*).

«Костромская Губернская Ученая Архивная Комиссия, приступив с 1892 года к раскопкам курганов, имеющих в большом количестве в разных уездах Костромской губернии, по недостаточности своих средств, в период этого времени, включая и нынешний год, производила раскопки курганов, находящихся лишь в ближайших местностях от г. Костромы, преимущественно в Костромском и отчасти в Нерехтском уездах.

В настоящее время курганы в ближайших к Костроме местностях почти все раскопаны и поэтому Комиссия предположила произвести раскопки курганов в будущем году в более отдаленных уездах, на что потребуется большая сумма денег, чем та, которую Комиссия могла уделять из своих средств на ближайшие раскопки, т.е. от 100 до 150 рублей.

С другой стороны оставлять раскопку курганов дальних уездах на произвол невежественных кладоискателей было бы в противоречии с задачами Правительства и покровителей научной разработки Отечественной археологии» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 223. Л. 1).

Вероятно, менее известным, чем раскопки курганов, является обращение Н.М. Бекаревича к материалам каменного века. В рукописном отделе НА ИИМК РАН хранится небольшая рукопись «О следах каменного века в Костромском уезде», в которой автор описывает итоги нескольких «экскурсий», совершенных летом 1897 года «за реку Кострому в Шунгенскую волость, в окрестности деревни Святаго, отстоящей от Ипатиевского монастыря в трех верстах» (НА ИИМК. РО.

Ф. 1 Оп. 1. 1897. Д. 47. Л. 25) (Рис. 4–5). Н.М. Бекаревич отмечает, что удалось найти «большое количество кремневых осколков, оставшихся при производстве стрел, копий и долот... кремневые скребки и масса черепков первобытной глиняной посуды» (Там же), а также приводит любопытные этнографические сведения об отношении местного населения к «громовым стрелам»: «В течение ряда веков эти предметы случайно находились крестьянами, и наши простолюдины, подобно другим народам, слишком ценят «громовые» стрелы, приписывая им целебные свойства. Случится у кого колотье в какой-либо части организма, зовут бабку и она (бабка) врачует заболевшаго, покалывая стрелкою место, где «колет». А то эти стрелки скачивают водой и эту воду употребляют против многих недугов. Вообще надо заметить, что имеющиеся у крестьян «громные» стрелки пользуются большим почетом и известностью и приобрести их для научной коллекции не редко бывает более нежели трудно» (НА ИИМК РО Ф. 1. Оп. 1. 1897. Д. 47. Л. 26).

Материалы костромских курганов по-прежнему являются одним из крупнейших источников для исследований по средневековой археологии Верхнего Поволжья. Несмотря на фундаментальные работы, посвященные истории региона, они, по сути, не были полноценно опубликованы. Документы, хранящиеся в Рукописном отделе НА ИИМК РАН, значимы для продолжения изучения костромских курганов, и для осмысления развития финно-угорской и древнерусской археологии в конце XIX – начале XX в.

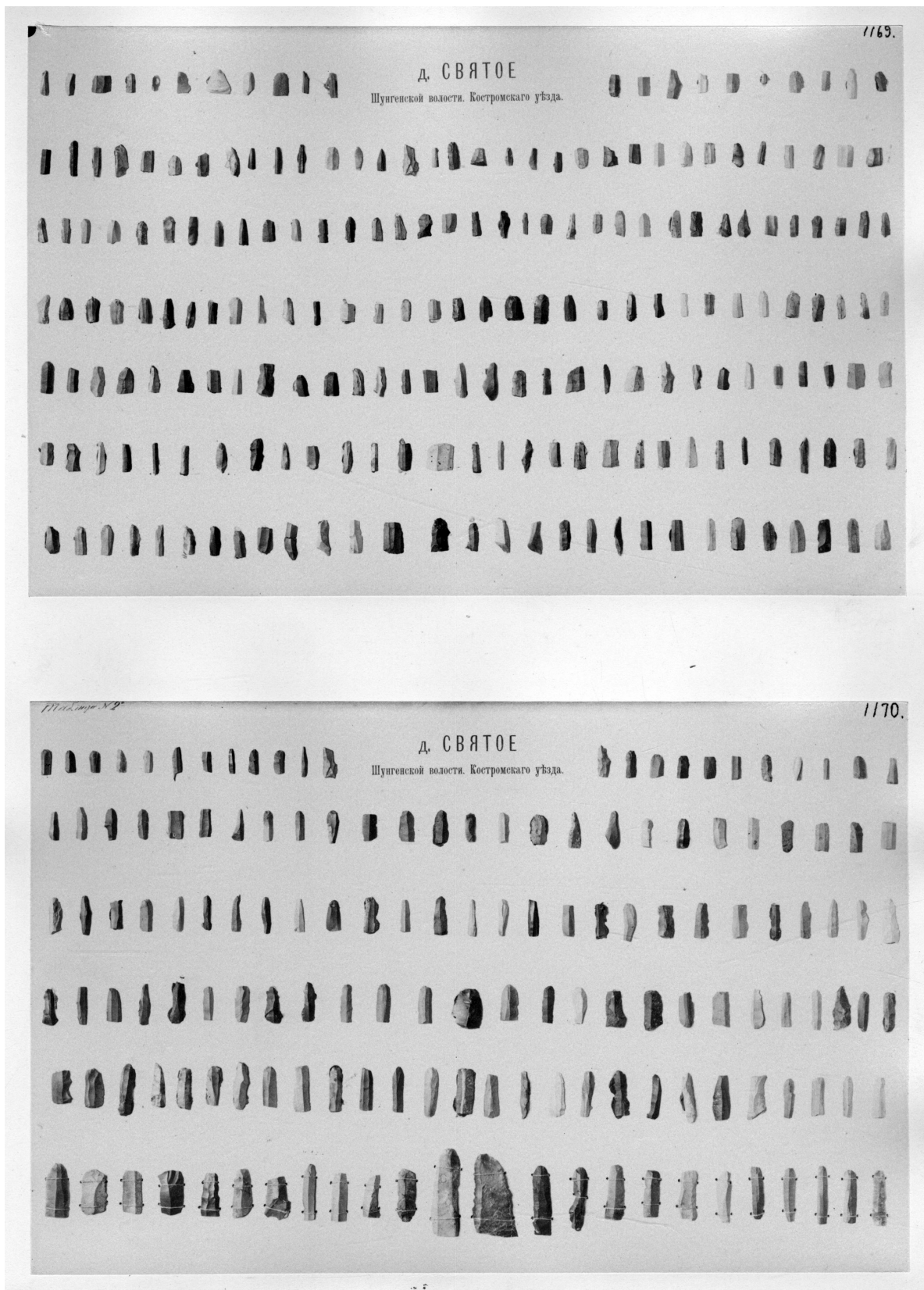

Рис. 4. Таблицы находок. Д. Святое Шунгенской вол. Костромского у.
(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1897. Д. 49. Л. 13)

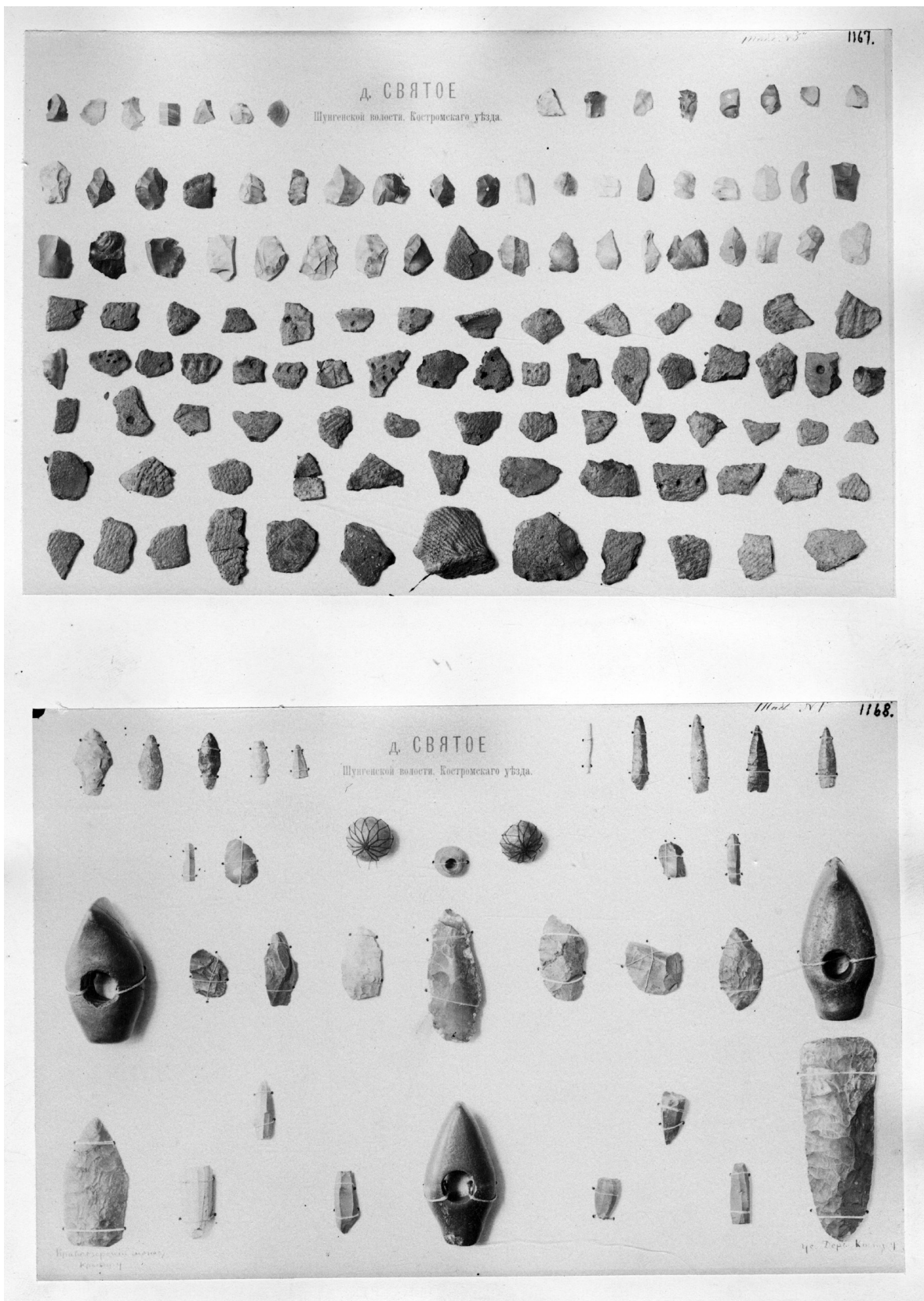

Рис. 5. Таблицы находок. Д. Святое Шунгенской вол. Костромского у.
(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1897. Д. 49. Л. 14)

Список источников и литературы:

1. Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Археология Костромского края. Кострома: Издательско-полиграфическое предприятие «Кострома», 1997. – 276 с.
2. Бекаревич Н.М. Дневники раскопок курганов, произведенных Членами Комиссии в 1895–1899 гг., под руководством Неприменного Члена Комиссии Н.М. Бекаревича // Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромскою губернской архивной комиссией. Вып. 5 / Под ред. Чл. КГУАК В.А. Соколова. Кострома: Типо-литография А. Азерского. Русина ул., д. Жукова, 1901. С. 303–462.
3. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 53.
4. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1893. Д. 101
5. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51
6. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 49
7. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 223
8. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 55
9. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1897. Д. 49
10. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1898. Д. 61
11. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1899. Д. 74
12. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 87
13. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 80
14. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1903. Д. 35
15. Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Ленинград : Наука, 1986. – 160 с.
16. Третьяков П.Н. Костромские курганы. ИГАИМК; Т. 10. Вып. 6–7. – Ленинград: ОГИЗ (тип. им. Ив. Федорова), 1931. – 38 с.

РАЗДЕЛ 1.

К 160-летию со дня рождения Н. М. БЕКАРЕВИЧА

© Сизинцева Л.И.

Н.М. БЕКАРЕВИЧ В КОСТРОМЕ в посл. четв. XIX – нач. XX в.

СИЗИНЦЕВА Л.И.

*Костромское областное отделение
Русского географического общества, Кострома*

Аннотация: В статье рассматривается контекст, в котором разворачивалась исследовательская, краеведческая и музейная деятельность Н.М. Бекаревича в Костроме.

Ключевые слова: Костромская губерния, земство, Костромская губернская учёная архивная комиссия, Костромское общество любителей естествознания.

N.M. BEKAREVICH IN KOSTROMA in the last quarter of the XIX – beginning of the XX century

SIZINTSEVA L.I.

*Kostroma Regional Branch
Russian Geographical Society, Kostroma*

Summary: The article examines the research, local history and museum activities of N.M. Bekarevich in Kostroma.

Keywords: Kostroma province, zemstvo, Kostroma Provincial Scientific Archival Commission, Kostroma Society of Lovers of Natural Science

---

Будущий биограф Николая Михайловича Бекаревича (прежде фамилия не склонялась, но жизнь языка меняет правила) непременно оценит изыскания П.П. Резепина. Исследуя в 2007 г. историю предшественников Костромского научного общества, он сделал уже почти всё: определил крайние даты, основные вехи биографии, библиография, архивные ссылки (*Резепин, 2007*). Несколько позже, в 2015 г., уже совместно с О.В. Гороховой, он дополнил информацию (*Костромские инскрипты..., 2015, С. 24-26*).

Если обобщить собранную авторами информацию, то биография одного из первых костромских археологов выглядит следующим образом.

Николай Михайлович Бекаревич – ветеринарный врач, археолог и коллекционер, родился 08.05.1861 в Санкт-Петербурге в семье доктора медицины (13.05.1867) Михаила Григорьевича Бекаревича (1833-30.08.1904) и некоей Анны Федоровны (1836-29.07.1896).

Отец происходил из духовенства, родился в Могилевской губернии. До 1854 г. воспитывался в могилевской семинарии, после чего поступил в медико-хирургическую академию, курс которой окончил в 1859 г. Степень доктора медицины получил в Петербурге в 1867 г. в Медико-хирургической академии (*Библиографический указатель..., 2017, С.11*), до 1880 г. был военным врачом.

В семье был ещё один сын, Василий (1859 – после 1916). Оба брата вместе в августе 1871 сдали экзамены и поступили в Костромскую гимназию, но отец в августе 1874 г. написал прошение об их отчислении (*ГАКО. Ф. 429. Б/ш. Д.45*). Судьба старшего брата после этого теряется до 1880 г., когда он поступает сначала помощником учителя, а затем с 1 января 1881 вторым учителем костромского городского III Александровского приходского училища. Возможно, это было связано в том, что он был рожден до брака

и дворянство получил только в 1900 г. (*ГАКО. Ф. 121. Оп.1. Д.8370*).

Младшего брата, Николая, ждала иная стезя. Отец определил его в только что открытое реальное училище, которое он и закончил в 1877 г. Потом был Казанский ветеринарный институт, который он закончил в 1882 г. С 1880 г. стал членом-сотрудником Общества естествоиспытателей при Казанском университете и принимал участие в археологических раскопках вместе с С. Дмитриевым (*ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 47. Л. 64 об.*).

Какое-то время Николай Бекаревич оставался в Казани, во всяком случае, «Материалы к флоре Костромской губернии» были опубликованы в 1882 г. именно там (Бекаревич, 1882).

Он писал: «Занимаясь несколько лет ботаникованием окрестностей г. Костромы, а также юго-западной части Костр[омского] уезда, я успел собрать 483 вида явно брачных растений» (*Бекаревич, 1883. С.4*), при этом оправдываясь за «крайне малый район моих исследований (до 800 квадратных верст)». Так что можно предположить, что всё это время он жил между Казанью и Костромой.

Вероятно, в 1880-х гг. Н.М. Бекаревич уже практиковал в Костроме как ветеринарный врач, хотя данные о его службе в этом качестве в Костромском губернском земстве, обнаруженные П.П. Резепиным, относятся к августу 1897 г. С 1903 года и до своей трагической болезни он служил там же в качестве инспектора. И. Д. Преображенский в некрологе Н.М. Бекаревичу отмечал его самоотверженное и бескорыстное служение профессии. Известно, что Николай Михайлович выступил в качестве историка костромской ветеринарии (*Бекаревич, 1899*).

Тогда же, в 1880-х гг. Николай Михайлович Бекаревич с головой погрузился в общественную деятельность. В 1887 г. он стал членом Общества костромских врачей, членом которого состоял и Михаил

Григорьевич Бекаревич. Общество просуществовало с 1879 г. до трагических событий 1918 г. В 1890-1904 гг. Николай Михайлович участвовал во всех съездах земских врачей Костромских губернии.

К 1890-м годам относятся достоверные сведения о попытках возродить музей костромского земства. В 1894 г. Н.М. Бекаревич пожертвовал ему энтомологическую коллекцию, а в 1895 г. возглавил музей после нескольких лет запустения (*Исторический очерк...*, 1899). Именно Н.М. Бекаревич разработал программу и собрал гербарий полезных и вредных для сельского хозяйства дикорастущих растений. Но после его ухода в конце века, когда музей возглавил ветеринарный врач Орлов, это учреждение снова пришло в запустение. Только с появлением в 1899 г. Костромского кружка любителей естествознания (8 октября был утвержден устав, 1 ноября состоялось учредительное, а 6 декабря – общее собрание) музей частично был передан новому сообществу. Н.М. Бекаревич стал действительным членом, а затем вошёл в правление общества.

Ещё одной страстью ветеринарного врача стала археология, – тогда наука о древних людях считалась частью естественных наук. В марте 1891 г. Н.М. Бекаревич стал действительным, а в июне 1898 г., после смерти И.В. Миловидова – непременным членом Костромской губернской ученой архивной комиссии, членом её совета (*ГАКО. Ф. 179. Оп.2. Д.2, 23, 43*). В 1901 г. он был избран членом-сотрудником Императорского археологического института в Санкт-Петербурге. Участвовал во всероссийских (1890-1902) и областных (1901, 1903) Археологических съездах, делал на них доклады, а потом публиковал в костромских изданиях подробные отчёты. Он готовился к выступлению на очередном III Областном археологическом съезде во Владимире, но вместо доклада Н.М. Бекаревича там прозвучала речь П.А. Илинского, посвященная преждевременной кончине Николая Михайловича.

Ветеринарный врач, археолог, коллекционер, общественный деятель Н.М. Бекаревич умер в Костроме 11 декабря 1905 г. и был похоронен на Федоровском кладбище.

Список источников и литературы:

1. Бекаревич Н.М. Виды с. Домнина и его окрестностей в бывшей вотчине государыни, великой старицы, инокини Марфы Ивановны в мире Ксении Ивановны Романовой // Областное государственное бюджетное учреждение культуры «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». – КМЗ КОК-8093. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id> . (дата обращения 12.09.2021)
2. Бекаревич Н.М. Материалы к флоре Костромской губернии. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1883. – 62 с. (Труды Общества естествоиспытателей при Имп. Казанском ун-те. – Т. XII. – Вып. 3).
3. Бекаревич Н.М. Предварительный отчет о исследованиях древних кладбищ в Костромской губернии, произведенных летом 1882 г. членами-сотрудниками Общества естествоиспытателей при Казанском университете Н.М. Бекаревичем и С.Е. Дмитриевым / Н.М. Бекаревич, С.Е. Дмитриев // Приложение к Протоколам заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. – Казань, 1882. – № 66; Отд. отт. – Казань, 1883.

4. Бекаревич Михаил Григорьевич // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус.ист. о-ва А. А. Половцова. - Санкт-Петербург :Имп. Рус.ист. о-во, 1896-1913. / Т. 2. Алексинский - Бестужев-Рюмин. - 1900. - [2], 796 с.– URL:<https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-2/888> (дата обращения 12.05.2020)
5. Бекаревич Н.М. Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд / Николай Бекаревич. – Тверь : тип. Губернского правления, 1905. – 52 с.
6. Бекаревич Н.М. О каменном веке в Костромской губернии// Труды Ярославского областного съезда (Съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). – Москва, 1902 ; Отд. отд. – Москва, 1902.
7. Бекаревич Н.М. О некоторых городищах в Костромской губернии // Труды Ярославского областного съезда (Съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). – Москва, 1902. Отд. II. – С. 125–129; Отд. отд. – Москва, 1902.
8. Бекаревич Н.М. Обзор костромской губернской земской ветеринарии за 25 летия существования/ Николай Бекаревич. – Кострома : губернская тип., 1899. – 270+IV с.+[15 диаграмм].
9. Библиографический указатель диссертаций библиотеки Кронштадтского Военно-морского госпиталя / науч. ред. проф. Е.А. Никитин. – Кронштадт :б.и., 2017. –288 с.
10. ГАКО. Ф. 121. Оп.1. Д.8370.
11. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д.47.
12. ГАКО. Ф. 179. Оп.2. Д.2.
13. ГАКО. Ф. 179. Оп.2. Д.23.
14. ГАКО. Ф. 179. Оп.2. Д.43.
15. ГАКО. Ф. 429. Б/ш. Д.45.
16. Исторический очерк губернского земского музея // Костромской листок. – 1899. – 5 нояб.
17. Костромские инскрипты XVIII-XX вв. : аннотированный каталог / авт.-сост. О.В. Горохова, П.П. Резепин. – Кострома: ДиАр, 2015. – 328 с.: 124 илл. . – ISBN 978-5-93645-053-2.
18. Один из почитателей И. П. [Преображенский И.Д.] Вместо венка Н.М. Бекаревичу // Костромские губернские ведомости. – 1905. – 12 дек.
19. Резепин П.П. ККЛЕ + КОЛЕ = КНОИМК // Губернский дом (Кострома). –2007. –№ 6 (81). – С. 17–20.
20. Указатель изданий Общества естествоиспытателей при Императорской Казанском университете. – Казань: типо-лит. Императорского Казанского университета, 1894. – 82 с.

РАЗДЕЛ 1.

К 160-летию со дня рождения
Н. М. БЕКАРЕВИЧА

ДОКУМЕНТЫ И ФОТОГРАФИИ ИЗ СОБРАНИЯ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.М. БЕКАРЕВИЧА

ПОДГОТОВКА К ПУБЛИКАЦИИ

КУЧУМОВОЙ И.Ю.

*Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник, Кострома*

Аннотация. Публикуются фотографии и документы о жизни и деятельности члена Костромской губернской архивной комиссии Н.М. Бекаревича. Фотографии выполнены Н.М. Бекаревичем в 1890-е годы. Документы рассказывают об археологических раскопках Н.М. Бекаревича. Публикуются письма Н.М. Бекаревича председателю комиссии Н.Н. Селифонтову. В письмах содержится информация о здании музея Костромской губернской ученой архивной комиссии.

Ключевые слова: Н.М. Бекаревич, Н.Н. Селифонтов, Костромская Губернская учёная архивная комиссия.

DOCUMENTS AND PHOTOS ABOUT N.M.BEKAREVICH FROM THE COLLECTION OF THE KOSTROMA MUSEUM-RESERVE ABOUT N.M. BEKAREVICH

KUCHUMOVA I.YU.

Kostroma State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Kostroma

Summary: Photos and documents about the life and work of N.M.Bekarevich are published. Photos were taken by N.M. Bekarevich in the 1890s. The documents tell about the archaeological excavations by N.M. Bekarevich. The letters of N.M. Bekarevich to the chairman of the commission N.N. Selifontov are published. The letters contain information about the museum building of the Kostroma Provincial Scientific Archive Commission.

Key words: N.M. Bekarevich, N.N. Selifontov, Kostroma, Provincial Scientific Archive Commission.

ДЕЛО №103
КОСТРОМСКО-ЯРОСЛАВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ИМУЩЕСТВ ОБ ОХРАНЕ КУРГАНОВ НА ДАЧЕ «ЛЫСАЯ ГОРА»
КМЗ КОК-43322

Инв. № 512¹
Круглая печать²

Костромско-Ярославского Управления государственными имуществами.

По делопроизводству /

По архиву

№. 103³

№. 45268⁴

Дело
1895⁵ года.
Объ охране въ даче «Лысая гора» Курчановъ,
имеющих историческое значеніе

II.⁶

Началось 24 июля⁷ 1895⁸ г.

Кончилось 20 август⁹ 1898¹⁰ г.

на шести листахъ.

Ф. № 44-й.

№	Наименованіе бумагъ.	На которыхъ листахъ
1.	Костромского Лесничаго № 658 съ приложением	1-2
2.	Костромской архивной комисіи № 42 отпускъ	3-5
3.	Резолюція За Делопроизводителя ¹¹	6 <i>Ершовъ</i> ¹²

1 Написано от руки синими чернилами

2 Круглая печать черного цвета. Костромское научное общество. Этнологическая станция.

3 Написано от руки черными чернилами

4 Написано от руки черными чернилами

5 Цифра 5 написана черными чернилам

6 Написано от руки красным карандашом

7 Дата написана от руки черными чернилами

8 Цифра 5 написана черными чернилами

9 Дата написана от руки черными чернилами

10 Цифра 8 написана черными чернилам

11 Таблица выполнена типографским способом, информация внесена от руки черными чернилами

12 *Роспись* черными чернилами Ершов

24 июля. 95¹³

8566/1262¹⁴
М.Г.И.
Корпус лесничихъ
Лесничаго Костромскаго
лесничества.¹⁵
21 Июля 1895 г.
№ 658¹⁶

1¹⁷
Въ Костромско-Ярославское Управление
Государственными Имуществами.

Имею честь представить при семъ на распоряженіе Управленіи Государственными Имущезвами подлинный рапортъ объездчика №5 объезда Карпова отъ 17 Іюня 1895 г. по делу о раскопки бугръев съ казенной даче подъ названіемъ «Лысая Гора» въ обходе №28 Нерехтскаго уезда¹⁸ и просить о распоряженіи своемъ по сему делу не оставить меня своимъ уведомленіемъ.

Лесничий *Роспись*¹⁹
Н.д. 103/95

396

22 Іюня 1895 г. 2.
Его высоко благородію Господину
Лесничему Костромскаго Лесничества
отъ объездчика №5-го Карпова

Рапортъ

Имею Честь донести вашему Высоко благородію Отъ 17 Іюня Сего Года Производились раскопки бугровъ въ №28мъ на обходе Курилова въ пустоше Лысая Гора раскопку производили съ высочающего повеленія и въ присутствіе Его Высоко превосходительстве Генерале [нрзб] Силифонтове раскопали 16 бугровъ а во время раскопки Лесу паруби осиновоу породы 2хъ 5 деревъ и 3хъ 3 дерева и всего 8 деревъ сырорастущихъ кроме орешника прутьевъ объездчикъ №5 объезда Карповъ.

Іюнь 17 дня
1895 года
№13128/1184²⁰

---

13 Штамп напечатан синими чернилами

14 Номер написан в левом верхнем углу черными чернилами

15 Бланк напечатан типографским способом

16 Дата и номер написаны от руки черными чернилами

17 Номер страницы написан черными чернилами

18 Текст подчеркнут красным карандашом, слева на поле надпись красным карандашом «*Есть-ли у насъ сообщеніе о разрешеніи раскопок бугровъ?*»

19 *Роспись* нрзб

20 Написано от руки в верхнем левом углу черными чернилами

18 августа 1894г.

Костромская губернская
ученая архивная комиссия
18 августа 1894 года.
№42
г. Кострома.²¹

**Господину Управляющему Костромско-
Ярославскимъ Управленіемъ Государственными
Имуществами.**

*22 Членъ Костромской Губернской ученой архивной Коммисіи Бекаревичъ проездомъ чрезъ село Никульское, Сарохтской волости, Нерехтскаго уезда узналъ отъ местныхъ жителей, что близь означеннаго села въ казенной даче подъ названіемъ «Лысяя Гора» находятся ямы. При осмотре этого места найдено около 30 кургановъ, изъ нихъ 1 курганъ былъ изслѣдованъ для опредѣленія и доклада Коммисіи. Въ разрытомъ кургане оказался скелетъ человека и бронзовыя вещи: браслетъ, подвеска и 5 весочныхъ колецъ и 1 железный ножъ. Означенное курганное кладбище по этимъ находкамъ должно относиться къ вымершему финскому племени Мери и представляетъ большой интересъ для науки. Ввиду сего Костромская Губернская ученая архивная Коммисія имеетъ честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать сделать зависящее распоряженіе, чтобы означенное курганное кладбище не было разрываемо какими либо частными лицами, такъ какъ о вышеизложенномъ будетъ донесено Императорской Археологической Коммисіи на предметъ разрешенія производства раскопокъ на «Лысой горе».

Непременные Членъ Коммисіи *М. Миловидовъ*

Членъ делопроизводитель *И. Преображенский*

Д.1.
20 августа 94 г.
11457

Г. Лисничему Костромского лисничества.

Костромская Губернская ученая архивная Коммисія уведомила Управление, что въ казенной даче под названіемъ «Лысяя Гора» Нерехтскаго уезда находится курганное кладбище (около 30 кургановъ) представляющіе по исследованію Члена Коммисіи г. Бекаревича большой интересъ для науки.

Вследствіе этого Управление Г.И. поручаетъ Вамъ сделать распоряженіе чтобы лисная стража имела строгое наблюденіе за целостію оказавшагося кладбища и ни въ какомъ случае не допускала бы частныхъ лицъ разрывать курганы.

19/VIII 94 Роспись
№11458

---

21 Бланкъ выполненъ типографскимъ способомъ. Дата и № документа написаны отъ руки черными чернилами

22 Слева на поле надпись синими чернилами: «1/ предписатьъ лисничему о д. ... Кургановъ и обе .. сообщить Комскихъ..»

**Въ Костромскую Губернскую ученую архивную Коммиссію.
Вследствие отношенія отъ 18 сего августа за №42, Управление Г.И.
имеет честь уведомить Коммиссію,
что одновременно съ симъ поручено Лесничему**

Н. .../94²³

Костромского лесничества иметь наблюдение за целостію курганного кладбища, оказавшегося въ казенной даче подъ названіемъ «Лысая Гора» и чтобы лесная стража охраняющая названную дачу не допускала частныхъ лицъ разрывать имеющіеся курганы. Въ виду этого если Коммиссія найдетъ нужнымъ производить раскопку кургановъ, то предворительно отправки лицъ на место работъ необходимо взять отъ Лесничего Костромского Лесничества Навв. Сов. Малышенко, проживающего въ Костроме, приказъ лесной стражи о допущеніи на раскопки кургановъ.

18 19/VIII 94 Роспись²⁴

Д.1

Г. Лесничему Костромскаго л-ва.

18 августа 1895 г.
№8841
На №658-1895г.²⁵

У-ніе Г.И. Поручаетъ Вамъ поваленный при раскопке бугровъ даче «Лысая гора» лесъ в количестве 8 деревъ продать хозяйственнымъ образомъ ***²⁶ не ниже таксовой стоимости его и отпускъ этотъ показать по отчетности объ отпущенномъ лесномъ матеріале.

10 3/95 18 7/VIII 95 Роспись²⁷

Завести новое дело:
объ охране кургановъ
въ даче «Лысая гора»
Курчанова, имеющее
историческое значеніе!²⁸

---

23 Надпись в левом нижнем углу страницы

24 Надпись выполнена поверх основного текста в середине листа синими чернилами

25 Написано на левом поле

26 Два слова перечеркнуты, не читается

27 Дата роспись написаны синими чернилами, основной текст черными чернилами

28 Написано в левом нижнем углу графитовым карандашом

ОПИСЬ БУМАГАМ.²⁹

№	Наименование бумагъ.	На которыхъ листахъ
	Итого въ деле шесть листовъ За Делопроизводителя Ф№84	<i>Ершовъ</i> ³⁰

Делопроизводство³¹

20 августа 1898 года

Резолюція: Настоящее дело 1895³² года подъ № 103³³, какъ не требующее дальнейшаго производства, зачестъ конченнымъ и сдать въ архивъ для хранения по 2³⁴ ряду.

189__г.

И.о. Управляющего³⁵   Роспись

Делопроизводитель   Роспись

Ф. № 588

29 Таблица выполнена типографским способом, информация внесена от руки черными чернилами

30 *Роспись* черными чернилами

31 Бланк выполнен типографским способом, дата вписана от руки

32 Вписано в типографский бланк от руки черными чернилами

33 Вписано в типографский бланк от руки черными чернилами

34 Вписано в типографский бланк от руки черными чернилами

35 Слово «Управляющий» исправлено дважды. 1) Приписано «За Управляющего», 2) «За Управляющего» исправлено от руки черными чернилами на «И.о Управляющего»

**СООБЩЕНИЕ Ф.Д. НЕФЕДОВА О ДРЕВНОСТЯХ, ДОБЫТЫХ
РАСКОПКАМИ Н.М. БЕКАРЕВИЧА И А.П. ПОЛИВАНОВА
В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
КМЗ КОК-49350**

Инв. № 557¹
Круглая печать²

Ф.Д. Нефедов – К протоколу заседания Костромской Архивной ученой Комиссии 29 авг. 1895 г. [Соображения Ф.Д. Нефедова о древностях, добытых раскопками Н.М. Бекаревича и А.П. Поливанова. Ценно указания на «жилые ямы» найденные Нефедовым у г. Плеса на земле купцов Ф.А. и И.Ф. Фомичевых].

3 л. в ½ доли

№371³

КМЗ КОК⁴
КОК 49350

Можно напечатать приложением к Журналу Комиссии от 29 августа 1895 г.

Жур 25 авг. 1895 г.⁵

Н. Селифонтов⁶ 18 окт. 1895 г.

Круглая печать⁷

(Къ протоколу заседания Костромской архивн. ком. ученой ком. 29 августа).

Выразить благодарность Собранию и Г. Председателю за избрание в члены Комиссии, Ф.Д. Нефедовъ сделалъ следующие замечанія:⁸ «Въ настоящемъ заседании заслушаны два реферата по доисторической⁹ археологии: Н.М. Бекаревичъ познакомилъ собраніе съ результатами раскопокъ «мерянскихъ» кургановъ, произведенныхъ имъ совместно другими членами членами комисіи въ Костромскомъ уезде, А.П. Поливановъ – съ раскопками городища близъ села Богородскаго в Варнавинскомъ уезде. Коллекціи вещей, добытыхъ изъ кургановъ и выставленныхъ въ зале¹⁰ собранія, отличаются полнотою и разнообразіемъ, констатируютъ факты существованія въ Костромскомъ приволжьи мерянь и наглядно восстанавливаютъ ихъ бытъ и культуру, а коллекціи Г. Поливанова бросаютъ лучъ света болѣе еще отдаленную эпоху первоначальнаго населенія края.

---

1 Написано от руки красными чернилами

2 Круглая печать черного цвета. Костромское научное общество. Этнологическая станция.

3 Написано от руки в правом нижнем углу листа

4 Штамп синего цвета

5 Дописано от руки наискосок

6 Роспись

7 Круглая печать синего цвета. Костромское научное общество. Этнологическая станция.

8 Предложение зачеркнуто четырьмя косыми линиями графитовым карандашом

9 В слове «доисторической» приставка «до» дописана сверху со знаком вставки

10 Слово «зале» дописана сверху со знаком вставки над зачеркнутым [нрзб] словом

Неподлежит никакому сомнению, что обследованные курганы – мерянские. Так, громадное большинство курганных предметов совершенно одинаковы¹¹ сь предметами, находящимися в богатых коллекциях графа А.С. Уварова: ~~который~~, какъ известно, что онъ¹² первый исследовалъ памятники мери въ пределах нашихъ центральныхъ губерний: мы видимъ тамъ теже¹³ медныя и бронзовыя привески, височныя кольца, серьги и шейныя¹⁴ украшения ~~шеи~~, теже браслеты, перстни и прочее, и равно железныя ножички, топоры и другія орудія. Въ коллекцияхъ членовъ архивной комиссіи въ числе многихъ интересныхъ вещей, особенно любопытна одна серебряная, круглая и съ выпуклостію фибула, на которой изображенъ знакъ, похожий на букву Х. Это – свастика¹⁵, индейскій символъ добыванія огня посредствомъ тренія двухъ деревь, положенныхъ крестообразно одно на другое и съ загнутыми концами. Изображеніе свастики¹⁶ встречалось также и на ручныхъ кольцахъ въ курганахъ древней¹⁷ мещеры¹⁸ – народа современнаго мира и обитавшаго по реке Оке и ея притокам¹⁹ Далее мы видимъ идутъ²⁰ железныя серпы и косы, свидетельствующія о томъ, что ранніе насельники края были знакомы съ земледелиемъ, следовательно достигшими въ курганный періодъ известной степени культуры²¹, а некоторые предметы украшенія, какъ, напримеръ янтарныя и сердоликовыя бусы указываютъ на сношенія мерянь сь другими соседними народами²²

¹²³До настоящаго времени не было известно самыхъ жилищъ²⁴ мерянь: мы знаемъ ихъ могилы, городища, городки и места игрищъ, но не встречали²⁵ (жилыхъ помещеній. Теперь²⁶, если не ошибаюсь, мы напали на следы.²⁷

Занимаясь антропологическими изысканіями въ Костромской губернии, я на дняхъ сделалъ разведки²⁸ близъ Плеса, на земле купцовъ Ф.А. и И.Ф. Фомичевыхъ, и нашель, среди курганныхъ группъ, большое число ямъ, заинтересовавшихъ меня, какъ своею формою, такъ и расположеніемъ: все они представляютъ фигуру удлиненныхъ квадратовъ, заросли по сторонамъ травой и встречаются по одной, по две и по пяти. / в последнемъ случае зона подле другой, отделяясь незначительными промежутками /. При раскопкахъ двухъ такихъ ямъ, по вынутіи обсыпавшейся земли, оказались угли, глиняныя черепки горшковъ и признаки очаговъ, или каменокъ. Очевидно эти ямы служили жилищами мерянь, такъ какъ въ скрытыхъ тутъ же курганахъ при покойникахъ²⁹ найдены украшения и разныя вещи мерянскаго типа.

11 В слове «одинаковы» окончание «ы» дописано сверху со знаком вставки

12 Слова «что онъ» дописаны сверху со знаком вставки

13 Слово «теже» дописано сверху

14 Слово «шейныя» дописано сверху со знаком вставки

15 В слове «свастика» исправлена буква «е» на «и»

16 В слове «свастика» исправлена последняя буква «а» на «и»

17 В слове «древнего» исправлено окончание на «древней»

18 Слово «мещеры» дописано сверху со знаком вставки

19 В слове «притокахъ» исправлено окончание на «притокамъ»

20 Слово «идутъ» дописано сверху над словами «мы видимъ»

21 В слове «культуры» окончание «ры» дописано сверху со знаком вставки

22 В словахъ «съ другимъ соседнимъ народомъ» исправлено окончание на «съ другими соседними народами», дописано сверху

23 Знакъ начала новаго абзаца. На поляхъ слева надпись «абзаць» от руки чернилами. Выше, параллельно тексту дописано графитнымъ карандашомъ и обведено в кругъ «абзаць, т.е. Съ новой строки»

24 В словахъ «самого жилища» исправлено на «самыхъ жилищъ»

25 Слово «знаемъ» зачеркнуто и исправлено сверху на «встречали»

26 Слова «но теперь» зачеркнуты. Сверху исправлено на «Теперь»

27 В слове «следъ» исправлено окончание на «следы»

28 Слово «раскопки» исправлено на «разведки»

29 Слова «ни какихъ» зачеркнуто, сверху исправлено на «при покойникахъ»

«Меря занимала обширную территорию: губернии Московская, Владимирская, Ярославская, Новгородская³⁰ и Костромская – вот мерянский край. Но при дальнейших исследованиях, быть может, границы еще больше расширятся³¹: имеются уже данные, что и Нижегородское Поволжье, до устья реки Оки доисторические времена так же было заселено мерянами. Жили-ли здесь, на одной территории и одновременно³², как другие народы, раскопки пока еще мало дали фактов³³, но сама меря составляет многочисленное племя среди известных у летописцев³⁴ народов, населявших северовосточную равнину Европы.

Естественно, самъ собой, возникает вопрос: кто же была эта «меря», исчезнувшая³⁶ съ лица земли и отложившаяся только въ курганахъ и другихъ земляныхъ памятникахъ? Народъ Арало-Алтайской³⁷ группы, одно из чудскихъ племенъ, или народъ индоевропейской³⁸ семьи, племя кавказской расы? Нашъ первый летописецъ Несторъ, говоря³⁹ о заселении славянами великой Русской равнины говорить о разныхъ народахъ, которые жили здесь до появления⁴⁰ славянъ и мерянъ и относить мерянъ⁴¹ къ финскому племени. За Несторомъ шли все наши историки и первые исследователи по доисторической археологии, но въ последнее время ученые оспариваютъ финское происхождение мери: профессоръ Зоологии въ Московскомъ университете, А.П. Богдановъ высказываетъ мнение⁴², что меряне – славянское племя и что название «меря» не более какъ только этнографический терминъ, а не антропологический. Находки⁴³ въ мерянскихъ курганахъ, вместе съ различными предметами, изображенія петуха и коня – славянского происхождения, а изображеніе «свастики»⁴⁴ на фибулахъ и перстняхъ наводятъ на мысли о родстве мери съ народами индоевропейской⁴⁵ семьи, хотя⁴⁶ предметы съ подобного рода изображениями могли къ⁴⁷ мерянамъ зайти случайно, путемъ мены⁴⁸ сношений съ разными народами⁴⁹. Решение этого вопроса мы должны ждать отъ антропологии – науки, науки у насъ совсемъ еще новой: пока не будетъ сделано антропологическихъ⁵⁰ исследований череповъ мери, вопросы о сея⁵¹ племенномъ происхожденіи остается открытымъ.

Въ коллекціи нашей архивной Комиссіи, между предметами мерянской мерянской культуры, встречаются вещи Чудскаго происхождения и болгарскаго⁵².

---

30 Слово «Новгородская» написано на полях слева со знаком вставки, параллельно аналогичному знаку вставки в предложении

31 Слово «расширяются» исправлено окончание на «расширятся»

32 Фраза «на одной территории и одновременно» дописана сверху со знаком вставки

33 Фраза «ничего не сказали» зачеркнута, над ней дописана «мало дали фактовъ»

34 Фраза «известныхъ у летописцевъ» дописана сверху со знаком вставки

35 Знак начала нового абзаца. На полях слева надпись «абзацъ» от руки чернилами.

Ниже, параллельно тексту дописано графитным карандашом и обведено в круг «абзацъ, т.е. Съ новой строки»

36 Слово «исчезнувшая» исправлено сверху графитным карандашом на «исчезнувшая»

37 Слово «Аралоалтайской» исправлено сверху графитным карандашом на «Арало-Алтайской»

38 Слово «индоевропейской» исправлено сверху графитным карандашом со знаком вставки на «индоевропейской»

39 Слово «говорить» исправлено сверху на «говоря»

40 Слово «раньше» исправлено сверху на «до появления»

41 Слово «мерянъ» дописано сверху со знаком вставки

42 Слово «говорить» зачеркнуто, сверху исправлено со знаком вставки на «высказываетъ мнение».

Слева на полях графитным карандашом написано и обведено в круг «высказываетъ»

43 Слово «Находения» исправлено сверху на «находки»

44 Слово «свастики» исправлено сверху на «свастики»

45 Слово «индоевропейской» исправлено сверху на «индоевропейской»

46 Слово «но» зачеркнуто, исправлено сверху на «хотя»

47 Слово «къ» дописано сверху со знаком вставки.

48 Слово «менъ» исправлено на «мены»

49 Слова «съ разными народамъ» исправлено на «съ разными народами»

50 Слово «антропологическихъ» написано сверху над зачеркнутым, нечитаемым словом

51 Слова «*** (слово не читаемо) для племенного» исправлено на «вопросы о ея племенномъ»

52 Слово «болгарския» исправлено на «болгарскаго»

О чуди и болгарях упоминает так же⁵³ Несторъ, о них встречаемъ⁵⁴ сведения у западныхъ и восточныхъ писателей. Камскіе и волжскіе болгары въ Русской истории появляются почти одновременно съ Чудью, но существование последней восходитъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ. Родина Чуди – востокъ, следы ея отложенія находимъ⁵⁵ въ восточной и западной Сибири, изъ которой позднее, въ теченіе многихъ вековъ, она переселялась⁵⁶ на западъ и югъ России: Чудскіе могильники, городища, городки, игрища и костища /. места собранія массы костей животныхъ, среди которыхъ попадаются и костяныя орудія /. мы находимъ⁵⁷ по реке Каме и ея притокамъ, въ долинахъ среднего и южного Урала и в степяхъ Киргизскихъ. По Каме и Волге чудь двигалась⁵⁸ на западъ, поселяясь въ нынѣшней Олонецкой губерніи вблизи озера Ильменя и въ Прибалтійскомъ крае. Чудь – родовое названіе большого финскаго⁵⁹ племени, отъ котораго произошли⁶⁰ и, какъ отъ ствола дерева раскинулись широко⁶¹ ветви, известныя подъ различными наименованіями⁶² народомъ⁶³ /. вотяки, мордва, черемисы и т. д.). По даннымъ раскопокъ Чудскихъ памятниковъ въ Сибири и Прикамье, есть основаніе полагать, что Чудь пережила каменный (обе эпохи палеолитическую и неолитическую), бронзовый и железный века. Даже Чудскіе могильники въ Вятской губерніи какъ Ананинской, Котловский, Пьяноборской⁶⁴ (Елабугскаго уезда), представили матеріалы всехъ трехъ периодовъ доисторическаго времени, за исключеніемъ эпохи палеолитической⁶⁵, т. е. Древне-каменный. За чудскою по преемственности идетъ культура болгарская, служащая звеномъ между мерянскою и Чудскою.

Поздній часъ времени не позволить мнѣ входить въ подробности и я долженъ ограничиться только общими замечаніями, надеясь со временемъ, въ одномъ изъ заседаній комиссіи изложить свой взглядъ на далекое прошлое Костромскаго края⁶⁶ более обстоятельно и набросать картину⁶⁷ жизни народовъ давно⁶⁸ исчезнувшихъ, оставившихъ после себя, хотя скромные по виду, но драгоценные по своему содержанію памятники⁶⁹. Теперь же позволю себѣ только сказать несколько словъ по поводу коллекціи Г. Поливанова. Хотя Костяныя и каменныя орудія, доставленныя в коллекцію изъ раскопокъ городища близъ села Богородскаго, свидѣтельствуютъ о довольно развитой технике – орудія полированныя, относящіяся къ неолитической⁷⁰ эпохе каменнаго века, темъ не менее эту⁷¹ культуру отъ мирянскою отличаютъ многія и многія столетія: за новокаменною эпохою следуетъ періодъ бронзовый и за нимъ железный, а мирянская⁷² культура появилась уже гораздо⁷³ позднее.

53 Слова «такъ же» дописаны сверху со знаком вставки

54 Слово «встречаются» исправлено на «встречаемъ»

55 Слово «находится» исправлено на «находимъ»

56 Слово «двигалась» исправлено на «переселялась»

57 Слово «***» зачеркнуто и исправлено на «находимъ»

58 Слово «поднималась» исправлено на «двигалась»

59 Слово «финскаго» написано сверху со знаком вставки

60 Слово «произошелъ» исправлено на «произошли»

61 Слово «широко» написано сверху со знаком вставки

62 Слово «именами» исправлено на «наименованіями»

63 Слово «народомъ» написано сверху со знаком вставки

64 Слово «Пьяноборовский» исправлено на «пьяноборский»

65 Слово «палеолитической» исправлено на «палеолитической»

66 Слова «Костромск***» (зачеркнуто) исправлено на «Костромскаго края»

67 Слово «****» (зачеркнуто) исправлено на «набросать картину»

68 Слово «давно» написано сверху со знаком вставки

69 Слова «содержанію памятники» написано сверху со знаком вставки

70 Слово «неолитической» исправлено на «неолитической» графитным карандашом

71 Слова «но эту» зачеркнуты и исправлены сверху на «темъ не менее эту»

72 Слово «мирянск**» (зачеркнуто) исправлено на «мирянская»

73 Над словами «гораздо уже» написаны цифры «2» и «1», указывающія измененный порядок слов

Невольно задаешься вопросом: в каких же отдаленных от начала нашей истории времена⁷⁴ человек уже обитал в Костромской губернии?? Еще дальше отодвинется от нас⁷⁵ эпоха первоначального заселения края, если мы припомним, что в 1883 году при раскопках городища в Ветлужском уезде, на правом берегу реки Ветлуги близ села Одоевского, была найдена целая фабрика каменных орудий, принадлежащих к палеолитической⁷⁶ эпохе: все орудия, каменные⁷⁷ стрелы, наконечники⁷⁸, рыболовные крючки и прочие орудия оказались грубой, примитивной⁷⁹ обработки, т. е. Отбитыми, без всяких следов полировки. Внизу городища, в оврагах находили кости мамонта, первобытного быка и разных животных, уже больше теперь не существующих.(х)

Дальнейшие исследования, какие будут при энергичном⁸⁰ участии членов Комиссии, дадут нам бесценный⁸¹ материал по⁸² изучению родной старины и о⁸³ первых засельниках⁸⁴ Костромской губернии. От всей души желаю Комиссии⁸⁵ дальнейших успехов комиссии в ее полезной и прекрасной деятельности.

(х) фабрика каменных орудий близ села Одоевского была открыта Ф.Д. Нефедовым. Отчет о его исследованиях напечатан в протоколах Антропологического отдела и статья об этих исследованиях⁸⁶ профессора Д.Н.Анучина – в изданиях Московского Археологического общества: труды Археологического Съезда в Вильне.

КМЗ КОК⁸⁷

КОК 49350⁸⁸

---

74 Слово «времена» написано сверху со знаком вставки графитным карандашом

75 Слова «от нас» написано сверху со знаком вставки

76 Слово «неолитической» исправлено на «палеолитической» со знаком F (исправление вынесено в левый верхний угол листа, написано графитным карандашом и обведено в круг)

77 Слово «каменных» исправлено на «наменных»

78 Слово «наконечников» исправлено на «наконечники»

79 Слово «примитивной» исправлено на «примитивной»

80 Слова «при энергичном участии» дописаны сверху над зачеркнутыми словами (не читаются)

81 Слово «бесценный» исправлено на «безценный» графитным карандашом

82 Слово «по» дописано сверху графитным карандашом

83 Слово «о» дописано сверху графитным карандашом со знаком вставки

84 Слово «засельников» исправлено на «засельниках» графитным карандашом

85 Слова «Закончу искренним пожеланием» исправлено сверху на «От всей души желаю комиссии»

86 Слова «об этих исследованиях» дописано сверху со знаком вставки

87 Синий прямоугольный штамп «КМЗ КОК»

88 Дописано в штампе от руки синими чернилами

**ДОКЛАД ЧЛЕНА КГУАК Н.М. БЕКАРЕВИЧА О РАСКОПКАХ
КУРГАНОВ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ТЕЧЕНИЕ ЛЕТА 1895 Г.
КМЗ КОК-49351**

Инв. № 555¹
Круглая печать²

Доклад

Члена Костромской губ.уч. арх. Комиссии Комиссии Н.М. Бекаревича, читанной им в заседании 29 августа 1895 г. о раскопках курганов в Костромской губ. В течении лета 1895 г.

7 л.в ½ доли от
И.Д. Преображенского через В.И.Смирнова

№370³

Журн. 29 авг.1895 г.

Доклад члена Костромской губ. уч. арх. Комиссии Н.М. Бекаревича, читанный им в заседании 29 августа 1895 г. о раскопках курганов в Костромской губернии в течении лета 1895 г.

Инв. 555⁴
Круглая печать⁵

По примеру прежних лет Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссией было предложено летом нынешнего года продолжать раскопки древних курганов.

Производство раскопок было поручено мне совместно с И.В. Миловидовым, Г.Д. Преображенским и В.А. Сметаниным. При этом считаю должным доложить настоящему собранию, что раскопки в Нерехтском уезде при с. Некульском были произведены в присутствии нашего глубокоуважаемого Председателя Его Высокопревосходительства Николая Николаевича Селифонтова.

21 марта Совет Комиссии наметил 12 пунктов для исследования, но, в виду того, что вблизи каждого намеченного пункта встречалась не одно курганное кладбище, а несколько, мы не могли на ассигнованные суммы обследовать все намеченные пункты, ограничившись пятью пунктами, при которых и разрыли 20 курганных групп. Экскурсии нынешнего лета дали значительный археологический материал, с которым и имеем честь познакомить Гл. Членов Комиссии.

---

1 Написано от руки красными чернилами

2 Круглая печать черного цвета. Костромское научное общество. Этнологическая станция.

3 Написано от руки в правом нижнем углу листа

4 Написано от руки красными чернилами

5 Круглая печать Костромское научное общество. Этнологическая станция.

Предварительно считаемъ долгомъ предпослать краткое описаніе обследованныхъ местностей. Въ Костромскомъ уезде изслѣдовано въ Гридинской волости: при с. Куликове – 2 курганныхъ группы, при д. Васильевскомъ – 3, д. Терешине – 2, д. Поповке – 1, д. Елкотове – 4, Таранине – 1, Батушинской волости – при д. Татаринове – 2, Каримовской вол. – при д. Чижеве -1, и в Нерехтскомъ уезде въ Сорохтской волости при с. Никульскомъ курганы на такъ нахываемой «Лысой горе». Всего 20 курганныхъ группъ съ 245-ю курганами, изъ числа которыхъ нами было разрыто 217. Главнымъ образомъ раскопки производились по правую сторону р Волги. Въ бассейне реки Покши и ея притока р. Сендеги. Кстати припомнимъ, что и прошлый годъ въ бассейне этихъ речекъ нами было изслѣдовано 7 курганныхъ кладбищъ. Такое частое расположеніе ихъ указываетъ на значительную степень заселенія местности по Покше курганными людьми. Въ виду этого скажемъ несколько словъ о географическомъ положеніи описываемого района. Р. Покша*) вытекая изъ Кинешемского уезда, протекаетъ Костромскимъ (по волостямъ: Пушкинской, Красносельской и Гридин) где и впадаетъ въ Волгу; ~~длина теченія ея до 60 верст~~; вначале течетъ лугами, где весною значительно разливается, затопляя часто дороги между с. Котлевымъ и д. Макшиной; долгие же берега ея постепенно возвышаются, местами весьма значительно. Ширина ея около 10 сажень, а глубина отъ 2 до 3 ½ арш. Справа въ Покшу впадаетъ р. Сендега, а слева р. Танга. Описываемая местность ХХ⁶ (где производились раскопки) отстоитъ отъ г. Костромы въ 14-17 верстахъ по левую сторону р. Волги, внизъ по ея течению.

*) Крживоблодскій Мат. для геогр. и стат. Россіи. Костр. Губ. Стр. 65.

Рельфъ местности не ровный, въ виде возвышеній различныхъ формъ, изрезанныхъ бассейномъ реки Покши и ручьями.

Курганныя кладбища располагаются преимущественно на возвышенныхъ местахъ или склонахъ, обращенныхъ къ оврагамъ, речкамъ или ручьямъ. Большинство изъ нихъ поросло или лесомъ, или кустарникомъ и не разрабатывается подъ пашню въ виду неудобнаго ихъ рельефа. Такія местности слывутъ у крестьянъ подъ именемъ «рощеній». Бывали случаи, когда при распаханіи смежнаго съ курганами поля, крестьяне распахивали и небольшую насыпь, нечаянно находя человѣческія кости или какую нибудь медную вещицу. Понятно, подобная находка интересовала некоторыхъ и они, думая, что здѣсь схоронены разбойники съ награбленными богатствами, рыли то одинъ, то другой курганъ, что не редко нами было констатировано при исследованіи поверхности насыпи. Но, не находя золота, охота кладоискателей пропадала, и большая часть кургановъ оставалась нетронутой.

На курганныхъ кладбищахъ мы находили отъ 2хъ до 30 насыпей. Все курганы представляются въ виде насыпей полушарообразной формы, расположены большею частію тесно, причемъ между ними заметны более или менее заметныя глубокія канавы и ямы, оставшіяся после выемки земли для насыпи. Minimum и maximum размеровъ кургановъ следующие: высота отъ 25 до 133 сант., діаметръ отъ 1,5 до 4 метровъ и окружность основанія отъ 6 до 25 метровъ.

Въ большинствѣ случаевъ основанія кургановъ обкладывались большими валунами, а иногда обкладка была и по всей периферіи насыпи. Способовъ погребенія обнаружено 3 рода: 1) прямо на материке, 2) въ неглубокой могиле и 3) въ насыпи, выше поверхности земли. Въ одномъ случае погребенія, близъ д. Чижево найдены части обгорелыхъ трубчатыхъ костей человека. Подъ некоторыми костяками констатированы слои золы съ примесью мелкихъ угольковъ. Костяки преимущественно располагались съ СЗ на ЮВ, лицомъ вверхъ, или же черепъ склоненъ на правый или левый високъ. Руки большею частію вытянуты вдоль

---

6 Написано графитнымъ карандашомъ отъ руки. Параллельно на поляхъ графитнымъ карандашомъ отъ руки ХХ

туловища, реже – сложены на лобокъ, еще реже – на груди, или же одна вытянута вдоль туловища, а другая сложена на лобокъ или грудь. Некоторые погребенные были положены, по видимому, в колодахъ (сосновыхъ), отъ коихъ при раскопкахъ попадались истлевшіе остатки. При костякахъ были находимы разнообразныя предметы украшенія, вооруженія, земледельческіе, а также домашняго обихода. Снабженіе загробными дарами мы оставляемъ въ сторону, такъ какъ о немъ мы имели честь докладывать собранію в прошломъ году.

Переходя къ рассмотренію некоторыхъ интересныхъ находокъ, мы предпосылаемъ таблицу, въ коей показано, сколько и какого рода предметовъ найдено при нынешнихъ раскопкахъ.

Наименованіе предметовъ	Число.
Топоровъ железныхъ	20
Серповъ «	6
Ножей «	84
Колецъ «	11
Гайка «	1
Пробоевъ «	2
Огнивъ «	15
Гвоздей «	7
Брусокъ «	1
Шейныхъ обручей: простыхъ	2
« « витыхъ	3
Височныхъ колецъ: серебряныхъ	28
« « бронзовыхъ	336
Серегъ серебряныхъ	17
« бронзовыхъ	4
Бусъ стеклянныхъ	363
« глиняныхъ	16
« глинян. мазаичныхъ	6
« янтарныхъ	1
« сердоликовыхъ	2
Привесокъ бронзовыхъ витыхъ: полулуній	9
« « « круговъ	4
« « « крестовъ	5
Пуговицъ бронзовыхъ	9
Фибула серебрян.	1
Пряжекъ бронзовыхъ	8
Браслетовъ бронзовыхъ: пластинчатыхъ	37
« « витыхъ	25
« железныхъ	1
Колецъ бронзовыхъ: простыхъ	3
« « витыхъ	17
Перстней бронзовыхъ	12
Подвесокъ бронзовыхъ: треугольныхъ	16
« « прямоугольныхъ	1
« « в виде: барашковъ	13
« « « утокъ	2

« « « усеченных конусов	3
« « ажурных: треугольных	6
« « « крыглыхъ	1
« « « в виде: коньковъ	9
« « « « петуха	1
« « « « птиц вообще	2
Спиралекъ бронзовыхъ	6
Поясныхъ пряжекъ: бронзовыхъ	11
« « железныхъ	1
Гребень	1
Ножень (?) бронзовыхъ	2
Горшковъ глиняныхъ	8
Цепочка бронзовая	1
Напряслице	1
Застежка	1
Позументъ	1
Итого:	1143

Изъ этой таблицы видно, что более всего добыто бусъ, а именно 388. Бусы были находимы крайне разнообразныя: стекляныя, глиняныя (простыя и мозаичныя), янтарныя и сердоликовыя. Некоторые стеклянныя бусы со следами золоченія и серебрениа. При отдельныхъ костякахъ было находимо, сравнительно, небольшое количество бусъ, а нередко только одного. Здесь заметимъ, что местонахождение бусъ нами особенно тщательно изследовалось, такъ что никоимъ образомъ нельзя предположить, что бусы были пропущены или выкинуты съ землей. Малочисленность ихъ следуетъ объяснить темъ же предположениемъ, какое делаетъ гр. Уваровъ въ своемъ труде о мерянахъ*), который говоритъ, что «ничтожное количество бусъ на монисте доказываетъ ихъ тогдашнюю редкость и ценность»

Затемъ нами добыто 364 височныхъ кольца, изъ нихъ 28 серебряныхъ и 336 бронзовыхъ. Въ числе височныхъ украшенийъ особенно

*)См. Тр. Перв. Арх. Съезда въ Москве. т. II стр.738.

интересны височныя подвески въ виде сомкнутого концами широкого серпа. Объ этихъ подвескахъ А. Спицынъ въ обзореніи^{x)} древностей, представляемыхъ Императорскою Археологическою Комиссией на воззрениа Государя Императора, замечаетъ, что въ качестве новыхъ изъ раскопокъ Костромской Ученой Архивной Комиссiи въ 1894 году, должны быть отмечены любопытныя серьги при височныя подвески въ виде сомкнутого концами серпа встреченныя до сихъ поръ въ Ново Александровскихъ курганахъ на р. Зап. Двине.

Также заслуживаютъ вниманія височныя украшения въ виде большихъ колець, имеющихъ несколько округло-ромбовидныхъ расплющений, снабженныхъ орнаментировкой. Въ крганахъ близъ д. Татариново височныя кольца найдены весьма значительныхъ размеровъ, а именно до семи сантиметровъ въ диаметре. Привесокъ шейныхъ (около бусъ) найдено 18, изъ нихъ 9 въ виде полулуний съ рельефной орнаментировкой, 4 круглыхъ, одна изъ нихъ серебряная съ орнаментомъ въ виде Георгіевскаго креста и кружочковъ, другая бронзовая съ рисункомъ въ виде пятилопастной розетки, две ажурныхъ и пять привесокъ въ форме крестиковъ. О томъ, что кресты въ данномъ случае не могли иметь символическаго (христианскаго) значенія, мы упоминали въ прошлогоднемъ отчете.

Затемъ въ значительномъ числѣ найдены железные ножи и браслеты.

*)См. Выставка древностей 1894г.

Ножи встречаются не только при мужскихъ костякахъ, но и при женскихъ, даже и при детскихъ. При ножахъ были находимы небольшія частички дерева отъ рукоятокъ, сохранившіяся благодаря пропитыванію окисью железа. Въ одномъ случае найдена костяная рукоятка съ остатками кожи отъ ноженъ. Около нежей попадались железные кольца, служившія, вероятно, для прочнаго скрепленія деревянныхъ рукоятокъ.

Браслетовъ найдено 63, изъ нихъ 62 бронзовыхъ и 1 железный. Изъ числа первыхъ – 37 пластинчатыхъ и 25 литыхъ. Пластинчатые браслеты большею частію орнаментированны въ виде различныхъ треугольных и ромбовидныхъ рисунковъ, состоящихъ изъ точечныхъ линий или въ виде завитковъ. В кургане близъ д. Елкатова (въ III группѣ) вырытъ небольшой пластинчатый железный браслетъ.

На пальцахъ рукъ найдено 12 бронзовыхъ перстней и 17 витыхъ бронзовыхъ колецъ.

Подвесокъ добыто 32, формы ихъ весьма разнообразныя: треугольныя, прямоугольныя, въ виде барашковъ, утокъ, усеченныхъ конусовъ, а такъ же ажурныя въ формѣ треугольниковъ, коньковъ и птицъ. Особенно интересны послѣдніе две формы. Гр. Уваровъ*) пишетъ, что почтеніе къ коню у мерянъ, какъ можно догадываться по раскопкамъ, простиралось далее чѣмъ у кого-либо народа. Они не довольствовались погребеніемъ любимого коня

*)С.с. стр. 690 и 704.

вместе съ умершимъ его хозяиномъ, но насыпали иногда высокіе курганы над особыми могилами, въ которыхъ находятся одни лошадиныя кости. Въ существованіи такихъ особыхъ могилъ нельзя сомневаться после найденныхъ примеровъ.» И далее: «Говоря о религіозныхъ верованіяхъ мерянъ, надо упомянуть также о многочисленныхъ конскихъ изображеніяхъ, находимыхъ в курганахъ или отдельными фигурами, или въ виде поясныхъ украшеній съ привешанными къ нимъ бубенчиками.»

Интересно между прочимъ то обстоятельство, что при прежнихъ раскопкахъ мы находили подвески съ треугольными пластинами, прикрепленными на одномъ только 8-образномъ звене, между тѣмъ какъ при нынешнихъ раскопкахъ найдено несколько подвесокъ съ пластинками на подобіе гусиныхъ лапокъ, прикрепленными къ подвескамъ посредствомъ двухъ и даже трехъ 8ми-образныхъ звеньевъ.

Обыкновенно подвески были находимы на тазовыхъ костяхъ и, повидимому, прикреплялись къ поясу; некоторые изъ нихъ были положены въ футляры, но эти футляры настолько истлели, что мы не могли судить ни объ ихъ внешней формѣ, ни объ устройстве. Все что можно сказать относительно ихъ – это о матеріалѣ, а именно: футляръ состоялъ изъ дерева, кости, грубой шерстяной ткани, а иногда снаружи обкладывался берестой.

За симъ упомянемъ, что при изслѣдованіи насыпей кургановъ въ различныхъ мѣстахъ и на различныхъ глубинахъ попадались черепки глиняной посуды. В курганахъ близъ д. Татариново въ ногахъ у погребенныхъ обнаружены цѣлыя горшки. На днище трехъ горшковъ имеются выпуклыя значки наподобіе клеймъ; одинъ изъ нихъ въ видѣ креста, заключеннаго въ квадратъ, другой – звездообразный въ кругѣ и третій въ видѣ ромба съ диагоналями (?)⁷

Изъ числа оружія и⁸ земледельческихъ орудій найдено 20 железныхъ топоровъ и 6 серповъ. Форма топоровъ обыкновенная, за исключеніемъ двухъ, имеющихъ очень небольшіе размеры.

---

7 Окончание предложения, начиная со слов «изъ нихъ въ видѣ креста...» дописано с права на полях чернилами

8 Слова «оружія и» написано надстрочно со знаком вставки

Относительно этих последних топоров Гр. Уваров*) замечает, что «малые топоры имеют те же самые формы, как и большие, но по незначительности своих размеров (не более 2 ½ вершков) и легкости были весьма удобны для ношения. Сами летописи как бы указывают на различную величину топоров, называя одни топорами или секирами, а другие – топорцами. По незначительной тяжести топорец предпочитался, как кажется, всякому другому оружию, начальниками и князьями. Длинное тылье употреблялось наравне с лезвием для нанесения удара. Таким образом Янь, сын Вышаты (под 1071 годом) хотел идти против взбунтовавшихся белозерцев без всякого оружия, но по совету своих отроков взял топорец («идущу с топорцом») как легкое и удобное оружие.

При нынешних раскопках найдено 15 огнив; все они располагались около тазовых костей, при некоторых огнивах лежали кремни.

Засим упомянем, что при костяках (в редких случаях) нами были найдены остатки грубой шерстяной ткани; около одного такого остатка истлевшей ткани

С.с. Стр. 758.

были обнаружены медные небольшие спиральки, повидимому, прикрепленные к нему. Кроме этого в кургане близ д. Елкатове (в III группе) найдены остатки истлевшего золотого позумента на шелковой основе. К принадлежностям одежды следует присоединить и бронзовые пуговицы, которых вырыто 9, бронзовый крючок и застежку. В кургане близ д. Елкатово (в I группе) на грудной кости была найдена большая серебряная фибула с рельефным орнаментом на подобии буквы X (X). В кургане 8ом во II группе близ д. Татариново найдено каменное напярслице красного цвета. Эти напярслицы встречаются (близ женских скелетов) крайне редко, гораздо реже, нежели серпы, что можно объяснить или трудностью отделки каменных кружечков, или же тем, что не все мерянки имели обыкновение надевать на свои веретена такие напярслица. Гр. Уваров делает предположение, что напярслицы были в числе шейных украшений, на подобие бусь, но мы не можем согласиться с этим, так как они и при прежних наших раскопках*) всегда встречались рядом с серпом около бедренных костей и, по всей вероятности, клались с веретенами.

Упомянем также о нахождении в двух курганах при женских погребениях миниатюрных бронзовых, повидимому, ножен (?) с ажурными ручками, на одной из которых узел отъ

*)Прилож. Къ прот. Общ. Ест. При Каз. Имп. Ун. №66.

ремешка, прикреплявшего ножны к поясу. В описываемых «ножнах» не было найдено не только никакого оружия, но даже и признаков железа. Длина их = 10 сант., диаметр отверстия (верхнего) = 5 миллим. Для какого соотв. оружия они служили – предположить трудно, так как их вместилища весьма незначительные. В виду присутствия в этих курганах обыкновенных железных ножей, можно думать, что подобныя ножны служили не для ножей, а для какого нибудь колющего орудия наподобие стилета. При сравнении описываемых вещей с рисунками различных археологических атласов, они более всего подходят к изображениям ножен, помещенным на табл. XII (рис. 1, 12, 13) Люцинского могильника.*)

В заключении имеем честь сообщить собранию, что 15 августа нами было проведено исследование «Городка» близ с. Черной Заводи, Чернозаводской вол., Костромского уезда. С. Черная Заводь отстоит от г. Костромы в 20 слишком верстах вверх по р. Волге. Место, именуемое «Городком», находится в полуверсте от села и представляется в виде полукруглаго выступа, господствующего над окружающей местностью.

Окружность площадки городка = 100 шагамъ. Городокъ отстоитъ от р. Волги въ полутороверстномъ разстояніи, вблизи него протекаетъ речка Черная.

9

Въ прежнія времена, по рассказамъ старожиловъ, эта местность была покрыта дремучими дубовыми лесами, а на Городке

*) Мат. по Арх. Россіи № 14

будто бы жили разбойники, грабившіе проезжіи народъ по Волге. Въ настоящее время на Городке построена кузня, и большая часть площади занята картофельнымъ полемъ. Рассказываютъ, что при постройке кузницы были находимы большія пластинки слюды, оставшіяся, по всей видимости, от какого нибудь древняго жилища и служавшія вместо оконныхъ стеколъ.

Непосредственно подъ дерновымъ слоемъ, одевающимъ «Городокъ», а такъ же въ картофельныхъ поляхъ наблюдается культурный слой, при раскопке которого нами найдены черепки древней глиняной посуды съ остатками на наружной поверхности рубчиковъ отъ плетенкъ, послужившихъ формами для ихъ изготовленія. Одинъ черепокъ (отъ верхней части небольшого горшка) имеетъ два сквозныхъ отверстия. Вместе съ черепками попадаетъ большое количество золы, углей и части костей животныхъ.

Вблизи городка, въ 100 шагахъ находится овинъ крестьянина с. Черной Заводи; при устройстве возле него «ладони» крестьянинъ наткнулся на три костяка. Кости были зарыты въ овраге, но точного места зарытія черепковъ¹⁰ указать онъ не могъ, такъ какъ позабылъ. Здесь после были выкопаны бедренная кость и голень человека. Хозяинъ овина рассказывалъ, что при костяхъ былъ найденъ медный крестъ и остатки сгнившего дерева. Решить въ данное время, какому народу принадлежалъ описываемый городокъ мы затрудняемся, темъ не менее заметимъ, что черепки, добытые здесь совершенно идентичны съ таковыми же найденными нами на городищахъ: близъ с. Минскаго и противъ гор. Костромы.

Относительно городищъ Гр. Уваровъ*) замечаетъ, что «при перечисленіи древнейшихъ поселеній мерянского народа» онъ упоминаетъ «также и о городищахъ, не имея, в прочемъ никакихъ положительныхъ данныхъ для приписки этихъ земляныхъ насыпей мерянамъ, такъ какъ незначительные предметы, открытые при раскопкахъ городищъ, не решаютъ окончательно вопроса: къ какому именно народу должны быть отнесены городища. Но, считая мерянь древнейшими оседлыми обитателями этихъ странъ, и при этомъ заметивъ, что городища почти всегда находятся вблизи мерянскихъ кургановъ древнейшей эпохи», онъ полагаетъ, что можно причислить эти городища къ памятникамъ того же народа. Сверхъ того найденные въ городищахъ предметы несомненно приурочиваютъ эти насыпи къ эпохе железного века, следовательно къ такому же времени, когда эти местности заняты были Мерянскимъ племенемъ. Къ сему следуетъ добавить, что обычай насыпать городища не принадлежитъ исключительно мерянамъ, или вообще финскимъ племенамъ, но, наоборотъ, обычай воздвигать городища былъ такимъ же общенароднымъ обычаемъ у всехъ племенъ железного века, какъ сжиганіе труповъ или насыпка кургановъ.

При семъ прилагается дневникъ, веденный во время производства раскопокъ.

*) С.с. Стр. 669
КМЗ КОК¹¹
КОК 49351

---

9 Прочерчена линия графитным карандашом.

10 Слова «черепковъ» написано надстрочно со знаком вставки

11 Штмп синего цвета

**ДОКУМЕНТ ИЗ ДЕЛА
О ПОСТРОЙКЕ РОМАНОВСКОГО МУЗЕЯ В КОСТРОМЕ
ЧЕРНОВИК ПИСЬМА Н. БЕКАРЕВИЧА Н.Н. СЕЛИФОНТОВУ
КМЗ ОФ-1961/36**

12 нояб. 1898¹

4²

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый государь
Николай Николаевич!

При семъ имею честь представить Вамъ отдельный оттискъ изъ Губернскихъ ведомостей моей публичной лекціи о раскопкахъ, только что вышедшей изъ печати.

Считаю долгомъ сообщить, что после Вашего отъезда и вплоть до настоящего времени по праздничнымъ днямъ мы занимаемся устройствомъ музея. Привели въ порядокъ церковный отдѣлъ; палеонтологическую коллекцію перенесли въ последнюю комнату. Устроили огромный щитъ съ размещеннымъ на немъ оружіемъ; въ первой комнате поставили новый большой шкафъ (кругом со стеклами) для манекеновъ старинныхъ (старинныхъ) костюмовъ. Сейчасъ у насъ по вечерамъ идетъ работа по изготовлению манекеновъ. Лица пришлось заказывать и думаю, что будетъ перерасходъ противъ сметы на изготовление мебели. Если можно, то не [нрзб] необходимомъ разрешить, сверхъ сметы, рублей 30-35 на благоустройство музея.

Когда прикажете собрать Советъ и обсудить программу V выпуска Костромской старины.

По поручению Г.Г. Извекова написано мною Костромскому Доховенству (соборьямъ) и Городскому Главе относительно уступки зданія для музея. Ответовъ еще не получено. Кажется, что городъ намъ подаритъ место (пустое) рядомъ съ Читальней А.Н. Островского.

На юбилее преосвященнаго Виссариона, адресъ отъ Архивной Комиссіи читаль А.И. Шиповъ.

Примите увереніе в совершенномъ
почтеніи и преданности
покорнейшаго слуги Вашего
Высокопревосходительства
Николая Бекаревича

1898 г. Ноябрь 12 дня
г. Кострома

---

1 Написано от руки графитным карандашом

2 Написано от руки графитным карандашом, номер страницы при архивной нумерации страниц дела

**ДОКУМЕНТ ИЗ ДЕЛА
О ПОСТРОЙКЕ РОМАНОВСКОГО МУЗЕЯ В КОСТРОМЕ**

**ЧЕРНОВИК ПИСЬМА Н. И Т. БЕКАРЕВИЧЕЙ,
АДРЕСОВАННОГО Н.Н. СЕЛИФОНТОВУ
КМЗ ОФ-1961/37**

5 декаб.1898 г.¹

6²

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый государь
Николай Николаевич!

Поздравляемъ со днемъ Вашего Ангела, а Супругу Вашу съ драгоценнымъ Имянинникомъ. Отъ всей души желаемъ здороваго здоровья и всего лучшаго. Примите, Ваше Высокопревосходительство, прилагаемый при семь скромный альбомъ на память объ археологическихъ экскурсияхъ 1898 года.

Городъ соглашается дать намъ место в центре, а именно возле собора на «маленькомъ бульварчике» (на съезде к пристани Зевеке). Ждемъ возвращенія изъ Петербурга Г.Г. Извекова, дабы созвать подкомиссию и вновь вступить въ переговоры съ Думой, следующее засѣданіе которой будетъ 17-го декабря. Я положительно уверенъ, что Дума «не оставитъ» насъ, ибо на обеде у Головы заручился большинствомъ согласій Гп. Гласныхъ. Хорошо бы получить что либо еще отъ Губернскаго Земства.

Советъ Комиссіи назначенъ на 3-е декабря; бумагъ и вопросовъ накопилось премоного. Гардина в Романовскомъ отделе готова. Вообще все эти дни (вечера) были посвящены переустройству и благоустройству музея, дабы къ Земскому собранію (3 дек.) все было бы в возможномъ порядке.

Засимъ примите Ваше
Высокопревосходительство
увереніе в совершенномъ почтении
и преданности покорнейшихъ слуг
Н. и Т. Бекаревичей

2 декабря 1898 года
г. Кострома

Только что хотель отнести эту посылку на почту, какъ получилъ дорогое нашему сердцу, нетъ, не дорогое, а драгоценное письмо отъ Вашего Высокопревосходительства. Не знаемъ, чемъ мы можемъ заслужить... Завтра же начнемъ хлопотать о метрическомъ свидѣтельстве.

---

1 Написано отъ руки графитнымъ карандашомъ

2 Написано отъ руки графитнымъ карандашомъ, номеръ страницы при архивной нумерации страницъ дела

**ДОКУМЕНТ ИЗ ДЕЛА
О ПОСТРОЙКЕ РОМАНОВСКОГО МУЗЕЯ В КОСТРОМЕ**

**ПИСЬМО Н.Н. СЕЛИФОНТОВУ ОТ Н. БЕКАРЕВИЧА
КМЗ ОФ-1961/40**

20 декаб. 1898 г.¹

10²

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый государь
Николай Николаевич!

С превеликим восторгомъ мы получили Вашу ответную телеграмму, за что и приносимъ вкупе русское сердечное «спасибо».

Несказанно рады что мой скромный альбомъ послужилъ преуспейнію «нашего дела». Въ последнее время богатства нашего музея я разместилъ (простите) «по своему». Многіе Г г. гласные (во время собранія) посетили наше детище и остались довольны минутами, проведенными въ музее, а мы кое-что от нихъ (гласных) заполучили и заполучим. Думаемъ еще кое-что заполучить и от Костромскихъ Дворянъ, собрание коихъ начинается с 16 декабря.

При семь имею честь препроводить журналъ заседанія Совета Архивной Комиссии 3-го декабря на предметъ, не последуетъ ли со стороны Вашего Высокопревосходительства какихъ-либо замечаній.

Дополнительное прошеніе относительно присвоения моей фамилии богоданной дочки, со всеми необходимыми документами я представилъ департаменту Герольдіи.

Если будетъ возможность, то не откажите Ваше Высокопревосходительство замолвить доброе словечко.

Преданный и глубоко
уважающий слуга
Н. Бекаревич
1898 г декабрь 15ое.
г. Кострома

---

1 Написано от руки графитным карандашом

2 Написано от руки графитным карандашом, номер страницы при архивной нумерации страниц дела

Не успели составить журналы 3-го декабря

для приложенія при этомъ письме, какъ узрели велию радость.
Начну [нрзб]

Мы съ У.Д. Въ течение 2-хъ дней дворянского Собранія говорили более или менее знакомымъ дворянамъ нижеследующее:

«Предки ныне благополучно царствующаго Дома Романовыхъ – суть костромские дворяне, Вы (имя рекъ) тако же Костромской Дворянинъ. Музей Костромской Научной Архивной Комиссии хранить в своихъ стенахъ Романовский отделъ музей тесенъ, надо новое помещеніе, для котораго годордъ обещалъ дать землю. Не подобаеъ ли Костромскимъ Дворянамъ положить первый краеугольный камень сему учрежденію?... А то... (мы знаем), что этотъ камень положить купецъ.»

Переговоривъ такимъ образомъ со многими дворянами, мы получили надлежащее согласіе, и вотъ сей вопросъ ставится ребромъ вне очереди. Раздаются голоса: «было бы постыднымъ Костромскому Дворянству позволить кому-либо пожертвовать землю для музея съ Романовскимъ отделъ! Мы даемъ Свою! ... Вызываютъ меня, раба божія, на арену. Сколько вамъ земли, какую?...

Отвѣтствую на вопросы... Собрание единогласно постановляет: отдать намъ смежное съ Дворянскимъ Домомъ землю (богатое и чудное место!), а для финансовъ на «Краеугольный камень» – избрать [нрзб]. Вечеромъ мы снова пошли на заседаніе для разговора. Завтра будетъ поставленъ вопросъ о «пособии нам».

Слава Богу! Наконецъ рядомъ с Колыбелью Дома Романовыхъ воздвигнется подобающее хранилище.

Простите, Ваше Высокопревосходительство, что тороплюсь [нрзб] сіи строчки, ибо мне хочется поскорей сообщить дорожную для насъ новость.

40³

КМЗ ОФ 1961/40 Док 6-2735⁴

---

3 Написано от руки графитным карандашом

4 Написано от руки графитным карандашом, номер страницы при архивной нумерации страниц дела

**ДОКУМЕНТ ИЗ ДЕЛА
О ПОСТРОЙКЕ РОМАНОВСКОГО МУЗЕЯ В КОСТРОМЕ**

**ПИСЬМО Н.Н. СЕЛИФОНТОВУ ОТ Н. И Т. БЕКАРЕВИЧЕЙ
КМЗ ОФ-1961/42**

26 декаб.1898 г.¹

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый государь
Николай Николаевич!
15²

Имеем честь поздравить Вас и Супругу Вашу съ праздникомъ Рождества Христова, а такъ же съ приближающимся Новымъ Годомъ и пожелать Вамъ здоровія и всего лучшего.

За первой радостной вестью – о даровании намъ земли – последовала вторая – назначеніе 1000 рублей на Краеугольный камень. Теперь мы подговариваемъ городскихъ гласныхъ, дабы и они не приминули положить второй кирпичъ будущего музея. Несколькими голосами уже заручились. Хотятъ намъ дать 1000 руб.

При семь имею честь препроводить Вашему Высокопревосходительству вырезку из газеты «Северный край» отъ 22 Декабря за №21, въ коей говорится о двухъ грамотахъ Михаила Федоровича, хранящихся в Ярославской архивной Комиссіи.

Остаемся преданными слугами.
Н. и Т. Бекаревичи

18 XII/231898
г. Кострома

КМЗ ОФ 1961/42 Док-6-2737³

---

1 Написано от руки графитным карандашом

2 Написано от руки графитным карандашом, номер страницы при архивной нумерации страниц дела

3 Написано от руки графитным карандашом

**ДОКУМЕНТ ИЗ ДЕЛА
О ПОСТРОЙКЕ РОМАНОВСКОГО МУЗЕЯ В КОСТРОМЕ**

**ПИСЬМО Н. БЕКАРЕВИЧА, АДРЕСОВАНО Н.Н. СЕЛИФОНТОВУ
КМЗ ОФ-1961/47**

[НРЗБ]¹

10 янв. 1899 г.²

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый государь
Николай Николаевич!

Спешу уведомить о «нашей» радости. Дело в том, что в январе и сегодня (10-го) мы решили поместить в Костромском листке нижеследующее объявление:

«Музей Костромской губернской
Ученой Архивной Комиссии
(Павловская ул. д. Дворянства)
будет открыт для публики
с 1 ч. до 3х дня.
Вход бесплатный»

И что же? Вышедший утром «Листок» в течении 2х часов успел оповестить «публику». И вот нас посетил больше ста человек грамотных (били и не грамотные).

Сколько внимания, удивления, умиления (в церковном отделе), любопытства и любознательности проявила «Публика». Был мастеровой, студент, школьник, барыня, чиновник, кадет, старушка божия...

Какой же нам еще нужно награды за свои посильные труды?! Ведь то внимание, с которым посетитель прислушивается к нашим объяснениям коллекций, удовлетворенность с которой он уходил из «наших» стен, разве все это не есть должное возмездие и высшая духовная награда?

Вчера (9-го янв.) состоялось заседание Подкомиссии по вопросу об устройстве здания для музея. Копию с журнала сего заседания вышлем в непродолжительном времени. Теперь договариваем городских гласных оказать, взамен пожертвования³ земельного участка, материальное пособие Архивной Комиссии. Некоторые «говоруньи» обещали тысячу рублей на «второй» краугольный камень нашего детища.

Примите уверение в
совершенном почтении и
преданности истинного
слуги Вашего Высокопревосходительства
Н. Бекаревич

10 января 1899 года
г. Кострома

---

1 Написано от руки графитным карандашом

2 Написано от руки графитным карандашом

3 Дописано надстрочно

**ДОКУМЕНТ ИЗ ДЕЛА
О ПОСТРОЙКЕ РОМАНОВСКОГО МУЗЕЯ В КОСТРОМЕ.**

**ПИСЬМО Н. БЕКАРЕВИЧА Н.Н. СЕЛИФОНТОВУ
КМЗ ОФ-1961/48**

([нрзб])¹

28 янв.1899²

22³

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый государь
Николай Николаевич!

Спешу сообщить некоторыя подробности о Думскомъ Заседаніи происходившемъ сегодня вечеромъ. Я уже писалъ раньше что мы подготовили почву” среди гласныхъ для должнаго воспріятія ноты отъ Подкомиссии. Среди городскихъ гласныхъ нашлись некоторыя члены нашей Комиссии (впрочемъ большею частію молчавшіе – безгласные), а главное – мы заполучили согласіе главы большой партіи. И вотъ сегодня ставился вопросъ: «помочь-ли матеріально Архивной комиссии для устройства музея». Единогласно «да» въ ответъ. Когда же коснулись суммы, то многіе хотели отложить въ дальній ящикъ. Темъ не менее вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Надо заметить, что нашъ городъ очень и очень бедный: еле-еле сводить концы с концами, а потому въ начале было предложено 500 рублей. Раздались голоса за тысячу. В результате – баллатировка. Постановлено, пожертвовать на устройство музея 1000 рублей, по 500 рублей въ годъ, начиная съ будущаго 1900 года. Итакъ мы теперъ имеемъ 1000 руб./⁴ и на ‘второй’ краугольный камень нашему детищу.

17 января былъ открытъ для публики музей, причемъ его посетило сто пятьдесятъ семь лицъ. При тесноте и такомъ⁵ стечении публики мы еле-еле могли давать надлежащія объясненія коллекцій⁶.

Церковный отдель на дняхъ обогатился привезенными из Буйскаго уезда И.Д. Преображенскимъ крестами – тельниками и складнями. Предметы древности все умножаются и умножаются.

Любо-дорого смотреть, какъ возрастаетъ наше детище, какъ говоритъся, не по днямъ, а по часамъ.

Копию съ журнала Подкомиссии по вопросу объ устройстве музея пришлемъ в скоромъ времени вместе со сметой, изготовляемой Губернскимъ инженеромъ Требертомъ (онъ членъ нашей Комиссии).

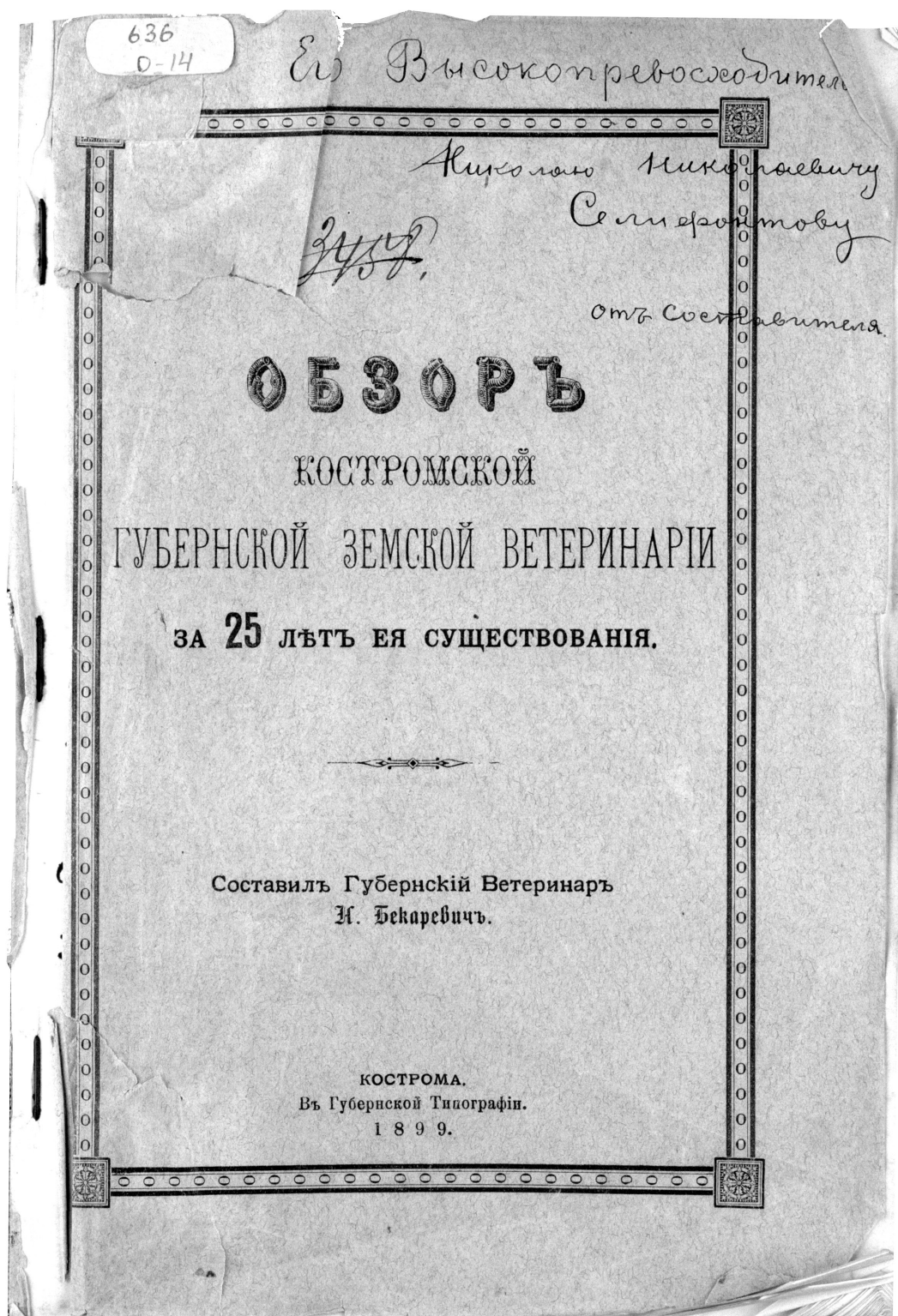
Остаюсь глубокопреданнымъ
слугою Вашего Высокопревосходительства
Н. Бекаревич

28 января 1899 года
г. Кострома

---

1 Написано от руки графитным карандашом
2 Написано от руки графитным карандашом
3 Написано от руки графитным карандашом, номер страницы при архивной нумерации страниц дела
4 Дописано надстрочно
5 Дописано надстрочно
6 Слово «коллекция» исправлено в окончании на «коллекций»

Бекаревич Н. М. Книга. Обзор Костромской губернской земской ветеринарии
за 25 лет её существования. 1899 г.

Российская империя, Костромская губерния, г. Кострома

Бумага, чернила, печать типографская, рукопись

Надпись на обложке чернилами в четыре строки: «Его Высокопревосходительству /
Николаю Николаевичу / Селифонтову / отъ составителя»

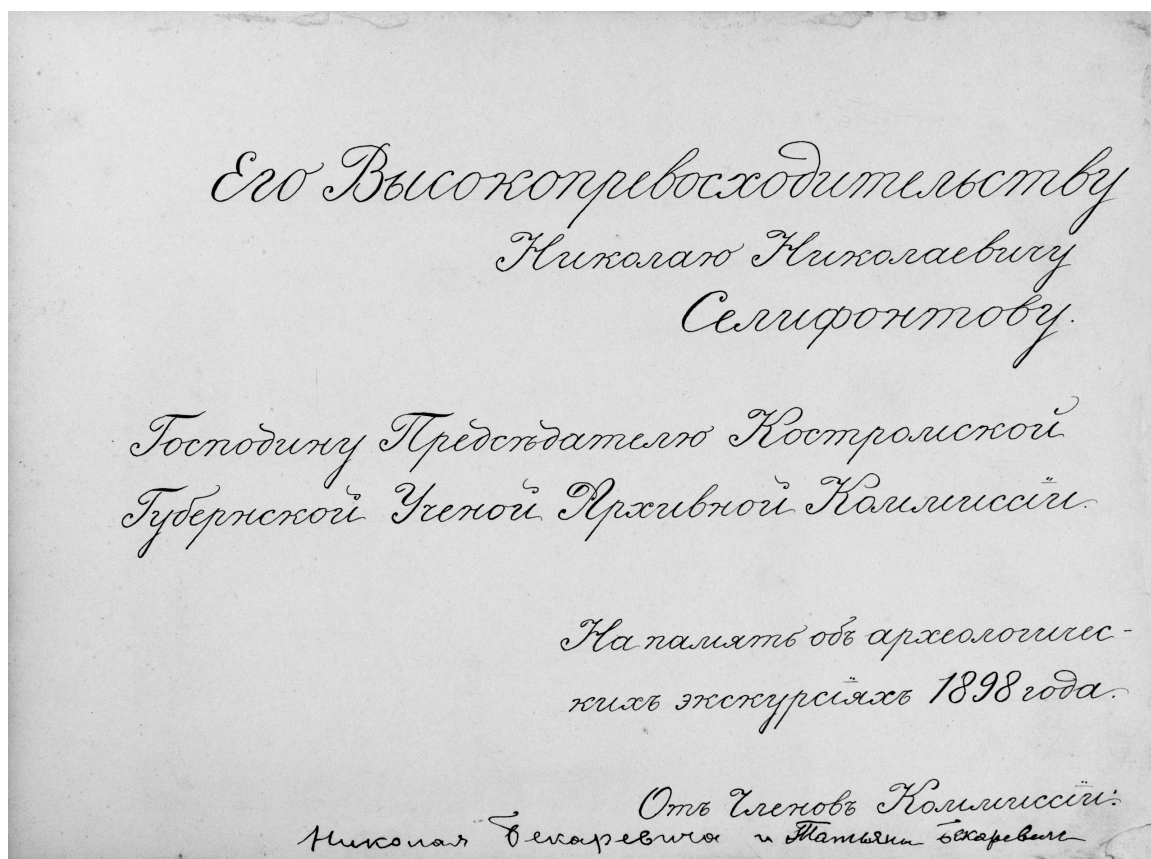
КМЗ КОК-32521

Васютинский А. Ф.

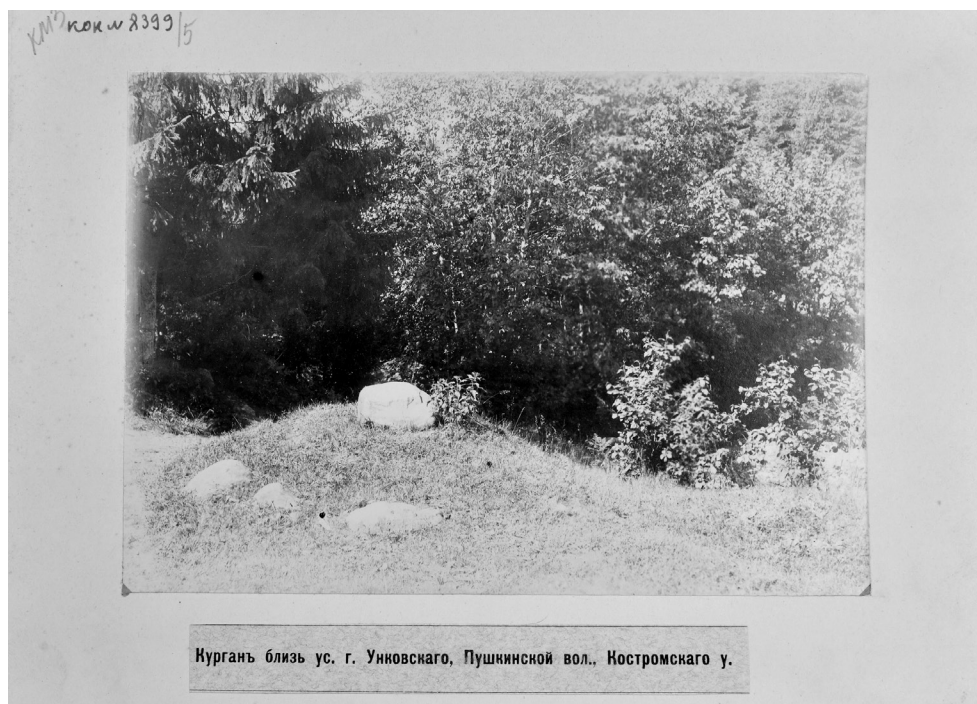
Медаль «В память пятидесятилетней деятельности Императорского русского археологического общества. 1846-1896 гг.» Поступила в музей в 1913 г.
Бронза, чеканка КМЗ КОК-1593

Альбом, подаренный в 1898 г.
Н.Н. Селифонтову супругами Н. и Т. Бекаревичами, 1898 г.
Фотобумага, картон, чернила, фотопечать, рукопись
КМЗ КОК-8399

Фотография. На раскопках курганов. Из альбома, подаренного в 1898 г.
Н.Н. Селифонтову супругами Н. и Т. Бекаревичами, 1898 г.
Фотобумага, картон, фотопечать
КМЗ КОК-8399/4

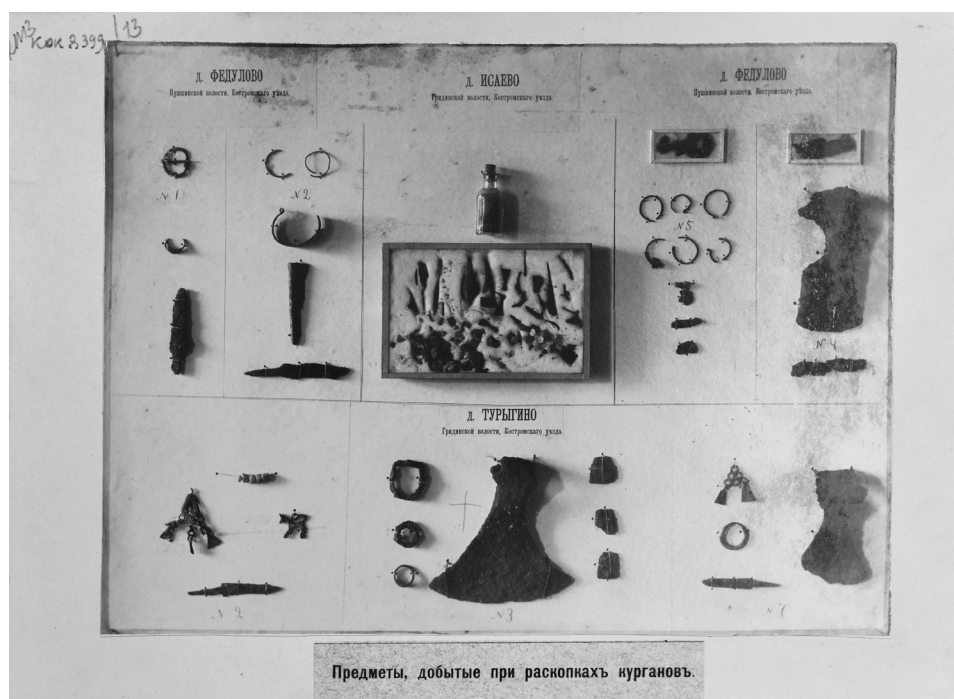

Фотография. Курган близ усадьбы господина Унковского.
Из альбома, подаренного в 1898 г. Н.Н. Селифонтову супругами
Н. и Т. Бекаревичами, 1898 г.
Фотобумага, картон, фотопечать,
КМЗ КОК-8399/5

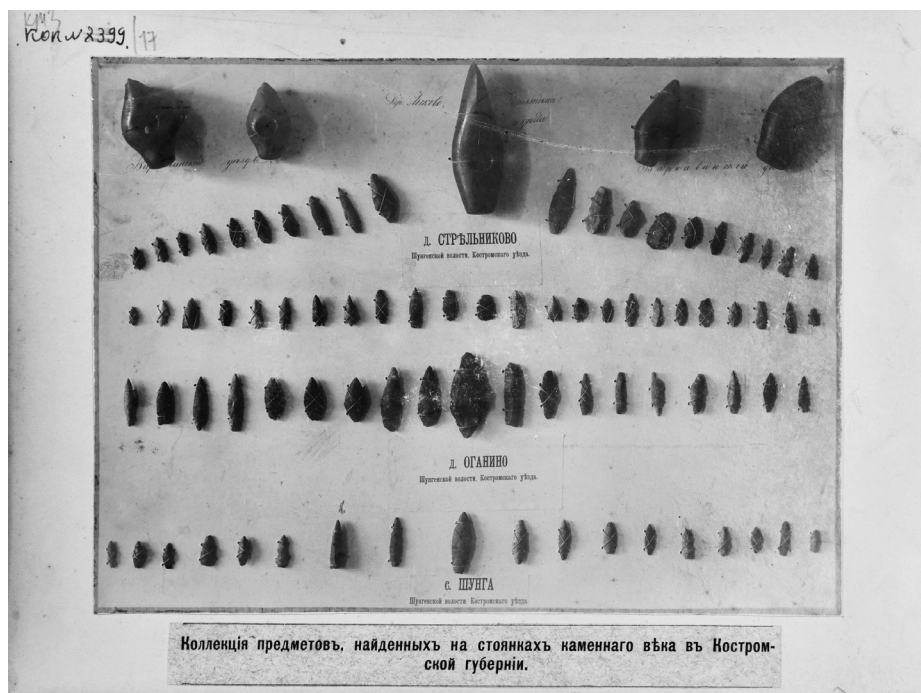

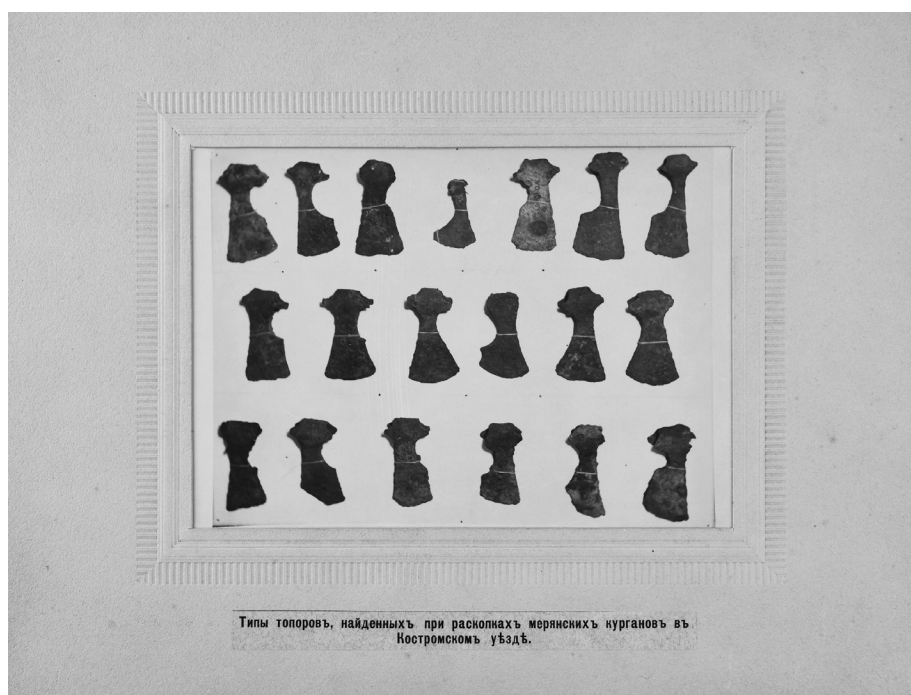
Фотография. Погребальный горшок.
Из альбома, подаренного в 1898 г. Н.Н. Селифонтову
супругами Н. и Т. Бекаревичами. 1898 г.
Фотобумага, картон, фотопечать, печать типографская
КМЗ КОК-8399/11

Фотография. Предметы, добытые при раскопках курганов.
Из альбома, подаренного в 1898 г. Н.Н. Селифонтову
супругами Н. и Т. Бекаревичами. 1898 г.
Фотобумага, картон, фотопечать, печать типографская
КМЗ КОК-8399/13

Фотография. Коллекция предметов, найденных на стоянках каменного века в Костромской губернии. Из альбома, подаренного в 1898 г. Н.Н. Селифонтову супругами Н. и Т.Бекаревичами, 1898 г.
Фотобумага, картон, фотопечать, печать типографская
КМЗ КОК-8399/17

Фотография на паспарту. Типы топоров, найденных при раскопках мерянских курганов в Костромском уезде. Конец XIX века
Фотобумага, картон, фотопечать, печать типографская
КМЗ КОК-8399/20

Фотография на паспарту. Черепки, добытые при раскопках курганов в Костромской губернии. Конец XIX века
Фотобумага, картон, фотопечать, печать типографская
КМЗ КОК-8399/22

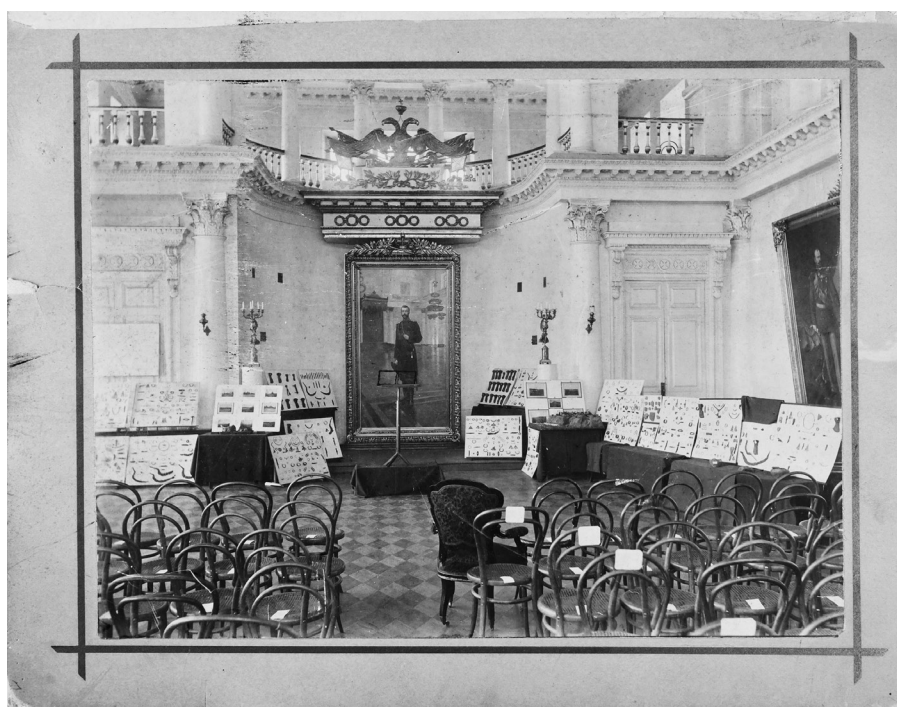

Фотография на паспарту. Черепки, добытые при раскопках курганов в Костромской губернии. Конец XIX века
Фотобумага, картон, фотопечать, печать типографская
КМЗ КОК-8399/23

Курганная мѣстность по долине р. Покши отъ д. Большаго Андрейкова
до д. Боровикова (Костр. у.).

Фотография на паспарту. Курганная местность по долине р. Покши
от деревни Большого Андрейкова до деревни Боровикова. Конец XIX века
Фотобумага, картон, фотопечать, печать типографская
КМЗ КОК-8399/21

Фотография на паспарту. Выставка материалов из археологических
экспедиций Преображенского И.Д. и Бекаревича Н.М.
в Большом зале Дворянского собрания. 1891-1895 гг.
Фотобумага, картон, фотопечать
КМЗ КОК-31504

РАЗДЕЛ 2. История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и Новое время в свете вещественных источников

© Филиппова К.Г., Константинов Е.А.,
Захаров А.Л., Медведев А.А., Сычев Н.В.,
Кузьменкова Н.В.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СТРОЕНИЮ И ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КОТЛОВИНЫ ЧУХЛОМСКОГО ОЗЕРА¹

**ФИЛИППОВА К.Г.,* КОНСТАНТИНОВ Е.А.,* ЗАХАРОВ А.Л.,*
МЕДВЕДЕВ А.А.,* СЫЧЕВ Н.В.,* КУЗЬМЕНКОВА Н.В.****

*Институт географии РАН, г. Москва

*** МГУ имени М.В. Ломоносова, Химический факультет,
Кафедра радиохимии, г. Москва*

Аннотация: В статье рассматриваются первые результаты изучения строения котловины и донных отложений Чухломского озера (Костромская область). Проведен анализ топографии озерного дна, которая опирается на результаты детальной батиметрической съемки 2021 года. Изучено строение бортов котловины с помощью ручного бурения, приведены аналитические характеристики строения колонки донных отложений (гранулометрический состав, потери при прокаливании, магнитная восприимчивость). На основании характерного рисунка распределения органического вещества, карбонатов и размера частиц по глубине проведена корреляция донных отложений Чухломского озера с осадками других крупных озер (Белая Струга, Галичское и Селигер).

Ключевые слова: палеолимнология, палеоархивы, рельеф, озерные отложения, Чухломское озеро.

NEW DATA ON THE STRUCTURE AND PALEOHISTORY OF THE CHUKHLOMSKOE LAKE BASIN

**FILIPPOVA K.G.,* KONSTANTINOV E.A.,* ZAKHAROV A.L.,*
MEDVEDEV A.A.,* SYCHEV N.V.,* KUZMENKOVA N.V.****

*Institute of Geography RAS, Moscow

**Lomonosov MSU, Chemistry Department, Radiochemistry Division, Moscow

---

¹ Работа выполнена в рамках Мегагранта (соглашение № 075-15-2021-599 от 08.06.2021) «Палеоэкологические реконструкции как ключ к пониманию прошлых, текущих и будущих изменений климата и окружающей среды в России».

Summary: The article discusses the first results of the Chukhlomskoe lake (Kostroma region) geomorphological and paleolimnological study. We analyzed the topography of the lake bottom using new bathymetric data from 2021 fieldwork. The structure of the lake basin slopes was studied using hand drilling. Analytical characteristics of the bottom sediments core (grain size distribution, loss on ignition, magnetic susceptibility) are presented. The distribution of organic matter, carbonates and particle size by depth allow us to correlate the bottom sediments of Chukhlomskoe lake with the sediments of other well-studied large lakes (Belaya Struga, Galichskoe and Seliger).

Key words: paleolimnology, paleoarchives, relief, lake deposits, Chukhlomskoe lake.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Озерные котловины, представляя собой природные седиментационные ловушки, являются важным объектом для изучения истории развития ландшафтов и климата. Изучение колонок донных отложений озер с помощью большого набора литологических, геохимических и палеонтологических аналитических методик позволяет выполнять детальные палеогеографические реконструкции.

Чухломское озеро расположено в северной части Костромской области, на возвышенной Галичско-Чухломской гряде (водораздел рек Костромы и Унжи). Оно является одним из крупнейших и наиболее древних озер центра Восточно-Европейской равнины наряду с озерами Плещеевым, Неро и Галичским. Их расположение южнее границы последнего валдайского оледенения (*Карта четвертичных...*, 1972) дает основание предполагать, что возраст озерных осадков может превышать 130 тысяч лет. И это подтверждается данными бурения в котловинах всех вышеуказанных озер, кроме Чухломского. Для осадков котловины Чухломского озера до сих пор нет достоверных данных о возрасте и составе, что делает его наименее изученным в палеогеографическом отношении.

История изучения Чухломского озера включает несколько этапов: 1) в 20-30-х годах XX века озеро изучалось с целью разведки сапропелевых отложений, но результаты опубликованы лишь в небольших описательных статьях (*Чернов, 1930; Штурм, 1932*). В Краеведческом музее г. Чухломы находится батиметрическая

карта озера масштаба 1:25000, составленная в 1927-28 гг. Г.Г. Чалеевым. В конце 30-х годов в районе озера побывал палеогеограф К.К. Марков с коллегами. Ими описаны единичные находки торфа, и снова нет детальных реконструкций истории формирования озера (*Жузе, 1939; Марков, 1940*). Большой вклад в сохранение и обобщение материалов по изучению озера первой половины XX века внес директор Чухломского Краеведческого музея Г.И. Лебедев (*1959*).

В середине XX века Чухломское озеро упоминается в работах В.П. Гричука (*1950*) и Д.Д. Квасова (*1975*), а также материалах отчета геологической съемки масштаба 1:200000 (*Отчет Судайской...*, 1965). Начиная с 80-х годов работы, в основном, посвящены экологии водоема и рыбохозяйственным проблемам (*Баранов и Терешин, 1981; Чередниченко, 1987*). Современных исследований немного, и посвящены они, главным образом, экологии водоема (*Сиротина и Воронцова, 2016; Тимофеева и Юхно, 2019*).

Нами не обнаружено данных по строению донных осадков, их стратиграфии и возрасту. Нет оценки темпов осадконакопления в позднем плейстоцене и голоцене, а также колебаний уровня водоема. Последнее представляет дополнительный интерес при изучении археологических памятников эпохи камня, расположенных на берегах озера. Помимо того, в окрестностях озера находится большое количество памятников средневековой археологии (*Археологическая карта России...*, 1999).

ОБЪЕКТ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Чухломское озеро расположено на возвышенности, имеет небольшой водосбор и компактный размер – его площадь составляет около 48,7 км² при максимальной длине с СЗ на ЮВ 8,8 км и максимальной ширине с ЮЗ на СВ 7,6 км. Крупные притоки отсутствуют. По скорости внешнего водообмена озеро относится к средне- и слабопроточным, в нем преобладают автохтонные процессы. Вынос твердого стока, биогенов и загрязняющих веществ затруднен. Озеро является высокотрофным. В настоящее время берега озера заболачиваются, площадь водной поверхности сокращается, ухудшаются условия обитания промысловых видов рыб, в осеннее и зимнее время часто наблюдается замор рыбы. Происходит процесс активной эвтрофикации водоема (Тимофеева и Юхно, 2019). В 1963 г. на реке Вексе, вытекающей из озера, была построена шандорная переливная плотина (высота верхнего бьефа 150,04 м, нижнего – 148,38 м).

Геоморфологическое положение озера и морфометрические характеристики его котловины создают предпосылки для стабильного и непрерывного осадконакопления, что очень важно для палеореконокструкций природных обстановок, поскольку потеря информации из такого палеоархива минимизирована.

Полевые работы для сбора данных были проведены в феврале и июле 2021 г. Во время зимней экспедиции нами были выполнены рекогносцировочные промеры глубины со льда с помощью лота для верификации имеющейся карты 1927-28 гг. и выбора перспективных участков для бурения донных отложений. Оказалось, что распределение глубин на архивной карте не полностью совпадает с реальной батиметрией водоема, вероятно, из-за ошибки плановой привязки точек промеров в 1920-е годы.

Путем ручного бурения со льда при помощи поршневого бура Ливингстона получены две колонки отложений в разных по глубине частях озера. Первая колонка Chu7A длиной 9 метров заложена на глубине 2,6 м; вторая колонка Chu13A длиной 7 метров – на глубине 4,5 м. На участке Chu13A при помощи заморозки дополнительно выполнен отбор верхней слабоконсолидированной части осадка по методике Е.А. Константинова (Konstantinov, 2019). Исследование верхней части осадка нацелено на определение современных темпов осадконакопления путем исследования распределения по разрезу короткоживущих радиоизотопов ¹³⁷Cs и ²¹⁰Pb. Замороженный керн этой части осадка мощностью 0,6 м был распилен на образцы с шагом по 2,5 см. Анализ выполняется на кафедре радиохимии Химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Во время летней экспедиции в июле 2021 г. проведена батиметрическая съемка по всей акватории озера с помощью моторной лодки и двух эхолотов – Deeper Pro+ и Lowrance HDS 9. Получено более 50 тысяч точек измерения глубины. Закартирована структура поверхностного слоя осадков. Построена первая надежная модель донного рельефа Чухломского озера.

На склонах озерной котловины выполнено два буровых профиля: первый – на высоком северном берегу озера в районе Свято-Покровского Авраамиево-Городецкого монастыря и деревни Аринино, второй – на правом борту вытекающей из озера реки Вексы. По двум профилям пробурено 14 скважин ручным буром Eijkelkamp глубиной от 1,4 до 3,6 м и один шурф глубиной 1,76 м. Описано литологическое строение отложений, отобраны образцы на радиоуглеродное датирование (15 из скважин и 2 – из шурфа). В шурфе описана палеопочва и, предположительно, культурный слой, произведен сплошной отбор 18 образцов каждые 10 см.

Высоты и плановое положение горных выработок фиксировались ГНСС ровером EFT M4.

С помощью БПЛА DJI Phantom 4 Pro выполнена съемка берегов Чухломского озера, на основании которой будет построена ЦММ отдельных участков берега.

Керн Chu13A из глубоководной части озера проанализирован в Лаборатории палеоархивов природной среды Института Географии РАН. Отобраны образцы на диатомовый и спорово-пыльцевой анализы для характеристики палеоэкологических и палеоклиматических условий. Эти параметры на настоящий момент находятся в обработке.

Анализ гранулометрического состава отложений колонки Chu13A (136 образцов с шагом 5 см) выполнен на лазерном дифрактометре Malvern Mastersizer 3000 с приемником-диспергатором Hydro EV. Пробоподготовка к измерению включала следующие этапы: для удаления карбонатных примесей предварительно высушенные образцы были разложены в пробирки и залиты 10% раствором соляной кислоты HCl на 1 час, затем трижды отмыты дистиллированной водой с помощью центрифуги. После этого для удаления органического вещества образцы заливались раствором перекиси водорода H₂O₂ и нагревались на водяной бане при температуре 90°C не менее 6 часов. Непосредственно перед измерением в приемнике-диспергаторе производилась обработка ультразвуком для предотвращения коагуляции частиц (40W max, 40 kHz, в течение 100 с). Измерение размеров частиц произведено с использованием дифракционной модели Ми.

Потери при прокаливании (LOI) измерены согласно методике, предложенной Heiri et al. (2001). Материал был разложен в тигли, и последовательно просушен и прокален в муфельной печи на температурах 105°C в течение 12 часов (удаление воды), 550°C в течение 4 часов (удаление органического вещества) и 950°C

в течение 2 часов (потеря CO₂ из карбонатов). После каждого этапа производилось взвешивание образца на электронных весах, потери органического вещества и CO₂ в процентах высчитывались по формулам: LOI 550 = ((DW105–DW550)/DW105)*100 и ΔLOI 550–950 = ((DW550–DW950)/DW105)*100, где DW – сухой вес, соответственно.

Удельная массовая магнитная восприимчивость (MB) измерена с помощью прибора ZH Instruments SM 150 L на низкой частоте (500 Hz). Перед измерением образцы в порошке были высушены при температуре 40°C в течение 24 часов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Батиметрическая съемка позволила проанализировать рельеф дна Чухломского озера. Составленная нами карта существенно уточняет представления о морфологии озерной котловины. Исторически у отдельных частей озера сложились местные названия (т.н. глуби), например – Чухломская, Южная, Елочная, Озерко, Ровные воды, Святицкая (напротив устья реки Святицы) и другие (по названиям рек) (карта 1927-28 гг.). Результаты нашей съемки показали, что наиболее глубоководная зона имеет вид двух ложбин, расходящихся от центра озера в сторону г. Чухломы (на юго-восток) – Южная и Чухломская глуби. Максимальная глубина в этой зоне (и для всего озера) достигает 5,44 м. Средняя глубина озера составляет 2,38 м (медианная – 2,26 м, модальная – 2,24 м). Глубины 2,1-2,3 м при этом занимают 37% площади, а глубины 1,9-2,6 м – 66,33%. По гистограмме распределения глубин видно, что существует две ступени – 2,0-2,4 м и 1,5-1,8 м (Рис. 1). Бурение отложений было произведено как в глубоководной части (Chu13A заложена на глубине 4,5 м в Южной глуби), так и на поверхности, принадлежащей фоновым глубинам (Chu7A на глубине 2,6 м в Святицкой глуби).

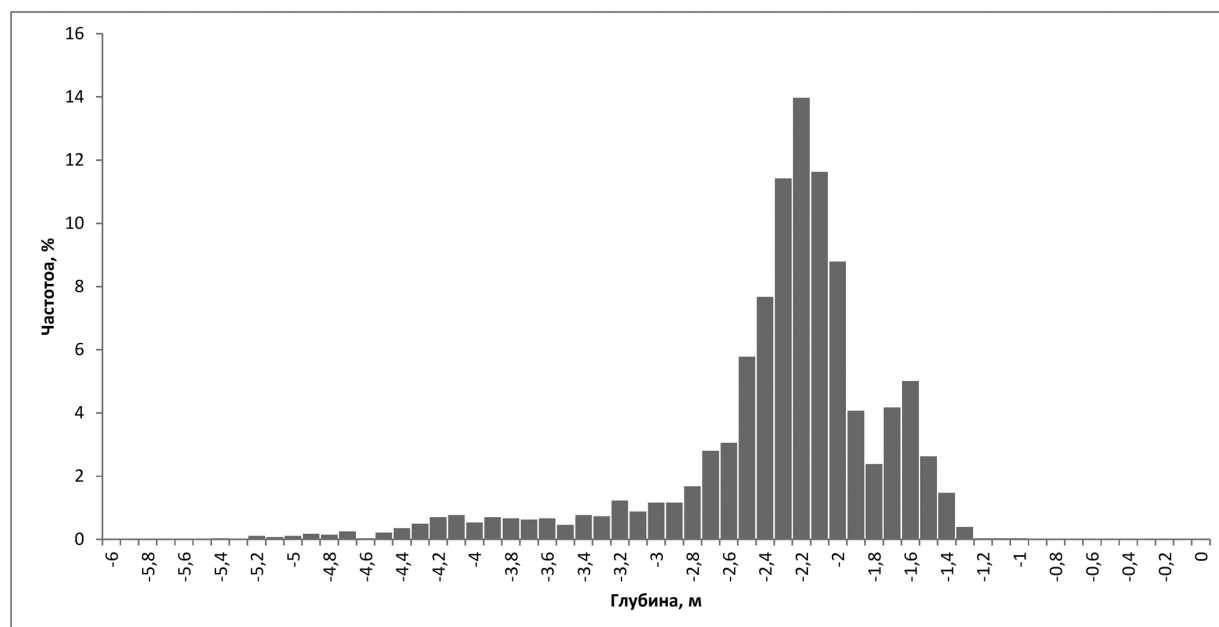

Рис. 1. Чухломское озеро. Гистограмма распределения глубин, %

Донные отложения представлены озерными осадками. Сверху залегает органический ил (сапропель) буро-оливкового цвета мощностью от 2 до 5 м. Ниже залегает неслоистый серый минеральный ил (суглинок) которые продолжается до забоя в обеих скважинах.

Лабораторно-аналитическими методами полностью исследована колонка Chu13A (рис. 2).

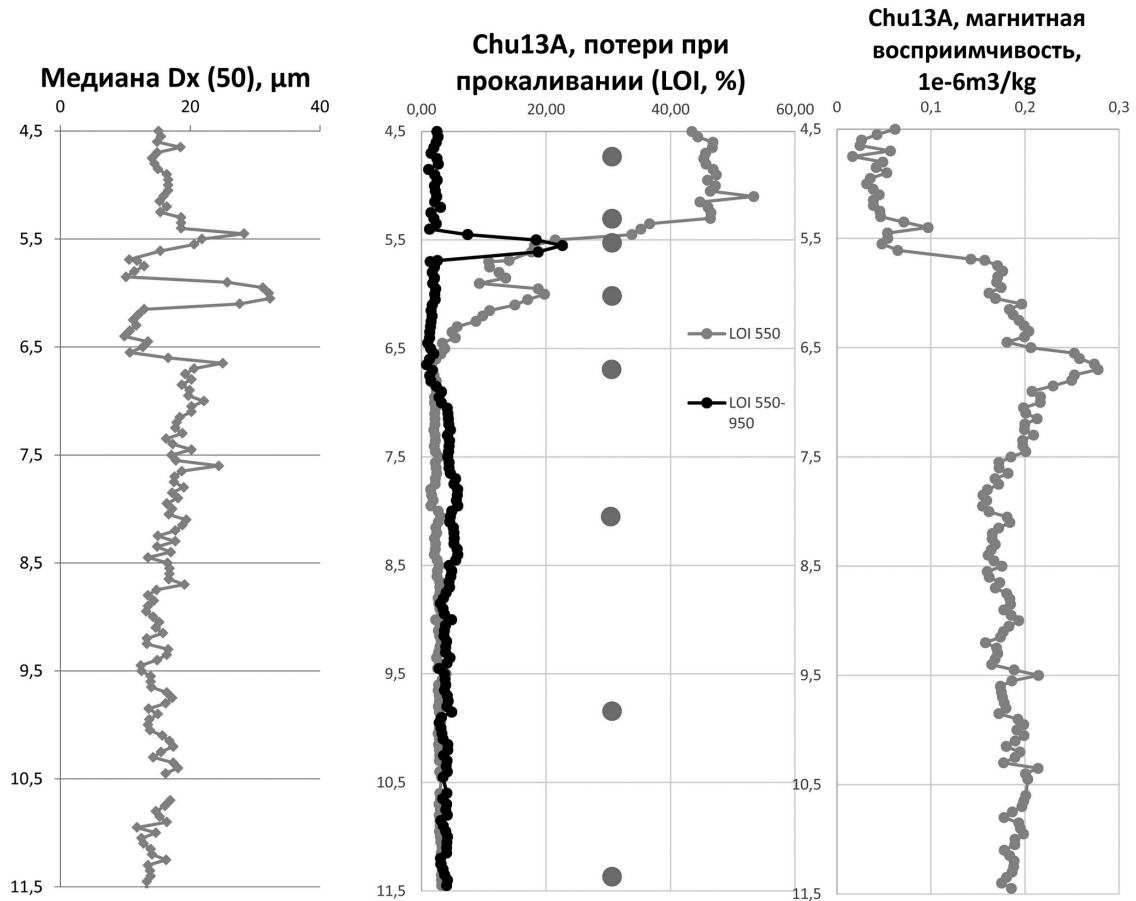
Кривые изменения вещественного состава позволяют выделить этапы изменений в условиях осадконакопления. Так, мы видим, что с глубины 6,4 м вверх по разрезу начинается увеличение содержания органического вещества (LOI 550), затем происходит небольшой спад, и снова резкий рост с глубины 5,4-5,5 м.

Магнитная восприимчивость падает с увеличением в осадке количества органики. В содержании карбонатов ярко выделяется пик на глубине 5,4-5,7 м, которому предшествует этап увеличения крупности наносов на глубине 5,9-6,1 м. На рисунке точками показаны глубины отбора образцов на радиоуглеродное датирование

методом AMS по общему углероду (ТОС) – 4,7; 5,3; 5,55; 6,0; 6,7; 8,1; 9,85; 11,4 м. Датирование производится в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института Географии РАН и Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США). Результаты датирования ожидаются.

Ручное бурение отложений на бортах котловины показало следующее строение. На высоком северо-восточном берегу Чухломского озера, на вершинной поверхности междуречья (Н абс. 178-179 м) под почвенно-растительным слоем и верхним слоем легкого суглинка, гумусированного, вскрываются слои, предположительно, водно-ледникового и ледникового генезиса – опесчаненные прослойки местами слоистые, суглинки с линзами песка, плотные суглинки с обломками пород. Ниже по склону междуречья (Н абс. 155,9 м) в шурфе ARIN-2ш глубиной 1,76 м под почвенно-растительным слоем последовательно вскрываются слои суглинков: легкого серо-светло-коричневого, коричневого с более тяжелым механическим

Рис. 2. Результаты аналитики керна Chu13A. Точки показывают место отбора образцов на радиоуглеродное датирование методом AMS

составом (содержащего включения обломков пород и угольков – вероятно, палеопочва и культурный слой на глубине 0,9-1,5 м) и ниже рыжевато-коричневого уплотненного. Отложения не карбонатные (отсутствует реакция с HCl).

Изучено строение поверхностных отложений в пределах поймы Чухломского озера. Так, вблизи тылового шва поймы, заросшей хвощем (Н абс. 150 м), в скважине глубиной 2 м под очень рыхлым почвенно-растительным слоем вскрывается оторфованный суглинок, ниже переходящий в торф (на глубине 0,87-0,97 м), который подстилается средним серым неслоистым суглинком с коричневыми пятнами до глубины 1,43 м, а еще ниже последовательно сменяющимися слоями

песка с прослоями суглинка, супеси и суглинка серого с включениями хорошо окатанного гравия (до забоя).

На поверхности плоской заболоченной поймы строение изучено до глубины 2,5 м. Здесь под сплавной (до глубины 1-1,4 м) залегает грубодетритовый сапропель с песком и гравием, под которым на глубине 1,58-1,7 м лежит прослой торфа высокой степени разложения, опесчаненного. Торф подстилается гравийно-галечным материалом с песчаным заполнителем. С глубины 1,9 м и до забоя (2,5 м) происходит переслаивание серой супеси и суглинка серого среднего с включениями детрита и древесины. В самой нижней части разреза появляются прослой песка с мелким гравием.

В долине реки Вексы, вытекающей из озера, нами вскрыто строение элементов долины. На низкой пойме (скважина VKS-1, Н абс. 163,65 м) под переслаиванием суглинков разной степени тяжести и оторфованности с глубины 1,2-1,45 м начинается переход через супесь к песку, который на глубине 2,05-2,16 м имеет вид базального аллювия. Этот слой подстилается суглинками серым и рыжеватосерым тяжелым с включениями обломков (вероятно, моренные отложения, забой 2,5 м). В других скважинах на пойме и террасовальных поверхностях присутствуют слои, похожие на озерные отложения (в скважине VKS-2 (Н абс. 163,5 м) нижние слои 3,37-3,8 м (забой), представленные оглиненным песком и буровато-темно-серым суглинком, реагируют с HCl). В прирвовочной части междуречного пространства (скважина VKS-6) в строении отложений наблюдается сначала увеличение плотности и массивности суглинка (от пылеватого на глубине 0,1-0,45 м до плотного массивного на глубине 3,10 м). Ниже появляются включения дресвы, прослой оторфованного серого суглинка (3,30-3,55 м), который подстилается легким песчанистым суглинком с прослоями песка.

Образцы отложений из скважин и шурфа на настоящий момент ожидают лабораторной обработки.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Получена первая корректная карта глубин озера. Анализ топографической модели показывает, что в озере резко доминирует поверхность с глубинами 1,9-2,6 м. Также выделяется мелководная ступень с глубинами 1,5-1,8 м. Максимальные глубины приурочены к двум ложбинам, расходящимся от центра озера в направлении южного берега. Ложбины имеют

морфологические признаки флювиальных форм: плавные изгибы и выдержанная ширина. Вместе с тем, эти формы замкнутые – т.е. они прерываются, что невозможно для нормальных русловых форм. Однако такие формы иногда встречаются в краевых зонах древних ледниковых покровов, а их происхождение связывают с подледниковым стоком (*Раукас и др., 1971*). Другой вариант образования подобных форм – это покрытый карст (*Гвоздецкий, 1988*).

При малой площади водосбора и медленном поступлении материала, приносимого реками, озеро является потенциально хорошим архивом для исследования отложений верхнего плейстоцена. В рельефе дна нет признаков переуглубления (ложбины) в северной части озера, где из него вытекает река Векса. В строении бортов котловины Чухломского озера нет признаков подъема уровня выше современного на протяжении верхнего плейстоцена и голоцена.

Анализ распределения органического вещества, карбонатов и гранулометрического состава по глубине в колонке Chu13A позволяет провести корреляцию с датированными колонками озерных отложений центра Восточно-Европейской равнины – озера Белая Струга и Селигер (*Карпухина и др., 2018; Константинов и др., 2021*). Так, нижний пик органического вещества на глубине 6,4-5,55 м соответствует позднеледниковому потеплению беллинга-аллереда, начавшемуся 14,5 тыс. л. н. А верхний резкий рост органического вещества, отмеченный на глубинах 4,5-5,5 м, соответствует началу голоцена. Таким образом, голоценовые отложения в нашей колонке имеют мощность, предположительно, 1 м, что означает, что подстилающие отложения относятся к позднеплейстоценовому водоему. По нашим предварительным расчетам, экстраполируя средний темп аккумуляции в интервале начало беллинга-начало голоцена,

основание колонки на глубине 11,5 м может иметь возраст около 30 тыс. л. н.

Резкий пик содержания карбонатов в конце позднеледниковья (интервал 5,45-5,69 м) и предшествующий ему пик содержания песчаной фракции маркируют региональные закономерности осадконакопления для озер центра Русской равнины (Величко и др., 2001; Константинов и др., 2021).

Ожидаемые результаты диатомового и палинологического анализов, датировки и лабораторное исследование вещественного состава отложений бортов озерной котловины позволят уточнить и детализировать палеореконструкцию истории развития Чухломского озера в позднем плейстоцене и голоцене.

Список источников и литературы:

1. Археологическая карта России. Костромская область / под ред. Краснова Ю.А. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 1999. – 368 с.
2. Баранов И.В., Терешин А.Б. Гидрохимический режим Галичского и Чухломского озер (Костромская обл.) по результатам исследований 1979 г. // Сборник научных трудов ГОСНИОРХ. – Ленинград : ГОСНИОРХ, 1981. – Вып. 164. – С. 58-67.
3. Величко А.А., Кременецкий К.В., Негенданк Й., Минграм Й., Борисова О.К., Грибченко Ю.Н., Зеликсон Э.М., Климанов В.А., Новенко Е.Ю., Пирумова Л.Г., Писарева В.В., Разумовский Л.В., Тимирева С.Н. Позднечетвертичная палеогеография северо-востока Европы (по данным комплексного изучения осадков Галичского озера) // Известия АН. Серия географическая. – 2001. – №3. – С. 42-54.
4. Гвоздецкий Н. А. Карстовые ландшафты. – Москва: Изд-во МГУ, 1988. – 112 с.
5. Гричук В.П. Растительность Русской равнины в нижне- и среднечетвертичное время // Труды Института Географии РАН. – Москва, 1950. – Вып. 46. – С. 5-202.
6. Жузе А.П. Палеогеография водоемов на основе диатомового анализа//Труды Верхневолжской экспедиции. – Ленинград, 1939. – Вып. 4. – 85 с.
7. Карпухина Н.В., Константинов Е.А., Курбанов Р.Н., Деркач А.А., Матлахова Е.Ю. Механизм образования, возраст и эволюция озерных котловин центральной части Псковской изменности // Геоморфология. – 2018. – №2. – С.32-47.
8. Карта четвертичных отложений: О-38-VII // Геологическая карта СССР. Карта четвертичных отложений. Серия Мезенская, масштаб: 1:200000. // Ред. Бороздина З.И. – Москва: Всесоюзный аэрогеологический трест Министерства геологии СССР, 1972.
9. Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. – Ленинград: Наука, 1975. – 278 с.
10. Лебедев Г.И. Чухломское озеро и его исследователи. – Чухлома: 1959. – 200 с.
11. Марков К.К. Материалы к стратиграфии четвертичных отложений бассейна Верхней Волги // Труды Верхневолжской экспедиции. – Ленинград, 1940. – Вып. I. – 62 с.

-
12. Отчет Судайской гидрогеологической партии о комплексной геолого-гидрогеологической съемке масштаба 1:200 000, проведенной в 1963-1965 гг.: Геологическое строение, гидрогеологические условия и полезные ископаемые территории листа О-38-VII. – Москва, 1965.
  13. Раукас А., Ряхни Э., Мийдел А. Краевые ледниковые образования Северной Эстонии. – Таллинн: Валгус, 1971. – 228 с.
  14. Сиротина М.В., Воронцова Е.Л. Структура зимнего зоопланктона Чухломского озера // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2016. – №2(18). – С. 87-90.
  15. Тимофеева Л.А., Юхно А.В. Гидрологические факторы функционирования экосистем озер Галичское и Чухломское // Озера Евразии: проблемы и пути их решения. Материалы II Международной конференции. – Казань: Академия наук Республики Татарстан. – 2019. – С. 337-342.
  16. Чередниченко Б.Ф. Перспективы развития рыбоводства на Галичском и Чухломском озерах//в кн. Природа Костромской области и ее охрана. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1987. – 80 с.
  17. Чернов А. Материалы к изучению Чухломского озера (из работ Биологической станции Костромского научного общества)// Известия Костромского научного общества по изучению местного края. – Кострома, 1930. – Вып. 2-3. – С. 19-30.
  18. Штурм Л.Д. Предварительный отчет о зимней экспедиции в Галичский, Чухломской и Семеновский районы в 1931 г. // Известия Сапропелевого комитета. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1932. – Вып. 6. – С. 71-78.
  19. Heiri O., Lotter A.F., Lemcke G. Loss on ignition as a method for estimating organic and carbonate content in sediments: reproducibility and comparability of results// Journal of Paleolimnology. – 2001. – 25. – Pp. 101–110.
  20. Konstantinov E.A. A New Technology of Coring for Bottom Soft Sediments//Oceanology. – 2019. – Vol. 59. – Pp. 791–796.
  21. Konstantinov E.A., Panin A.V., Karpukhina N.V., Bricheva S.S., Borisova O.K., Naryshkina N.N., Gurinov A.L., Zakharov A.L. The Riverine Past of Lake Seliger// Water Resources. – 2021. – 48. – Pp. 635–645.

РАЗДЕЛ 2.

История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и Новое время в свете
вещественных источников

© Мацковский В.В., Долгова Е.А.,
Семеняк Н.С., Кузнецова В.В., Соломина О.Н.

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В КОСТРОМЕ И КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ¹

**МАЦКОВСКИЙ В.В., ДОЛГОВА Е.А.,
СЕМЕНЯК Н.С., КУЗНЕЦОВА В.В., СОЛОМИНА О.Н.**

Институт географии РАН, г. Москва

Аннотация: В статье описываются результаты работы над построением Костромской дендрошкалы за период с 2012 по 2021 гг. Приводятся некоторые полученные дендрохронологические датировки. Описываются и те сложности, с которыми мы столкнулись, и возможные способы их преодоления.

Ключевые слова: древесно-кольцевой анализ, ширина годичных колец, датирование архитектуры, дендроархеология.

DENDROCHRONOLOGICAL STUDIES OF RECENT YEARS IN KOSTROMA AND THE KOSTROMA REGION

**MATSKOVSKY V.V., DOLGOVA E.A.,
SEMENYAK N.S., KUZNETSOVA V.V., SOLOMINA O.N.**

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow

Summary: The article discusses and describes the results of work on the development of the Kostroma tree-ring chronology throughout the period from 2012 to 2021. Some dendrochronological dates are presented. The difficulties we have encountered and possible ways to overcome them are described.

Key words: tree-ring analysis, tree-ring width, architecture dating, dendroarchaeology.

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ-21-17-00264

За десять лет работ с дендрохронологическим материалом Костромы и Костромской области нам удалось построить непрерывную древесно-кольцевую хронологию по хвойным породам длиной 534 года (1479-2012 гг., см. Рисунок и Таблицу). Современную ее часть составляют живые деревья из района Кологрива, сосны возрастом до 208 лет и ели возрастом до 297 лет. Шкалу продлевают образцы из архитектурных объектов – дома Скобелкиных (1804 г., длина хронологии 259 лет) и Ильинской церкви (1782 г., длина хронологии 234 года) из Костромского музея-заповедника, а также из церкви Николая Чудотворца из с. Андреевского (1780 г., длина хронологии 217 лет). Далее древесно-кольцевую хронологию продлевают археологические материалы из раскопки «Мелочные ряды I» г. Костроме (1479-1780 гг.).

Спецификой дендрохронологического датирования древесины хвойных в Костромской области являются следующие особенности. Многие образцы хорошо датируются по дендрошкале для Вологодской области (Карпухин, Мацковский, 2014). Другие же образцы не датируются по ней, что говорит о необходимости создания региональной дендрошкалы.

Это, скорее всего, связано со смешанной реакцией произрастающих здесь деревьев как на температуру, так и на условия увлажнения.

В этом году были собраны обширные материалы для заполнения дендрошкалы Костромской области: дома Липатова, Серова и Лоховой из Костромского музея-заповедника (20 образцов), торговые ряды Солигалича (45 образцов), Никольская церковь из д. Ширяево (13 образцов), церковь Воскресения Христова из урочища Леонтьево (6 образцов), новые дендроархеологические материалы из Костромы и Галича (12 образцов), а также старые сосны возрастом до 220 лет рядом с Тотьмой, в непосредственной близости от региона.

Мы видим несколько перспективных направлений для развития региональной дендрошкалы: (1) построение нескольких региональных дендрошкел для ели и сосны с учетом различной климатической чувствительности деревьев; (2) объединение с обширным дендроархеологическим материалом из Ярославля; (3) использование перспективного параметра оптической плотности в дополнение к стандартной ширине годичных колец.²

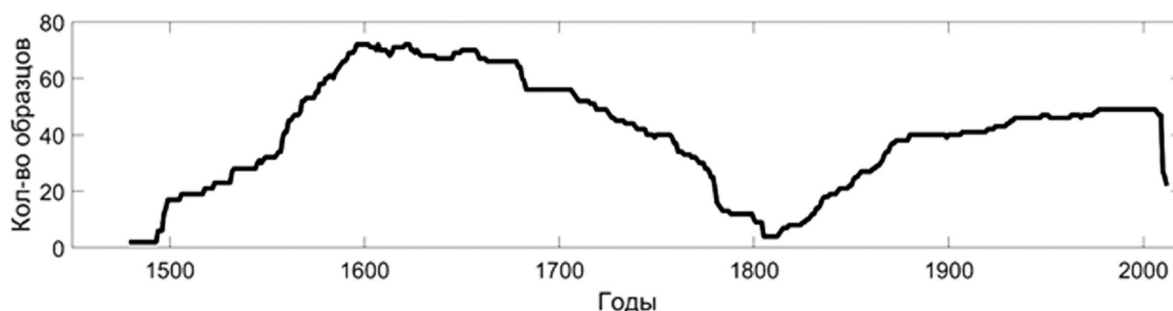

Рисунок. Наполненность Костромской дендрошкалы образцами.

---

² См. Семеняк Н.С., Мацковский В.В. Использование оптической плотности годичных колец для дендрохронологического датирования архитектурных объектов Костромской области

Таблица. Состав Костромской дендрошкалы.

Код	Объект	Координаты	Количество образцов	Первый год	Последний год	Длина, лет
K05S	Сосны у с. Матаны Островского р-на	57.81° с.ш., 42.53° в.д.	7	1805	2012	208
K06S	Сосны у г. Кологрив	58.87° с.ш., 44.23° в.д.	21	1818	2012	195
KL	Ели в Кологривском заповеднике	58.98° с.ш., 44.38° в.д.	21	1713	2009	297
K02A	Церковь Николая Чудотворца, с. Андреевское	58.16° с.ш., 41.30° в.д.	16	1564	1780	217
K13A	Дом Скобёлкина, Костромской музей-заповедник	57.78° с.ш., 40.89° в.д.	16	1563	1804	259
K14A	Церковь Ильи Пророка, Костромской музей-заповедник	57.78° с.ш., 40.89° в.д.	15	1549	1782	234
K09A	Мелочные ряды, Кострома	57.77° с.ш., 40.93° в.д.	20	1479	1780	302

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы благодарим А.С. Лазарева и И.С. Наградова
за поддержку исследований и помощь в сборе дендрохронологического материала,

В.Н. Михаленко, В.И. Мицкевича, Т.М. Кудерину и Р.Р. Бичурина
за помощь при проведении полевых работ.

Список источников и литературы:

1. Карпухин А.А., Мацковский В.В. Абсолютная генерализированная дендрохронологическая шкала бассейнов рек Шексна и Сухона (1085-2009 гг.). // РА. – 2014. – №. 2. – С. 76-87.

РАЗДЕЛ 2.

История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и Новое время в свете
вещественных источников

© Семеняк Н.С, Мацковский В.В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПТИЧЕСКОЙ ПЛОТНОСТИ ГОДИЧНЫХ КОЛЕЦ ДЛЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ДАТИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ¹

СЕМЕНЯК Н.С., МАЦКОВСКИЙ В.В.

Институт географии РАН, г. Москва

Аннотация: В статье рассматривается потенциал применения оптической плотности древесины для датирования исторических объектов на примере церкви Ильи Пророка из села Верхний Березовец Солигаличского района Костромской области.

Ключевые слова: древесно-кольцевой анализ, ширина годичных колец, оптическая плотность.

USING BLUE INTENSITY (BI) FOR DENDROCHRONOLOGICAL DATING OF ARCHITECTURAL OBJECTS OF KOSTROMA REGION

SEMENYAK N.S., MATSKOVSKY V.V.

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow

Summary: In the article we present the results of using the blue intensity of tree rings for dendrochronological dating of historical objects in Kostroma region of Russia. The study was performed for the Church of Ilijah the Prophet from the village of Verkhniy Berezovets, Soligalichsky district of Kostroma region.

Key words: dendrochronology, tree-ring width, blue intensity.

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РИФ-21-17-00264

Когда возраст исторического сооружения неизвестен из-за отсутствия документальных свидетельств, дендрохронология может предоставить точную информацию о времени порубки леса, использованного для строительства, а значит и о дате постройки здания. Тщательно проведенное дендрохронологическое исследование деревянных элементов постройки позволяет также определить периоды ремонта или перестройки зданий.

Самым распространенным измеряемым параметром годовых колец деревьев является ширина. В нашей работе мы дополнительно измерили оптическую плотность поздней древесины (BI). Оптическая плотность – это интенсивность отраженного света в синем диапазоне, которую получают по изображениям кернов в высоком разрешении. Мы используем дельта BI – это разность между оптической плотностью ранней и поздней древесины. Этот параметр все чаще применяют как основу для палеоклиматических реконструкций (*McCarroll et al., 2013; Bjrkklund et al., 2015; Seftigen et al., 2020*). Это обусловлено тем, что оптическая плотность является более климатически чувствительной, чем ширина годовых колец, что особенно важно в умеренной климатической зоне, где наблюдается слабая изменчивость прироста древесины. Оптическая плотность поздней древесины нашла свое применение и в датировании исторических объектов (*Mills et al., 2017; Wilson, et al., 2017*).

В нашем исследовании мы сравниваем потенциал различных параметров годовых колец – ширины кольца и оптической плотности для датирования исторических объектов в Костромской области на примере церкви Ильи Пророка из села Верхний Березовец Солигаличского района.

Для проведения нашего исследования были отобраны 15 образцов из церкви Ильи Пророка, находящейся в настоящее

время на территории Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника в г. Костроме. Образцы отбирались электрическим приростным буром. Такой способ позволяет извлекать керн со всеми годовыми кольцами и наносит минимальные повреждения конструкции. Все образцы помещались в контейнеры для перевозки и подписывались. Отверстия, оставленные после отбора, заклеивались пластилином.

Подготовка, обработка и измерение образцов проходили по общепринятым в дендрохронологии методикам (*Шиятов и др., 2000; Cook and Kairiukstis, 1990; Holmes, 1983; Campbell et al., 2011; Bjrkklund et al., 2014; 2015; Rydval et al., 2014*), описанным ниже.

Перед проведением измерений из древесных кернов удалялась смола. Экстракция происходила с помощью нагретого этилового спирта в аппарате Сокслета. Прибор позволяет производить многократное повторение процесса за счет замкнутости системы. Удаление смол из древесных кернов длится не менее 48 часов.

После извлечения из аппарата Сокслета керны были высушены в вытяжном шкафу и приклеены на специальные деревянные подложки. Далее на микротоме верхний слой древесины был срезан для получения плоской поверхности. Затем на ленточно-шлифовальной машине была произведена шлифовка образцов с последовательными сменами наждачной бумаги (до 1000 зерен) до получения гладкой поверхности, на которой различимы отдельные клетки.

Поверхность кернов была отсканирована с разрешением 3200 dpi на сканере Epson Perfection V700, сопряженном с программным обеспечением Silverfast. Важнейшим этапом является калибровка сканера с помощью цветочек Кодак. Отсканированные керны были измерены в программе Coorecorder,

которая позволяет производить измерения различных параметров годичного кольца на одном керне (Larsson, 2013). Оператор, работающий с этой программой, в полуавтоматическом режиме устанавливает границы годичных колец. Для измерения оптической плотности важным аспектом являются оптимальные размеры выбора «окна», с которого будут «считываться» данные.

После измерения годичных колец с помощью программного обеспечения COFESHA (Holmes, 1983) проводился контроль измерений и перекрестной датировки, поиск выпадающих и ложных колец (Fritts, 1976), отдельно для каждого измеренного параметра.

Сначала осуществлялась перекрестная датировка между различными образцами, принадлежащими одной части постройки, а затем между образцами из различных частей. Для этого использовались программы CDendro, COFESHA и Rinntech TSAPWin.

Полученные «плавающие» хронологии, включающие все датированные образцы, позволяют определить относительные даты внешних колец бревен и, как следствие, соотнести во времени разные части постройки.

Календарная датировка была получена по ширине годичных колец с помощью перекрестного датирования плавающей хронологии для церкви Ильи Пророка, включающей все датированные между собой образцы, относительно Костромской дендрохронологической шкалы, включающей архитектурную и археологическую древесину Костромской области (1479-1804 гг., не опубликована) и Вологодской дендрохронологической шкалы (1085-2012 гг.) (Соломина и др. 2011).

Надежно перекрестно датированы между собой все 15 образцов, отобранных из бревен церкви. Получена плавающая хронология длиной 234 года. Количество измеренных колец в образцах и датировки внешних колец указаны в Таблице 1.

Таблица 1. Датировка образцов, отобранных из бревен церкви Ильи Пророка. (Буквами С, Ю, З, В обозначены стороны света).

Код образца	Описание	Количество годичных колец	Календарная дата внешнего кольца
K14A01	Первое помещение (1, С). Стена слева от входа, четвёртое бревно снизу	145	1771
K14A02	Первое помещение (1, В). Справа от прохода между помещениями, четвёртое бревно снизу	112	1726
K14A03	Первое помещение (1, В). Справа от прохода между помещениями, пятое бревно снизу	154	1760
K14A04	Первое помещение (1, С). Стена слева от входа, бревно с корой, под лавкой.	189	1780
K14A05	Первое помещение (1, В). Справа от прохода между помещениями, шестое бревно снизу	156	1744
K14A06	Первое помещение (1, С). Стена слева от входа, под лавкой и под окном	134	1708

РАЗДЕЛ 2. История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и в Новое время в свете вещественных источников

K14A07	Первое помещение (1, В). Справа от прохода между помещениями, седьмое бревно снизу	203	1760
K14A08	Второе помещение (2,С). Слева от входа, бревно сразу под окном	226	1781
K14A09	Второе помещение, стена справа от входа (2, Ю). Между двумя окнами, шестое бревно снизу, с корой.	118	1763
K14A10	Второе помещение, стена справа от входа (2, Ю). Между двумя окнами, четвёртое бревно снизу, с корой.	210	1758
K14A12	Второе помещение, стена справа от входа (2, Ю). Между двумя окнами, шестое бревно снизу	154	1733
K14A13	Второе помещение, стена справа от входа (2, Ю). Между двумя окнами, четвёртое бревно снизу	130	1779
K14A14	Первое помещение (1, Ю). Права стена, четвёртое бревно.	228	1782
K14A15	Первое помещение, слева от прохода между помещениями (1, В). пятое бревно	163	1760
K14A16	Второе помещение (2, Ю), правая стена, второе окно, первое бревно под окном.	204	1780

Для изучения перспектив использования параметра оптической плотности для дендрохронологического датирования, мы рассчитали статистические показатели сходства серий измерений ширины и оптической плотности годовых колец. Рассчитывались коэффициенты корреляции (СС) и t-статистика критерия Стьюдента для сглаженных и несглаженных серий (ТТ, *Baillie, Pilcher, 1973*). Для каждой серии измерений, полученной по одному образцу, рассчитывались данные значения с мастер-хронологией, представляющей среднее значение всех перекрестно-датированных серий. Эти значения приведены в таблице 2. Серии ширины сравнивались с сериями ширины, серии оптической плотности – с сериями оптической плотности. Кроме сравнения с мастер хронологией, было проведено

попарное сравнение всех серий между собой для получения максимального набора коэффициентов (120 коэффициентов для каждого параметра). Два набора коэффициентов – для ширины и для оптической плотности – сравнивались между собой статистическим критерием Стьюдента для связанных выборок для определения статистической значимости различия их средних значений. Наша гипотеза состояла в том, что среднее значение показателей сходства для серий оптической плотности будет больше, чем для серий ширины. Проверка статистическим критерием подтвердила эту гипотезу на уровне значимости $p=0.0072$ для показателей сходства индивидуальных серий с мастер-хронологией и на уровне значимости $p=3*10^{-7}$ для попарных показателей сходства всех образцов.

Таблица 2. Статистические характеристики сходства серий измерений для образцов из церкви Ильи Пророка со средней мастер-хронологией по всем образцам. Расчёты проведены независимо для двух параметров – ширины годичных колец и оптической плотности.

КОД ОБРАЗЦА	ШИРИНА КОЛЬЦА		ОПТИЧЕСКАЯ ПЛОТНОСТЬ	
	СС	ТТ	СС	ТТ
K14A01	0,52	7,2	0,65	10,2
K14A02	0,56	7,1	0,76	12
K14A03	0,55	8,2	0,67	11,2
K14A04	0,52	8,3	0,6	10,3
K14A05	0,6	9,2	0,63	10
K14A06	0,6	8,6	0,61	8,9
K14A07	0,61	10,8	0,56	9,5
K14A08	0,42	6,8	0,61	11,6
K14A09	0,62	8,5	0,68	9,9
K14A10	0,54	10	0,58	10
K14A11	0,59	8,8	0,64	10,1
K14A12	0,56	7,4	0,63	9
K14A13	0,54	9,7	0,54	9,5
K14A14	0,55	8,4	0,52	7,7
K14A15	0,64	12	0,63	11,6

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Успешное перекрестное датирование 15 кернов, извлеченных из разных частей церкви Ильи Пророка, и создание из них плавающей хронологии длиной 234 года позволило с очень высокой вероятностью определить время заготовки (порубки) бревен для строительства – 1782 год. Стена между четвериком и трапезной состоит из бревен, заготовленных в 1760 году, что может указывать на их повторное использование.

Сравнение показателей сходства для серий ширины годичных колец и для серий

оптической плотности показало, что эти показатели выше для оптической плотности (на уровне значимости $p < 0.0072$). Таким образом, наше исследование продемонстрировало перспективность применения оптической плотности поздней древесины для датирования исторических объектов в Костромской области. В будущем этот метод может помочь датировать археологические и архитектурные объекты, неподдающиеся датировке стандартным способом.

БЛАГОДАРНОСТИ

**Мы благодарим сотрудников Костромского государственного
историко-архитектурного и художественного музея-заповедника,
оказавших нам большую помощь в сборе дендрохронологического материала,
а также В.Н. Михаленко, О.Н. Соломину, Е.А. Долгову
за помощь при проведении полевых работ.**

Список источников и литературы:

1. Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М. Методы дендрохронологии. Ч. I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: Учебно-методич. пособие. Красноярск: КрасГУ, 2000. 80 с.
2. Baillie M.G.L., Pilcher J.R. A simple cross-dating program for tree-ring research. // *Tree-Ring Bulletin* 1973. 33. 7–14.
3. Björklund J., Gunnarson B.E., Seftigen K., Esper J., Linderholm H.W. Blue intensity and density from northern Fennoscandian tree rings, exploring the potential to improve summer temperature reconstructions with earlywood information // *Clim. Past*. 2014. Vol. 10. P. 877–885.
4. Björklund J., Gunnarson B. E., Seftigen K., Zhang P., Linderholm H.W. Using adjusted blue intensity data to attain high-quality summer temperature information: A case study from Central Scandinavia // *The Holocene*. 2015. V. 25(3), P. 547–556.
5. Campbell R., McCarroll D., Robertson I., Loader N.J., Grudd H., Gunnarson B. Blue intensity in *Pinus sylvestris* tree rings: a manual for a new palaeoclimate proxy // *Tree-Ring Res.* 2011. Vol. 67. P. 127–134.
6. Cook E.R., Kairiukstis L.A. *Methods of Dendrochronology: applications in the environmental sciences*. Dordrecht: Kluwer, 1990. 394 p.
7. Fritts H.C. *Tree Rings and Climate*. Academic Press, London, 1976. 567p.
8. Holmes R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // *Tree-Ring Bulletin*. 1983. Vol. 43. P. 69–78.
9. Larsson L. Coorecorder and Cdendro programs of the Coorecorder/Cdendro package version 7.6. 2013. – URL: <http://www.cybis.se/forfun/dendro/> (дата обращения: 01.10.2021)
10. McCarroll D., Loader N.J., Jalkanen R., Gagen M.H., Grudd H., Gunnarson B.E. A 1200-year multiproxy record of tree growth and summer temperature at the northern pine forest limit of Europe // *The Holocene*. 2013. V. 4. P. 471–484.
11. Mills C.M., Crone A., Wood C., Wilson R. Dendrochronologically dated pine buildings from Scotland: The SCOT2K Native Pine Dendrochronology Project // *Vernacular Architecture*. 2017.V. 48(1). P. 23–43.
12. Rydval M., Larsson L.Å., McGlynn L., Gunnarson B.E., Loader N.J., Young G.H.F., Wilson R. Blue intensity for dendroclimatology: should we have the blues? Experiments from Scotland // *Dendrochronologia*. 2014. Vol. 32 (3). P. 191–204.
13. Seftigen K., Fuentes M., Ljungqvist F.C., Björklund J. Using Blue Intensity from drought-sensitive *Pinus sylvestris* in Fennoscandia to improve reconstruction of past hydroclimate variability // *Climate dynamics*. 2020. V. 55. P. 579–594.
14. Wilson, R., Wilson D., Rydva, M., Crone A., Büntgen U., Clark S. Facilitating tree-ring dating of historic conifer timbers using Blue Intensity // *Journal of Archaeological Science*, 2017. V.78. P. 99–111.

РАЗДЕЛ 2.

История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и Новое время в свете вещественных источников

© Кузьминых С.В.

ГАЛИЧСКИЙ «КЛАД» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

КУЗЬМИНЫХ С.В.

Институт археологии РАН, г. Москва

Аннотация: Галичский «клад» – уникальный комплекс, давно ставший хрестоматийным в отечественной и европейской археологии. Пристальный интерес к нему не ослабевает до сих пор. Дело не столько в давности лет, прошедших со дня его обнаружения (23 марта 1836 г.). Галичский «клад» будоражит умы многих поколений исследователей и продолжает оставаться своеобразной загадкой на фоне окружающих археологических культур и памятников бронзового века.

Ключевые слова: историография археологии, Галичский «клад», бронзовый век, сейминско-турбинский феномен, В.А. Городцов, А.М. Тальгрэн, В.И. Смирнов, Л.Н. Казаринов, П.Н. Третьяков.

GALICH «TREASURE» IN DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

KUZMINYKH S.V.

Institute of Archaeology, RAS, Moscow

Summary: The Galich “treasure” is a unique complex that has long become a textbook in Russian and European archaeology. The intense interest in him has not weakened so far. It’s not so much about the years that have passed since its discovery (March 23, 1836). The Galich “treasure” excites the minds of many generations of researchers and continues to remain a kind of mystery against the background of the surrounding archaeological cultures and monuments of the Bronze Age.

Key words: historiography of archeology, the Galich “treasure”, the Bronze Age, the Seima-Turbino phenomenon, V.A. Gorodtsov, A.M. Tallgren, V.I. Smirnov, L.N. Kazarinov, P.N. Tretyakov.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-09-40115 (Древности) «Научные коммуникации в отечественной археологической науке во второй половине XIX – первой четверти XX в. (на основе неопубликованных архивных источников)».

Проблема Галичского «клада» требует, безусловно, специального историографического обзора, поскольку материалы Галичского «клада» и Туровского поселения, составлявшие, по мнению большинства исследователей этих памятников, единое целое, играли очень важную роль в отечественной и европейской историографии эпохи раннего металла, особенно в становлении концептуальных представлений о бронзовом веке северной половины Восточной Европы. Сама история обнаружения «клада» и перипетии его дальнейшей судьбы, исполненные, без преувеличения, во вполне детективном жанре (см. подробнее: *Студзицкая, Кузьминых, 2001. С. 124–129*), подробно описаны А.А. Спицыным (1903. С. 104–108) и повторены В.А. Городцовым (1928. С. 13–16). Материалы раскопок Туровского поселения, с которым долгое время связывался Галичский «клад», наиболее полно освещены А.М. Тальгреном (*Tallgren, 1911. С. 30–44*), В.А. Городцовым (1928. С. 16–49) и А.Х. Халиковым (1969. С. 202–205).

Первые комментарии о вещах Галичского «клада» появились вскоре после его обнаружения. Епископ Павел, передавая находки, полученные от Д.С. Бестужева, в Общество истории и древностей российских, в сопроводительном письме на имя секретаря Общества отметил, что «сии весьма любопытные вещи напоминают собою языческий быт предков наших» (*Павел, 1837. С. 101*). Об этих же предметах профессор Московского университета археолог И.М. Снегирёв оставил в личном дневнике следующую запись: «... присланы идола и греческие орудия медные, найденные в с. Туровске близ Галича» (*Дневник..., 1904. С. 238*). Краевед П.П. Свинын в своих оценках был осторожнее: хотя он и приписывал галичские находки летописной мере (*Свинын, 1837. С. 104*), но при этом оговаривался, что без сопоставления с музейными собраниями судить о предметах трудно. Свинын проявил,

кроме того, удивительную проницательность, сравнив эти вещи с шаманскими изображениями из Сибири.

Исследователи-профессионалы, начиная с основоположника финской археологии Й.Р. Аспелина, единодушно относили Галичский «клад» к бронзовому веку. Аспелин, в частности, связывал его с северным бронзовым веком Европейской России, который рассматривался им как продолжение урало-алтайского бронзового века в связи с гипотезой о саяно-алтайской прародине финно-угорских народов (*Aspelin, 1875; 1877*).

Столь же общим было первоначальное представление о «кладе» у А.А. Спицына (1903. С. 109, 110), но чрезвычайно важно, что он сближал его в рамках «восточного» медного века² с находками из Коршуново в верховьях Камы. Спустя четверть века Александр Андреевич выделил особую коршуновскую культуру, в которую наряду с Коршуновским объединил еще ряд кладов младшего медного века³. При этом Спицын указал, что «по накоплению материала придется Коршуновскую культуру близко примкнуть к Абашевской», что абашевские вещи в той и другой «уводят обе культуры на восток в Среднюю Азию, увлекая за собой... Галичский клад и Сейминскую культуру» (*Спицын, 1928. С. 486*). Последняя фраза свидетельствует о том, что исследователь остался верен своему изначальному представлению о восточных истоках бронзового века на юге и севере Европейской России. Сближая в культурном и хронологическом отношении Коршуново и Абашево, он отделял от них Галичский «клад» и сейминскую культуру.

---

² Речь идет о медном и бронзовом веке севера, центра и востока Европейской России; см. о взглядах А.А. Спицына о «восточном» бронзовом веке: (*Кузьминых, Сафонов, 2008; 2009*).

³ Впоследствии эти клады отойдут к абашевской (Красный яр, Верхнекизильский), срубной (клад Москотельникова из д. Ильдеряково Бирского у. Уфимской губ.) и другим культурам позднего бронзового века.

Для В.А. Городцова и А.М. Тальгрена обращение к Галичскому «кладу» и Туровскому поселению в значительной мере было связано с обсуждением проблем фатьяновской культуры, в частности, выявления культурных импульсов – западного или юго-восточного, приведших к сложению данного культурного образования. Причем финский ученый в опубликованных трудах о Галичском «кладе» и Туровском поселении (см. их список: *Студзицкая, Кузьминых, 2001. С. 124*), а также в переписке с российским коллегой (*Кузьминых, Сафонов, 2003. С. 6-8*) значительно чаще обращается к материалам «клада», нежели Городцов. Для Михаила Марковича⁴ – в отличие от работ Василия Алексеевича – Галич и Турово являлись гораздо более важным репером в культурных и хронологических построениях, связанных с бронзовым веком Восточной Европы.

Первоначально, в «Бытовой археологии», В.А. Городцов видел в Галичском «кладе» проявление соприкосновения сибирского культурного течения со среднеазиатским (культура так называемого финляндского луча), а также признаки вполне установившихся религиозных воззрений (*Городцов, 1910. С. 278*). Такая точка зрения логично вытекала из исповедуемой им теории о вековой неспособности народов севера и центра Европейской России к генерированию значимых культурно-технологических идей и созиданию «высших форм» культуры (*Черных, Кузьминых, 1991. С. 98–100*).

Если не учитывать ранних популярных статей А.М. Тальгрена (*Tallgren, 1910. P. 507*), то он к проблеме Галичского «клада» впервые обратился в переписке с В.А. Городцовым в начале 1911 г. в связи с находками из Младшего Волосовского могильника⁵. «Я всегда думал, что культуры из Волосова не могут быть отнесены к

более позднему периоду, чем ко времени Галичского клада»⁶, – так он прокомментировал информацию о результатах раскопок российского коллеги в 1910 г. близ Муром. Финский ученый после полевых работ в Турово в 1909 г. пришел к заключению о взаимосвязи Галичского «клада» с одним из керамических комплексов поселения, который он в своем диссертационном исследовании сопоставил с посудой из могильников фатьяновского типа в центре Русской равнины (*Tallgren, 1911. S. 49*). Тальгрэн изначально был убежден в синхронности фатьяновских и галичских древностей, равно как и в фатьяновской принадлежности самого «клада». Эту идею Михаил Маркович отстаивал и в дальнейших работах – вплоть до середины 1920-х годов (*Tallgren, 1915. S. 81; 1916. Fig. 4; 1920. P. 12; 1924. Pp. 2-6*).

По мнению В.А. Городцова, сформировавшемуся к 1915 г. в переписке с А.М. Тальгреном, а затем получившему отражение в ряде опубликованных трудов (Городцов, 1927; 1928), Галичский «клад» являлся более поздним, чем Сейминский могильник, а тем более фатьяновская культура, и датировался концом эпохи бронзы (около IX в. до н.э.). В то же самое время фатьяновская культура, как считал Василий Алексеевич, хронологически не выходила за рамки середины II тыс. до н.э. Этой позиции российский исследователь будет держаться до конца своих дней.

В первой половине 1920-х гг. проблема Галичского «клада», его датировки и культурной принадлежности была в центре научных интересов В.А. Городцова и А.М. Тальгрена: оба исследователя готовили обобщающие работы по данной проблеме (*Tallgren, 1925; 1926a; Городцов, 1928*). В этой связи не случайным явилось обстоятельное обсуждение проблем галичской и других культур севера и северо-востока

---

⁴ Так величали финского ученого русские коллеги.

⁵ См. о культурной и хронологической принадлежности этого памятника: (*Кузьминых, Чижевский, 2006. С. 162–170*).

⁶ Здесь и далее цитируются письма А.М. Тальгрена к В.А. Городцову, хранящиеся в Отделе письменных источников ГИМ (Ф. 431. Ед. хр. 461), и письма Городцова к Тальгрэну из Рукописного отдела Национальной библиотеки Финляндии (*Coll. 230-5*).

Европейской России во время их последней встречи в Москве 27 июля 1924 г., вскоре после июньских раскопок Василия Алексеевича на Туровском поселении. Тогда, как бы подводя итог их диспуту, Городцов записал в дневнике: «Мне лично кажется невозможным галичскую культуру сравнивать и относить к одному времени ни с фатьяновской, ни с сейминской» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 196. Л. 84об).

Пристальный интерес российского ученого в те годы к проблеме Галичского клада и Туровского поселения был вызван не только полемикой с финским коллегой, но прежде всего с исследованиями 1921–1923 гг. (причем не вполне профессиональными) костромских краеведов В.И. Смирнова и Л.Н. Казаринова (*Городцов, 1928. С. 18*). 20 декабря 1921 г. Смирнов познакомил Городцова с результатами своих пробных раскопок на Туровском поселении. После этого разговора и обсуждения Василий Алексеевич оставил следующую запись: «Относительно времени найденных Смирновым вещей можно сказать, что они могут быть одновременными с кладом, но странно нахождение железных шлаков...» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 196. Л. 90). Несмотря на эту «странность» и отмеченную архаичность керамики (которую он готов был отнести ко времени катакомбных погребений), Городцов заключает: «Лично я давно уже приходил к заключению, что вещи Галичского клада должны относиться к началу железной, а не к бронзовой эпохе, как это утверждает Тальгрэн» (*Там же. Л. 90, 90об*). При этом исследователь задается вопросом: «Но может быть на Заячьем холме существует несколько культурных наслоений?» (*Там же. Л. 90об*).

31 марта 1923 г. в заседании Общества друзей Российского Исторического музея В.И. Смирнов сделал сообщение «Новые данные о Галичском кладе», доведя до слушателей результаты своих раскопок на Туровском поселении в 1922 году.

Комментарий выступления и обсуждения вновь нашел отражение в бумагах В.А. Городцова. Основываясь на находках железных шлаков, Василий Алексеевич заметил, что «Смирнов верно отнес содержимое культурного слоя к началу жел[езной] эпохи. Но не имеется ли дело с двумя культурными наслоениями?» (*Там же. Л. 94 об*). И все же в итоге Городцов принимает на веру утверждение костромского краеведа о том, что «культурный слой один». Из этой – вовсе не доказанной – посылки последовало столь же необоснованное заключение: «Галичский клад и всё содержимое культ[урного] слоя придется отнести к ранней поре неометаллической (железной) эпохи». Исследователь полагает, что «вся Галичская культура синхронна II Волосовскому⁷ [могильнику] и Гальштатской культуре Зап[адной] Европы. Она будет моложе Фатьяновской и даже Сейминской культур. Время ее, вероятно, около X в. до Р.Хр.» (*Там же. Л. 94об*).

В январе 1924 г. Василий Алексеевич познакомился с отчетом о раскопках В.И. Смирнова и Л.Н. Казаринова на Туровском поселении в 1923 г., после чего им даже планировалась поездка в Кострому для более тщательного изучения материалов раскопок. В бумагах Городцова сохранился пространный конспект этого отчета (*Там же. Лл. 95–99*). Выводы, к которым он пришел, существенно не расходились с предшествующими. Исследователь посчитал прочно установленным факт совместного нахождения каменных орудий с железными. Далее им было отмечено, что отношение этих вещей с медными предметами Галичского «клада» с надежностью не установлено, «хотя нет ничего такого, что бы могло мешать их одновременному существованию» (*Там же. Л. 98об*). Вывод, как видим, достаточно парадоксальный.

---

⁷ Речь идет о Младшем Волосовском могильнике начала эпохи раннего железа. Материалы раскопок В.А. Городцова хранятся в ГИМе.

Раскопки, предпринятые В.А. Городцовым на Туровском поселении в июне 1924 г., ставили своей целью окончательно решить вопрос о соотношении поселения и Галичского «клада» (Городцов, 1928. С. 18). В итоге Василий Алексеевич пришел к следующим суждениям: 1) «установлена связь клада со стоянкой»; 2) «клад принадлежал одному или группе обитателей стоянки»; 3) железные, медно-бронзовые и каменные орудия, найденные на поселении, являются одновременными. В этой связи Городцов посчитал, что даты, ранее предложенные Спицыным и Тальгреном, «сами собой падают» (Там же. С. 50).

Полемика вокруг проблемы галичской культуры, что состоялась между В.А. Городцовым и А.М. Тальгреном 27 июля 1924 г., произошла вскоре после завершения раскопок Туровского поселения. Несмотря на все предшествующие сомнения в однослойности культурных отложений и однородности археологических материалов, Василий Алексеевич объединил в рамках галичской культуры, по сути, три разновременных керамических комплекса, связанных с культурами гребенчато-ямочной керамики (поздний неолит – энеолит), «фатьяноидной» или чирковской (эпоха бронзы) и дьяковской (эпоха раннего железа). Именно с последним, «текстильным», комплексом керамики были связаны находки железных орудий и шлаков. Выслушав возражения финского коллеги, Городцов, судя по всему, в раздражении записал, что «Тальгрэн плохо разбирается в русских древностях и едва ли верны его мысли, которые он уже много лет развивает» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 196. Л. 83об).

Следует отметить, что во второй половине 1920-х и в 1930-е годы взгляды А.М. Тальгрена на соотношение Галичского «клада» с Туровским поселением и с фатьяновской культурой кардинально изменились. «Катализатором» перемен была жаркая полемика с австрийским (с 1928 г.

немецким) археологом Геро фон Мергарт-ом⁸ в их переписке начала 1920-х гг.⁹, а последней каплей в этом споре стало появление Турбинского могильника (Schmidt, 1927). Этот памятник (ныне в черте г. Перми) удален от Сейминского могильника (близ Нижнего Новгорода) на сотни километров: связать его с фатьяновской культурой уже было невозможно.

Мергарт и в переписке, и в своей книге «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926) не поддержал фатьяновскую принадлежность Галичского «клада», несмотря на очень заметное влияние работ и идей Тальгрена на ход его исследований. Острый и пытливый ум австрийского археолога подметил некоторые нестыковки в аргументации финского коллеги. Не случайны следующие строки в одном из писем Геро Вальтеровича¹⁰: «Мы¹¹ были именно чересчур «тальгренизированы», но пришли постепенно в течение моей работы к тому, что «это невозможно» (22/23.08.1924).

Михаил Маркович отстаивал идею о культурной и хронологической взаимосвязи Сеймы и фатьяновской культуры и изначально датировал Сейму 2000–1700 гг. до н.э. Мергарт, напротив, настаивал на разграничении Сеймы и Галичского клада с фатьяновскими древностями. Австрийский археолог верно подметил бóльшую древность (около 2000 г. до н.э.) и длительность существования фатьяновской культуры. Ее истоки коренились, по его мнению, в неолите, а финал приходился на время Сеймы; основанием для этого вывода послужили находки фатьяновской керамики на Туровском и Сейминском поселениях.

---

⁸ См. о биографии Мергарта и его вкладе в сибирскую археологию: (Детлова, 2006; Китова, 2007. С. 164–169; Parzinger, 2008. S. 11–45; Кузьминых, Детлова, 2010).

⁹ Ниже цитируются письма Г. Мергарта к А.М. Тальгрэну из Рукописного отдела Национальной библиотеки Финляндии (Coll. 230–9). Благодарю Е.В. Детлову за их перевод.

¹⁰ Так величал Мергарта в шутку Тальгрэн, имевший свое русское имя и отчество.

¹¹ «Мы» – это Мергарт и один из его учителей профессор Пауль Рейнеке; см. о нем: (Filip, 1969. S. 1133).

Геро Вальтерович рассматривал Сейму как гораздо более поздний памятник, одновременный Галичскому кладу. При этом он опирался на находки в обоих памятниках морфологически близких кинжалов с пластинчатыми клинками и металлическими рукоятями с фигурками животных (см. о них: Черных, Кузьминых, 1989. С. 108–110). Первоначально и Сейму, и Галичский клад Мергарт синхронизировал со временем раннего гальштата (1200–1000 гг. до н.э.), но позднее отнес к более развитой стадии бронзового века, нежели фатьяновские древности, и датировал 1400–1300 гг. до н.э. От фатьяновской культуры он отделял не только Сейму и Галичский клад, но и Турбинский могильник, ставший известным после исследований А.В. Шмидта в 1924–1927 гг. (Schmidt, 1927).

Появление Турбино дало Мергарту повод заявить своему финскому другу, что «Галич не относится к Фатьяново! Галичскому кладу нечего делать с Вашими находками со стоянок в К.Вг.О.Р. [Tallgren, 1911]. Здесь, по моему убеждению, ошибка, из которой затем вырастает длинный крысиный хвост. Нет ни единого галичского топора, который с определенностью относится к Фатьяново <...> Если бы собственно галичская находка была бы положена в фатьяновский горшок – чего определенно не было – даже тогда я бы еще не поверил в одновременность обеих культур. И доказательств в керамике насчет взаимной принадлежности галичской находки и Галичского поселения я также не вижу. Вам совсем будет непросто так легко убить Ваших сиамских близнецов Фатьяново – Галич. Но это определенно лучше, если Вы это сделаете сами, чем это сделает другой, причем я охотно буду крестным отцом» (22/23.08.1924).

А.М. Тальгрэн, этот «человек, неудачник, ослепленный почитатель идола из Галича!» (31.12.1924), в итоге прислушался – не сразу! – к доводам друга и сам развел

своих «сиамских близнецов», отказавшись от идеи о фатьяновской принадлежности Галичского «клада». С середины 1920-х гг. финский ученый связывал «клад» или с галичской культурой (Tallgren, 1925. P. 336; 1926. P. 140, 141; 1937a. P. 114), или рассматривал его в целом среди древностей северного бронзового века Европейской России (Tallgren, 1937. P. 18, 44). Одновременность клада и Туровского поселения Михаил Маркович продолжал считать вполне определенной, но культурные отложения самого поселения он относил к двум различным культурам – фатьяновской и культуре гребенчатой керамики (Tallgren, 1926a. S. 166)¹². Аналогии предметам клада Тальгрэн отмечал в Прикубанье и далее – в Анатолии. В отличие от Городцова он датировал вещи клада первой половиной II тыс. до н.э., отмечая при этом, что «может быть они немного моложе так называемой фатьяновской культуры, но разница в хронологии вряд ли существенна» (Tallgren, 1926a. S. 166).

В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн вкладывали в понятие «галичской культуры» различное содержание. Василий Алексеевич после раскопок 1924 г. пришел к мысли о взаимосвязи поселения и клада, а также их принадлежности к галичской культуре, охватывавшей районы Костромского Заволжья и ориентированной своими основными связями на Урал (Городцов, 1928. С. 50, 51). При этом время поселения и клада, исходя из убеждения об одновременности употребления на раскопанном им памятнике железных, медно-бронзовых и каменных орудий, было определено VIII в. до н.э. Михаил Маркович, напротив, рассматривал галичскую культуру как образование отнюдь не локальное, только заволжское. Она охватывала, по его мнению, центральные и северные районы

---

¹² Именно последний – поздненеолитический (Гаврилова, 1977) или энеолитический (Третьяков, 1970) – комплекс керамики Туровского поселения отождествляется в настоящее время с понятием «галичская культура».

Русской равнины, являясь, в нашем современном представлении, аналогом «фатьяноидных» или чирковских древностей, выделенных здесь позднее¹³.

Другое важное отличие позиций российского и финского ученых заключалось в том, что Галичский клад «встраивался» Таллгреном в определенную культурно-хронологическую систему древностей, а именно: Галич – Сейма – Турбино – Бородино, 1600–1300 гг. до н.э. (Tallgren, 1925. P. 341), Абашево – Галич – Сейма – Турбино (Tallgren, 1929. S. 16) или Галич – Сейма – Турбино – Коршуново – Усть-Сысольск – Волхов, 1300–1100 гг. до н.э. (Tallgren, 1937. P. 18). Среди своих современников финский археолог был наиболее близок к признанию культурного единства большинства из этих памятников.

Во второй половине 1930-х годов, состоя на службе в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР (Кунсткамера), В.А. Городцов познакомился в Ленинграде с материалами Средне-волжской и Верхневолжской экспедиций ГАИМК, а также с предварительными результатами изучения материалов памятников эпох неолита и бронзы, раскопанных в ходе этих работ (Третьяков, 1931; 1935), и оставил следующие заметки: «Третьяков относит абашевскую культуру ко 2-й половине II тыс. до н.э. и полагает, что к этому времени относится и Галичское поселение и клад, с чем нельзя согласиться <...> однозначно, что Галичская культура была современна киммерийской культуре юга России, но она ничем не связана с Абашевской культурой, которая несколько старше Галичской» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 159. Лл. 6, 6об).

Однако после открытия памятников абашевской культуры на Средней Волге и Верхне-Кизыльского клада в Южном Зауралье в конце 1920-х – начале 1930-х годов в отечественной археологии все

чаще стали появляться утвердительные (Bortvin, 1928) или осторожные (Третьяков, 1935. С. 133) предположения об абашевской принадлежности Галичского «клада» и ставиться под сомнение его взаимосвязь с Туровским поселением. Эта точка зрения возобладала в 1950–1960-е годы (Ефименко, Третьяков, 1961. С. 91; Сальников, 1962. С. 65; 1967. С. 45, 46; Киселев, 1965. С. 51), хотя еще продолжала жить и идея об отношении данных памятников к городцовской галичской культуре (Брюсов, 1952. С. 179). Наиболее активным проводником гипотезы о принадлежности Галичского клада к абашевской культуре был в те годы К.В. Сальников.

Одновременно А.Х. Халиков (1969. С. 203–206) столь же активно продвигал иную точку зрения на эту проблему: Галичский клад был оставлен, по его мнению, той группой населения Туровского поселения, с которой исследователь связывал комплекс керамики чирковско-сейминского (или фатьяноидного) типа. Спустя двадцать лет он повторил свои основные аргументы (Халиков, 1987. С. 138). В настоящее время абашевская принадлежность Галичского клада наиболее настойчиво отстаивается, пожалуй, О.В. Кузьминой (2000. С. 100) и А.Н. Никитиным (2000. С. 148). Более осторожен в своих суждениях А.Д. Пряхин, полагающий, что так называемые «клады» типа Галичского могли быть результатом «распространения абашевского металла на более северные территории» (Пряхин, Халиков, 1987. С. 128).

В последние десятилетия существенно возрос интерес к изучению сейминско-турбинских древностей, особенно после обоснования гипотезы о формировании в Северной Евразии сейминско-турбинского транскультурного феномена (Черных, Кузьминых, 1987; 1989). Е.Н. Черных и мною было показано, что для восточноевропейских сейминско-турбинских групп взаимосвязи с племенами абашевской общности были преобладающими. Речь прямо шла об инкорпорации

---

¹³ См. о «фатьяноидных» и чирковских древностях бронзового века: (Гурина, 1963; Гадзяцкая, 1992; Соловьев, 2000; 2016; Воронин, 2000; и др.).

представителей абашевских культур в структуру сейминско-турбинских популяций. Галичский «клад» – наряду с Турбино, Коршуново, Сеймой и Решным, – в наибольшей степени отражает глубину этих взаимосвязей.

В восточноевропейских культурах позднего бронзового века вещи сейминско-турбинского типа, а тем более кинжалы – оружие «княжеского» ранга, – встречаются крайне редко, и ни разу они не зафиксированы в собственно абашевских памятниках. Именно в этой связи было высказано предположение о принадлежности Галичского «клада» к числу разрушенных сейминско-турбинских могильников (*Денисов, Кузьминых, Черных, 1988. С. 52*). Позже была высказана гипотеза о том, что в случае с Галичским «кладом» мы имеем дело «с комплектом вещей, которые сопровождали захоронение шамана или кенотаф с культовой одеждой и соответствующими атрибутами шаманской ритуальной практики» (*Студзицкая, Кузьминых, 2001. С. 133, 134*). Не только ритуально-культовый комплект, но весь набор «клада» непосредственно связывались с историей удивительно яркого и своеобразного сейминско-турбинского феномена (*Там же. С. 137*).

Несколько слов о связи Галичского «клада» с Туровским поселением. Трудно разделить убеждение А.М. Тальгрена, В.А. Городцова и А.Х. Халикова, стремившихся непременно связать «клад» с поселением в целом или с одним из его керамических комплексов. Это сродни попыткам объявить родственными Сейминский могильник и одну из групп поселенческой посуды Сейминской дюны, Турбинский могильник и поселения гаринского типа. О безуспешности таких попыток уже было неоднократно сказано (*Черных, Кузьминых, 1989. С. 227–230*).

Слой Туровского поселения, как известно, также неоднороден. В рамках галичской культуры Городцов объединял по сути три разновременных группы

керамики: гребенчато-ямочную (поздний неолит – энеолит), «фатьяноидную» (эпоха бронзы) и «текстильную» (ранний железный век, судя по наличию орудий из железа в слое Туровского поселения). Вторую из этих групп (а вместе с нею и «клад») Тальгрэн первоначально сопоставлял с фатьяновской культурой, а затем с галичской. Впоследствии эти же материалы и «клад» будут отнесены Халиковым к чирковско-сейминской культуре.

В настоящее время понятие «галичская культура» распространяется только на поздненеолитический (*Гаврилова, 1977*) или же энеолитический комплекс керамики Туровского поселения (*Третьяков, 1970*). Лишь В.П. Третьяков и И.В. Гаврилова, а также Л.В. Кольцов (*1971*) избежали соблазна связать одну их групп поселенческой посуды с «кладом». Таких оснований, на наш взгляд, не было изначально. Стратиграфически «клад» никак не связан с многослойным – ныне уже не существующим (*Кольцов, 1971. С. 63; Комаров, 1999. С. 29*) – поселением, если судить по плану В.А. Городцова (*1928. Рис. 32*). Но даже если бы он был впущен в слой поселения, вопрос о культурной принадлежности самого «клада» не мог решаться столь однозначно, как это было сделано нашими предшественниками.

Косвенная связь «клада» с материалами поселения действительно существует: в его слое при раскопках В.А. Городцова был обнаружен бронзовый пластинчатый нож (*Городцов, 1928. Табл. I: 1; Кузьминых, 2011. Рис. 2: 4*), который принадлежит к числу характерных сейминско-турбинских орудий. Хронологически нож может быть сопоставим только с «фатьяноидным» керамическим комплексом Туровского поселения. Но повторю, связь «клада» с поселением только косвенная. Остается надеяться, что дальнейшие исследования приоткроют таинственную завесу в истории Галичского «клада», его связи с Туровским поселением и сейминско-турбинскими бронзами.

Список источников и литературы:

1. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. – Москва: АН СССР, 1952. – 263 с.
2. Воронин К.В. От социальной адаптации к культурной интеграции: (К вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне) // ТАС. – 2000. – Вып. 3. – С. 37–44.
3. Гаврилова И.В. Галичская культура в Костромском Поволжье // Краеведческие записки / отв. ред. А.А. Шмелев. – Ярославль: КИАМЗ, 1977. – Вып. 2. – С. 5–27.
4. Гадзяцкая О.С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье) // СА. – 1992. – № 1. – С. 122–141.
5. Городцов В.А. Бытовая археология: (Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте). – Москва: Тип. Снегиревой, 1910. – VI, 474 с.
6. Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. – 1927. – Т. VII. – Стлб. 610–626.
7. Городцов В.А. Галичские клад и стоянка // ТСА РАНИОН. – 1928. – Т. III. – С. 13–54.
8. Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. – 1963. – № 110. – С. 85–203.
9. Денисов В.П. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. / отв. ред. П.Н. Старостин. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – С. 46–69.
10. Детлова Е.В. Геро фон Мергарт и российская археология: новое в исследованиях // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск: ИАЭ, 2006. – Т. II. – С. 414–416.
11. Дневник Ивана Михайловича Снегирева. Т. I: 1822–1852. – Москва: Унив. тип., 1904. – 254 с.
12. Ефименко П.П. Абашевская культура в Поволжье / Ефименко П.П., Третьяков П.Н. // МИА. – 1961. – № 97. – С. 43–110.
13. Киселев С.В. Бронзовый век СССР // МИА. – 1965. – № 130. – С. 18–60.
14. Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. – Новосибирск: ИАЭ, 2007. – 271 с.
15. Кольцов Л.В. Изображение рыбы на сосуде из Галичской стоянки // КСИА. – 1971. – Вып. 127. – С. 63–64.
16. Комаров К.И. Археологическая карта России: Костромская область. – Москва: Вост лит., 1999. – 367 с.
17. Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // АИ. – 2000. – Вып. 63. – С. 65–134.
18. Кузьминых С.В. Галичский клад // БРЭ. – 2006. – Т. 6. – С. 321.
19. Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. – 2011. – Вып. 225. – С. 240–263, вклейки – рис. V–VIII.
20. Кузьминых С.В. Из истории российской археологии 1920-х годов: Геро фон Мергарт и Сибирь / Кузьминых С.В., Детлова Е.В. // Вестник РГНФ. – 2010. – № 1. – С. 42–51.
21. Кузьминых С.В. В.А.Городцов и А.М.Тальгрэн: диалог в переписке // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее / Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. / отв. ред. Н.И. Шишлина. – Москва: ГИМ, 2003. – Ч. 1. – С. 6–8.

22. Кузьминых С.В. А.А. Спицын и отечественная археология эпохи раннего металла // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына (Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г.) / Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. / отв. ред. Е.Н. Носов, И.Л. Тихонов. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2008. – С. 86–95.
23. Кузьминых С.В. Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи / Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. / отв. ред. И.Е. Сафонов. – Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 145–162.
24. Кузьминых С.В. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка / Кузьминых С.В., Чижевский А.А. / отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 162–170.
25. Кузьминых С.В. Проблемы бронзового и раннего железного веков Северной Евразии в трудах и переписке А.М. Тальгрена и Г. Мергарта / Кузьминых С.В., Детлова Е.В. // АЕС. – 2017. – № 3. – С. 37–62.
26. Никитин А.Н. К вопросу об интерпретации хронологии и культурной принадлежности антропоморфной фигурки из Галичского клада // ПИФК. – 2000. – Вып. 9. – С. 145–149.
27. Павел [Епископ Черниговский]. Костромские находки: (Письмо Преосвященного Павла, Епископа Черниговского, на имя Секретаря Общества) // РИС. – 1837. – Т. 1. Кн. 1. – С. 101–105.
28. Пряхин А.Д. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Пряхин А.Д., Халиков А.Х. / отв. ред. О.Н. Бадер и др. – Москва: Наука, 1987. – С. 124–131. (Серия «Археология СССР».)
29. Сальников К.В. К истории древней металлургии на Южном Урале: (Металлургия абашевских племен) // АЭБ. – 1962. – Т. I. – С. 62–74.
30. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – Москва: Наука, 1967. – 408 с.
31. Свиньин П. Краткая записка о древностях, найденных близ Галича // РИС. – 1837. – Т. 1. Кн. 1. – С. 102–105.
32. Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // ТМАЭ. – 2000. – Т. 6. – 265 с.
33. Соловьев Б.С. Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2016. – 412 с. (МИАП; Вып. 9.)
34. Спицын А.А. Галичский клад // ЗОРСА. – 1903. – Т. V. Вып. 1. – С. 104–110.
35. Спицын А.А. Археологические заметки // ТСА РАНИОН. – 1928. – Т. 4. – С. 481–489.
36. Студзицкая С.В. Галичский клад: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии / Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. / отв. ред. М.А. Дэвлет. – Москва: Старый Сад, 2001. – С. 123–165.
37. Третьяков В.П. Кем оставлены памятники «галичской культуры» // Сибирь и ее соседи в древности / отв. ред. В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 244–250. (МИС; Вып. 3.)
38. Третьяков П.Н. Из материалов Средне-Волжской экспедиции ГАИМК // СГАИМК. – 1931. – № 3. – С. 3–16.
39. Третьяков П.Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // ИГАИМК. – 1935. – Вып. 106. – С. 97–180.
40. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – Москва: Наука, 1969. – 396 с.
41. Халиков А.Х. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / отв. ред. О.Н. Бадер и др. – Москва: Наука, 1987. – С. 136–139. (Серия «Археология СССР».)

-
42. Черных Е.Н. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Черных Е.Н., Кузьминых С.В. / отв. ред. О.Н. Бадер и др. – Москва: Наука, 1987. – С. 84–105, 201–208. (Серия «Археология СССР».)
  43. Черных Е.Н. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / Черных Е.Н., Кузьминых С.В. – Москва: Наука, 1989. – 320 с.
  44. Черных Е.Н. Сейминско-турбинская проблема в трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии / Черных Е.Н., Кузьминых С.В. / отв. ред. Д.А. Крайнов. – Москва: Наука, 1991. – С. 94–101.
  45. Aspelin J.R. Suomalais-ugrilaisen muinaistutkinnon alkeita. – Helsinki, 1875. – 369 p. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; T. T. 51.)
  46. Aspelin J.R. Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du nord Finno-ougrien. T. 1. Ages de la pierre et du bronze. – Helsinki: G. W. Edlung, 1877. – X, 94 p.
  47. Bortvin N.N. The Verkhny-Kizil Find // ESA. – 1928. – Т. III. – Pp. 127–131.
  48. Filip Jan. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. – Prag: Academia, 1969. – Т. 2. – 1758 S., XLII Abb.
  49. Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. – Wien: Anton Schroll und Co., 1926. – 190 S., 12 Taf.
  50. Parzinger H. Einführung // Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. – Wien-Köln-Weimar: Bohlau, 2008. – S. 11–45.
  51. Schmidt A. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama // FUF, Anzeiger. – 1927. – Bd. 18:1-3. – S. 1–14.
  52. Studzitskaya S.V. The Galich treasure as a set of shaman articles // Fennoskandia archaeologica 19 / Studzitskaya S.V. & Kuzminykh S.V. – Helsinki, 2002. – Pp. 13–35.
  53. Tallgren A.M. Galitschin aarre // Helsingin Kaiku. – Helsinki, 1910. – P. 507.
  54. Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. T. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. – Helsingfors: Helsingin uusi Kirjapaino-Osakeyhtiö, 1911. – IX, 229 s. (SMYA; T. XXV: 1.)
  55. Tallgren A.M. Ett viktigt fornfund från mellersta Russland // FM. – 1915. – Т. XXII. – S. 73–86.
  56. Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée Historique de Finlande à Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. – Helsingfors: Commission des collections Antell, 1916. – 47 p., XVI pl.
  57. Tallgren A.M. L'âge du cuivre dans la Russie centrale // SMYA. – 1920. – Т. XXXII: 2. – Pp. 1–23.
  58. Tallgren A.M. Fatjanovokulturen i Centralrussland // FM. – 1924. – Т. XXXI. – S. 1–30.
  59. Tallgren A.M. The Copper Idols from Galich and Their Relatives // Studia Orientalia. – Helsinki, 1925. – Т. I. – Pp. 312–341.
  60. Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. – Helsinki: K. F. Puromiehen Kirjapaino O.-Y., 1926. – 248 p. (ESA; T. II.)
  61. Tallgren A.M. Galič // Reallexikon der Forgeschichte / Herausgegeben von Max Ebert. – Berlin, 1926a. – Т. IV. – S. 166–167, Taf. 90, 91.
  62. Tallgren A.M. Zur osteuropäischen Archäologie // FUF-Anzeiger. – 1929. – Bd. XX: 1-3. – S. 1–46.
  63. Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe // ESA. – 1937. – Т. XI. – Pp. 1–46.
  64. Tallgren A.M. Studies of the Pontic Bronze Age // ESA. – 1937a. – Т. XI. – Pp. 103–121.

РАЗДЕЛ 2.

История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и Новое время в свете вещественных источников

© Завьялов В.И., Терехова Н.Н.,
Щербаков В.Л.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КУЗНЕЧНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ X-XIV ВВ.¹

ЗАВЬЯЛОВ В.И.* , ТЕРЕХОВА Н.Н.* , ЩЕРБАКОВ В.Л.**

*Институт археологии РАН, г. Москва;

**АНО «Центр историко-культурных исследований и проектирования», г. Кострома

Аннотация: В статье рассматриваются формы этнокультурных взаимодействий в сфере кузнечного ремесла сельского населения Волго-Окского и Шекснинского бассейнов в X-XIV вв. На основании данных металлографического анализа прослежено перемещение артефактов, перемещение мастеров, освоение технологических инноваций.

Ключевые слова: археология, археометаллография, Средневековье, сельские поселения, этнокультурные взаимодействия.

ETHNOCULTURAL INTERACTIONS IN THE BLACKSMITH PRODUCTION OF RURAL SETTLEMENTS IN X-XIV CENTURIES

ZAVYALOV V.I.* , TEREKHOVA N.N.* , SHCHERBAKOV V.L.**

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow;

**Autonomous non-profit organization

“Center for historical and cultural research and design”, Kostroma

Summary: The article discusses the forms of ethnocultural interactions in the blacksmithing of the rural population of the Volga-Oka and Sheksna regions in the X-XIV centuries. Using the results of metallographic analysis, the movement of artifacts, the movement of craftsmen and the development of technological innovations were traced.

Key words: archeology, archaeometallography, the Middle Ages, rural settlements, ethnocultural interactions.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант 19-18-00144

Этнокультурные контакты в производственной сфере играли существенную роль в развитии древних обществ, как в техническом, так и в социальном плане. Возможность передачи технологических инноваций, с одной стороны, и способность воспринять их, с другой, во многом определяли вектор развития конкретного социума.

Имевшие место в древности культурно-исторические контакты в производственной сфере в настоящее время успешно изучаются отечественными специалистами в области истории кузнечного ремесла (*Завьялов, Розанова, Терехова, 2009а. С. 112-116*). Выработка четких критериев, позволяющих дифференцировать разные виды таких взаимодействий (*Завьялов, Розанова, Терехова, 2009 б. С. 9*), является основой для реализации данного подхода в отношении материалов из сельских поселений Древней Руси.

При изучении этнокультурных взаимодействий мы опираемся на такой объективный источник, как аналитические данные, полученные в результате археометаллографического исследования большой серии ножей из финно-угорских и древнерусских памятников Волго-Окского и Шекснинского бассейнов. Такая категория артефактов как ножи выбрана не случайно – в археологических коллекциях это наиболее многочисленная группа железных орудий, при производстве которых применялись все известные технологические схемы.

В конце IX – начале X в. у населения Волго-Окского междуречья и бассейна Шексны распространяются орудия, изготовленные по технологической схеме трёхслойного пакета.

Происхождение трёхслойной технологии связано с территорией Северной Европы, где подобные орудия известны с вендельского периода (*Arrhenius, 1970*). Распространение трёхслойных изделий обоснованно увязывается с появлением

скандинавов на территории Восточной Европы, что, в свою очередь, было обусловлено активизацией трансъевропейской торговли по Балтийско-Волжскому пути в IX–XI вв. (*Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. С. 256*).

Следует отметить, что большинство трёхслойных орудий изготовлено по так называемому «классическому» (или североевропейскому) варианту этой технологии, который подразумевает использование фосфористого железа для боковых полос и высокоуглеродистой стали для центральной, а также особую форму ножа (группа IV по Р.С. Минасяну) (*Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. С. 219-223*). До конца I тыс. н.э. изделия, изготовленные по трёхслойной технологии, на большей части Восточной Европы не были известны.

Количественное преобладание «классических» трёхслойных ножей в материалах некоторых памятников (Гнездилово 2, Крутик, Сарское, Кривец, Сосновка IV) (Рис. 2) указывает на контакты местного населения посредством торговли или обмена с производителями подобного рода изделий. Следует отметить, что все упомянутые памятники располагались или на реках, входивших в систему Великого Волжского пути, или в непосредственной близости от этой магистрали.

Приведённые факты отражают первую форму производственных контактов – перемещение артефактов. Эта форма выражается в появлении среди материалов конкретной археологической культуры предметов, чуждых данной культуре по форме и изготовленных в неизвестной ее носителям технологии, что мы и видим на сельских поселениях IX-X вв.

Взаимодействие более высокого уровня наблюдается при перемещении мастеров в инородную этнокультурную среду. Такая форма контактов диагностируется в том случае, когда местные формы изделий изготовлены в нетрадиционной

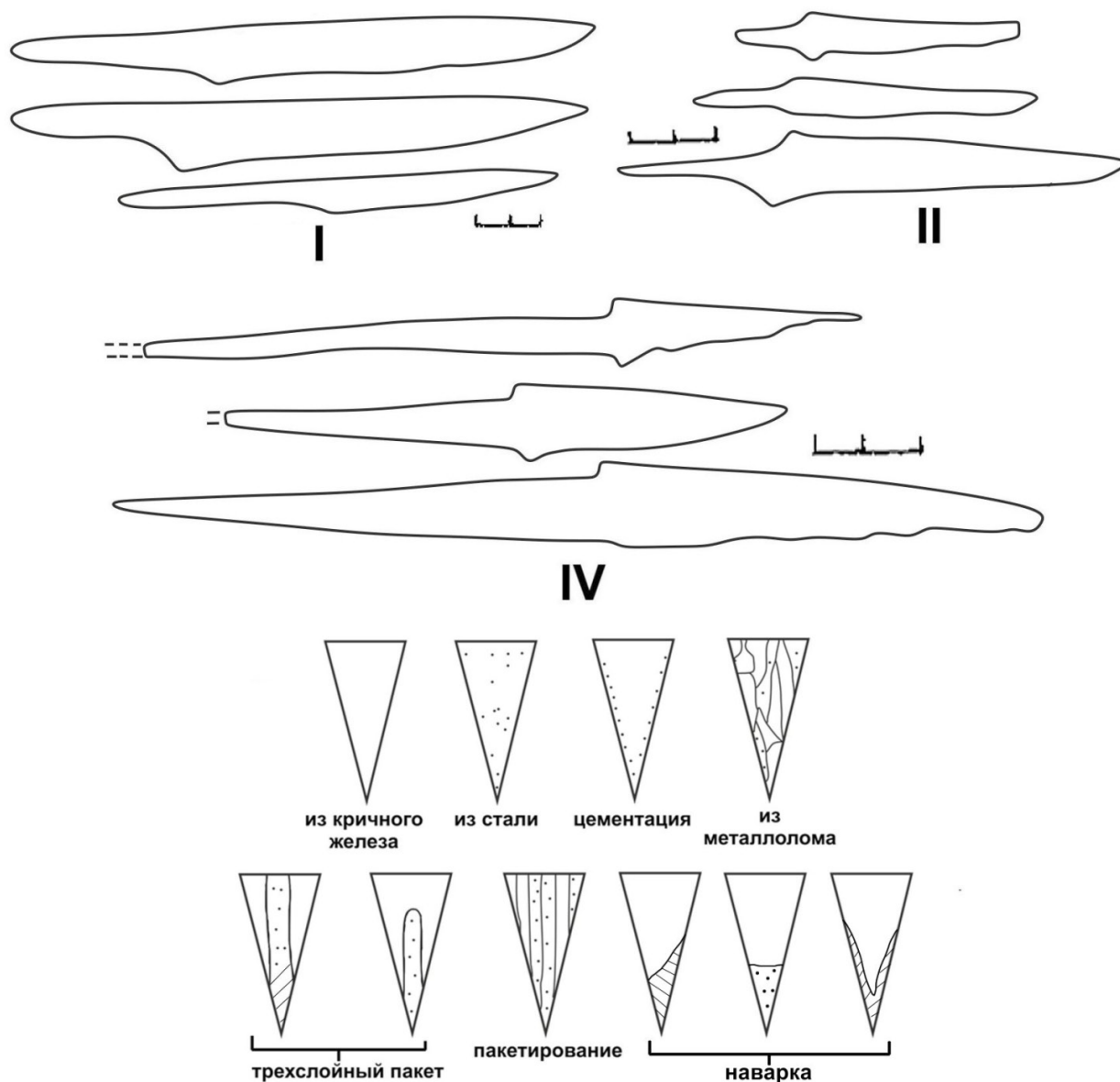

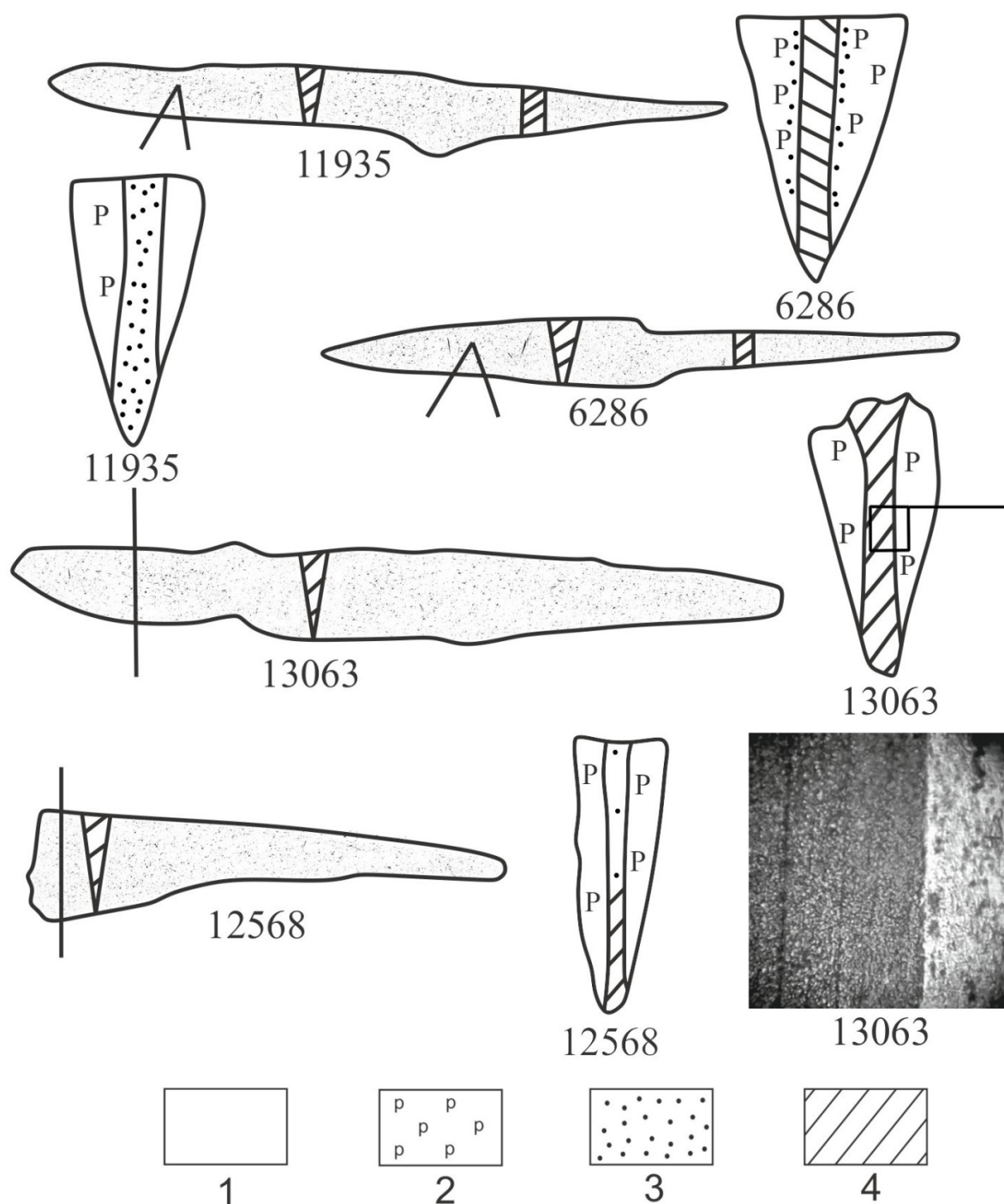
Рис. 1. Упомянутые в тексте статьи группы ножей Восточной Европы по Р.С. Минасяну (Минасян, 1980) и технологические схемы изготовления предметов.

для рассматриваемого общества технологии. В результате возникают предпосылки восприятия автохтонными мастерами технологических инноваций.

Эта форма контактов проявляется достаточно рано, не позднее IX-X вв. Например, четыре ножа финского облика (группа I по Р.С. Минасяну), изготовленные по трёхслойной технологии, происходят из

Сарского городища. Подобные орудия найдены на селище Весь 5 и в материалах XI-XII вв. селища Клочково 2 (Рис. 2).

Сам факт наличия таких вещей может указывать на присутствие на финских и древнерусских поселениях кузнецов, работавших в скандинавской производственной традиции.

Условные обозначения (здесь и далее): 1 - железо; 2 - фосфористое железо; 3 - сталь; 4 - термообработанная сталь

Рис. 2. Трехслойные ножи из раскопок сельских поселений: анализ 6286 – нож, Гнездилово 2, внешний вид и технология изготовления; анализ 11935 – нож, Сосновка IV, внешний вид и технология изготовления; анализ 12568 – нож, Весь 5, внешний вид и технология изготовления; анализ 13063 – нож, Ключково 2, внешний вид, технология изготовления, фото сварного шва.

Именно они могли изготавливать ножи традиционной для местного населения формы, но в технологии, привычной для мастера. Редкость подобных поковок, вероятно, свидетельствует о немногочисленности приезжих ремесленников.

Разумеется, однозначно связывать все трёхслойные ножи, отличающиеся по форме от скандинавских, но сочетающие в конструкции фосфористое железо и высокоуглеродистую сталь, с деятельностью приезжих ремесленников не вполне правомерно. Не исключено, что происходила непосредственная передача технологических знаний от мастера к мастеру. Но и в этом случае местные мастера, освоившие инновационную технологию, работали в североевропейских производственных традициях. Подобные изделия отражают высшую форму контактов между древними народами в производственной сфере – распространение технологических идей.

Это проявляется либо в подражании чуждой форме предмета при сохранении традиционной технологии, либо в подражании технологической схеме, не являющейся традиционной для данной культуры.

Примером контактов в производственной сфере местных мастеров с носителями инокультурных производственных традиций могут служить железные предметы из поселения Супруты (роменская культура). Археологические находки позволяют предположить существование на памятнике местного железопроизводства (Исюмова, 1974. С. 53). Среди исследованных методом археологической металлографии ножей (17 экз.) выявлено шесть артефактов, изготовленных в технологии трёхслойного пакета (Завьялов, Терехова, 2017. С. 136). В этой связи важным фактором являются археологические свидетельства о присутствии на поселении носителей скандинавской культуры (Мурашева, 2011. С. 72).

Среди шести трёхслойных ножей, обнаруженных на памятнике, только один изготовлен по североевропейскому варианту. Этот экземпляр может рассматриваться как непосредственная продукция мастера-носителя скандинавских традиций. Остальные пять экземпляров изготовлены по восточноевропейскому технологическому варианту². Это может свидетельствовать об освоении местными мастерами инокультурной технологии при непосредственном контакте с её носителями. Особенно выразительным доказательством при этом является сохранение местной (славянской – группа II по Р.С. Минасяну) формы изделий.

Среди изученных нами материалов из селищ X-XIV вв. ножи, выполненные по восточноевропейскому варианту трёхслойной технологии (Рис. 3), в количественном отношении преобладают над ножами, изготовленными по североевропейскому варианту трёхслойного пакета. Такая картина наблюдается, например, на селище Ключково 2 (Несмиян, Щербаков, 2020. С. 362-377).

Интересные результаты по теме исследования получены при изучении аналитических данных по находкам из курганов Костромского Поволжья. Древнерусская колонизация Костромского Поволжья осуществляется с конца XI-XII в. сначала переселенцами из Новгородской земли, затем, из «низовских» земель (Рябинин, 1986. С. 97-102).

В материалах Костромского Поволжья XII-XIII вв. наблюдается преобладание простых технологических схем (Щербаков, 2020. С. 58-60). При этом изделия из кричного железа и сырцового стали представлены примерно равными долями. Среди группы сварных технологий доминирует наварка, а трёхслойный пакет представлен исключительно восточноевропейским вариантом (Рис. 3).

² Восточноевропейский вариант трёхслойного пакета характеризуется отступлениями от стандарта: использование или обычного железа, или сырцового стали, или сварка пакета из однородного материала.

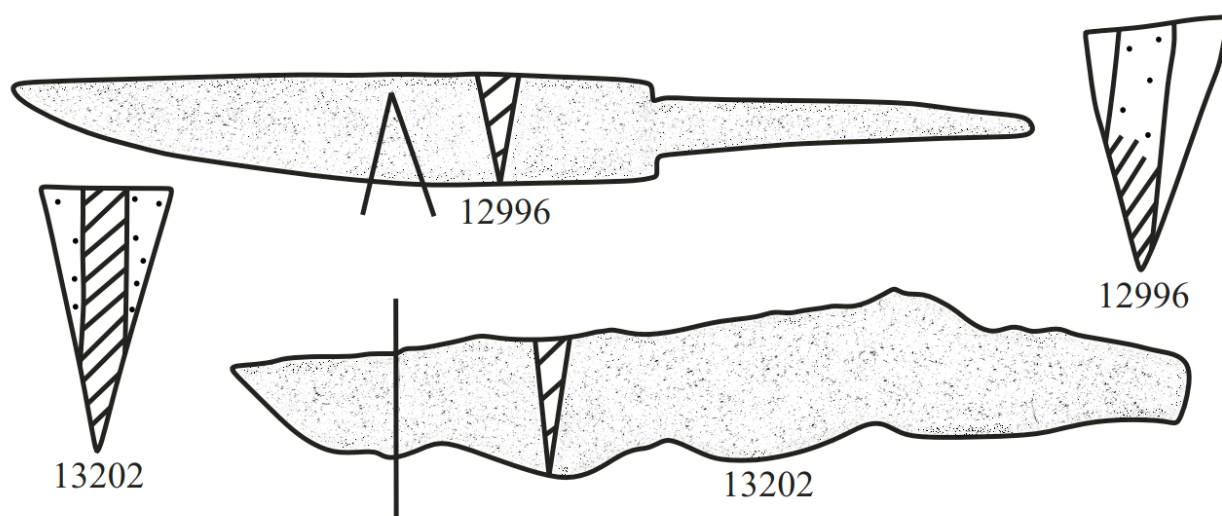

Рис. 3. Восточноевропейский вариант трехслойного пакета: анализ 12996 – селище Клочково 2, внешний вид ножа и его технологическая схема; анализ 13202 – курганный могильник Пьянково (Костромские курганы), внешний вид ножа и его технологическая схема.

Следует отметить, что на отрезке Волги, включающем Костромское Поволжье, не известны клады, маркирующие вовлеченность территории в Волжско-Балтийскую торговлю (Леонтьев, Носов, 2012. С. 382-401). В связи с этим есть основания предполагать, что Волжско-Балтийская торговля оказала меньшее влияние на производственную сферу Костромского Поволжья по сравнению с другими территориями.

В этих условиях в Костромском Поволжье технология трехслойного пакета, видимо, не получила столь широкого распространения в среде местных кузнецов в доколониционный период. Древнерусская колонизация территории в XII-XIII вв. совпала по времени с широким распространением наварной технологии в кузнечном производстве Древней Руси.

Большой интерес представляют культурно-исторические контакты в производственной сфере на территории Северо-Восточной Руси, которые проходили на фоне ассимиляции финно-угорского населения славянами.

Осваивая в X-XI вв. новые земли на территории будущей Северо-Восточной Руси, славянские мастера приносили производственные традиции, сложившиеся в предшествующее время. В основе этих традиций лежит технико-технологический стереотип, характеризующийся преимущественным использованием простых технологий. Кузнечные изделия отковывались либо целиком из железа, либо из сырцового стали, то есть непосредственно из продукта металлургического производства. Одним из распространенных приемов улучшения рабочих качеств орудий была резкая закалка. В то же время, наряду с простыми технологическими схемами, в славянском кузнечном ремесле фиксируется и использование такого высокотехнологичного приема, как наварка стального лезвия на железную основу (Вознесенская, 1978. С. 64; Голак, 1976. С. 55). Суть наварной технологии заключается в соединении посредством кузнечной сварки твердого стального лезвия и вязкой железной основы.

Имеющиеся аналитические данные позволяют говорить, что техника обработки черного металла у различных финно-угорских народов Волго-Окского и Шекснинского бассейнов (веси, мери, мордвы, муромы) была единой. Технологический строй кузнечного производства финно-угорского населения рассматриваемого региона в IX-XI вв. имел много общего со славянским производственным стереотипом. Основным поделочным материалом для финно-угорских кузнецов служили железо и сырцовая малоуглеродистая сталь. В основе производства предметов из чёрного металла лежали простые технологические схемы: целиком из железа и сырцовой стали. Из специальных приёмов, улучшающих рабочие качества изделий, очень редко применялась цементация как заготовок, так и готовых орудий (*Завьялов, Розанова, Терехова, 2009б. С. 187*). Но, как видим, финно-угорскими кузнецами не был освоен такой приём, как наварка стального лезвия, что демонстрируют материалы Крутика, Иваньковского и Безводнинского могильников, городища Березняки, Попадьянского селища, Поповского городища (*Завьялов, Розанова, Терехова, 2009б. С. 179; 2012. С. 32*).

В XI-XII вв. на рассматриваемой территории происходят изменения в форме ножей: по сравнению с предшествующим

периодом, характеризующимся обилием в коллекциях раскопок ножей «финского облика» (группа I по Р.С. Минасяну), возрастает доля ножей древнерусской формы (группа II по Р.С. Минасяну). Во второй половине XII-XIV в. ножи древнерусского облика преобладают. Наряду с изменением формы ножа идёт распространение схемы наварки, что, вероятно, связано с изменениями в составе населения и, как следствие, в составе ремесленников.

Однако наличие даже среди материалов XII-XIII вв. ножей финского облика указывает на длительное сохранение финно-угорских черт в материальной культуре сельского населения.

Результаты археометаллографического исследования ножей из сельских памятников Волго-Окского и Шекснинского бассейнов позволили проследить все формы контактов местного (сначала финно-угорского, а затем и древнерусского) населения в производственной сфере. Эти контакты начались с простого перемещения вещей, сопровождались приходом мастеров, работавших в новых, неизвестных местному населению технологиях; контакты с носителями технологических инноваций вели к освоению (хотя нередко и с отступлениями от «классических» образцов) местными кузнецами высоких технологий (трёхслойного пакета и наварки).

Список источников и литературы:

1. Вознесенская Г.А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н.э. // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 61-65.
2. Гопак В.Д. Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тысячелетия н.э. (Днепровско-Днестровское междуречье) // СА. – 1986. – №2. – С. 46-56.
3. Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Взаимодействие славянских и скандинавских традиций в кузнечном ремесле Древней Руси // Stratum plus. – 2017. – № 5. – С. 133–140.
4. Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Археометаллография в решении культурно-исторических проблем // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. – М.: Институт археологии РАН, 2009. – С. 112-116.
5. Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. – М.: Знак, 2009. – 264 с.
6. Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. – М.: Анкил, 2012. – 376 с.
7. Изюмова С.А. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1973 г. – М., 1974. – С. 53.
8. Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII-X в. // Русь в IX-X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н.А. Макаров. – Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. – С. 382-401.
9. Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21 / под ред. академика Б.Б. Пиотровского. – Л.: «Искусство», 1980. – С. 68-74.
10. Мурашева В.В. Городище у с. Супруты (IX-начало X в.) в системе этно-культурных связей // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Том II. – Санкт-Петербург–Москва–Великий Новгород, 2011. – С. 72.
11. Несмиян О.А., Щербаков В.Л. Изделия из железа и стали в коллекции селища Клочково 2 // КСИА. Вып. 258. – М.: ИА РАН, 2020. – С. 362-377.
12. Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI-XVII вв. // САИ. Вып. Е1-34. – М.: Наука, 1971. – 84 с.
13. Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: «Наука», 1986. – 160 с.
14. Щербаков В.Л. Источники формирования производственных традиций в кузнечном ремесле сельского населения Костромского Поволжья в XII-XIII вв. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 10 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. – М.: ИА РАН; 2020. – С. 56-62.
15. Arrhenius B. Knivas från Helgö och Birka // Fornvanner. – № 65. – 1970.

РАЗДЕЛ 2.

История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и Новое время в свете
вещественных источников

© Четвертаков Е. В.

ФИНСКИЕ (МАРИЙСКИЕ) СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ В ОКРУГЕ БЫВШЕГО БОРОВСКОГО КОРДОНА В КРАСНОБАКОВСКОМ РАЙОНЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЧЕТВЕРТАКОВ Е. В.

Дальнеконстантиновский краеведческий музей, Дальнее Константиново

Аннотация: В статье рассматриваются материалы обнаруженных в 2019-2020 гг. на территории Краснобаковского района Нижегородской области финских (марийских) средневековых могильников Боровской кордон 1 и 2.

Ключевые слова: археология, Средневековье, могильник, Поветлужье, марийцы.

FINNISH (MARI) MEDIEVAL BURIAL GROUNDS IN THE DISTRICT OF THE FORMER BOROVSKY CORDON IN THE KRASNOBAKOVSKY DISTRICT OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

CHETVERTAKOV E. V.

Dalnekostantinovsky Museum of Local Lore, Dalinee Konstantinovo

Summary: The article considers the materials found in 2019-2020 on the territory of the Krasnobakovsky district of the Nizhny Novgorod region, the Finnish (Mari) medieval burial grounds of the Borovskaya cordon 1 and 2.

Key words: archeology, Middle Ages, burial ground, Povetluzhye, Mari people.

В 2019-2020 гг. отрядом экспедиции Дальнеконстантиновского краеведческого музея под руководством Е. В. Четвертакова была проведена археологическая разведка на территории Краснобаковского муниципального района Нижегородской области. На территории данного района разведка была проведена на локальном участке левобережья реки Ветлуги – в районе бывшего Боровского Кордона. Во время разведок были обнаружены и впервые обследованы памятники археологии – грунтовые могильники Боровской кордон 1 и Боровской кордон 2 (Четвертаков, 2019. Л. 1-71; Четвертаков, 2020. Л. 22-31, 106-141).

Район обследования входит в Ветлужский равнинный таежно-лесной край. Территория разведки принадлежит к бассейну реки Ветлуги, относясь непосредственно к левобережью данной реки. Рельеф здесь определен пологохолмистой равниной, которую прерывают песчаные низины, тянущиеся параллельно течению Ветлуги. Мощность песчаных отложений здесь достигает 20 м. Среди песчаных низин левобережья располагаются многочисленные болота и сосновые боры, занимающие участки второй надпойменной террасы (Природа..., 1974. С. 21-22).

Новые разведки стали продолжением работ по поиску на территории района грунтового могильника, принадлежащего культуре финского (марийского) населения Ветлужско-Вятского междуречья. Так еще в 2009 году по сведениям С.В. Очеретиной в северо-восточной части поселка Красные Баки (в районе ул. Овражной) – в 4,5 км к западу от района проведения разведки, – местными жителями были найдены человеческие кости и фрагменты керамики (Очеретина, 2009. Л. 9). К этим же сборам относится и железный топор, хранящийся в Краснобаковском историческом музее.

В период 2018-2019 гг. в означенный музей от частных лиц стали поступать

археологические предметы, с уверенностью относимые к средневековой культуре. Коллекция предметов включает изделия из железа: ножницы, два кресала, четыре наконечника стрел, удила, мотыжка, тесло, копье, пешня, два стремени. Разведка была проведена с целенаправленным выездом на указанный локальный участок левого берега реки Ветлуги – в район к юго-востоку от Боровского кордона, с целью поиска и фиксации грунтового могильника, с которого могли происходить данные вещи

В ходе проведенных работ в 2019 году был обнаружен и обследован средневековый грунтовый могильник – Боровской кордон 1. Памятник расположен на площадке второй надпойменной левобережной террасы реки Ветлуги, сложенной из аллювиальных отложений в виде песка. Участок, который занимает памятник, расположен на площадке берега, на высоте около 25 м над первой надпойменной заболоченной террасой реки Ветлуги. Перепад высот на самой площадке достигает 5 м (около 103-108 м абс. выс. по Балтийской системе). Визуально фиксируется небольшой подъем высоты в восточном направлении.

Памятник вытянут с севера на юг (вдоль берегового откоса второй надпойменной террасы) на расстояние около 210 м, он имеет максимальную ширину около 70 м. Площадь памятника, определенная в ходе исследовательских работ по особенностям рельефа, а также по области распространения грабительских вкопов и брошенных грабителями медных котлов, равна приблизительно 12000 кв.м.

На территории памятника была собрана коллекция подъемного материала, которая состояла из выброшенных грабителями четырех медных котлов. Все 4 обнаруженных котла однотипные – с цилиндрическим туловом, железными ушками и дужкой. Неширокий венчик изделий загнут, под него подложена медная полоска.

Изделие можно отнести к «ветлужскому» типу котлов по К.А. Руденко и датировать периодом XI – XII вв. (Руденко, 2000. С. 60).

Для более детального определения характера и культурной принадлежности памятника было заложено 2 археологических шурфа.

Шурф №1, размером 2х3-4 м, был разбит на западной окраине обнаруженного памятника, между откосом береговой террасы и проезжей грунтовой дорогой.

С поверхности материка читалось пятно погребения №1 (Рис. 1), которое вошло в шурф полностью. Пятно могильной ямы имело неправильные вытянутые очертания. Ее максимальная длина составляла 314 см, максимальная ширина – 194 см. Ориентировка по длине могильного пятна – северо-восточная-восточная. Глубина могильной ямы от уровня материка – 8-29 см. Заполнение погребения неоднородное: западную и восточную части заполнял слой серого песка, центральную – светлый желто-коричневый песок.

Погребение №1 сделано по обряду кремации на стороне: обожженные измельченные кости погребенного концентрируются компактно в центральной части могильной ямы в беспорядке. Сопроводительный материал был разбросан по всему пространству могильной ямы. На дне могильной ямы фрагментарно сохранились следы подстилки из луба и войлока. Сопроводительный инвентарь погребения включал в себя следующие артефакты: железный топор, 4 железных ножа, бронзовая лировидная пряжка, рыболовный бронзовый удильный крючок, бронзовая прямоугольная накладка, 2 бронзовых полых шаровидных бубенчика, бронзовая шаровидная пронизка, бронзовая бутельчатая подвеска, бронзовая цепочка, фрагменты кожаного ремня, украшенного бронзовыми скобками, с кольцом и 3-мя бронзовыми обоймицами, фрагменты серебряных накладок, 2 стеклянные бусины, а также медный котел.

Обнаруженное погребение относится к погребальной традиции финского (марийского) населения Ветлужско-Вятского междуречья и датируется периодом конца XI – XII в.

Шурф №2, размером 2х2 м, был разбит в северо-западной половине обнаруженного памятника.

В южной половине шурфа с поверхности материка читалось пятно погребения №2 (Рис. 2), которое вошло в шурф полностью. Пятно могильной ямы имело неправильные вытянутые очертания. Ее максимальную длину сложно определить в силу отсутствия четких границ. Максимальная ширина – 89 см. Глубина могильной ямы от уровня материка – 16-24 см. Заполнение погребения неоднородное: центральную часть заполнял слой серого песка, остальную часть погребения – светлый желто-коричневый песок. В западной части могильной ямы фиксировался грабительский вкоп, диаметром – до 38 см и глубиной – до 28 см. В ее заполнении фиксировались фрагменты от медного котла. В восточной части пятна погребения №2, на его поверхности были обнаружены индивидуальные находки: 9 железных рыболовных крючков от многокрючковой снасти. Изделия лежали компактно, небольшой кучкой.

Погребение №2 сделано по обряду ингумации. Скелет плохой сохранности лежал в южной половине могильной ямы. Из костей скелета погребенного фиксировались остатки бедренных и плечевых, а также черепная коробка. Тело погребенного лежало на боку. Череп положен на бок и повернут вправо. Руки и ноги, по видимому, были подогнуты. Ориентировка погребения – восточная. Фиксация заполнения могильной ямы производилась в два этапа: на первом этапе разбирались заполнение из слоя серого песка с углем, на втором – заполнение из слоя светлого желто-коричневого песка, которое концентрировалось в южной половине могильной ямы.

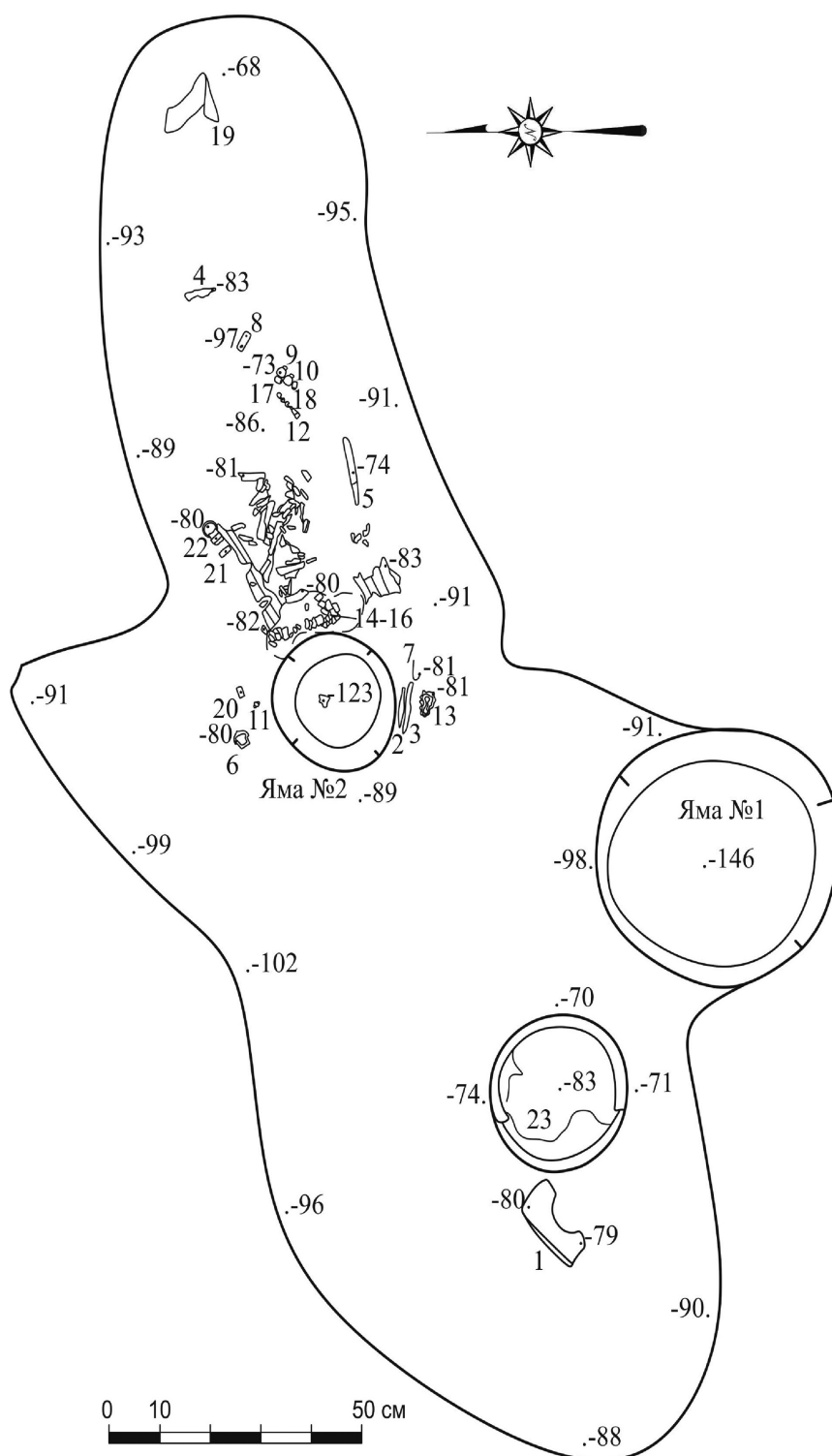

Рис. 1. Краснобаковский район. Могильник Боровской кордон 1.

Шурф №1. Погребение №1.

- 1 – топор железный; 2-5 – ножи железные; 6 – пряжка бронзовая;
7 – крючок бронзовый; 8 – накладка бронзовая; 9, 10 – бубенчики бронзовые;
11 – пронизка бронзовая; 12 – привеска бронзовая; 13 – цепочка бронзовая;
14-16 – накладки серебряные; 17, 18 – бусины стеклянные;
19-22 – ремня кожаного фрагменты.

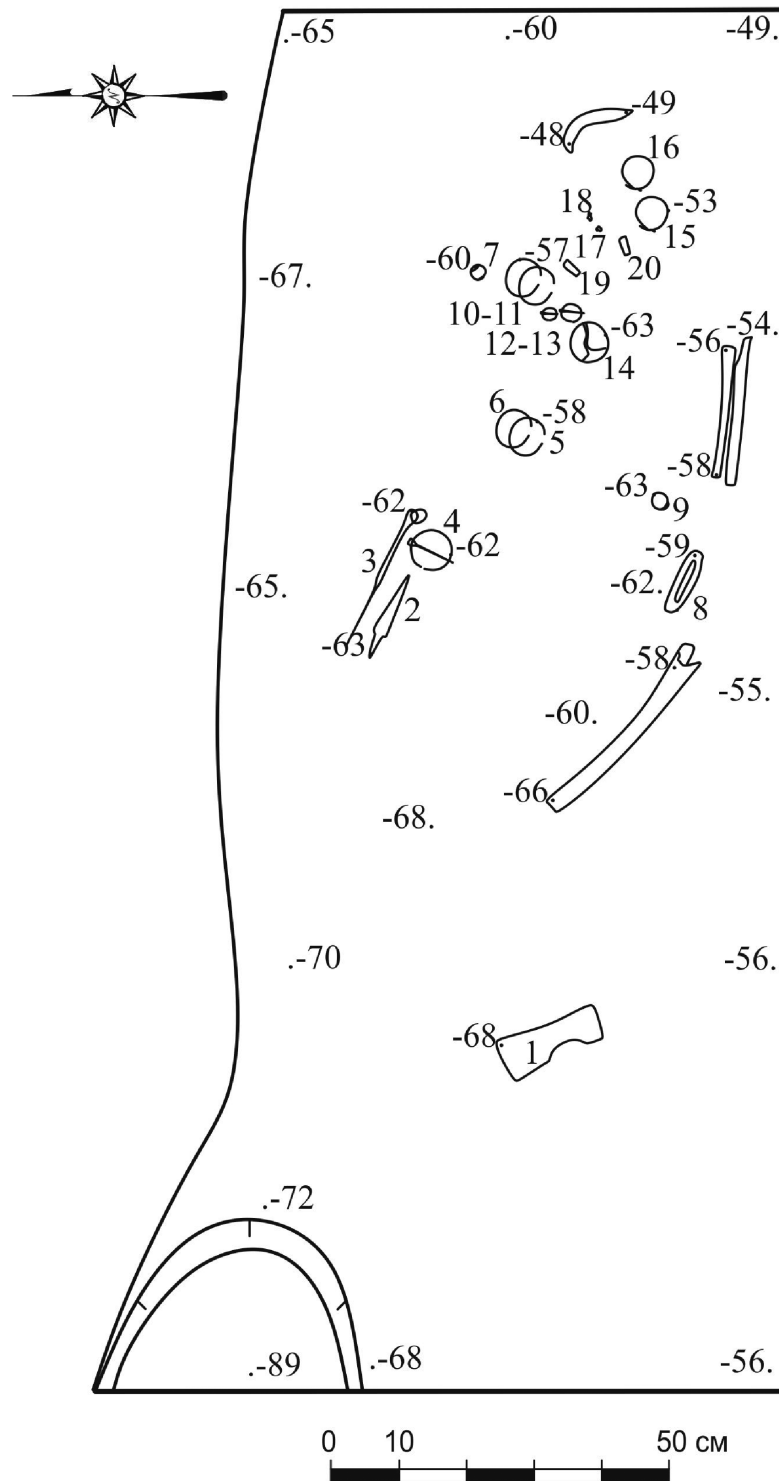

Рис. 2. Краснобаковский район. Могильник Боровской кордон 1.

Шурф №2. Погребение №2.

- 1-топор железный; 2-нож железный; 3-кочедык железный; 4, 12, 13-застежки бронзовые;
 5, 6, 10, 11-браслеты бронзовые; 7-перстень серебряный; 8-кресало железное;
 9-перстень бронзовый; 14-бляха нагрудная бронзовая;
 15, 16-кольца височные бронзовые; 17, 18-привески бронзовые;
 19, 20-подвески-бусины стеклянные.

После первого этапа расчистки могильной ямы сопроводительный инвентарь погребения включал в себя следующие артефакты: железный топор, железный нож, железный кочедык, бронзовая застежка, 2 бронзовых пластинчатых браслета, серебряный широкосрединный перстень.

После второго этапа расчистки могильной ямы были зафиксированы остатки скелета погребенного, а сопроводительный инвентарь погребения включал в себя следующие артефакты: железное двулезвийное овально-заостренное кресало, бронзовый широкосрединный перстень, 2 бронзовых застежки, 2 бронзовых пластинчатых браслета, нагрудная бронзовая круглая цельнолитая бляха, 2 височных бронзовых браслетообразных кольца, 2 бронзовые привески, 2 кварц-фриттовые бирюзовые фигурные подвески-бусины.

Обнаруженное погребение относится к погребальной традиции финского (марийского) населения Ветлужско-Вятского междуречья и датируется периодом конца XII – XIII в.

Таким образом, в 2019 году был обнаружен и впервые обследован памятник археологии – средневековый грунтовый могильник Боровской кордон 1, принадлежащий культуре финского (марийского) населения Ветлужско-Вятского междуречья, на котором было заложено 2 шурфа, общей площадью 11 кв.м.

В декабре 2019 года была выявлена информация об обнаружении частными лицами археологических артефактов к северу от ранее обнаруженного могильника Боровской кордон 1. Так в фонды Краснобаковского исторического музея был сдан средневековый костяной кочедык для плетения. В связи с этими обстоятельствами было принято решение провести разведку в указанном районе.

В ходе разведки 2020 года был впервые обнаружен и обследован памятник

археологии – грунтовый могильник Боровской кордон 2.

Памятник расположен на площадке второй надпойменной левобережной террасы реки Ветлуги, сложенной из аллювиальных отложений в виде песка. Памятник находится в 150 м к северу от обнаруженного в 2019 году могильника Боровской кордон 1. Участок, который занимает памятник, расположен на площадке берега, на высоте около 20 м над первой надпойменной заболоченной террасой реки Ветлуги. Перепад высот на самой площадке достигает 5 м (около 101-106 м абс. выс. по Балтийской системе). Визуально фиксируется небольшой подъем высоты в северо-восточном направлении.

Памятник вытянут с северо-северо-запада на юго-юго-восток (вдоль берегового откоса второй надпойменной террасы) на расстояние около 65 м, он имеет максимальную ширину около 25 м. Площадь памятника, определенная в ходе исследовательских работ по особенностям рельефа, а также по области распространения заплывших (погребальных, предположительно) ям, грабительских вкопов и брошенных грабителями многочисленных фрагментов разрушенных медных котлов и отдельных артефактов, равна около 1100 м².

В западной части памятника с севера на юг (вдоль берегового откоса второй надпойменной террасы) проходит грунтовая дорога. Территория памятника поросла деревьями (сосна и береза) и кустарником. В юго-западной части памятника выявлены заплывшие ямы. Ямы имеют округлые очертания с диаметром 1,5 м.

При осмотре площадки памятника были обнаружены индивидуальные находки: железное копье (пика), железный наконечник стрелы, железный нож, 2 бронзовых пластинчатых браслета, поддон деревянного сосуда, имеющий сквозное отверстие.

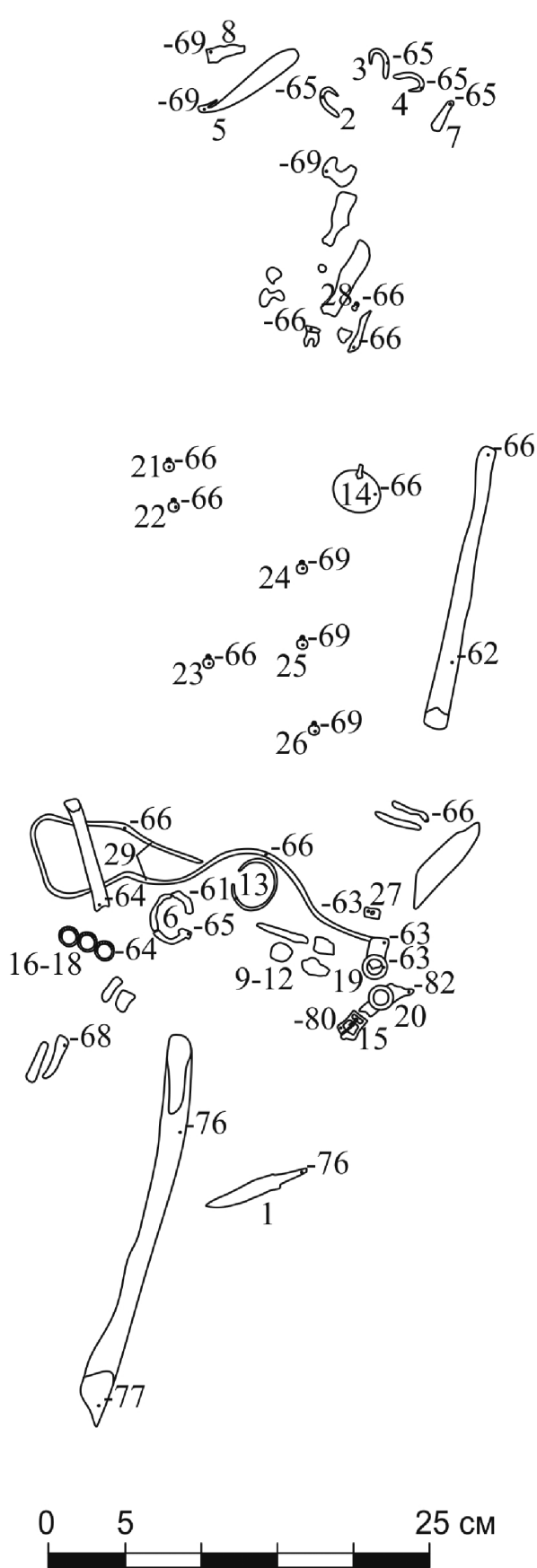

Рис. 3. Краснобаковский район. Могильник Боровской кордон 2.

Шурф №1. Погребение №1.

- 1 – нож железный;
- 2-4 – крюки рыболовные;
- 5 – крюк колчанный железный;
- 6 – браслет железный;
- 7-12 – жнп;
- 13 – браслет бронзовый;
- 14 – бляха бронзовая;
- 15 – пряжка бронзовая;
- 16-18 – перстни бронзовые;
- 19,20 – кольца бронзовые;
- 21-26 – бубенчики бронзовые;
- 27 – накладка бронзовая;
- 28 – пуговица-гирька;
- 29 – шнур.

Для более детального определения характера и культурной принадлежности памятника был заложен шурф №1.

Шурф №1, размером 4х2-3 м и площадью 6 м², был разбит на западной окраине обнаруженного памятника, у откоса береговой террасы, на проезжей грунтовой дороге. Грунт в шурфе в виду отсутствия признаков культурного слоя какого-либо поселения снимался единым горизонтом по слоям, а затем просеивался в ситах. Шурф №1 показал следующую стратиграфию напластований:

1. Дерн – 1-2 см.

2. Светлый желто-коричневый песок – 19-52 см. Слой фиксировался по всей площади шурфа. В слое фиксировались мелкие фрагменты медных котлов, железные шлаки и мелкие фрагменты железных неопределенных предметов, мелкие фрагменты деревянной утвари.

В слое были найдены индивидуальные находки: 2 железных копья (пики), 8 железных наконечников стрел, лежащие пучком, железный цилиндр.

С поверхности слоя желто-коричневого песка читалось пятно погребения №1 (Рис. 3), которое вошло в шурф полностью. Пятно погребения имело вытянутые овальные очертания. Его максимальная длина составляла 248 см, максимальная ширина – 62 см. Ориентировка по длине погребения – северо-восточная (70°). Глубина могильной ямы от уровня материка 28-50 см. Заполнение погребения однородное: слой серого песка с включениями мелких фрагментов медного котла и деревянного сосуда.

В западной части погребения фиксировался грабительский вкоп овальных очертаний (размеры 54х36 см). Судя по фрагментам медного котла, грабительский вкоп сделан на месте нахождения последнего, в результате чего он был изъят из погребения. На дне вкопа обнаружена индивидуальная находка: фрагмент железной рукоятки от котла.

Погребение №1 сделано по обряду ингумации. Скелет плохой сохранности лежал в северо-восточной части могильной ямы. Из костей скелета погребенного фиксировались остатки – левой плечевой, правой лучевой, правой кисти, правой бедренной, а также черепной коробки. Тело погребенного лежало вытянуто, на спине. Ориентировка погребения – северо-восточная-восточная. Возраст погребенного (по зубам) – 11-12 лет. При разборе погребения были обнаружены следующие индивидуальные находки:

В нижней (западной) части погребения обнаружены: железный топор, 5 железных цилиндров, железный наконечник стрелы.

В районе скелета погребенного были обнаружены следующие индивидуальные находки: железный нож, 3 железных рыболовных крюка, 6 железных неопределенных предметов, железный колчаный крюк, железный браслет, бронзовый пластинчатый браслет, нагрудная бронзовая круглая цельнолитая бляха, бронзовая пряжка, 3 бронзовых рубчатых перстня, 2 бронзовых разделительных ременных кольца, 6 бронзовых шаровидных бубенчиков, бронзовая ременная накладка, бронзовая пуговица-гирька, 3 бронзовых бисерины, каменная вставка в виде стилизованной лапки животного, фрагмент кожаного ремня, а также шнур из растительного волокна.

Обнаруженное погребение относится к погребальной традиции финского (марийского) славянизированного населения Ветлужско-Вятского междуречья и может датироваться периодом конца XI – XIII в.

С поверхности материка также читалось пятно могильной ямы, в которую помещалось погребение №2 (Рис. 4). Пятно могильной ямы имело неправильные очертания. В шурф могильная яма вошла на ширину 152 см. Глубина могильной ямы от уровня материка – до 25 см. Заполнение погребения однородное: светлый желто-коричневый песок.

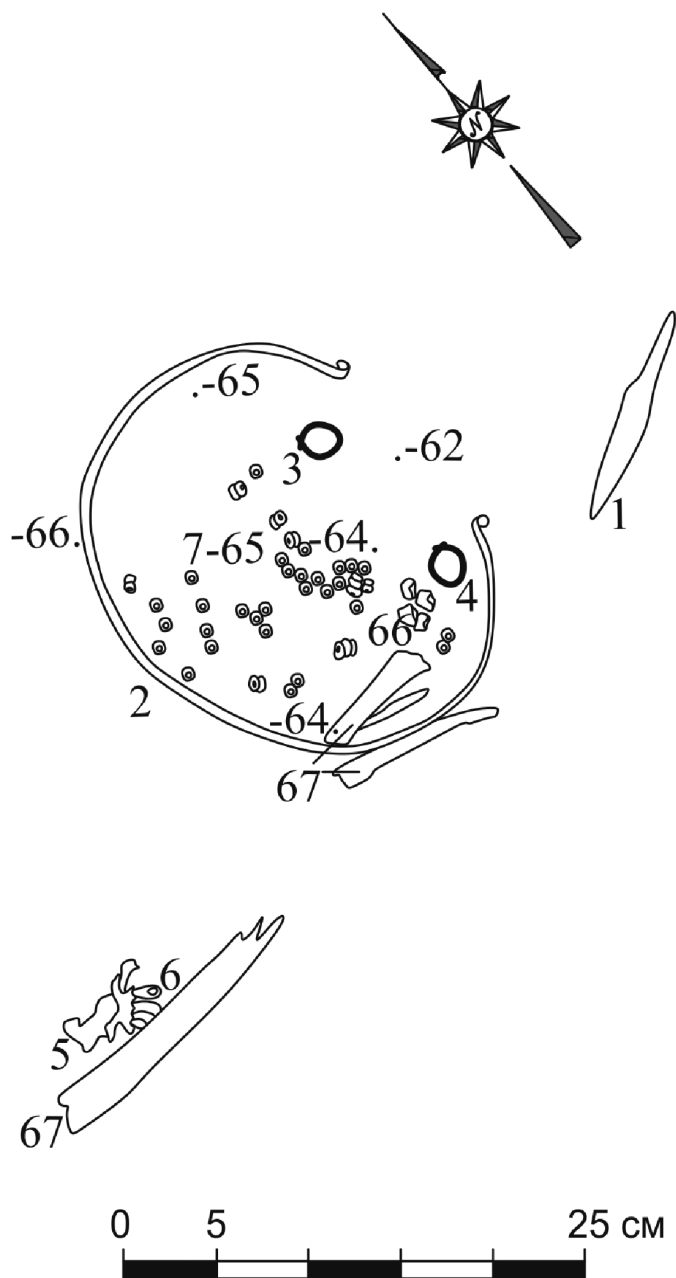

Рис. 4. Краснобаковский район.
Могильник Боровской кордон 2.

Шурф №1. Погребение №2.

- 1 – нож железный;
- 2 – гривна бронзовая;
- 3,4 – кольца височные бронзовые;
- 5,6 – подвески бронзовые;
- 7-65 – бисер стеклянный;
- 66 – зубы;
- 67 – древесный тлен.

На дне могильной ямы было обнаружено и изучено погребение №2, которое вошло в шурф полностью. Заполнение погребения не отличалось от заполнения могильной ямы и было однородным: слой светлого желто-коричневого песка. Ориентировка по остаткам истлевшей гробовины – северо-восточная-восточная (70°).

Погребение №2, по-видимому, было сделано по обряду ингумации. Скелет погребенной не сохранился, в центральной части могильной ямы фиксировались молочные зубы. Возраст погребенной – до 20 месяцев. При разборе могильной ямы и погребения были обнаружены следующие индивидуальные находки: 2 железных ножа, бронзовый витой браслет, шейная бронзовая гривна, бронзовая ажурная птицевидная подвеска с шумящими лапчатыми привесками, бронзовая коньковая двуглавая подвеска с шумящими лапчатыми привесками, 2 височных бронзовых перстнеобразных проволочных кольца, стеклянный рубленный бисер (59 штук).

Обнаруженное погребение относится к погребальной традиции финского (марийского) славянизированного населения Ветлужско-Вятского междуречья и может датироваться периодом конца XI – XIII в.

Таким образом, в ходе разведочных мероприятий, проведенных на локальном участке левобережья реки Ветлуги – в районе бывшего Боровского Кордона (Краснобаковский район Нижегородской области) были обнаружены грунтовые средневековые могильники XI-XIII вв. – Боровской кордон 1 и 2, принадлежащие культуре финского (марийского) населения Ветлужско-Вятского междуречья.

Список источников и литературы:

1. Очеретина С.В. Отчет о проведении археологических исследований на территории Нижегородской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №29069.
2. Природа Горьковской области. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1974. – 416 с.
3. Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII-XIV вв. – Казань: «Репер». 2000. – 158 с.
4. Четвертаков Е.В. Отчет об археологической разведке на территории Краснобаковского района Нижегородской области в 2019 году // Архив ИА РАИ. 71 л.
5. Четвертаков Е.В. Отчет об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского, Варнавинского и Краснобаковского района Нижегородской области в 2020 году // Архив ИА РАН. 152 л.

РАЗДЕЛ 2.

История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и Новое время в свете
вещественных источников

© Втюрина К.Н.

ЖЕЛЕЗНЫЕ СТРЕМЕНА С ТАУШИРОВКОЙ СЕРЕБРОМ С МОГИЛЬНИКА БОРОВСКОЙ КОРДОН 1: ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИИ, ТИПОЛОГИИ И РЕСТАВРАЦИИ

ВТЮРИНА К. Н.

Казанский федеральный университет, г. Казань

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы технологии, типологии и реставрации железных стремян с таушировкой серебром с могильника Боровской кордон 1 Краснобаковского района Нижегородской области.

Ключевые слова: археология, Средневековье, могильник, Поветлужье, технология, типология, реставрация.

IRON STIRRUPS WITH SILVER TAUSHING FROM THE BURIAL GROUND BOROVSKY CORDON 1: ISSUES OF TECHNOLOGY, TYPOLOGY AND RESTORATION

VTYURINA K. N.

Kazan Federal University, Kazan

Summary: The article deals with the issues of technology typology and restoration of iron stirrups with silver taushing from the burial ground of Borovskaya cordon 1 of the Krasnobakovsky district of the Nizhny Novgorod region.

Keywords: archeology, Middle Ages, burial ground, Povetluzhye, technology, typology, restoration.

В период 2018-2019 гг. в Краснобаковский исторический музей (Нижегородская область) стали поступать археологические артефакты от частных лиц, происходящие с территории неизвестного ранее могильника. В связи с этим была организована археологическая разведка на предполагаемый участок нахождения этих вещей, в результате которой был обнаружен могильник XI-XIII вв. – Боровской кордон 1, – относящийся к погребальной традиции финского (марийского) населения Ветлужско-Вятского региона.

При обработке коллекции из сданных частными лицами артефактов были идентифицированы парные железные стремяна, на дужках которых были обнаружены следы тауширования серебром. Стремяна и подобные изделия, украшенные таушировкой, а также следы использования этой технологии не встречались до этого на памятниках марийского населения Ветлужско-Вятского региона, поэтому необходимо установить природу возникновения данного явления.

Тауширование (насечка) (от нем. *tauschieren* – инкрустировать) – это наиболее древний способ украшения различных художественных изделий, предметов бытового назначения, боевого снаряжения, основанный на использовании различных насечек и заполнения их драгоценными металлами. Отметим, что тауширование в отличие от инкрустации относится только к работам по металлам, тогда как последнее характерно для кости, дерева и других материалов. Важным условием для тауширования является украшение основного металла другим, более мягким и имеющим меньшую температуру плавления.

Сущность этого процесса заключается в том, что наружные поверхности предметов специальным образом насекают и на подготовленную насечкой поверхность набивают золотой или серебряный узор. В одних случаях – это тончайший

орнамент из завитков и стилизованных растений, в других – изображения животных, птиц или человека. Иногда в этой технике воспроизводятся сцены из нескольких фигур, а также осуществляются различные надписи, орнаментированные в той или иной мере (*Флеров, 1981. С. 154*).

Начиная с периода IX-X вв., украшение золотыми и серебряными узорами распространяется на железные предметы. Особого расцвета техника золотой насечки по стали достигает к XII в. Образцы, относящиеся к этому периоду, известны в Древней Руси, Византии, Сирии, Иране, Китае, Японии, а также в искусстве Кавказа и средневековой Европы. Особого расцвета достигает техника золотой насечки в XVI и XVII вв., что подтверждают замечательные памятники древнего вооружения, хранящиеся в Государственной Оружейной палате Московского Кремля (*Флеров, 1981. С. 155*).

Данная технология отличается от врезной таушировки (инкрустации) тем, что для ее выполнения не требуется предварительно вырезать углубление под рисунок. Мягкие металлы набиваются непосредственно на поверхность изделия, которая предварительно насекается зубилом. Насечку делают или сплошной мелкой сеткой, или канавками и пунктирными штрихами в соответствии с линиями рисунка. Насечка ведется так, что поднимает края и образует острые заусенцы (*Флеров, 1981. С. 156*).

Существует несколько способов: ленточная таушировка (насечка), таушировка волооченой проволокой, листовая таушировка с рассечкой, таушировка с последующей наводкой.

Так как в данной работе основной упор был сделан на стремянах XI-XII вв., нам необходимо рассмотреть ленточную таушировку (насечка) как самый древний прием из набивной таушировки. Для набивки использовались тонкие полоски, отрезанные от раскованного золотого

или серебряного листа. Ширина и толщина таких прямоугольных в сечении ленточек не превышала нескольких десятых долей миллиметра (0,2-0,3 мм) (Флеров, 1981. С. 157-158).

Как уже говорилось, в период 2018-2019 гг. в Краснобаковский исторический музей от частных лиц стали поступать археологические предметы, с уверенностью относимые к средневековой культуре. Коллекция предметов включала изделия из железа: ножницы, 2 кресала, 4 наконечника стрел, удила, мотыжка, тесло, копье, пешня, 2 стремени (Четвертаков, 2019. Л. 5).

В 2019 г. была проведена археологическая разведка под руководством Е. В. Четвертакова с целенаправленным выездом на указанный локальный участок левого берега реки Ветлуги – в районе к юго-востоку от бывшего Боровского кордона (Краснобаковский район Нижегородской области) с целью поиска и фиксации грунтового могильника, с которого могли происходить данные вещи. В результате разведки был обнаружен и впервые обследован памятник археологии – средневековый грунтовой могильник XI-XIII вв. Боровской кордон 1, принадлежащий культуре финского (марийского) населения Ветлужско-Вятского междуречья (Четвертаков, 2021. С. 19).

Позже предметы были переданы на реставрацию автору данной статьи. В ходе работ с предметами внимание привлекли 2 стремени, при начале расчистки которых были обнаружены фрагменты ташировки серебром (Рис. 1-2). Так как данные вещи были переданы в музей частными лицами, восстановить контекст их обнаружения невозможно. По данным раскопок средневековых марийских могильников, можно заключить, что стремени не встречались ни в женских, ни в мужских погребениях.

Только на могильнике Нижняя Стрелка обнаружены два комплекса вещей, состоящие из удил и стремян, возможно,

по мнению Т.Б. Никитиной, сохранивших традиции существующих конских захоронений (Никитина, 2002. С. 81).

Стремя – приспособление для упора ноги всадника при посадке на лошадь и езде верхом. Первоначально функцию стремян выполняли, вероятно, отверстия по краям звериной шкуры, постеленной под всадника и закрепленной на спине лошади. Затем были изобретены стремени в виде ременных петель. Металлические стремени появились в Азии и Европе в IV–V веке н. э. Стремя состоит из нескольких частей: ушка, дужки и подножки. При помощи ушка с отверстием стремя крепилось к путлицу. Подножка служила для опоры ноги всадника. Дужки – формообразующие части стремени (Данич, 2018. С. 145).

Описывая железные стремени с могильника Боровской кордон 1 необходимо отметить, что они имеют арочную форму, снабжены круглой подножкой, которая усилена снаружи тремя чётко выраженными продольными рёбрами жёсткости – тяжами, – центральным и двумя боковыми. При переходе арки в подножку фиксируются плечики. Имеется небольшая округлая верхняя петля для путлица, ушко пластинчатое. Дужки раскованные пластинчатые прямоугольного сечения, они декорированы с двух сторон ташировкой серебром, на боковых сторонах ташировка не фиксируется. Орнамент представляет собой растительно-геометрический узор, края дужек украшены полосами, фон дужек украшен растительными побегамии в виде спиральных завитков, пространство между растительными побегами разделено косыми полосами, идущими от края до края. Сохранился узор и на ушке стремени – в виде каплевидных фигур острием вверх. На обратной стороне стремян фиксируется сетчатый узор.

По А.Н. Кирпичникову данные стремени можно отнести к III типу. Стремени типа III представлены всего 3 находками.

*Рис. 1. Стремена железные парные с таушировкой серебром.
Фото до реставрации. Общий вид: сторона 1.*

*Рис. 2. Стремена железные парные с таушировкой серебром.
Фото до реставрации. Общий вид: сторона 2.*

Контур их ововидный, подножка сильно изогнутая; по высоте она занимает от 1/3 до 1/2 петли. Дужка пластинчатая, при переходе к подножке образует плечики. Прорезь для путлища помещается в самой дужке (у изделий XI в.) или, как в нашем случае, в петлеобразном выступе (у предметов X в.) (Кирпичников, 1973. Рис. 29).

Г.А. Федоров-Давыдов в своей классификации разделил стремена на отделы, характеризуя их по форме верхней части дужки и типы – по форме подножки. Рассматриваемые стремена с плоской, овальной, в плане широкой подножкой и прямоугольной в сечении дужкой соотносятся с отделом Б, тип III (Федоров-Давыдов, 1966. С. 11).

А. В. Данич в своей классификации отнес подобные стремена к группе 3 – с небольшой округлой петлей на верхней части дужки, к типу II (Данич, 2018. С. 148), датируя периодом IX–XI вв. К описанию А.Н. Кирпичникова и Г.А. Федорова-Давыдова, можно дополнить, что данный тип стремян снабжен снаружи тремя четко выраженными продольными ребрами жесткости – тяжами, – центральным и двумя боковыми.

Подобные стремена были встречены в конском погребении №3 Кельгинского могильника. Данный могильник расположен на правом берегу р. Чиуш у южного конца с. Зарубкино Zubovo-Полянского района Республики Мордовия и может быть отнесен к погребальной обрядности мордвы XI – первой трети XIII в. В северном конце могильной ямы перед черепом коня были найдены железные односоставные кольчатые удила, рядом лежали два железных стремена. Авторы монографии, посвященной исследованию Кельгинского могильника, отнесли эти стремена к типу BVI, дали краткое описание: стремена с округлой петлей, отделенной от дужки перехватом, и с круглой подножкой на трех прутьях с расплюснутыми в виде лопастей боковыми сторонами (Кельгинский

могильник..., 1998. С. 33). О. В. Седышев датировал их XII в. (Седышев, 2017. С. 44). Кроме того, важно отметить, что у второго стремени была сломана подножка (Кельгинский могильник..., 1998. С.33). Такой же характер повреждений был зафиксирован на исследованных нами стременах. Это может свидетельствовать о наличии ритуальной обрядовой порчи предметов.

Отметим, что вышеописанные типы стремян редко украшались. Только один из экземпляров, происходящий из Гаевки, был платирован серебром, однако точного описания найти не удалось. Данные стремена типа III найдены в степном Подонье (Цимлянское, Гаевка) и датируются периодом X – первой половины XI в.

Скорее всего, население, оставившее после себя могильник Боровской кордон 1, не обладало нужными навыками для применения столь сложной технологии. Также отметим, что подобный инструментарий и изделия с подобной технологией не были встречены ни на одном из памятников марийского населения. Однако предметы с подобной технологией тауширования известны на территории Среднего Поволжья периода XI–XII вв. и были характерны, прежде всего, для болгарского ремесла.

Так К.А. Руденко в статье, посвященной восточным элементам в материальной культуре населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в XI–XII вв. (Руденко, 2007. С. 132–135), указывает, что в болгарском ремесле XI в. появилось технологическое новшество – инкрустация серебром и медью по железу. Анализируя болгарские материалы, автор статьи обнаружил следы использования этой технологии на следующих категориях предметов из железа: ключи, стремена, накладки, пряжки. Все они датируются домонгольским временем. На бытовых предметах практиковались врезная таушировка или насечка. Аналогичный способ использовался и при украшении арочных стремян, где инкрустировалась дужка предмета.

Таким образом, мы видим, что технология ташировки появляется на территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья только в XI-XII вв. Наиболее мощный центр изготовления, где фиксируется производство и большой объем материалов с ташировкой – Волжская Булгария. Это наиболее близкорасположенный ремесленный и торговый центр к территориям древнемарийских памятников. Так как использование данной технологии «ташировки» не фиксируется на памятниках древнемарийского населения, можно предположить, что стремяна с Боровского Кордона 1 были привезены с территории Волжской Булгарии.

Стремяна поступили на реставрацию парно. В работе с ними была использована методика реставрации археологических и этнографических предметов из железа С.Г. Буршневой (*Буршнева, 2019. С. 1-88*). Стремяна выполнены в техникековки с применением техники ташировки. Стремяна были покрыты толстой бугристой минеральной коркой, которая

скрывала декоративную обработку. Цветовая гамма минеральной корки – от светлого серого, песочного до темного коричневого. На минеральной корке присутствовали небольшие трещины. Почвенно-коррозионные наросты присутствуют по всей поверхности минеральной корки, однако форма предметов хорошо читается. На некоторых участках предметов произошло частичное осыпание минеральной корки, вследствие чего оригинальная поверхность была утрачена, металлическое ядро обнажено, покрыто бурой коррозией железа. Также присутствовали язвы с рыжим порошкообразным продуктом коррозии железа. Одно из стремян имеет деформацию подножки, разрыв ее основания, часть изделия выгнута. Скорее всего, данные повреждения были получены в результате умышленной ритуальной порчи. Второе стремя также имеет механические повреждения подножки – в виде разрывов металла, а также утрат по краю подножки (Рис. 3).

*Рис. 3. Стремяна железные парные с ташировкой серебром.
Фото до реставрации. Фрагмент стремени 2 с деформацией подножки*

Было проведено несколько предреставрационных мероприятий, а именно:

1. Проверка на наличие металлического ядра, проведенная с помощью магнита. Лабораторные работы, проведенные с использованием магнита, показали присутствие металлического ядра на всех участках предмета.

2. Лабораторные работы, проведенные с помощью стереомикроскопа Stemi 305 MAT, выявили наличие язв с рыжеватобурым порошкообразным продуктом коррозии.

По состоянию минеральной корки предмет можно отнести к IV стадии сохранности археологического железа. Минеральная корка осыпается, имеются утраты, а также очаги активной коррозии в виде язв с рыхлыми бурорыжими продуктами коррозии железа, которые удерживают влагу, что способствует развитию активной коррозии. Металлическое ядро присутствует по всей поверхности.

Предмет необходимо реставрировать, так как обнаружено несколько очагов активной коррозии, развитие которых необходимо остановить, а также для придания экспозиционного вида и полной расчистки таушировки.

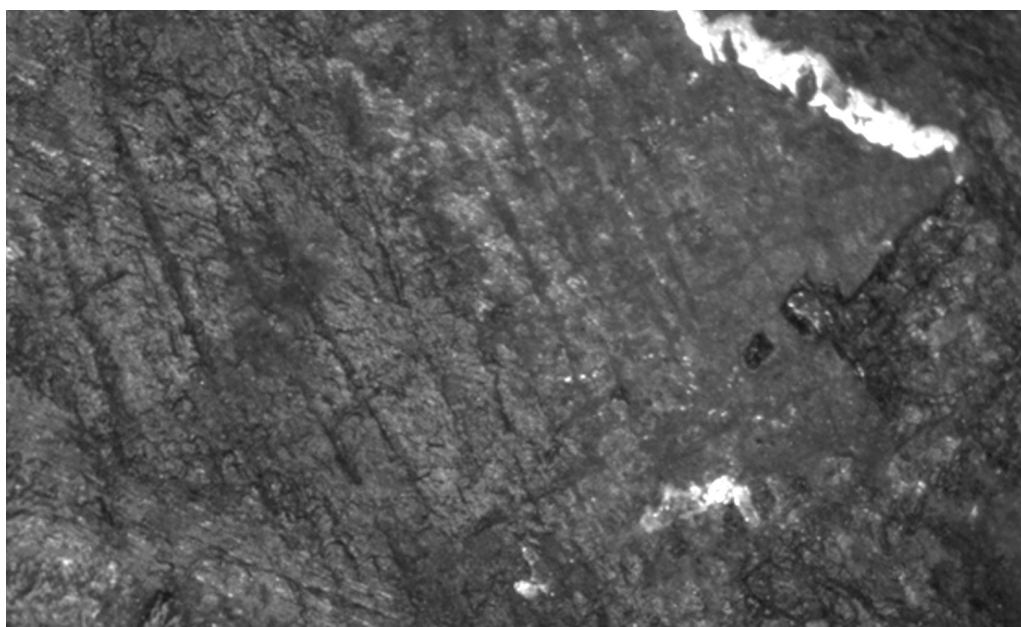
При предварительной очистке было выявлено декорирование серебром на дужке одного из стремян. Лабораторные исследования показали наличие активной коррозии, таким образом, в первую очередь, было решено стабилизировать предмет в растворе щелочного сульфита с последующей промывкой, что помогло удалить часть конкреций. Дужки стремян с двух сторон были декорированы насечкой из серебра. Следующим этапом – после полной стабилизации предмета, – была механическая расчистка поверхности с одновременным выявлением декора. На сегодняшний момент была расчищена сторона дужки одного стремени, был выявлен растительно-геометрический орнамент (Рис. 4-5).

Рис. 4. Стремена железные парные с таушировкой серебром. Фото до реставрации. Фрагмент стремени 2 перед началом расчистки таушировки. Сторона 2.

*Рис. 5. Стремена железные парные с таушировкой серебром.
Фото в процессе реставрации.
Фрагмент стремени 2 после полной расчистки таушировки. Сторона 2.*

*Рис. 6. Стремена железные парные с таушировкой серебром.
Фото до реставрации. Микрофотография насечек (0,8 $\times$).*

Перед началом расчистки обратной стороны стремени, расчищенная сторона была обработана 5% раствором танина в этаноле (C_2H_5OH), а также было произведено укрепление 5% раствором Paraloid B-72 (сополимер этилметакрилата с

метилакрилатом) в смеси растворителей этанола (C_2H_5OH) – ацетона (C_3H_6O) в соотношении 1:1.

В лаборатории Казанского Федерального университета на кафедре реставрации наследия (на базе АО ТСНРУ) данные

стремена были исследованы методом рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) на спектрометре Bruker M1 Mistral. Анализ показал, что стремена выполнены из железа (Fe), таушировка из серебра (Ag) около 30% с незначительными примесями меди (Cu) около 2%, олова (Sn), свинца (Pb), золота (Au) и сурьмы (Sn), которые составляют не более 1%.

Кроме того, предмет был обследован с помощью стереомикроскопа Stemi 305 MAT.

Исследование показало наличие насечек, составляющие узор стремян, в которые вбивалось серебро, т.е. подтвердилась техника тауширования (Рис.6).

Следующим шагом после проведения вышеописанных реставрационных мероприятий будет расчистка оставшихся дужек стремян, на которых присутствует таушировка, консервация Paraloid B-72, а также нанесение консервационного слоя восковой композиции.

Список литературы и источников:

1. Буршнева С. Г. Реставрация археологических и этнографических предметов из железа: учеб.-метод. пособие / С.Г. Буршнева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 88 с.
2. Губина Т. А. О разграничении техник «инкрустация» и «тауширование» при декорировании железных предметов // Казанский вестник молодых ученых. – 2020. – Том 4. № 3. – С. 87-98.
3. Данич А. В. Снаряжение верхового коня (стремена) на материалах раскопок Питер (Степаново плотбище) могильника. Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XIV. – Пермь, – 2018. – С. 144-154.
4. Кельгинский могильник: Раскопки 1990-х гг. / Я. В. Беляев, В. И. Вихляев, О. В. Зеленцова и др.; Науч. ред. И. М. Петербургский. – Саранск: тип. «Крас. Окт.», 1998. – 168 с.
5. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. – Вып. Е-1-36. – М.: Наука, 1973. – 190 с.
6. Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим данным): Монография. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с.
7. Руденко К. А. Восточные элементы в материальной культуре населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в XI–XII вв. // Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т. I. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 1. – Казань, 2007. – С. 132-135.
8. Седышев О. В. Снаряжение верхового коня древней и средневековой мордвы III-XIII вв.: монография. – Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2017. – 120 с.
9. Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: МГУ, 1966. – 276 с.
10. Флёров А. В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов: Учебник / А.В. Флёров.- М.: Высш. школа, 1981.- 288 с.
11. Четвертаков Е. В. Отчет об археологической разведке на территории Краснобаковского района Нижегородской области в 2019 году // Архив ИА РАН. Р-1. 71 л.
12. Четвертаков Е. В. Финский (марийский) средневековый могильник Боровской кордон 1 (по материалам археологических работ 2019 года) / Краеведческие находки и открытия. Материалы V межрайонной краеведческой конференции (27 ноября 2020 г.). Красные Баки: Краснобаковский исторический музей, 2021. – С. 18-25.

РАЗДЕЛ 2.
История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и Новое время в свете
вещественных источников

© Аристов А.А.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕЛИЩА ВОСКРЕСЕНСКОЕ В ГАЛИЧСКОМ РАЙОНЕ
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 2019-2020 ГГ.

АРИСТОВ А.А.

Автономная некоммерческая организация

«Центр историко-культурных исследований и проектирования», г. Кострома

Аннотация: В статье представлены результаты археологических работ, проводившихся на объектах культурного наследия федерального значения «Селище между дер. Воскресенское и дер. Починок» и «Селище у с. Воскресенское» в 2019-2020 гг.

Ключевые слова: археология, разведка, селище, Галичский район, Средневековье.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH
OF VOSKRESENSKOE VILLAGE IN GALICH
DISTRICT OF KOSTROMA REGION IN 2019-2020

ARISTOV A.A.

Autonomous non-profit organization

“Center of historical and cultural research and design”, Kostroma

Summary: The article presents the results of archaeological excavation work at the objects the objects of federal significance cultural heritage «Settlement between. Voskresenskoe and Pochinok villages and Settlement near the village Voskresenskoye» in 2019-2020.

Key words: archaeology, archaeological field survey, settlement, Galich region, the Middle Ages.

В рамках реализации плана научно-исследовательской работы АНО «Центр историко-культурных исследований и проектирования» в 2019-2020 гг. на объектах культурного наследия федерального значения «Селище между дер. Воскресенское и дер. Починок» и «Селище у с. Воскресенское» близ села Воскресенского Ореховского с/п Галичского района Костромской области проводились археологические работы, предусматривавшие уточнение современного состояния памятников и получение информации о материальной культуре древнерусского сельского населения исторической округи города Галича (Мерьского).

Селище между дер. Воскресенское и дер. Починок обнаружено в результате работ Костромского научного общества по изучению местного края под руководством В.И. Смирнова в 1927 г. – в ходе обследований на реке Ноле была зафиксирована «стоянка с культурой славянских селищ» (*Отчёт о деятельности...*, 1928. С. 17). На обрывистом краю террасы В.И. Смирнов отмечал культурный слой толщиной 2 м. В 1979 г. селище обследовано Е.А. Рябининым (*Рябинин, 1979*). В 1983 г. работы на памятнике проводились Костромской экспедицией под руководством К.И. Комарова, датировавшего селище XII-XIII вв. (*Комаров, 1983*).

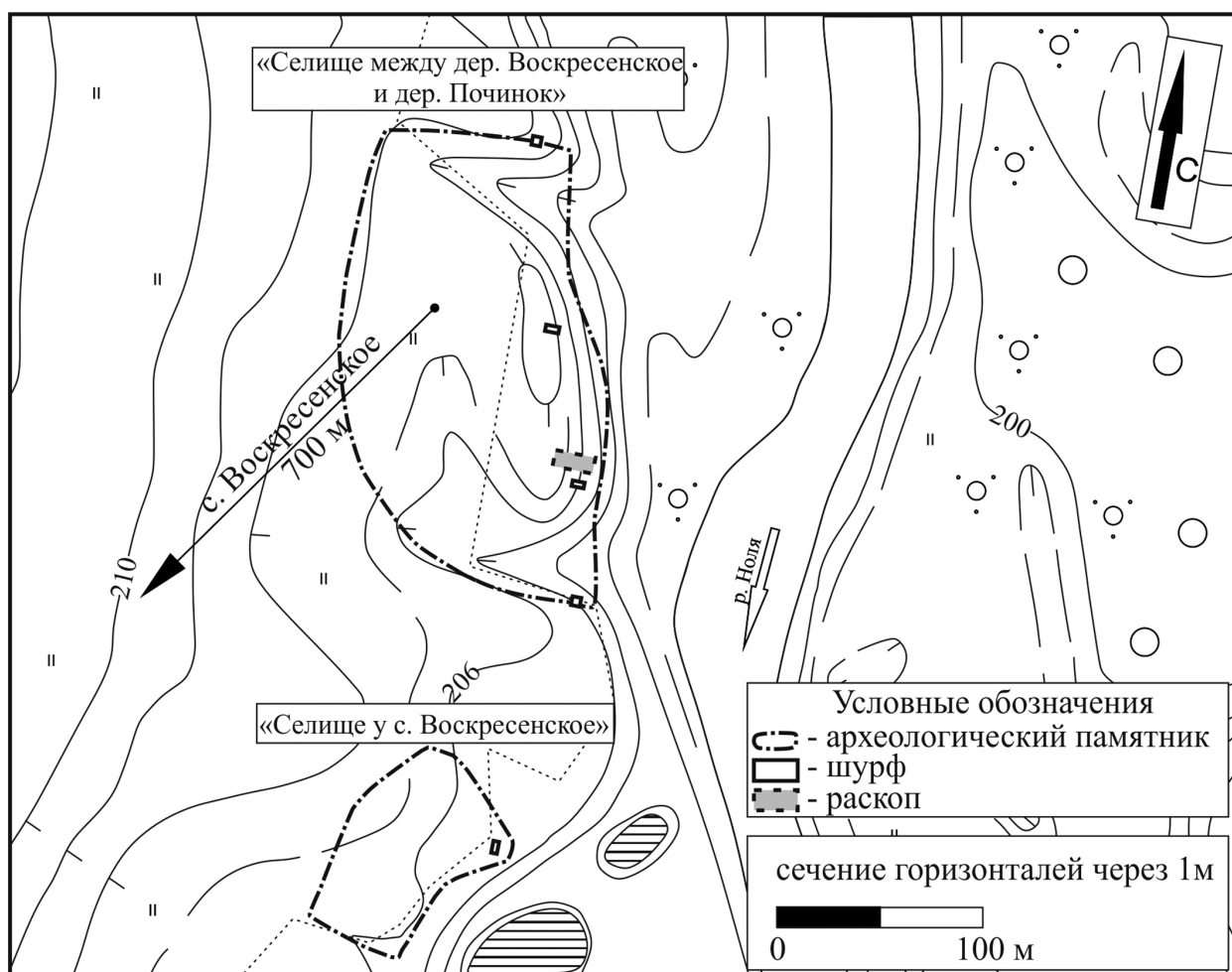

Рис. 1. Топографический план памятников с обозначением мест исследований.

В 1988 г. селище обследовано Заволжской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Е.А. Рябинина. На территории селища собран многочисленный подъёмный материал, в том числе, ременная накладка и орнитоморфная шумящая подвеска (*Паспорт селища...*, 1988).

Селище у с. Воскресенское открыто в 1981 г. Ю.Н. Урбаном в результате работ Волго-Окской экспедиции ИА РАН СССР (*Урбан, 1981*). Обнаружены фрагменты позднесредневековых гончарных керамических сосудов, единичные фрагменты, предположительно, лепных сосудов (*Паспорт селища...*, 1981). Памятник датирован исследователем XIV-XVI вв.

В ходе работ 2019 г. произведено изучение культурного слоя на обоих памятниках посредством закладки шурфов (Рис. 1).

На памятнике «Селище между дер. Воскресенское и дер. Починок» заложен один шурф размерами 2х3 м (I), один шурф 1х2 м (II), два шурфа 1х1 м (III, IV). Исследованный 4 шурфами на площади 10 кв. м. культурный слой, представленный в виде тёмно-серой и серой супеси, имеет небольшую мощность, подвергался многолетней распашке, на что указывает, в том числе, малый размер массового керамического материала в шурфах I и II. Массовый и индивидуальный материал, найденный в шурфах I и II, позволяет предварительно датировать селище в широких пределах XI-XIII вв. В шурфе II обнаружены наиболее ранние находки, представленные ромбовидным наконечником стрелы «новгородского» типа (Рис. 2-1), имеющим аналогии в материалах Великого Новгорода и Старой Ладogi (особенно характерны для XI в.) (*Медведев, 1959, С. 165*), и фрагментом изогнутого венчика керамического сосуда со срезанным краем (Рис. 2-2; X-XI вв.) (*Коваль, 2016, С. 120*). Самые ранние материалы в шурфе I – раннекруговые грубые вертикальные венчики с примесью дресвы в тесте (Рис. 2-3, 4; XI-нач. XIII в.)

(*Коваль, 2016, С. 117*). Иглы из шурфа I (Рис. 2-5) находят аналогии в материалах Великого Новгорода XII-XIII вв. (*Колчин, 1959, С. 64*), а также на селище Минино I (вторая пол. XI-первая пол. XIII в.) (*Захаров, 2008, С. 20*) и др. памятниках. Нож с прямой спинкой из шурфа I обломан (Рис. 2-6). В целом схожий тип ножей с прямой спинкой, согласно А.Е. Леонтьеву, появляется в Ярославском Поволжье в V-VI вв. и встречается в материалах археологических культур Европы до XI в. и позже (*Леонтьев, 1976, С. 41*).

На памятнике «Селище у с. Воскресенское» заложен один шурф размерами 1х2 м (V) (Рис. 1). Малое количество найденного материала позволяет предварительно датировать селище XV-XVII вв. На это указывают находки фрагментов гладких керамических сосудов: изогнутые венчики с отогнутым наружу краем и стенки, в подавляющем большинстве без примесей в тесте или с примесью мелкого песка.

В 2020 г. работы на памятнике «Селище между дер. Воскресенское и дер. Починок» были продолжены, заложен раскоп площадью 40 кв. м (Рис. 1). Культурный слой памятника перемешан вспашкой практически на всю глубину, что подтверждается найденным в слоях массовым материалом (так, при разборе пласта 2 на одной глубине обнаружены фрагменты фаянсовой посуды и раннекруговые венчики, лепная керамика) (*Аристов, 2021. С. 39*). Во всех пластах отмечены кованые ножи и их черенки. При разборе пласта 2 обнаружены следующие находки: в СВ углу кв. 5 на отметке -51 см найден слиток медного сплава округлой уплощённой формы весом 3 г (Рис. 2-7), связанный с изготовлением предметов из цветных металлов или переплавкой лома. Схожие слитки северного происхождения IX-X вв. найдены в Старой Ладoge, Тимерёве, Гнёздово, на Рюриковом, Сарском и Супрутском городищах (*Кирпичников, Енисова, 2004. С. 293*).

Аналогии слитку находятся на селищах Мининского археологического комплекса в слоях конца X – XI в. (*Археология севернорусской деревни...*, 2008. С. 69); в ЮЗ углу кв. 5 на отметке -52 см найден кованый железный рыболовный крючок (Рис. 2-8), аналогичный крючкам из псковских коллекций (*Салмина, 1994. С. 160*), широко датируется XI – XV вв. В ЮВ углу кв. 10 на отметке -54 см обнаружен ещё один слиток медного сплава округлой уплощённой формы весом 2,2 г (Рис. 2-9). В ЮЗ части кв. 7 на отметке -34 см найден фрагмент изделия из медного сплава в виде полой полусферы с утратой части поверхности, предварительно интерпретированный как фрагмент полусферической или колоколовидной привески шумящего украшения (Рис. 2-10). Подобные привески-пронизки – характерная деталь финно-угорского костюма (*Кочуркина, Линевский, 1985.*

С. 40), в Белозерье подобные украшения обнаружены в культурном слое многих поселений и погребальных комплексах XI – рубежа XII-XIII вв. (*Археология севернорусской деревни...*, 2008. С. 113); при разборе пласта 3 в ЮЗ части кв. 6, над заполнением ямы №2, на отметке -61 см обнаружен сильно деформированный фрагмент изделия из медного сплава, предварительно интерпретированный как фрагмент шумящего украшения (Рис. 2-11). Схожие по форме полутрубчатые подвески встречены в марийских могильниках IX – XI вв. (*Архипов, 1973. С. 137*), в Белоозере (*Захаров, 2004. С. 70*), на памятниках Прикамья до XII в. (*Крыласова, 2001. С. 128*), в могильниках Владышнево X – XI вв. (*Археология севернорусской деревни...*, 2008. С. 141). Исключительной находкой является происходящая из пласта 3 железная весовая гирька в виде

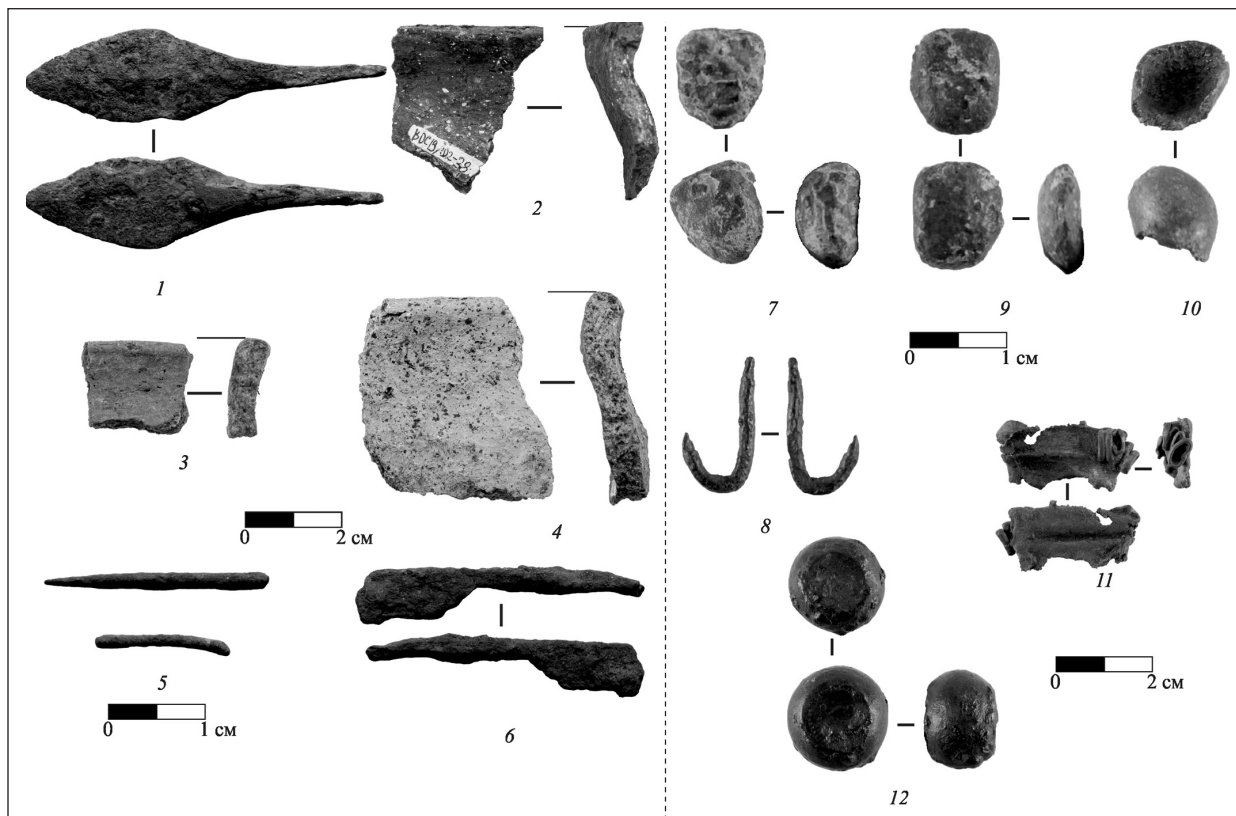

Рис. 2. Некоторые индивидуальные находки работ 2019-2020 гг.

шара, сплюснутого с противоположных сторон с образованием параллельных округлых площадок (Рис. 2-12). На одной из площадок по окружности нанесён оттиск в виде ряда прямоугольников, в центре этой же площадки оттиск в виде четырёх окружностей. Вес гири – 32,8 г. Подобные гири датированы В.Л. Яниным второй половиной IX – началом XI века и находят аналогии в материалах новгородских кладов, гнёздовских курганов, Старой Руссы (Янин, 2009. С. 196).

Обращает на себя внимание обилие обнаруженных при разборе пласта 3 и заполнения ряда ям (ямы №№ 3, 14, 15) фрагментов ошлакованной керамики (тиглей?), керамического, металлургического

шлака, кусков железа, выплесков металла. В сочетании с найденными слитками медного сплава IX-XI вв. это позволяет сделать вывод о существовании на изученном памятнике металлургии железа и обработки цветных металлов.

Проведённые в 2019-2020 гг. на памятниках «Селище между дер. Воскресенское и дер. Починок» и «Селище у с. Воскресенское» археологические работы позволили уточнить информацию о материальной культуре древнерусского сельского населения исторической округи города Галича (Мерьского), обнаруженные предметы говорят о торговой, бытовой и ремесленной деятельности населения.

Список источников и литературы:

1. Аристов А.А. Отчёт об археологических раскопках на территории Галичского района Костромской области в 2020 г. – Кострома: [б. и.], 2021. – 154 с.
2. Археология северорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3 т. Том II: Материальная культура и хронология / Отв. ред. Н.А. Макаров, ред. С.Д. Захаров. – Москва: Наука, 2008. – 365 с. – ISBN 978-5-02-035524-8.
3. Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. – 198 с.
4. Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. – Москва: Индрик, 2004. – 592 с. – ISBN 5-85759-271-2.
5. Кирпичников А. Н. Литейные формы для производства слитков из Старой Ладogi / Кирпичников А. Н., Ениосова Н. В. // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В.В.Седова / ред. Н. А. Макаров [и др.] – Москва: Наука, 2004. – С. 290–297.
6. Коваль В. Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи средневековья (X-XVII века) и раннего железного века Восточной Европы). – Москва: ИА РАН, 2016. – 128 с. – ISBN 978-5-94375-197-4.
7. Комаров К.И. Отчёт о работе Костромской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1 №9867
8. Кочкуркина С.И. Курганы летописной веси X – начала XIII века. / С.И. Кочкуркина, А.М. Ливневский – Петрозаводск: Карелия, 1985. – 223 с.
9. Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма. – Пермь: Издательство ФГБОУ ВО ПГГПУ, 2001. – 260 с. – ISBN 5-85218-097-1.
10. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого / А. Ф. Медведев // Труды Новгородской Археологической экспедиции. Том II / ред. А. В. Арциховский, Б.А. Колчин – Москва: Издательство АН СССР, 1959. – С. 121-191

**РАЗДЕЛ 2. История костромского края и сопредельных
территорий в древности, Средневековье и в Новое время
в свете вещественных источников**

---

11. Отчёт о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края. За 1927 год. (Год XVI-й) / Костромское научное общество по изучению местного края. – Кострома, 1928.
12. Паспорт селища у с. Воскресенское / Сост. Ю.Н. Урбан. 1981. Департамент культуры Костромской области.
13. Паспорт селища между дер. Воскресенское и дер. Починок / Сост. Е.А. Рябинин. 1988. Департамент культуры Костромской области.
14. Рябинин Е.А. Отчёт о работе археологической группы ЛСИА в Костромской и Ивановской областях в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1 №7697
15. Салмина Е.В. Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове (классификация находок и способов ловли) / Е. В. Салмина // Археологическое изучение Пскова. – 1994. – № 2 – С. 151-170.
16. Урбан Ю.Н. Отчёт об археологической разведке в Костромской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. №9806.
17. Янин В.Л. Денежно-весовые системы Домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – 416 с. – ISBN 978-5-9551-0172-9.

РАЗДЕЛ 2.

История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и Новое время в свете
вещественных источников

© Лазарев А.С.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАСТРОЙКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ Г. КОСТРОМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013-2018 ГГ.

ЛАЗАРЕВ А.С.

*Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие»,
г. Кострома*

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты анализа и соотнесения карт конца XVIII-начала XIX в. и материалов археологических исследований 2013-2018 гг. в центральной части города Костромы.

Ключевые слова: древнерусский город, Кострома, Костромской кремль, торговые ряды, посад, археология, историческая топография.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE CENTRAL PART OF KOSTROMA BASED ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES 2013-2018

LAZAREV A.S.

Regional State Budgetary Institution "Heritage", Kostroma

Summary: The paper presents some results of the analysis and correlation of maps of the late XVIII-early XIX centuries and materials of archaeological researches in 2013-2018 in the central part of Kostroma.

Key words: Old Russian city, Kostroma, Kostroma Kremlin, trading arcades, posad, archeology, historical topography.

Одной из актуальных задач археологического изучения любого древнего города со сложной строительной историей является анализ исторической топографии и соотнесение изученных внутри памятника объектов с конкретными упоминаниями в письменных источниках.

Как правило, научно-обоснованные исторические реконструкции топографии средневекового города опираются на несколько групп источников – письменные описания, карты и планы, материалы археологических изысканий. Для Костромы одним из наиболее широко цитируемых и доступных источников по истории XVII в. является Писцовая книга 1627-1630 гг., опубликованная специалистами Костромского архива (*Писцовая книга г. Костромы...*, 2004). Как правило, именно на данные Писцовой книги опираются все реконструкции идентификации древних улиц, местоположения руинированных и археологизированных архитектурных памятников.

На протяжении времени было предпринято несколько попыток реконструкций и создания карт уличной сети, отличной от привычного нам и, в значительной степени, сохранившегося плана регулярной застройки конца XVIII в. Это ряд существующих планов, которые в разной степени используются исследователями:

– план Костромы XVII в. (*Иванов, Фехнер, 1955. Вкладка*) представляет собой крупномасштабную схему, на которой представлены исторические названия улиц, церквей и башен Костромского кремля;

– схематический план застройки XVII в. (по С.С. Смирнову) (*Писцовая книга г. Костромы...*, 2004. С. 363) – ещё один авторский вариант интерпретации дорегулярной застройки, имеющий ряд отличий от предыдущего в локализации названий улиц и объектов;

– формирование территории г. Костромы (*Алексеев, 2001. С. 32-33; 2006. С. 37*) – план представляет собой обобщённую

схему распространения и формирования культурного слоя разных периодов, также отмечены места археологических работ, проведённых в 1990-х – начале 2000-х гг.;

– совмещённый план (по С.А. Кабатову) дорегулярной городской застройки (по С.С. Смирнову) и регулярной (современной) планировки города (*Кабатов, Кабатова, 2020. С. 16*) – в статье опубликован фрагмент плана, представляющего собой совмещённый и несколько доработанный вариант двух предыдущих схем и карты современной городской застройки.

Полноценный обзор и анализ приведённых выше реконструкций городской территории требует отдельной публикации, однако все они обладают существенным недостатком, затрудняющим их использование – за исключением статей С.И. Алексеева, ни один из планов не был опубликован как самостоятельный результат исследования с указанием письменных, картографических и археологических источников, на которых он основан.

Создание планов Костромы в XVIII в. было связано с несколькими крупными общероссийскими административными и хозяйственными процессами, например, с Генеральным межеванием (*Города Российской империи...*, 2016. Ил. XXXVI). С другой стороны, большинство планов города возникло в связи с необходимостью оценки разрушений, причинённых городу пожаром 1773 г., а затем с планированием новой сети улиц.

В ходе работ археологической экспедиции ОГБУ «Наследие» 2013-2018 гг. в центре города была зафиксирована редкая для культурного слоя Костромы ситуация – сохранный древесина и остатки построек. Общая площадь раскопок на территории Нового города и посада второго Костромского кремля за период 2013-2021 гг. составила 471 м², разведок 63 м², наблюдений 428 м² (*Горохова, Лазарев, Бушуев, 2017; Лазарев, 2019*). К сожалению, только в некоторых случаях возможно сделать выводы о характере

*Рис. 1. Деревянные постройки в раскопах в Гостином дворе.
1 – «Мелочные ряды I», 2 – «Мелочные ряды II».*

использования или принадлежности раскрытых в раскопах объектов.

В ходе раскопок 2013-2016 гг. на территории Гостиного двора (Красных рядов) в двух раскопах «Мелочные ряды I» и «Мелочные ряды II» на площади 176 м² были изучены в общей сложности остатки 10 разновременных сооружений, относящихся к периоду до строительства каменных рядов (руководитель работ А.В. Горохова) (Рис. 1). Все они были интерпретированы как торговые сооружения разного времени – лавки с настилами-галереями перед входом XVIII в., а также погреба XVII в., используемые для складирования товаров. Ориентация построек по сторонам света совпадает с пунктирными линиями рядов, нанесёнными на совмещённых планах дорегулярной и регулярной застройки конца XVIII в. (см. «Геометрический план гор. Костромы с показанием в оном старого и вновь прожектированного строения. 1780 г.», «План губернского города Костромы 1781 г. с утверждённой регулярной застройкой»). При этом даже определить характер продаваемых в них товаров достаточно затруднительно. Косвенно на расположение где-то рядом с раскопом «Мелочные ряды I» Мясного ряда и/или какого-либо заведения общественного питания, в котором здесь же готовились

отдельные части разделанных туш, указывает слой массивной засыпки из костей животных, сформировавшийся в конце XVII-начале XVIII в. (Лазарев, 2017). В 2019 г. в шурфе №7, заложенном для обследования фундаментов в галерее Красных рядов со стороны, выходящей на Сусанинскую площадь (северный угол рядов), также было обнаружено большое количество (ок. 150 ед.) костей животных со следами кухонной разделки (руководитель работ А.В. Горохова). Расстояние между раскопом и шурфом составляет около 45 метров. В ходе работ 2019 г. в шурфах №5 и №7 была также зафиксирована сходная ориентация построек (шурф №5 находился в арке прохода из Красных рядов на ул. Советскую, расстояние от раскопа ок. 40 м). В соответствии с методикой шурфы были законсервированы на уровне выявленных сооружений.

Всего же в раскопе «Мелочные ряды I» с учётом заглублённых в материк ям было прослежено четыре этапа застройки XV-XIX вв. (Горохова, Лазарев, Бушуев, 2017. С. 238). Ещё один этап использования территории, не нашедший отражения в предыдущих публикациях, может быть выделен по наличию предматерикового слоя серой супеси с углём, характерного для территорий, использовавшихся в качестве пахоты или огорода.

Рис. 2. Деревянные постройки в раскопах.
1 – «Мясные ряды», 2 – «Малые мучные ряды».

Все деревянные постройки в раскопе «Мелочные ряды II» (5 срубов размерами до 5х6 м) были стратиграфически синхронны между собой и отражали плотную деревянную застройку участка около церкви (Горохова, Лазарев, Бушуев, 2018. С. 383-385). При этом в раскопе не было зафиксировано кладбище, которое можно было бы соотнести с упоминаемым в Писцовой книге и существовавшим около деревянной церкви Всемилоствитого Спаса происхождения Честного креста (прямоугольник, занимаемый церковью с кладбищем в современных единицах измерения, имеет стороны 41,54 м и 36,21 м) (Писцовая книга г. Костромы, 2004. С. 271). Прямоугольник современного корпуса Красных рядов – ок. 115х165 м.

В 2017-2018 гг. работы проводились на двух раскопах на нижнем посаде – «Мясные ряды» и «Малые мучные ряды» (руководитель работ А.С. Лазарев) (Рис. 2). В раскопе «Мясные ряды» были изучены остатки 5 различных сооружений: 3 сруба связаны с наземными постройками, сменявшимися друг друга на участке в границах раскопа, а 2 – с заглублёнными погребками.

Лучше всего сохранилась деревянная постройка, вскрытая на глубине около 1,5 м от современной поверхности (Сруб №1). Сооружение прослеживалось в северо-

восточной части раскопа, пересекая его с запада на восток, и уходило в северо-восточную, юго-восточную и северо-западную стенки. Размер зафиксированной в пределах раскопа части постройки составляет 6х12 м. Выявленные остатки сруба представлены бревнами его нижнего венца, с поперечными перерубами, зарубленными в лапу. Фундаментом этого сооружения служили 18 вертикально вкопанных в землю столбов разной длины и диаметра, в одном случае под бревно стены был подложен массивный камень размерами ~60х80 см. Столбы были расположены в местах перерубов и под бревнами основания стен. Также фрагментарно сохранился пол из досок на поперечных лагах, уложенных на землю. Кроме того, внутри отделений сруба были зафиксированы отдельные незакрепленные обрубки бревен, вероятно, также выполнявшие функции лаг и подкладок под доски пола. Со временем строительства сруба соотносится слой щепы мощностью до 50–60 см с внешней стороны южной стены этого сооружения.

Строение, обладающее сходными конструктивными элементами, было зафиксировано и на раскопе «Малые мучные ряды», разбитом западнее ниже по склону. Постройка располагалась по всей площади раскопа и также сохраняла

ориентацию по сторонам света. Фундаментом постройки служили 13 столбов. Вдоль южной стены сруба частично сохранился дощатый настил пола. Видимая в раскопе часть постройки составляет ~8,5(10?)x12 м.

В обоих раскопах остатки деревянных конструкций первоначально рассматривались как принадлежащие к отдельным строениям, но сходные конструктивные элементы, ориентация и стратиграфическое положение позволяют выдвинуть гипотезу о том, что они принадлежат единому торговому корпусу шириной около 10 м и длиной свыше 40 м, функционирующему на этом месте в конце XVIII – начале XIX в. На плане города конца XVIII-начала XIX в. на берегу Волги изображены полукругом 5 корпусов, подписанные в легенде

«общественной Герберг и деревянные хлебные [неразборчиво] и лапотные ряды» (План города Костромы. Кон. XVIII – перв. четв. XIX в.) (Рис. 3).

Выявленная постройка с большой вероятностью представляла собой один из деревянных корпусов Торговых рядов, построенных после пожара 1773 г. и образовавших площадь на берегу Волги. Впоследствии они были разобраны после возобновления строительства каменных рядов (Памятники..., 1996. С. 8). Подобный вывод подтверждают как археологические материалы, так и данные дендрохронологического датирования (надёжные датировки для спилов, отобранных на раскопе «Мясные ряды» – 1754, 1777, 1782, 1784 гг., – указывают на строительство здания в предпоследнем десятилетии XVIII в.).

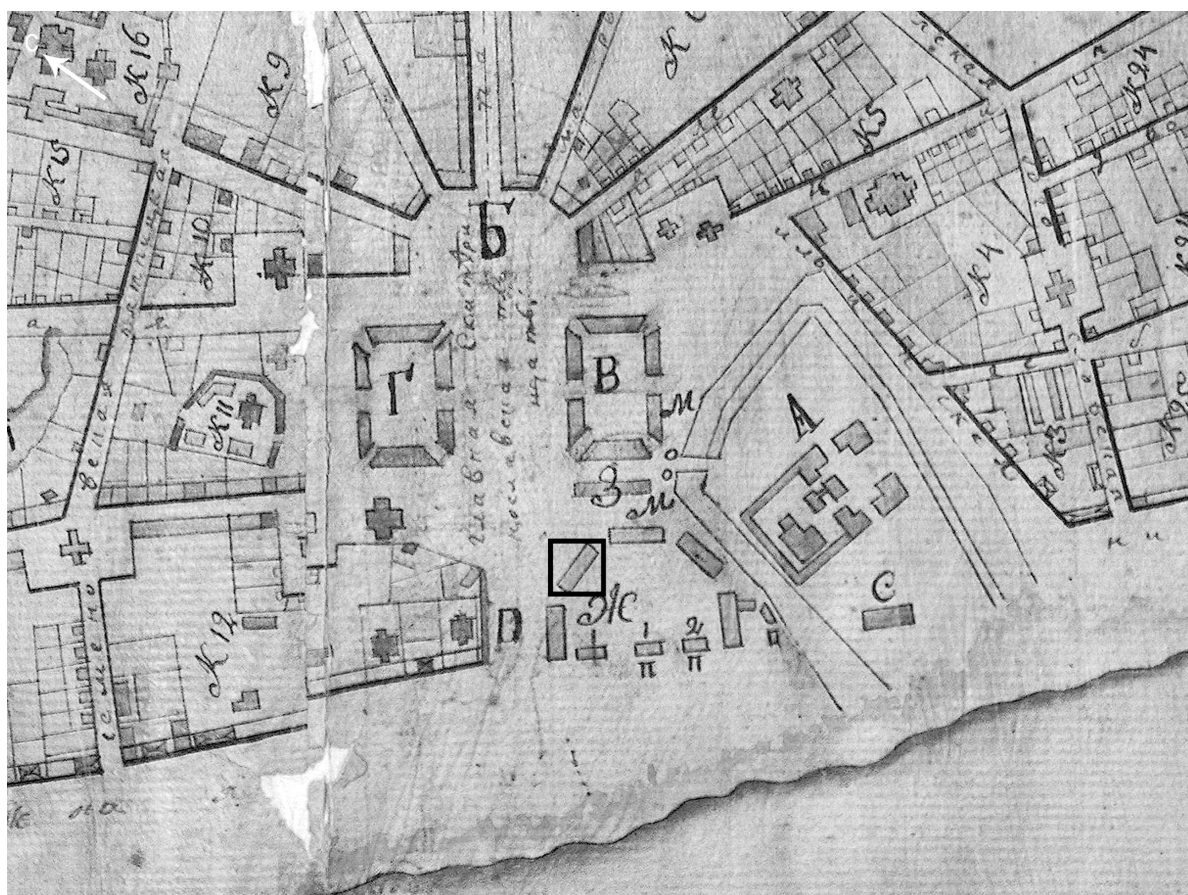

Рис. 3. План города Костромы. Кон. XVIII – перв. четв. XIX в.
Фрагмент. Прямоугольником выделен участок работ 2017-2018 гг.

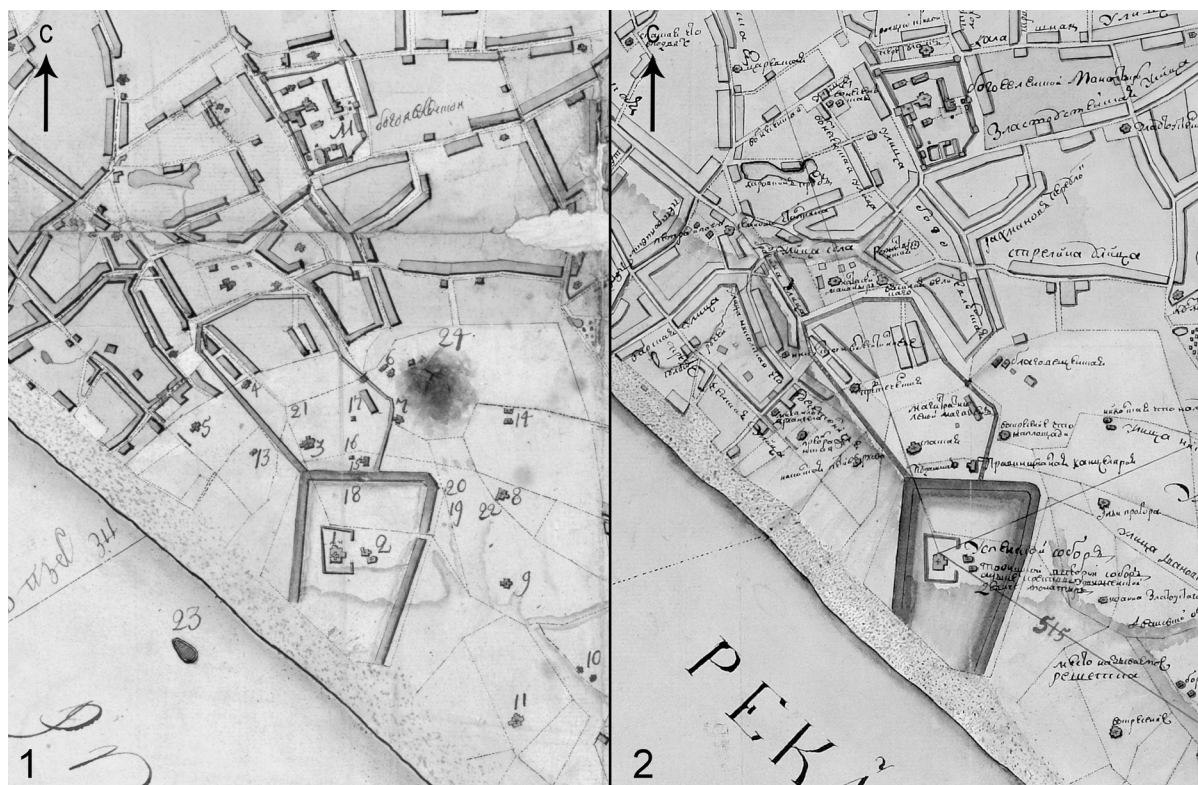

Рис. 4. Планы Костромы.

1 – РГИА. Ф. 1293. Оп. 168, Костромская губерния. Д. 6. Л. 1; 2 – РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 1976.

На первый взгляд, значительно легче, чем в случае с постройками, определить принадлежность некрополей к конкретным церквям.

В 2018 г. и 2021 г.¹ на территории Нового города Костромского кремля и посада были частично исследованы два некрополя.

Многоярусный городской некрополь был выявлен в процессе работ на раскопе «Малые мучные ряды» в слоях, предшествующих деревянной застройке конца XVIII в. и началу перепланировки нижнего посада².

1 Археологические раскопки у лавки церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи проводились археологической экспедицией ОГБУ «Наследие» под руководством А.С. Лазарева в 2020-2021 гг. В настоящее время материалы раскопок, в том числе антропологические, находятся в процессе обработки.

2 Результаты анализа материалов некрополя были представлены в докладе А.С. Лазарева и А.В. Дедик «Новые археологические и антропологические данные по населению г. Костромы XVI-XVII вв. (раскоп «Малые мучные ряды», 2018 г.)», прочитанном на научно-практическом семинаре Столичного археологического бюро «Археология русского города» в 2019 г. (в настоящее время находится в печати).

Обнаруженный некрополь состоял из рядов погребений, преимущественно, ориентированных по линии юго-запад – северо-восток (49 из 61 непогребенного погребения), меньшее количество захоронений ориентировано по линии юг-север (9 погребений) и запад-восток (3 погребения). Всего было обнаружено 75 индивидов, из которых 50 – это юноши и взрослые, а 25 – дети. Большая часть взрослого населения (36 индивидов) представлена мужчинами. Стратиграфия залегания взрослых погребений – на большей части территории прослеживается 2 или 3 уровня, – указывает на то, что данное кладбище использовали в течение продолжительного времени. В ряде случаев поздние погребения «прорезают» более ранние и нарушают их целостность. «Плотность» захоронений возрастает в юго-западной части раскопа, что позволяет сделать вывод о том, что раскоп был заложен на северо-восточной границе некрополя.

Непосредственно связанная с некрополем часть коллекции представлена предметами личного благочестия, остатками обуви (Лазарев, Осипов, 2020. С. 317-319), надгробиями (Лазарев, 2020) и датируется периодом XVI-XVIII вв.

Факт возведения на месте кладбища торговых построек свидетельствует о том, что оно принадлежало к одной из деревянных церквей, которые не были перестроены в камне. В Писцовой книге «на нижнем посаде к Волге» описаны «церковь великого чудотворца Николы древена, вверх о пяти верхах, да вверху два предела Всех святых да Козмы и Домьяна» и «церковь другая с трапезою древена, клецки Сретение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да предел велико Христовы мученицы Екотерины» (Писцовая книга г. Костромы, 2004. С. 284). Далее описаны церковные земли с кладбищем, поповым двором и кельями. На планах, составленных после пожара 1773 года и содержащих «каталоги» сгоревших зданий, мы видим уже только одну «церковь деревянную святителя чудотворца Николая, что слывет пятиверхой» (см. «Костромская губерния. Геометрический план гор. Костромы с показанием учинившегося сего 1773 года 18 мая пожара...»; «План части города Костромы после пожара 18 мая 1773 г. ...»; «Часть плана города Костромы»). На этих же планах среди пострадавших церквей нанесена «церковь архистратига Михаила», построенная в камне в 1745 г. (Краткие статистические сведения..., 1911. С. 11), находившаяся до середины 30-х гг. XX в. по другую сторону улицы Молочная гора от места раскопок. Но на одном из

планов из фондов РГАДА, содержащем большое количество топонимов и пометок, мы видим иной порядок обозначения церквей – вместо Архангельской церкви указана церковь Преображения, Никольская же церковь остаётся на своём месте (см. «План города Костромы, с проектом 3-х кладбищ, с селом Городищи...»). Возможно, в данном случае ошибка возникла при копировании плана. Таким образом, мы видим ограниченность информации и разночтения в письменных источниках даже составленных в одно время.

В заключение необходимо отметить:

Реконструкция исторической топографии Костромы остаётся сложнейшей проблемой, требующей для своего решения привлечения всех видов исторических источников;

Привлечение материалов археологических исследований позволяет не только в ряде случаев локализовать конкретные исторические постройки, но и получить сведения о тех этапах освоения городской территории, которые не нашли отражения в письменных источниках;

В дореволюционные годы исторический центр города пережил значительные преобразования не только в результате стихийных бедствий, которыми были для преимущественно деревянного города пожары, но и в результате целенаправленной перепланировки, ликвидировавшей, в том числе, такие объекты как насыпи Костромского кремля и Сульский овраг, что также затрудняет локализацию объектов и мест на исторической карте города.

Список источников и литературы

1. Алексеев С.И. Итоги археологических исследований в г. Костроме и Костромской области (1989-2000 гг.) // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1. – Кострома: ГУП «Областная типография им. М. Горького», 2001. – С. 29-35.
2. Алексеев С.И. Формирование территории Костромы в середине XII-середине XIII вв. // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 2. – Кострома: ЗАО «ЛинияГрафикКострома», 2006. – С. 34-41.
3. Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия / Подг. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. – Тула: «Аквариус», 2016. – 760 с. + CXLV ил. – ISBN 978-5-8125-2226-1.
4. Горохова А.В., Лазарев А.С., Бушуев И.А. Археологические исследования на территории Гостиного двора (Красных рядов) в г. Костроме 2013-2016 гг.: итоги и перспективы. // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова: сб. науч. тр. / Под ред. И.С. Наградова и В.Л. Щербакова. – Кострома: «ЛинияГрафикКострома», 2017. – С. 71-79.
5. Горохова А.В., Лазарев А.С., Бушуев И.А. Предварительные итоги археологических исследований 2013-2015 гг. на территории Красных рядов в г. Костроме (по материалам раскопа «Мелочные ряды I»). // АП. Вып. 13. – Москва: ИА РАН, 2017. – С. 227-242. – ISBN 978-5-94375-211-7.
6. Горохова А.В., Лазарев А.С., Бушуев И.А. Раскоп «Мелочные ряды II»: новые данные о культурном слое городского торгового Костромы в XV-XVIII веках. // АП. Вып. 14. – Москва: ИА РАН, 2018. – С. 382-387. – ISBN 978-5-94375-242-1.
7. Иванов В.Н., Фехнер М.В. Кострома. – Москва: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1955. – 119 с.
8. Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго Костромского кремля (Статья 2). // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, №2. – С. 10-35.
9. Костромская губерния. Геометрический план гор. Костромы с показанием в оном старого и вновь прожектированного строения. 1780 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 168, Костромская губерния. Д. 7. Л. 1.
10. Костромская губерния. Геометрический план гор. Костромы с показанием учинившегося сего 1773 года 18 мая пожара, сколько в оном городе сгорело церквей, каменных и деревянных, так же казенного каменного и деревянного строения. 1773 г. / РГИА. Ф. 1293. Оп. 168, Костромская губерния. Д. 6. Л. 1.
11. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Издание редакции «Костромских епархиальных ведомостей». – Кострома: Губернская типография, 1911. – 1+XXI+407 с.
12. Лазарев А.С. Археологические исследования 2017–2018 гг. на территории торговых рядов в г. Костроме (раскоп «Мясные ряды»): предварительное сообщение. // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2018 г. / Труды Столичного археологического бюро. Том III. М.: Столичное археологическое бюро, 2019. – С. 19–30. – ISBN 978-5-9500990-3-8.

-
13. Лазарев А.С. Археологические разведки и наблюдения на территории Торговых рядов в г. Костроме в 2014-2018 гг. // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 110-летию со дня рождения П.Н. Третьякова: сб. науч.тр. / Под ред. А.С. Лазарева, И.С. Наградова, В.Л. Щербакова. – Кострома: Костромской музей-заповедник, 2019. – С. 51-64. – ISBN 978-5-6042548-2-0.
  14. Лазарев А.С. Находка белокаменного надгробия «тверского» типа в Костроме в 2018 г. (раскоп «Малые мучные ряды») // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 13. –Тверь: Тверской науч.-исслед. историко-археологический и реставрационный центр, 2020. – С. 199-205. ISBN 978-5-9906508-4-8.
  15. Лазарев А.С. Результаты археозоологических исследований по материалам раскопок в Гостином дворе (Красных рядах) в г. Костроме в 2013-2016 гг. (раскопы «Мелочные ряды I» и «Мелочные ряды II»). // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова: сб. науч. тр. / Под ред. И.С. Наградова и В.Л. Щербакова. – Кострома: «ЛинияГрафикКострома», 2017. – С. 80-85.
  16. Лазарев А.С., Осипов Д.О. Коллекция кожаной обуви из раскопок Торговых рядов в Костроме в 2017-2018 гг. // АП. Вып. 16. – Москва: ИА РАН, 2020. – С. 312-321. – ISBN 978-5-94375-309-1.
  17. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск I. г. Кострома. Ч.I. / Под общ. ред. В.Б. Корозина. Коллектив авторов: В.П. Выголов, И.Ю. Кондратьева, Г.К. Смирнов, Е.Г. Щеболева. – Кострома: Издательско-полиграфическое предприятие «Кострома», 1996. – 367 с.
  18. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629-30 гг. Археограф. подгот. Л.А. Ковалевой; Сост.: Л.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева. – Кострома: ООО «КОСТРОМАИЗДАТ-850», 2004. – 432 с. – ISBN 5-94948-004-X.
  19. План города Костромы, с проектом 3-х кладбищ, с селом Городищи. Копия. С описанием, в красках, составлен и подписан помощником землемера Ермолаем Соловым, копирован учеником Ильей Беяевым. 17 января 1774 г. / РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 1976.
  20. План города Костромы. Кон. XVIII – перв. четв. XIX вв. / Архив ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». КМЗ КОК-45819/78
  21. План губернского города Костромы 1781 г. с утверждённой регулярной застройкой / Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое). Книга чертежей и рисунков (Планы городов). – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1859. – С. 142.
  22. План части города Костромы после пожара 18 мая 1773 г. С описанием, в красках, без рамки, составлен старшим землемером премьер-майором Филиппом Барановым. 12 июня 1773 г. / РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 2009.
  23. Часть плана города Костромы / РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 436. Л. 1.

РАЗДЕЛ 2.

История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и Новое время в свете вещественных источников

© Лазарев А.С., Горохова А.В.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА XVIII-XIX ВВ. (по результатам раскопок на ул. Красноармейской, 35а в г. Костроме в 2019-2020 гг.)

ЛАЗАРЕВ А.С., ГОРОХОВА А.В.

Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие», г. Кострома

Аннотация: В статье представлены результаты раскопок 2019-2020 гг. на территории г. Костромы в районе ул. Красноармейской. В ходе исследования были не только изучены различные объекты, датируемые XVIII-XIX вв., но и собрана коллекция индивидуальных находок, характеризующая разные стороны повседневной жизни городского населения.

Ключевые слова: Археологические раскопки, стратиграфия, Кострома, Новое и Новейшее время, материальная культура, история повседневности.

MATERIAL CULTURE OF A PROVINCIAL TOWN OF THE XVIII-XIX CENTURIES (According to the results of excavations in 2019-2020 in Kostroma at Krasnoarmeyskaya street, 35a)

LAZAREV A.S., GOROKHOVA A.V.

Regional State Budgetary Institution "Heritage", Kostroma

Summary: The paper presents the results of excavations in 2019-2020 on the territory of Kostroma in the area of Krasnoarmeyskaya St. In the course of the exploration various objects of the period of XVIII-XIX were studied centuries, also collection of different artefacts, characterizing different aspects of the everyday life of the urban population, was collected.

Key words: Archaeological excavations, stratigraphy, Kostroma, Modern times, material culture, the history of everyday life.

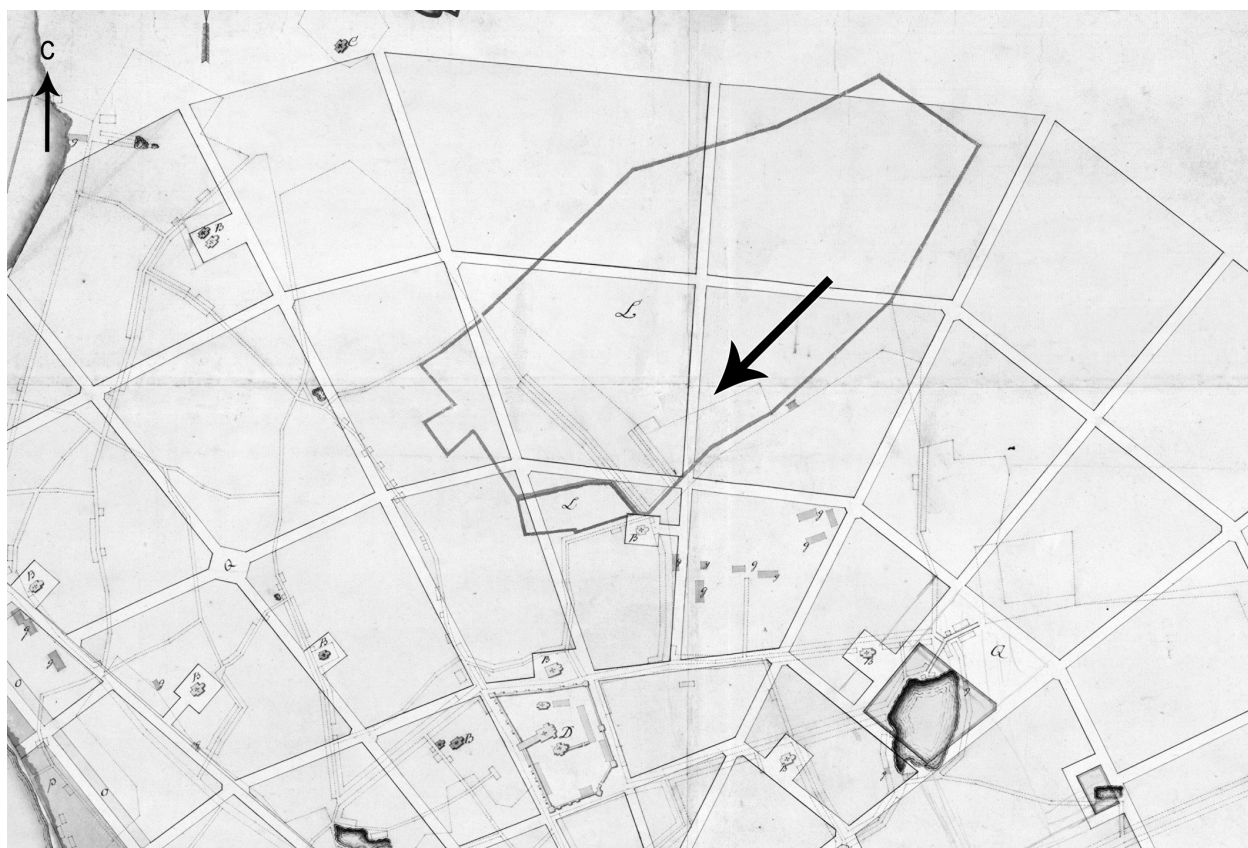
Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время

В последние годы необходимость и актуальность археологического обследования культурного слоя XVIII-XIX вв. не подлежит сомнению ни в актуальном законодательном пространстве, ни в исследовательских кругах – результаты раскопок «поздних» памятников становятся объектом исследований и публикаций. Применительно к археологии Костромы – древнего города, постепенно расширявшего свои границы от берегов р. Волги и р. Костромы, – это, в первую очередь, относится к раскопкам на территории слобод и жилых районов вдоль трактов. Именно на этих участках объекты и находки Нового и Новейшего времени составляют основной, а иногда и весь объем материалов.

В 2019-2020 гг. археологической экспедицией ОГБУ «Наследие» проводились охранные раскопки на месте строительства многоквартирного жилого дома в г. Костроме по адресу ул. Красноармейская, 35А. Участок, на котором велись исследования, расположен внутри квартала, ограниченного современными улицами Красноармейской, Горького, Юных Пионеров и Полянской.

Место проведения работ находится в пределах границ объекта культурного наследия федерального значения «Участок культурного слоя бывших Полянской и Пищальной слобод, XVI-XVIII вв.». Полянская слобода впервые упоминается в «Писцовой книге г. Костромы 1627/28-1629/30 гг.», в которой есть отсылка и к более ранним

Рис. 1. Фрагмент «Геометрического плана гор. Костромы с показанием в оном старого и вновь прожектированного строения. 1780 г.» «L» – Полянская пищальная слобода со всеми землями ведомства коллегии Экономии которую полагается принять под строение, а во оных слободах 146 душ» (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168, Костромская губерния. Д. 7. Л. 1). Место работ указано стрелкой.

документам, относящимся к ее истории: «На Костроме ж за посадом. Слободка Полянская непашенная. Владеют Троицы Сергеева монастыря архимандрит и келарь з братьею по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси жалованной грамоте за приписью дьяка Ивана Болотникова 121-го [1613 – авт.] году и по данной костромского пушкаря Григорья Полянскова лета 7087-го [1579 – авт.] году а живут в ней непашенные бобыли, а ссаживали тое слободку срхимарит и келарь з братьею монастырскими бобыли ис троицких вотчин Сергиева монастыря изо многих сел» (*Писцовая книга г. Костромы...*, 2004. С. 291-292). Как следует из документа, в 1579 г., по всей видимости, пустопорожня земля, принадлежавшая костромскому пушкарю Григорию Полянскому, была передана в дар Троице-Сергиевскому монастырю, при этом сохранилось название в честь первого владельца. На «Плане города Костромы, с проектом 3-х кладбищ, с селом Городищи», датированном 1774 годом, указаны рядом «Полянская пищальная слобода» и «Троицкая слобода» (*РГАДА, ф. 248, оп. 169, ед. хр. 1976*). На время составления плана здесь находилась естественная граница города, которая отодвинулась после того, как в процессе реализации плана регулярной застройки 1781 года слобода со всеми землями была отдана под застройку (Рис. 1). На этом месте были сформированы Полянская, Сергиевская (Красноармейская), Заводская (Горького) и Богоявленская (Козуева) улицы. Насыщенная улично-дворовая застройка этих улиц в значительной степени сохранилась до XX в. и представлена, в основном, одноэтажными деревянными домами с хозяйственными постройками, исторические каменные строения в этой части города единичны – первыми кирпичными постройками были здания мануфактуры Угличаниновых (сер. XVIII в.) – старейшей полотняной мануфактуры города,

мануфактуры Колодкиных (конец XVIII в.) и жилой дом (начало XIX в.), использовавшийся с 1863 года в качестве богадельни (*Памятники...*, 1997. С. 5-6, 65-70).

В ходе полевых сезонов 2019-2020 гг. на участке под строительство жилого дома раскопками была вскрыта общая площадь 420 м² (в 2019 г. – 96 м², руководитель работ А.В. Горохова; в 2020 г. – 324 м², руководитель работ А.С. Лазарев).

В связи с тем, что работы проводились в неблагоприятное время года, в соответствии с современной методикой над участками устанавливался защитный павильон с отоплением и искусственным освещением. Раскоп был разбит по направлению юг-север и разделен на 4 участка с 3 бровками между ними, внесенными в общую сетку: участки 1 и 2 – по 96 м², участок 3 – 78 м², участок 4 – 84 м²; бровка 1 – 32 м², бровка 2 – 28 м², бровка 3 – 6 м²; линии квадратов по направлению восток-запад получили обозначение буквами (А-Ж), по направлению с юга на север арабскими цифрами (1-15) (Рис. 2).

Мощность исследованных до материка напластований составила до 1 м, в ямах до 1,6 м. Сводная стратиграфическая колонка выглядит следующим образом: сверху дерн, ниже гумусированная темно-серая супесь с включениями кирпичной крошки, угля и тлена мощностью до 0,5 м (в ямах до 1,5 м), ниже прослойка предматериковой светло-серой супеси мощностью до 0,15 м, ниже материк – серо-желтый песок. Несмотря на то, что отложившийся культурный слой обладает всеми признаками аэробного слоя, в настоящее время по всей площади раскопа фиксируется мощный подпор грунтовых вод, что может быть связано с изменением их течения, как следствием строительной деятельности вокруг участка работ в XX в.

Все исследованные объекты были представлены ямами на материке различных размеров, форм и назначения (выявлено 80 ям).

Рис. 2. План раскопа на материке.

В некоторых из них зафиксированы остатки деревянных конструкций, обозначенные как Срубы №№1-6: Сруб №1 фиксируется в кв. Б-Г/2-4, размерами ок. 4х4 м; Сруб №2 – в кв. Д/4, размерами ок. 1,1х1,3 м; Сруб №3 – в кв. Г/5, размерами ок. 1,2х1,2 м; Сруб №4 – в кв. Г/4-6, размерами ок. 4х2 м; Сруб №5 – в кв. Д-Е/9, размерами ок. 1,5х1 м; Сруб №6 – в кв. Б/8-9, размерами ок. 1,2х1,2 м (Рис. 2, 3). Заполнение Срубов представлено слоем темно-серой и серой супесей с включением кирпичной крошки, желтого песка и тлена. Размеры срубов позволяют определить их назначение как вспомогательных хозяйственных построек, хозяйственных ям, колодцев.

В ходе раскопок получено 148 индивидуальных находок, изготовленных из различных материалов: цветного металла (монеты, нательный крест, накладки,

пуговица), глины (вьюшки, изразцы, фрагменты горшков), стекла (целые формы, горлышки, стенки сосудов), фарфора и фаянса (донца тарелок, помадные банки, стенки сосудов), кожи (фрагменты сапога). В целом собранная коллекция типична для городской археологии Нового времени.

Нумизматические материалы (12 экз.) представлены распространёнными типами монет XVIII-XIX вв. (Таблица №1). Самой ранней по времени чеканки является полушка Петра I, которая относится к периоду 1720-х гг. (№1). Из заполнения Сруба №1 происходят 4 монеты периода правления Анны Иоанновны и Елизаветы I (№4, 5, 7, 8), ещё одна монета Елизаветы I была найдена в заполнении Сруба №2 (№10). Единственная серебряная монета датируется 1827 г. (№11).

Рис. 3. Срубы №1-4 в процессе расчистки. Вид с юго-запада.

Таблица №1

Медные и серебряные монеты XVIII–XIX вв.					
№ п/п	№ п/о	Описание	Датировка, годы	Вес, г	Литература (Уздеников, 1992)
1	137	Пётр I. Полушка плох. сохр.	1718-1722	0,58	Гр. II
2	13	Анна Иоанновна. Полушка.	1735	3,02	№2489
3	133	Анна Иоанновна. Деньга.	1736	6,57	№2496
4	60	Анна Иоанновна. Деньга.	1737	7,52	№2498
5	9	Елизавета I. Деньга.	1748	6,18	№2529
6	12	Елизавета I. Полушка.	1750	2,94	№2536
7	61	Анна Иоанновна или Елизавета I. Деньга плох. сохр.	1730-1754	8,36	Гр. VI
8	10	Анна Иоанновна или Елизавета I. Полушка плох. сохр.	1730-1754	3,25	Гр. VI-A/a
9	14	Елизавета I. Две копейки	1760	11,02	Гр. VIII
10	41	Елизавета I. Копейка	1760	4,02	№2608
11	135	Николай I. 5 копеек.	1827	0,79	№1517
12	56	Александр II или Александр III или Николай II. 1 копейка плох. сохр.	1868-1916	1,71	Гр. XVIII

В группе предметов из цветного металла наибольший интерес представляют предметы личного благочестия (створка литого складня, нательный крест), книжная застёжка и силуэтный замок (Рис. 4). Нательный крест представляет собой четырёхконечный крест, заключённый в обрамление, украшенное растительным орнаментом, и относится к массовой продукции старообрядческих меднолитейных мастерских в XVIII-начале XX в. (Станюкович, 2003. С. 53, тип 5-14) (Рис. 4-2). Створка складня с изображением «Избранных святых» также относится к периоду конца XVIII-XIX в. (Гнутова, Зотова, 2000. №203-205) (Рис. 4-1).

Косвенно с предметами личного благочестия соотносится книжная застёжка XVIII в., которая могла использоваться для закрывания молитвослова, Евангелия или Псалтыри (Рис. 4-3). Силуэтный замок в виде музыканта с гитарой является достаточно редкой находкой. Навесные шкатулочные замки изготавливались в форме птиц, зверей, всадников, фантастических существ. Традиционными центрами производства таких замков, имевших не только непосредственные функции, но и чисто декоративные, со второй половины XVIII в. считались село Павлово на Оке и Тула (Рис. 4-4).

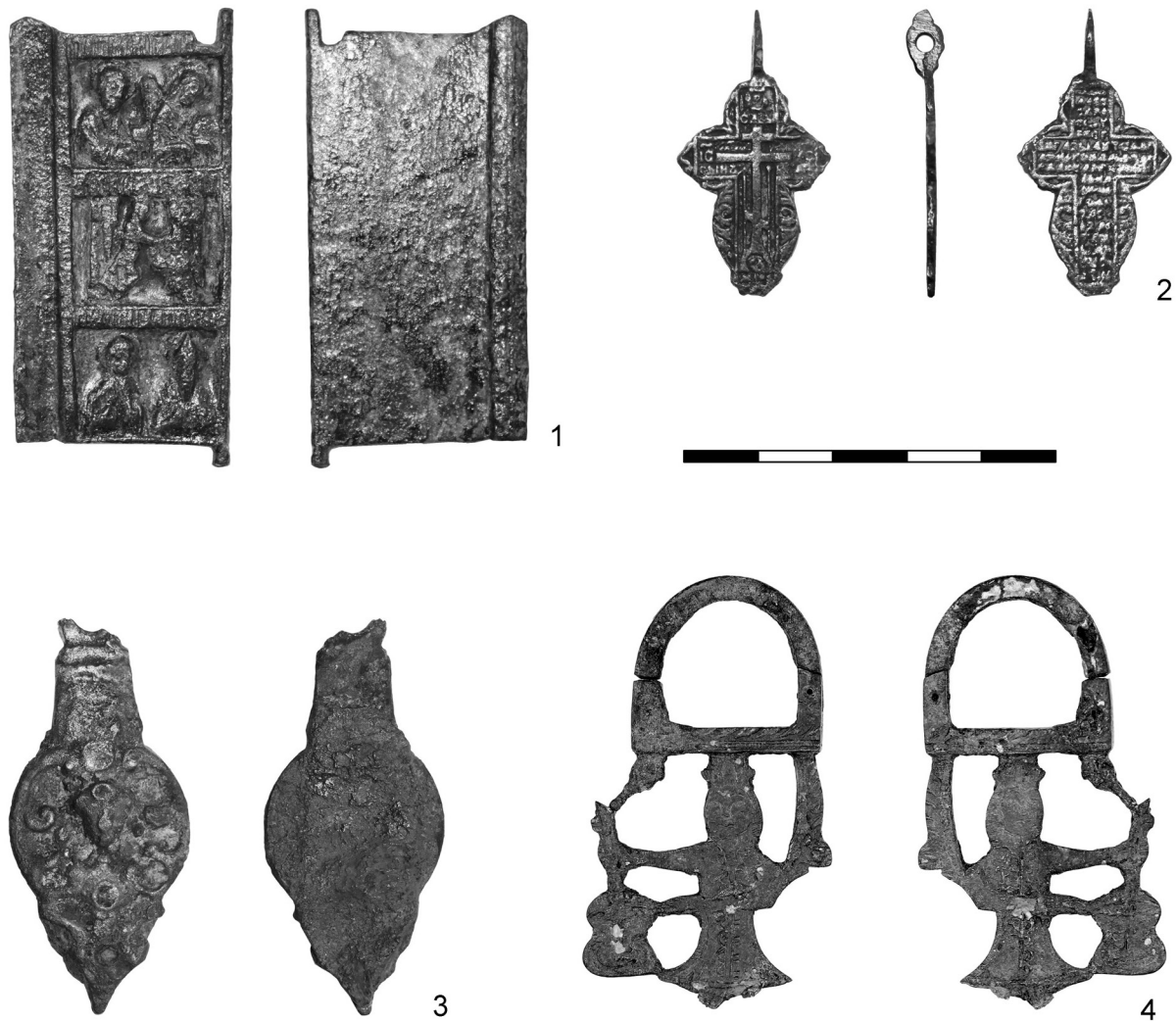

Рис. 4. Индивидуальные находки из цветного металла.
1 – складень, 2 – нательный крест, 3 – книжный замок, 4 – силуэтный замок.

Значительную часть коллекции составляют фрагменты печных изразцов (63 экз., 43% от числа всех находок), относящиеся к нескольким группам: рельефные поливные полихромные XVIII в.; гладкие поливные полихромные расписные XVIII в.; гладкие поливные с монохромной росписью XVIII в.; гладкие поливные с монохромной росписью XIX в.; гладкие неполивные красноглиняные изразцы XIX в.

Рельефные поливные полихромные изразцы, начало XVIII в. (3 экз.) (Рис. 4-4-6). Изразцы, украшенные сочетанием растительного орнамента и рельефных (чаще всего, жёлтых) рамок и медальонов – один из часто встречающихся, в том числе и в раскопках на территории Костромы, типов (см. например, Горохова, Лазарев, Фомичёва, 2019; Лазарев, 2020).

Гладкие поливные полихромные расписные изразцы, XVIII в. (3 экз.) (Рис. 5-1-3). Традиционно одна из наиболее нарядных и привлекающих внимание групп изразцов представлена нижней частью балясины и 2 фрагментами поясков. Изразцы с сюжетами, сходными с поясками (изображение птиц и растений), также известны по находкам на территории города (*Кабатов, Лазарев, Тупицына, 2012. С. 303*). Наибольший интерес из всей коллекции представляет фрагмент печной балясины с росписью по кругу, изображающей птицу и животное (тюленя?), а также два растения (Рис. 5-1). Основное количество гладких поливных изразцов с монохромной росписью XVIII в. (40 экз.) и XIX в. (8 экз.) было найдено в верхнем перемешанном слое участка №4 в кв. Д/10-11 (Рис. 6-1-15). В этих же квадратах были найдены 2 фрагмента гладких неполивных красноглиняных изразцов XIX в. (лицевые изразцы без какого-либо декора).

Лицевые изразцы представлены небольшими фрагментами, которые позволяют соотнести их с типичными для XIX в. изразцами с кобальтовой росписью цветами и вазами по белому фону (Рис. 6-7-8, 12-14). Большинство изразцов из этого скопления относится к фигурным пояскам и карнизам сложной формы, расписанным растительным и геометрическим орнаментом, характерным для конца XVIII – начала XIX в. (Рис. 6-1-6, 9-11) Схожие по стилю изразцы сохранились в полном печном наборе печи конца XVIII в. с крупной росписью в усадьбе Дурыгиных в Костроме (*Памятники..., 1996. С. 204*), известны они и в других городах (*Маслих, 1983. №271, 275, 278*).

Ещё 6 фрагментов изразцов зафиксировано в других квадратах участков №3 и №4: 3 гладких неполивных красноглиняных XIX в. и 3 гладких поливных изразца с монохромной росписью XIX в. Кроме перечисленных выше изразцов на участке №1 был найден один фрагмент

плохой сохранности рельефного муравлёного (?) изразца, который может относиться к XVII в.

Также на раскопе были найдены 4 фрагмента керамических колец сложного профиля. Л.А. Аболина, представившая в своей статье основные типы профилей керамических вьюшек по материалам археологических раскопок в г. Енисейске, не включает в их число изделия, найденные в ходе исследования гончарного комплекса в урочище Монашка Кузнецкого уезда, Томской губернии и имеющие профиль, близкий к нашим находкам (*Аболина, 2019. С. 122*). Но обнаружение 3 из 4 фрагментов (вероятно, все 3 относятся к одному изделию) в скоплении кирпичного боя и изразцов в кв. Д/10-11 и следы копоти (нагара) на нижней части керамического кольца дают основание отнести его к одной из разновидностей керамических вьюшек отличной профилировки.

В коллекцию индивидуальных находок также включены 18 находок из фарфора и фаянса, из них фарфоровых изделий 14, фаянсовых – 5, среди них фрагменты посуды с клеймами – 14 экз. К советскому периоду относятся 3 клейма – «НКМП Первомайский фарфор ЗД Песочное н\ Волге» (1934-1946 г.), «Новгубфарфор» Новгородской области (бывший И. Е. Кузнецова в Грузино) (1923-1926 гг.), фабрики им. Калинина в Кузнецово Тверской области (1927-1928 гг.). Другие клейма относятся к периоду со 2-й пол. XIX в. до 1917 г. и включают фрагмент клейма (предположительно) завода Малаховых Г.М. и Г.Г. в Кузьево Богородского уезда Московской губернии (1863-1885гг.) (*Мусина, 1995. С. 43, №493*); клеймо торгового дома Василий Карякин и Гавриил Рахманов в Рыбинске Ярославской губернии (1886-1890 гг.) (*Мусина, 1995. С. 30*); 4 фрагмента с клеймами периода существования товарищества М.С. Кузнецова в Калужской губернии (быв. завод Мальцовых) (1898-1917 гг.), в Риге (1890-1917 гг.) и в п. Буды

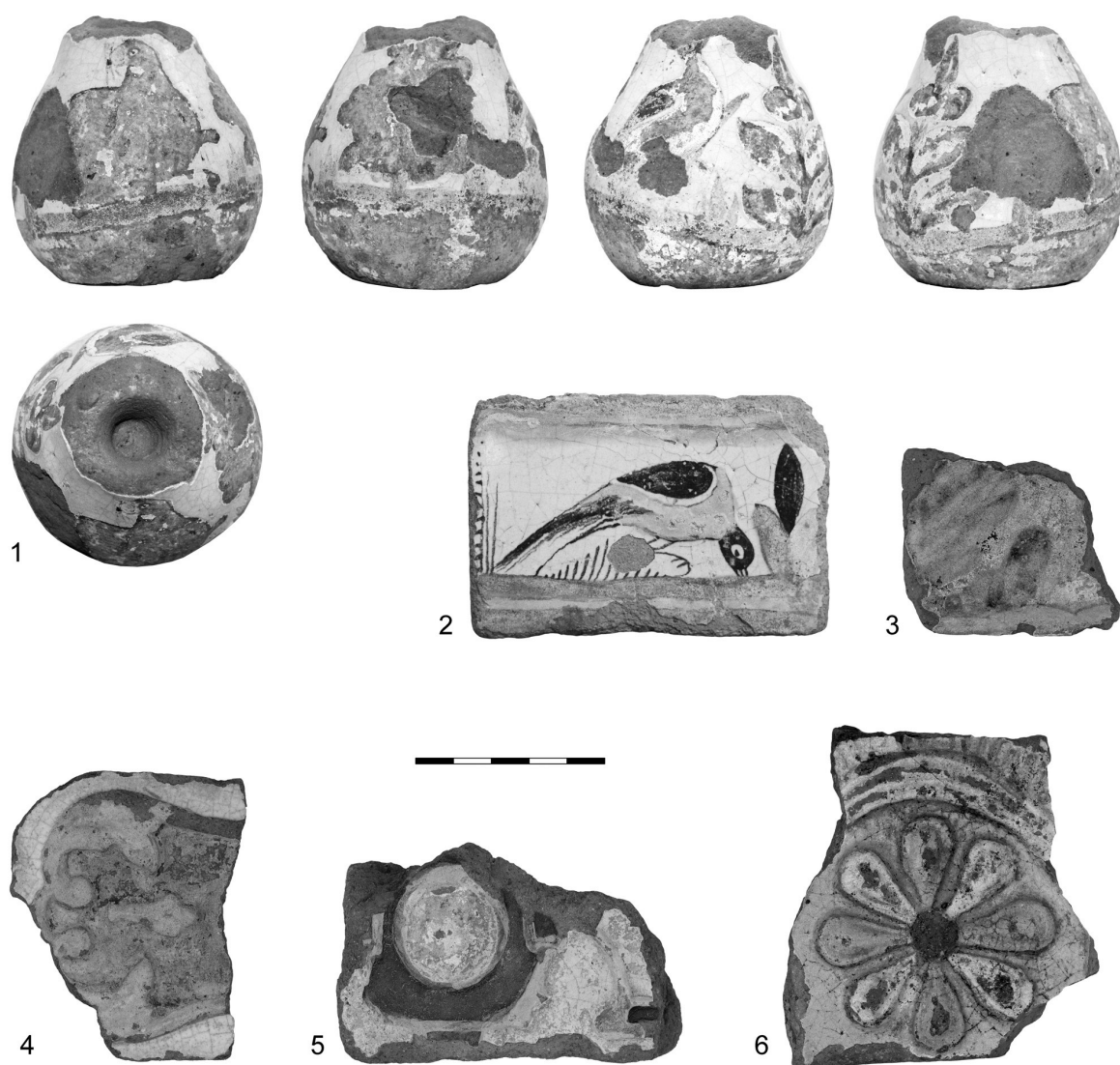

Рис. 5. Изразцы XVIII в.

Харьковской губернии (1871-1917 гг.); клеймо завода И.Е. Кузнецова в Новгородской губернии (с 1878 г.); клеймо завода М.С. Кузнецова в с. Кузнецово (Конаково) Тверской губернии (быв. завод Ауэрбаха) (1870-1889 гг.) (Мусина, 1995. С. 37-41; Селиванов, 1903. Табл. XVIII-XX). На некоторых фрагментах изображение штампа сохранилось не полностью, что затрудняет атрибуцию клейм.

Предметы из стекла рассмотрены в специальной публикации в настоящем сборнике¹.

Керамический комплекс, включающий венчики, днища, крышки, стенки, ручки и сливы сосудов, представлен типичными для костромской керамики формами, характерными для XVIII-XIX вв.

¹ См. Фомичёва В.В. Предметы из стекла по материалам археологических исследований 2019-2020 гг. в г. Костроме на ул. Красноармейской, 35А и ул. Депутатской, 78.

Рис. 6. Изразцы и элементы печной конструкции XVIII-XIX вв.
1-15 – изразцы, 16-17 – вьюшки.

Большинство венчиков происходит от горшков подшарообразной профилировки, наклонены внутрь сосуда; устье венчиков оформлено в виде валика и в ряде случаев слегка отогнуто наружу.

В ходе раскопок на ул. Красноармейской была вскрыта часть дворовой территории с хозяйственными постройками. Вещественный материал позволяет говорить о том, что часть Полянской и Пищальной слобод, пустовавшая в XVI-XVII вв.,

с 20-х гг. XVIII в. включается в городскую застройку и используется для строительства. Несмотря на многолетние археологические исследования на территории Костромы, регулярно проводимые различными организациями, отсутствие систематических публикаций их результатов увеличивает значение изданных материалов, доступных широкому кругу исследователей.

Список источников и литературы

1. Аболина Л.А. Керамические печные вьюшки из города Енисейска. // Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири. – Иркутск: Издательство института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. – С. 116-141. – ISBN 978-5-94797-363-1.
2. Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литьё XI-начала XX в. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. – Москва: «Интербук-бизнес», 2000. – 127 с. – ISBN 5-89164-060-0.
3. Горохова А.В., Лазарев А.С., Фомичева В.В. Археологические исследования 2019 г. в г. Костроме на ул. Симановского: предварительная публикация. // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 110-летию со дня рождения П.Н. Третьякова: сб. науч. тр. / Под ред. А.С. Лазарева, И.С. Наградова, В.Л. Щербакова. – Кострома: Костромской музей-заповедник, 2019. – С. 29-43. – ISBN 978-5-6042548-2-0.
4. Кабатов С.А., Лазарев А.С., Тупицына В.А. Серия находок печных изразцов (по материалам раскопок 2010 года на улице Симановского в городе Костроме). // АП. Вып. 8. – Москва: ИА РАН, 2012. – С. 297-304. – ISBN 978-5-94375-126-4.
5. Костромская губерния. Геометрический план гор. Костромы с показанием в оном старого и вновь прожектированного строения. 1780 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 168, Костромская губерния. Д. 7. Л. 1.
6. Лазарев А.С. Печные изразцы из раскопок на территории Торговых рядов в городе Костроме в 2013-2018 годах. // АП. Вып. 17. – Москва: ИА РАН, 2021. – С. 280-288. – ISBN 978-5-94375-334-3.
7. Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV-XIX вв. – Москва: «Изобразительное искусство», 1983. – 270 с.
8. Мусина Р.Р. Марки российского фарфора 1744-1917. – Москва: Знание, 1995. – 80 с. – ISBN 5-07-002646-1.

-
9. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск I. г. Кострома. Ч.I. / Под общ. ред. В.Б. Корозина. Коллектив авторов: В.П. Выголов, И.Ю. Кондратьева, Г.К. Смирнов, Е.Г. Щеболева. – Кострома: Издательско-полиграфическое предприятие «Кострома», 1996. – 367 с.
  10. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск I. г. Кострома. Ч.II. / Под общ. ред. В.Б. Корозина. Авторы: В.П. Выголов, Г.К. Смирнов, Е.Г. Щеболева. Сводное редактирование И.Ю. Кондратьева. – Кострома: Издательско-полиграфическое предприятие «Кострома», 1997. – 309 с.
  11. Паспорт памятника археологии «Участок культурного слоя бывших Полянской и Пищальной слобод, XVI-XVIII вв.» // Архив Инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
  12. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629-30 гг. Археограф. подгот. Л.А. Ковалевой; Сост.: Л.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева. – Кострома: ООО «КОСТРОМАИЗДАТ-850», 2004. – 432 с. – ISBN 5-94948-004-X.
  13. План города Костромы, с проектом 3-х кладбищ, с селом Городищи. Копия. С описанием, в красках, составлен и подписан помощником землемера Ермолаем Соловым, копирован учеником Ильей Беляевым. 17 января 1774 г. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1976.
  14. Селиванов А.В. Фарфор и фаянс Российской империи: Описание фабрик и заводов с изображениями фабричных клейм. // Издание Владим. губ. учен. арх. комиссии. – Владимир: Типо-Литография Губернского Правления, 1903. – 175 с., 25 табл.
  15. Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М. Тысячелетие креста. – Москва: «Раритет», 2003. – 260 с.
  16. Уздеников В.В. Монеты России 1700–1917. – Москва: ДатаСтром, 1992. – 678 с. – ISBN 5-7130-0026-5.

РАЗДЕЛ 2.

История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и Новое время в свете
вещественных источников

© Фомичёва В.В.

ПРЕДМЕТЫ ИЗ СТЕКЛА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2019-2020 гг. в г. КОСТРОМЕ на ул. КРАСНОАРМЕЙСКОЙ, 35А и ул. ДЕПУТАТСКОЙ, 78

ФОМИЧЁВА В.В.

*Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие»,
г. Кострома*

Аннотация: В статье представлены данные об индивидуальных находках из стекла разного назначения, полученных в ходе археологических исследований 2019 – 2020 гг. в г. Костроме в районе улиц Депутатской и Красноармейской.

Ключевые слова: археологические раскопки, стекло, Новое и Новейшее время, Кострома, материальная культура

GLASS ARTEFACTS ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN 2019-2020 FROM KOSTROMA, KRASNOARMEYSKAYA ST., 35A AND DEPUTATSKAYA ST., 78.

FOMICHEVA V.V.

Regional State Budgetary Institution "Heritage", Kostroma

Summary: The paper presents data on various purposes artefacts made of glass obtained during archaeological researches in 2019 – 2020 in Kostroma in the area of Deputatskaya and Krasnoarmeyskaya streets.

Key words: archaeological excavations, glass, New and Modern times, Kostroma, material culture

Смещение временных рамок объектов исследования, происходящее в отечественной археологии XXI в., включает в круг изучаемых древностей новые категории находок, ранее вызывавшие интерес только у коллекционеров и антикваров. В значительной мере, это относится к стеклянным изделиям XIX – нач. XX в.

В кон. XIX – нач. XX в. большинство заводов перешли на изготовление листового оконного стекла и тары для различных отраслей промышленности, что было обусловлено простой технологией изготовления и большим спросом на такие изделия. В целом же, как отмечают исследователи, наметилась тенденция эволюции посуды широкого потребления, выполнявшей сугубо утилитарную роль, а также развитие её эстетики в условиях массового производства (Чистякова, 2019. С. 38). При этом тема художественного стекла достаточно раскрыта в специальных публикациях, но тема массового производства стекла конца XIX – нач. XX в. мало освещена. Рельефные надписи на поверхностях тары (тулово, дно) – декоративный и одновременно информативный прием того времени, – значительно упрощают атрибуцию.

В 2020 г. археологической экспедицией ОГБУ «Наследие» под руководством А.С. Лазарева были проведены археологические исследования на участке строительства жилого дома по адресу: ул. Депутатская, 78 (раскопки на площади 260 м² в границах памятника археологии «Участок культурного слоя посада между бывшими Цревской и Власьевской улицами, XIV-XVIII вв.»). Регулярная Спасская улица (в 1924 г. переименованная в Рабочую, а с 1938 г. в Депутатскую) была сформирована в ходе реализации нового плана городской застройки 1780-х гг. и включила в свой состав Спасский переулок, существовавший вблизи Мшанской улицы (современная ул. Островского).

До сер. XIX в. улица была практически незастроенной, там, преимущественно, располагались огороды, а в ее начале находилась земля полотняной мануфактуры Стригалева (*Улицы Костромы, 1989. С. 22*). Полученная коллекция индивидуальных находок в количестве 79 ед. предварительно датируется XVII-XIX вв.

В ходе работ были найдены изделия из стекла, из них 18 – индивидуальные находки, 7 – массовый материал. Почти все находки относятся к тарной посуде из простого, так называемого бутылочного стекла (*Лихтер, 2015. С. 501*) – столовой посуды (для питья и сервировки стола) среди находок нет. В большинстве случаев цвет стекла – разнообразных бутылочных оттенков, коррозия в виде патины и иризации присутствует на нескольких находках. Большинство предметов – закрытые сосуды, относящиеся к следующим разновидностям посуды: тарные сосуды (бутылки, штофы) и флаконы (парфюмерно-аптекарская посуда) (*Лихтер, 2017. С. 286-287, 290*), исключение – 3 банки (полуоткрытая и открытая формы) и одна неполная форма, предположительно, чернильница. Такое разделение достаточно условное, т. к. техническая тара (закрытые емкости для чернил, уксуса) может быть отнесена по форме, размерам и пропорциям к аптечным и парфюмерным флаконам. Основная масса находок относится к периоду второй пол. XIX – нач. XX в. – это предметы массового производства, разнообразные, но при этом унифицированные, – один вид мог выпускаться нескольких типоразмеров разной емкости. На сегодняшний день назначение многих флаконов доподлинно неизвестно, вполне возможно, что они могли иметь медицинское содержимое и вмещать косметические или технические жидкости.

БУТЫЛКИ (Рис. 1). Представлены двумя находками, одна из которых:

№31 - инд. (яма №44) – дно бутылки. Форма: дно бутылки и фрагменты стенки тулова. Рельефная надпись на дне: «З·С·У/·Г. КОМИСА·/ 1855. Г». Производство завода Судогодского уезда Владимирской губернии Герасима Комисарова в селе Дубасово (основан в 1805 г.) (*Ашарина, 1998. С. 180*). Стекло зеленое, прозрачное. Размеры: диаметр дна 20,5¹. Местонахождение данной находки – яма № 44, в которой среди прочего массового материала было найдено горло (№271), подходящее (возможно, это верхняя часть одной бутылки) по пропорциям, цвету стекла и наличию и распределению в стекольной массе пузырьков.

ШТОФЫ (Рис. 1).

№42 – инд. (яма №45) – верхняя часть штофа с клеймом. Форма: венчик оформлен нитью, намотанной неровно на горло чуть ниже края; горло коническое расходящееся кверху; на плече – клеймо овальной формы (капля стекла с подтеком) с надписью «Ө ө / М» и знаком короны. 2-й пол. XVIII–XIX в. «Аналогичные штофы, выполненные из зеленого «бутылочного» стекла с оттиснутыми клеймами подобного рода, встречаются в собраниях многих отечественных музеев. Но штампованные клейма не дают точных указаний для определения мест изготовления» (*Русское стекло конца XVII – XVIII веков, 2015. С. 30-32*). Стекло светло-зеленое, прозрачное. Размеры: внутр. диаметр края венчика – 2,5, диаметр горла наружный – 2,8, высота горла 1,9, клеймо 2,7x2,7. Также среди массового материала обнаружены: дно штофа (№121) вогнутое со следом от понтии (размеры дна 10,4x9,3), два фрагмента штофов (№269, №270) – верхние части (размеры: внутр. диаметры венчиков 2,5 и 3,0 см) со следами иризации и коррозии.

ФЛАКОНЫ С ЦИЛИНДРИЧЕСКИМ ИЛИ КОНИЧЕСКИМ (УСЕЧЕННЫЙ КОНУС) ТУЛОВОМ (Рис. 1). Наибольший интерес представляют две находки из ямы №44:

№29 – инд. (яма №44) – флакон. Целая форма: горизонтально вытянутый край венчика; горло коническое сужающееся кверху; плечики покатые; тулово цилиндрическое незначительно деформированное; дно плоское; выпуклые пояски сверху и снизу тулова в качестве декора. Стекло бесцветное прозрачное. Размеры: диаметр тулова – 4,5, высота – 7,1. 1-я пол. XIX в. Похожие флаконы были найдены в Москве (*Лихтер, 2017. С. 291, рис. 5*).

№30 – инд. (яма №44) – флакон. Форма: горло отколото; плечики округлые; тулово коническое расширяющееся кверху; дно плоское; рельефная надпись на тулове: «ЗУБНЫЯ» / «КАПЛИ / ПРОВ. /~/ А. СТЕПАНОВА». Стекло бесцветное прозрачное. Степанов А.П. (аптечный павильон) в Москве (1917 г.). Размеры: диаметр тулова – 2,1, высота – 4,1.

ФЛАКОНЫ С ГРАНЕНЫМ ТУЛОВОМ (Рис. 1). Из них два флакона для хранения уксусной эссенции из ямы №47:

№57- инд. (яма №47) – флакон. Целая форма: горло бочкообразное; край венчика выпуклый со сливом; тулово – трехгранная призма со скошенными вертикальными ребрами; плавный переход от горла к тулову; дно плоское. Ребристый рельеф на горлышке и скошенных гранях: одна сторона гладкая, на другой рельефные полоски (5 делений), на третьей – рельефная надпись: «МЪРА НА 5 БУТЫЛОКЪ» на фактурной поверхности. Стекло сине-зеленое прозрачное. Размеры: в сечении тулова 4,5x5,1, высота 17,5.

---

¹ Все размеры приведены в сантиметрах

Рис. 1. Индивидуальные находки (стекло).
Раскопки по адресу: г. Кострома, ул. Депутатская, 78.
Номера соответствуют номерам находок в полевой описи.

№58 – инд. (яма №47) – флакон. Целая форма: горло бочкообразное; край венчика выпуклый; тулово – трехгранная призма со скошенными вертикальными ребрами; плавный переход от горла к тулову; дно плоское. Ребристый рельеф на горлышке и скошенных гранях; одна сторона гладкая, на другой рельефные полосы (3 деления) на фактурной поверхности, на третьей – однородная фактурная поверхность. Стекло желто-зеленое прозрачное. Размеры: дно 4,0х3,4, высота 16,0.

№ 53 – инд. (яма №47) – флакон. Целая форма: край венчика плоский; горло цилиндрическое; тулово овальное в поперечном сечении – эллипсоид, незначительно расширяющийся кверху; дно плоское; рельефная надпись на лицевой стороне: «АПТЕКА / PHARMACIE», по центру изображение Государственного герба с Н на щите. Стекло бесцветное прозрачное. Размеры: в сечении тулова 5,0х2,3, высота 11,2. Данный флакон схож с находкой №24 (стенка флакона) и характерен для аптечной тары, производившейся до революции 1917 г.

№ 24 – инд. (яма №44) – обломок стенки тулова. Рельефная надпись «PHARMACIE / AD», сверху стенки – фрагмент рельефного изображения двуглавого орла. AD – Хрустально-стекольный завод Дютфуа(?) в Москве (возможная интерпретация подписи на флаконе) (производство с 1865 г., в 1916 г. принадлежал торговому дому «Наследники Дютфуа») (Ашарина, 1998. С. 175). Стекло светло-коричневое прозрачное. Размеры: в сечении 7,0х1,9, высота 6,5.

№ 15 – инд. – флакон. Целая форма: край венчика плоский; горло цилиндрическое; тулово овальное в поперечном сечении; дно плоское; рельефная надпись на лицевой стороне: «ВСЕУКРАИНСКИЙ / ИНСТИТУТ / ЭНДОКРИНОЛОГИИ / ХАРЬКОВ». Стекло изумрудное, прозрачное. Институт основан в 1919 г. Размеры: в сечении тулова 4,2х2,2, высота 9,9.

Большее количество индивидуальных находок из стекла дали археологические раскопки, проведенные в 2019-2020 гг. на ул. Красноармейской, 35а на площади 420 м² (2019 г. – руководитель А.В. Горохова, в 2020 г. – руководитель А.С. Лазарев). Найденные стеклянные предметы (всего 29 инд. находок) относятся к закрытым сосудам и к следующим разновидностям посуды: тарные сосуды (бутылки, штофы) и флаконы (парфюмерно-аптекарская посуда), а также 2 банки (полуоткрытые формы), одна неполная форма (рюмка?), бутылочное клеймо (фрагмент стенки сосуда), закрытые емкости для масла (масленка) и керосина (часть керосиновой лампы) и две чернильницы.

БУТЫЛКИ (Рис. 2). Наиболее интересные из них – две бутылки одного стекольного завода для пищевого производства Н.П. Ланина:

№ 25 – инд. – бутылка. Форма: горло и часть тулова отколоты; тулово цилиндрической формы; дно вогнутое. Рельефная надпись на лицевой стороне тулове: «искуств.мин. / водъ.», на обороте: «Николай Ланинь / в Москвь»; рельефная надпись на дне: «З.Г.К.» с двумя точками сверху надписи. Завод искусственных и минеральных вод Н. П. Ланина (с 1852 г.). З.Г.К. – производство завода Судогодского уезда Владимирской губернии Герасима Комисарова в селе Дубасово (основан в 1805 г.) (Ашарина, 1998. С. 180). Стекло оливковое прозрачное. Размеры: диаметр тулова 6,5, высота 10,5.

№ 33 – инд. (яма №23) – бутылка. Форма: горло отколото; плечики округлые; тулово «лимонной» формы – с выпуклыми стенками, расширяющееся кверху; дно плоское. Рельефная надпись на тулове: «Завед. / искуств.мин. / водъ.», на обороте: «Николай Ланинь / в Москвь»; рельефная надпись на дне: «З.Г.К.» с двумя точками сверху надписи.

Рис. 2. Индивидуальные находки (стекло).
Раскопки по адресу: г. Кострома, ул. Красноармейская, 35.
Номера соответствуют номерам находок в полевой описи.

Завод искусственных и минеральных вод Н. П. Ланина (с 1852 г.). З.Г.К.- производство завода Судогодского уезда Владимирской губернии Герасима Комисарова в селе Дубасово, Судогодский уезд Владимирской губернии (основан в 1805 г.) (Ашарина, 1998. С. 180). Стекло оливковое прозрачное. Размеры: диаметр тулова 6,4, высота 15,5.

ФЛАКОНЫ С ЦИЛИНДРИЧЕСКИМ ИЛИ КОНИЧЕСКИМ (УСЕЧЕННЫЙ КОНУС) ТУЛОВОМ (Рис. 2). Некоторые из них:

№ 37 – инд. (яма №23) – флакон. Целая форма: дно частично отколото; край венчика плоский; горло цилиндрическое; плечики округлые; тулово цилиндрическое незначительно сужающееся книзу; дно плоское. На тулове рельефная надпись: «ТОРГОВЫЙ ДОМЪ / АННЫ / ТИХОНОВОЙ / ВЪ МОСКВЪ» и изображения аверса и реверса двух медалей. Стекло светло-зеленое прозрачное. Торговый дом Анны Тихоновой в Москве (1888-1896 гг.). Размер: диаметр тулова 3,3, высота 9,9.

№ 68 – инд. – флакон. Форма целая: край венчика выпуклый; горло цилиндрическое; плечики округлые; тулово конусовидное с небольшим уширением кверху; дно плоское. На тулове рельефная надпись: «ТОВАРИЩЕСТВО / Бр. / МАМОНТОВЫХЪ» с изображением Государственного герба с Н на щите. Промышленное и торговое товарищество братьев А. и Н. Мамонтовых – лаковая и красочная фабрика (с 1854г.). Стекло светло-зеленое, прозрачное. Размеры: диаметр тулова 3,3, высота 10,9.

ФЛАКОНЫ С ГРАНЕНЫМ ТУЛОВОМ (Рис. 2):

№36 – инд. (яма №23) – флакон. Форма: горло отколото, тулово – трехгранная призма со скошенными вертикальными ребрами, плавно переходящая в горло; дно плоское. Одна сторона гладкая, на

другой рельефные полосы (9 делений), на третьей – рельефная надпись: «Р. КЁЛЛЕР и КО. / МОСКВА»; на дне рельефная надпись: «Бр.Д.»; ребристый рельеф на горлышке и скошенных гранях. Стекло прозрачное бесцветное. Емкость-10 мер, уксусная эссенция. Фабрично-торговое товарищество «Роман Кёлер и К° в Москвь» (с 1894 г.). Размеры: в сечении тулова 5,2х5,6, высота 18,5. В раскопе на ул. Депутатской, 78 была найдена нижняя часть аналогичного флакона меньшей емкости (№120).

№71 – инд. – флакон. Форма целая: край венчика выпуклый; горло коническое расходящееся кверху; тулово плоское граненое – четырехгранная призма; дно плоское. Рельефная надпись на лицевой стороне: «W.BUCHLER / STPETERBOURG». Вольдемар Бюлер (СПБ) – торговец аптекарскими товарами. Размеры: в сечении тулова 4,8х2,3, высота 7,0.

№43 – инд. (яма №23) – флакон. Целая форма: край плоский; горло коническое расходящееся кверху; тулово граненое плоское сложной симметричной формы; на дне заглабление в виде прямоугольника; рельефный декор на лицевой и оборотной стороне в виде растительных стилизованных элементов; боковые стороны гладкие; форма и декор в стиле модерн. Стекло бесцветное матовое, полупрозрачное. Размер: в сечении тулова 5,3х2,1, высота 12,8.

№55 – инд. (яма №37) – флакон. Целая форма: горло коническое расширяющееся кверху; тулово плоское расширяющееся кверху; сложное в поперечном сечении – прямоугольное со скругленными гранями и вогнутыми внутрь плоскостями стенок; дно плоское. На лицевой стороне в арочном обрамлении рельефная надпись: «ТОВАРИЩ^{ВО} / ГИГИЕНА / С.П.Б.». «Гигиена» СПБ – Техно-химическая лаборатория, кон. XIX в. Стекло бесцветное, полупрозрачное. Размеры: в сечении тулова 6,3х3,4, высота 15,3.

Рис. 3. Индивидуальные находки (стекло).
Раскопки по адресу: г. Кострома, ул. Красноармейская, 35.
Номера соответствуют номерам находок в полевой описи.

Несколько находок можно отнести
**К ТЕХНИЧЕСКОЙ ТАРЕ РАЗЛИЧНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ** (Рис. 3):

№44 – инд. – масленка. Форма: горло от-
бито; формованный усеченный снизу сте-
клянный шар, дно плоское.

На поверхности нанесены следующие
надписи: «MICHAUX / PARIS» вокруг пяти-
конечной звезды в круге, в центре звезды
«1», на оборотной стороне: «Vtё S.G.D.G.»,
на дне заглубление в виде полоски по
центру. Автоматическая масленка (латун-
ная рама утрачена) от А. MICHAUX, Париж,

запатентованная S.G.D.G. для смазки механических деталей. Кон. XIX в. Стекло бесцветное, полупрозрачное. Размеры: диаметр тулова 6,1, высота 6,2.

№51 – инд. (яма №37) – основание керосиновой лампы. Форма: верхняя часть отколота, тулово конусовидное расширяющееся кверху; у основания ребристый рельеф, сверху сужающий форму поясок в виде выкружки, выше – ряд выпуклых капель. Стекло темно-синее прозрачное. Размеры: диаметр 9,3, высота 10,0.

№34 -инд. (яма №23) – чернильница в форме лаптя. Целая форма. Рельефная надпись на дне: «П. Е. Л.». Фабрика ваксы и чернил в Москве Поликарпа Ефимовича Луковникова. (*Прейскурант, 1894*) Стекло светло-зеленое, прозрачное. Размеры: основание 8,8х3,9, высота 7,1.

№52 – инд. (яма №37) – чернильница. Целая форма: край венчика плоский, горло цилиндрическое; слегка вогнутые покатые плечики переходят в восьмигранное тулово (условно равносторонняя восьмигранная призма); дно с небольшим заглаблением; три грани гладкие, остальные с ребристым рельефом. Рельефная

надпись на плечиках по кругу: «П.Е. ЛУКОВНИКОВЪ», рельефная надпись на дне: «П. Е. Л.». Стекло светло-зеленое, прозрачное. Фабрика ваксы и чернил (Москва, Овчинники, дом Улитиной) Поликарпа Ефимовича Луковникова (*Прейскурант, 1894*). Размеры: в сечении тулова 4,9х4,7, высота 4,8.

Подводя итог, можно отметить среди рассмотренных археологических находок из стекла в Костроме, во-первых, определенное разнообразие форм сосудов, а, во-вторых, достаточно широкую географию производств, на которых они применялись для упаковки различной продукции. Стоит отметить, что предметов, произведенных на территории Костромской губернии, в ходе работ 2019-2020 гг. не найдено, хотя в XIX в. в Ветлужском, Кологривском, Макарьевском и Чухломском уездах функционировали стекольные заводы, которые выпускали штофы, полуштофы, бутылки и банки (*Ашарина, 1998. С. 185*).

Изучение так называемых «поздних» находок позволяет более полно представить материальную культуру губернского города XIX – нач. XX в.

Список источников и литературы:

1. Ашарина Н.А. Русское стекло XVII – начала XX в. – Москва: Галарт, 1998. – 312 с. – ISBN 5-269-00959-5.
2. Лихтер Ю.А. Новые находки стеклянных изделий в Москве (Замоскворечье) // АП. Выпуск 11. – Москва: ИА РАН, 2015. – С. 501-525. – ISBN 978-5-94375-176-9.
3. Лихтер Ю.А. Стеклянные сосуды из раскопок в Черниговском переулке (Москва). Работы 2015 года // АП. Выпуск 13. – Москва: ИА РАН, 2017. – С. 284-298. – ISBN 978-5-94375-211-7.
4. Прейскурант товаров Поликарпа Ефимовича Луковникова. Фабрика. Москва, Овчинники, дом Улитиной. – Москва: Типо-Литография В.А. Мазурова, 1894 г. – 32 с.
5. Русское стекло конца XVII – XVIII веков в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. / Сост. Чуканова А.В. – Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2015. – 84 с.
6. Улицы Костромы. Справочник. / Под ред. В.Н. Бочкова и И.Н. Захарова. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1989. – 96 с.
7. Чистякова О.А. Роль частных заводов в развитии художественного стекла в России XIX века // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2019. №4-5. – С. 32-43.

РАЗДЕЛ 2.

История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и Новое время в свете
вещественных источников

© Щербаков В.Л.

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ Г. ГАЛИЧА НА БЕРЕГУ СТАРОГО РУСЛА Р.КЕШМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2020 Г.

ЩЕРБАКОВ В.Л.

*Автономная некоммерческая организация
«Центр историко-культурных исследований
и проектирования», г. Кострома*

Аннотация: В статье рассматриваются результаты изучения культурного слоя г. Галича на берегу засыпанного русла р. Кешмы. Культурный слой на изученном участке формируется с середины/конца XVIII в., сохраняет органические материалы и характеризуется высокой увлажненностью.

Ключевые слова: археология, картографические источники, Галич, Новое время.

GALICH CITY CULTURAL LAYER ON THE COAST OF THE KESHMA RIVER ACCORDING TO RESEARCH MATERIALS 2020

SHCHERBAKOV V.L.

*Autonomous non-profit organization
“Center of historical and cultural research and design”, Kostroma*

Summary: The article discusses the results of archaeological research of Galich city cultural layer on the coast of the Keshma river. The wet cultural layer in this area includes organic materials. It has been accumulating from the middle/final XVIII century.

Key words: archeology, historical maps, Galich, the Modern age.

В 2020 г. в ходе проведения археологических исследований в г. Галиче Костромской области на участке по ул. Ленина, 15 автором настоящей статьи были выявлены засыпанное русло р. Кешмы и отложившийся на берегу реки культурный слой (Щербаков, 2021). Еще до начала полевых работ русло было предварительно локализовано на основании картографических материалов (Рис. 1, 2). Кроме того, левый берег реки Кешмы, судя по современному рельефу, на рассматриваемом участке совпадал с улицей Семашко, ограничивающей участок с северо-запада.

Квартал города, к которому был приурочен участок работ 2020 г., как предполагалось, начал формироваться только в конце XIX в. (Памятники архитектуры..., 2001. С. 17), а ранее, в XVII-XVIII вв., застройка на пойменной территории отсутствовала из-за разливов реки. Тем не менее, данная местность включена в границы объекта культурного наследия федерального значения «Участок культурного слоя посада города, Никольской, Троицкой, Ямской слобод», XV-XVIII вв.

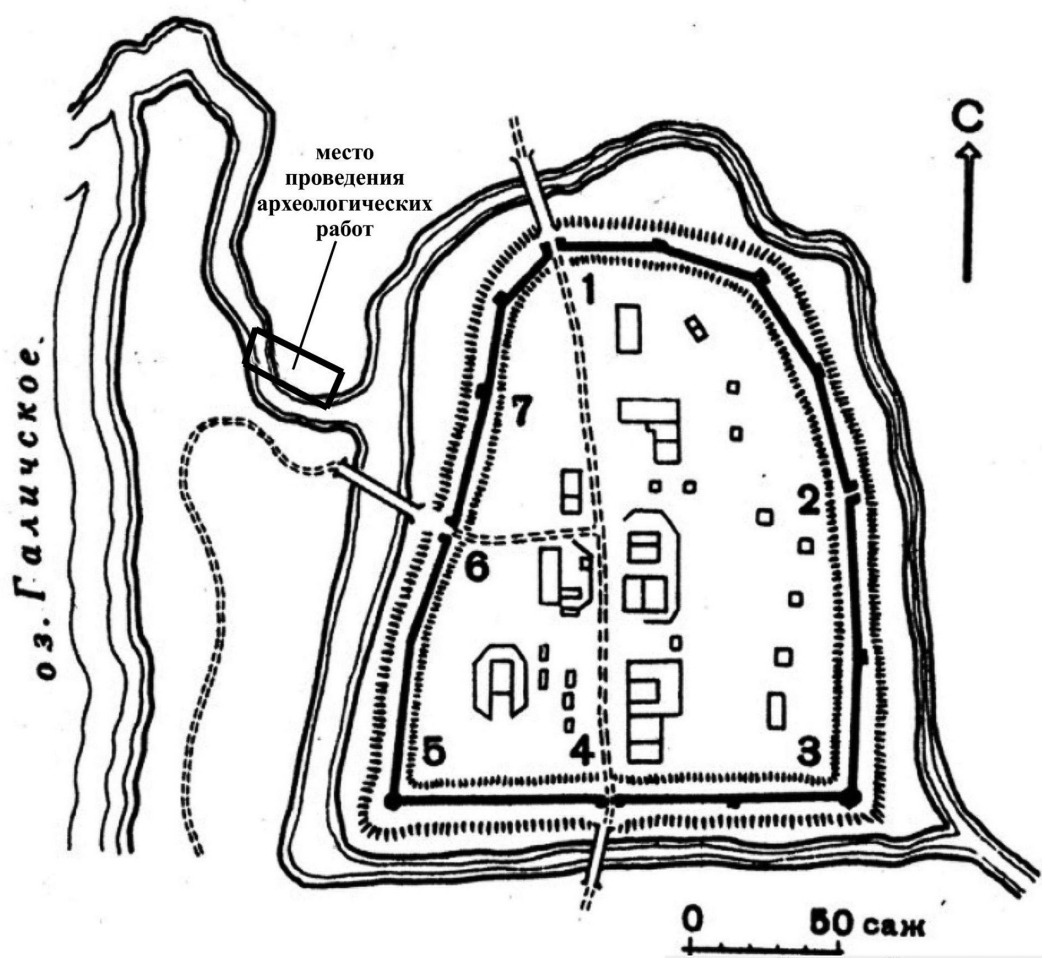
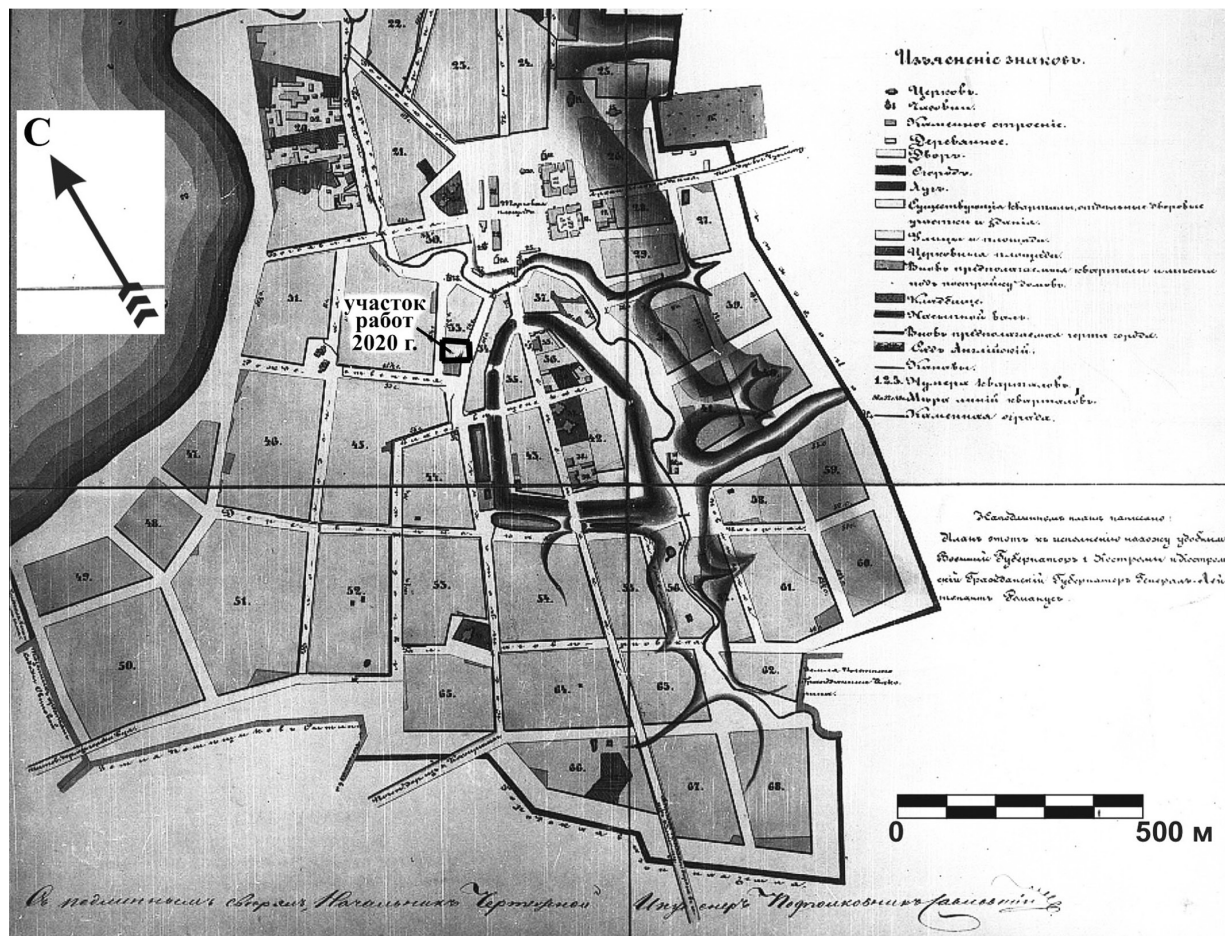

Рис. 1. Участок работ 2020 г. на плане укреплений третьей крепости г. Галича, составленном по чертежу начала XVIII в. и описи 1628 г. (по Тиц А.А., 1971. С. 15)

Рис. 2. Место исследований на проекном плане г. Галича 1860 г. (русло реки спрямлено)

Первоначально исследования на площади 218 м² на месте строительства здания проводились в форме археологических наблюдений, но на участке выявления культурного слоя хорошей сохранности работы были продолжены по методике раскопок (Рис. 3). Площадь раскопок составила 108 м², наблюдений – 110 м².

Высокая обводненность участка работ (-10 см от современной дневной поверхности) обусловила специфическую методику их начала: на участке на местах будущих дренажных колодцев были заложены шурфы размерами 2х2 м (4 шурфа), из которых производилась непрерывная откачка воды погружными электронасосами высокой производительности. В результате к следующему после начала откачки воды дню удалось добиться локального

понижения уровня грунтовых вод на участке по ул. Ленина, 15 примерно до -100 см от современной поверхности.

На участке строительства здания выявлены разновременные отложения, для которых на основании анализа стратиграфии, планиграфии и вещевого комплекса определена датировка.

Неоднократные подсыпки топкой местности в середине-второй половине XX в. представлены слоями черно-серого и желто-серого суглинков. По краю засыпанного русла прослежен слой щепы с прутьями и мусором, относящийся ко второй четверти XX в. Непосредственно заполнение русла реки представлено заиленным серым суглинком конца XIX-первой четверти XX в. с мусором (Рис. 3).

Рис. 3. Часть раскопа 2020 г. в процессе работы: засыпанное русло, частокол и дренажные канавки. В бортах раскопа читается темный культурный слой, насыщенный органикой.

Почти в то же самое время, на рубеже XIX-XX вв., в южном углу раскопа формируется слой извести, связанный с каменным строительством в квартале. В заполнении русла встречаются разновременные материалы, наряду с мусором найдены фрагменты гладких изразцов XIX в. (Маслих, 1983. №№292, 296 кат.) с росписью зелено-синего, коричневого и желтого цвета на белом фоне, монета номиналом 1 копейка (1880 г.), деревянный гребень, столовый нож (Рис. 4).

На берегу реки выявлены лежащие на материке увлажненные слои, сохраняющие органику: коричнево-черный и коричнево-серый суглинки, коричнево-черный суглинок с углем.

Граница слоев неотчетливая (Рис. 3). По находкам горизонт хронологически не расчленяется, представляет собой насыщенный культурный слой на топком берегу р. Кешмы, отложившийся во второй

половине/конце XVIII-XIX в. В слое выявлены многочисленные находки (Рис. 5): фрагменты железных ножей, помадная банка вт. пол. XVIII-нач. XX в. (Государственный каталог... №№25529010, 18324514, 14273398, 14273400), пряжки XIX в. (Государственный каталог... №№25888896, 25888897, 25888898), обрезаки цветного металла (медный сплав), фрагменты датированной стеклянной тары, нательные крестики, свинцовые пломбы, монеты, фигурная книжная застежка XVII-XVIII вв. (Государственный каталог... №№24593178, 24674046) из двух звеньев и др. предметы. Наиболее ранняя находка с узкой датой – монета 1749 г. («денга»), наиболее поздняя – свинцовая пломба чайного дома Сергея Перлова конца XIX-нач. XX в. Большая часть находок из данного горизонта относится к XIX в., в том числе, монеты 1811, 10-х гг. XIX в., 1862 г.

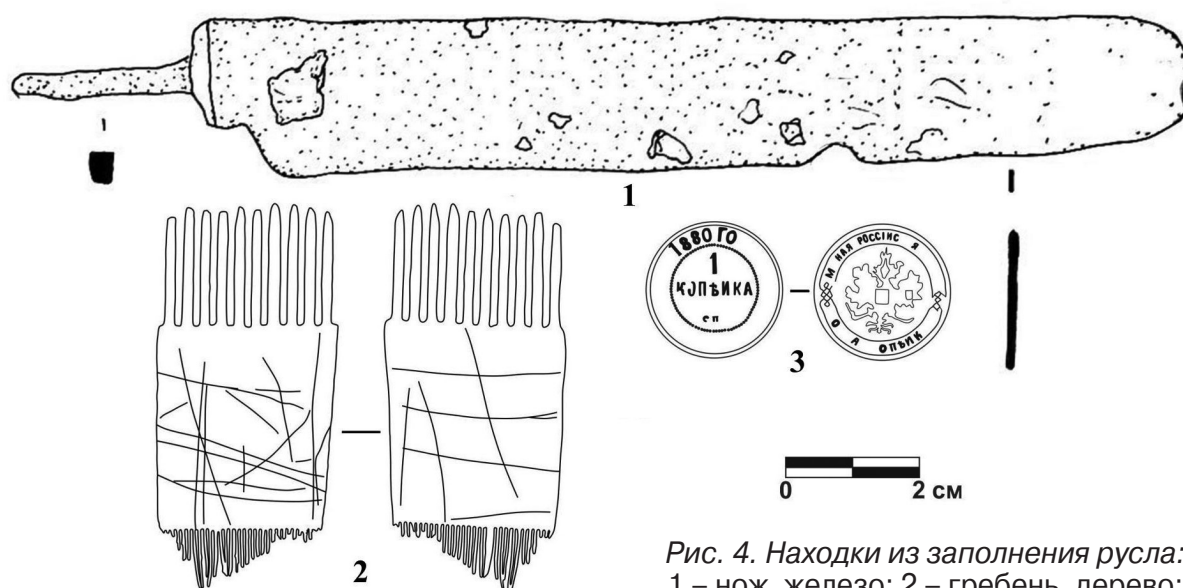

Рис. 4. Находки из заполнения русла:
1 – нож, железо; 2 – гребень, дерево;
3 – монета, медный сплав.

Керамический комплекс также соответствует данному периоду. В рассматриваемом горизонте отсутствуют остатки построек, а на материке выявлены проходящая по краю берега легкая изгородь из колышков и слабо углубленные в материк дренажные канавки, направленные под уклоном в сторону реки.

Вдоль обоих берегов засыпанной реки расчищены сваи (Рис. 6) диаметром до 50 см, маркирующие подпорные конструкции рубежа XIX/XX – начала XX в.

Стратиграфическая картина в пределах участка выявления культурного слоя хорошей сохранности однотипна: под насыпными слоями залегает пачка увлажненных суглинистых отложений темного цвета с органикой (Рис. 3). Суммарная мощность слоя второй половины/конца XVIII-XIX в. достигает 60 см. Количество перекопов минимально.

На основании археологических и картографических источников реконструирована градостроительная история участка

на старом русле р. Кешмы и по его берегам (Рис. 6). Вторая половина/конец XVIII-XIX в. – время первоначального освоения местности. В этот период исследованный участок представляет собой периферию огородов жителей города Галича. Достаточно многочисленные находки свидетельствуют о том, что пойменная территория активно использовалась горожанами в хозяйственных целях, хотя и не застраивалась. Для отвода дождевых вод в сторону реки были прокопаны дренажные канавки. Русло реки Кешмы в это время проточное. В конце XIX-первой четверти XX в. после перекрытия русла р. Кешмы происходит его заболачивание. По берегам старого русла уже в процессе заболачивания были забиты сваи, связанные с подпорными конструкциями топких берегов или с какими-либо мостками. В заболоченное русло в этот период продолжают отводить дождевые воды, скидывать мусор. Во второй четверти XX в. топкие берега заболоченного и засыпанного мусором русла

РАЗДЕЛ 2. История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и в Новое время
в свете вещественных источников

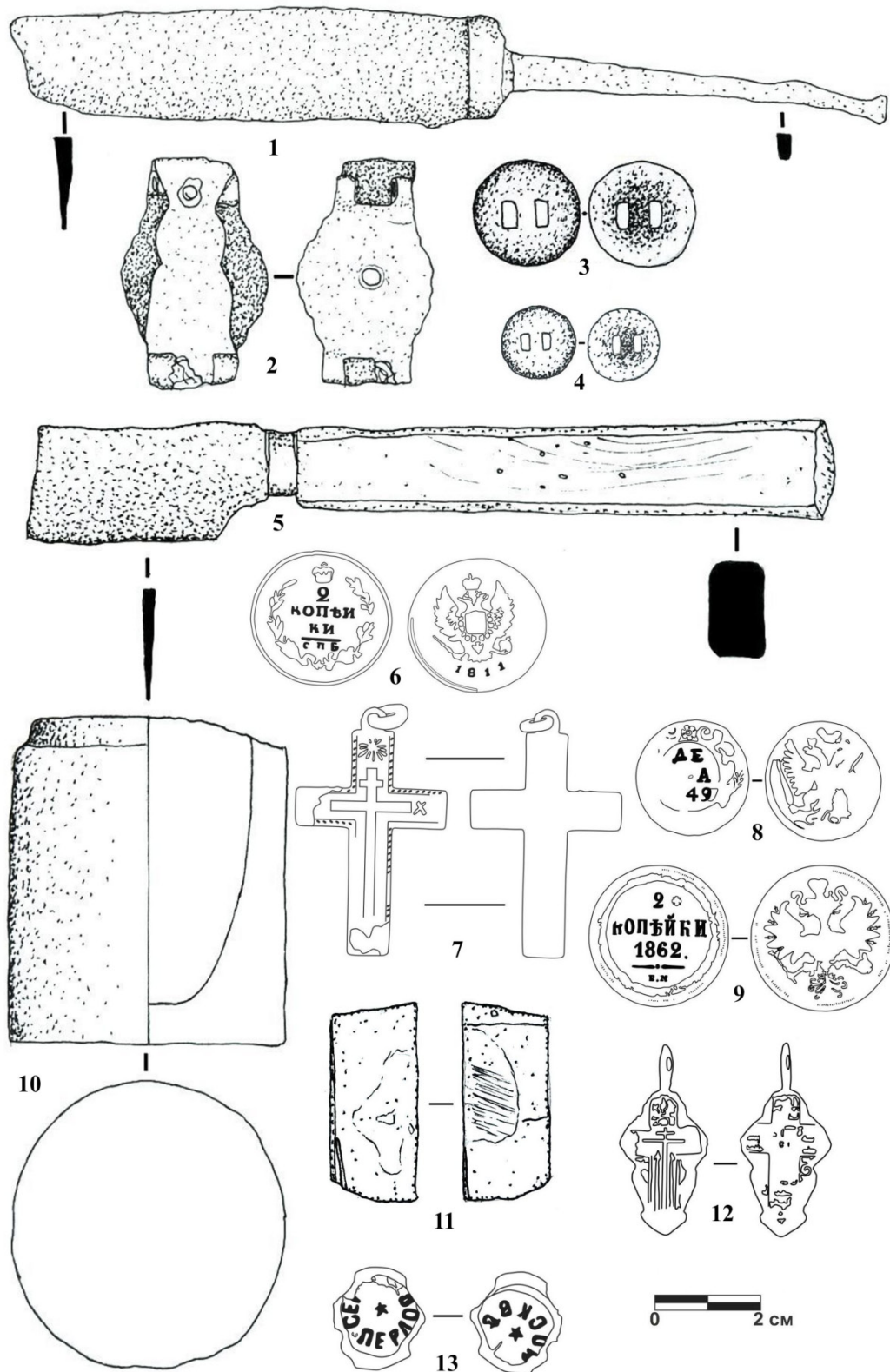

Рис. 5. Находки из насыщенных органикой слоев на берегу старого русла р. Кешмы:
1, 2 – ножи, железо; 2 – книжная застежка, медный сплав; 3, 4 – пряжки, медный сплав;
6, 8, 9 – монеты, медный сплав; 7, 12 – кресты нательные, медный сплав;
10 – банка помадная, глина; 11 – пластина, медный сплав; 13 – пломба, свинец.

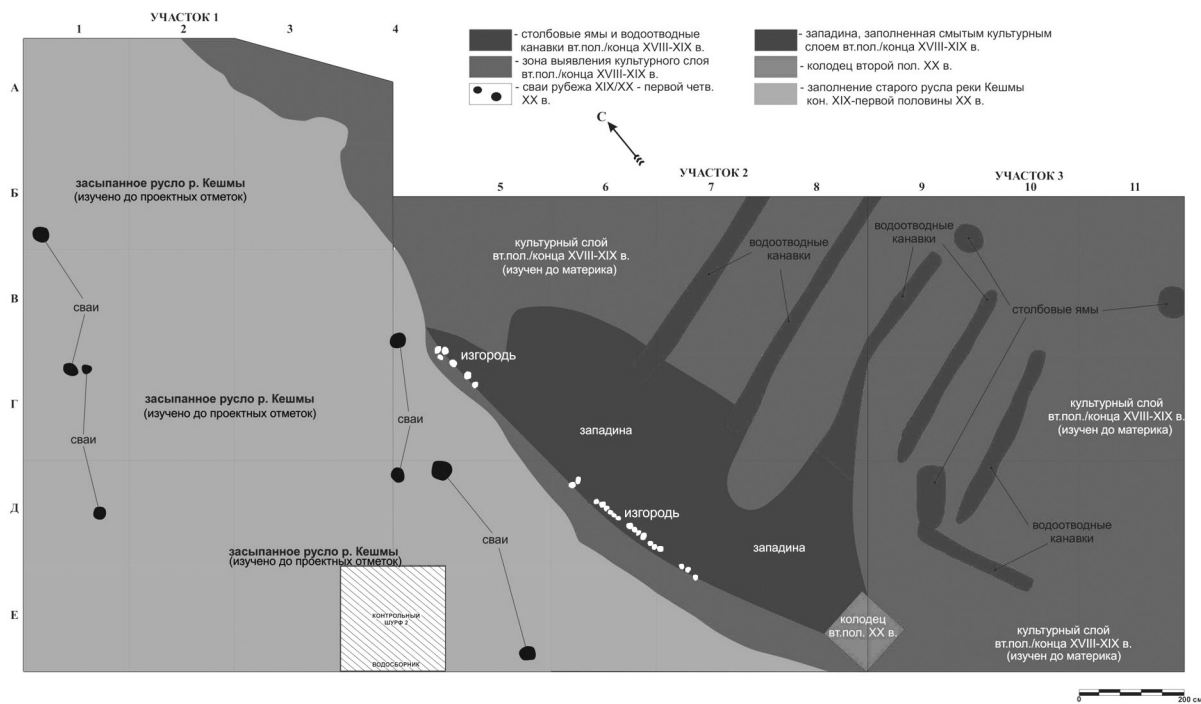

Рис. 6. Схема участка исследований 2021 г. с указанием русла и культурного слоя на берегу реки.

закидывают остатками кустарников, щепой, мусором. На месте русла сохраняется выраженная низина, в которую по-прежнему отводят дождевые воды. В середине XX в. заболоченное русло целенаправленно засыпают суглинистым грунтом и мусором. Рельеф в значительной мере выравнивается. Во второй половине

XX в. на участок бывшего русла завезена плодородная почва для огородничества.

Местность к северу от участка работ 2020 г. представляется более перспективной в археологическом отношении: вероятно выявление ранних горизонтов сохраняющего органику увлажненного культурного слоя.

Список источников и литературы:

1. Государственный каталог музейного фонда РФ. Электронный ресурс: <https://goskatalog.ru>. Режим доступа свободный.
2. Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV-XIX вв. – Москва: «Изобразительное искусство», 1983. – 270 с.
3. Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 3. Город Галич. Галичский район. – Кострома: «Кострома», 2001. – 400 с.
4. Тиц А. А. На земле древнего Галича. – Москва: Искусство, 1971. – 135 с.
5. Щербаков В.Л. Отчет об археологических наблюдениях на территории объекта археологического наследия «Участок культурного слоя посада города, Никольской, Троицкой, Ямской слобод, XV-XVIII вв.» на участке строительства по адресу: г. Галич, ул. Ленина, д. 15 (в 2-х томах). – Кострома, 2021 // Архив ИА РАН.

РАЗДЕЛ 3.
История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Городилин С.В.

«БЫСТЬ ВЕЧЕ НА КОСТРОМЕ»:
СОБЫТИЯ 1304 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОМ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ

ГОРОДИЛИН С. В.

Центр по истории Древней Руси ИРИ РАН, г. Москва

Аннотация: Летописная запись о вече в Костроме, которое произошло во второй половине – конце 1304 г., рассматривается в статье в контексте посвященной ей историографической традиции. Анализу подвергается динамика изменений акцентов в интерпретациях этого известия. Кроме того, сделан ряд наблюдений о характере описываемого в нем конфликта, а также о статусе его сторон.

Ключевые слова: Кострома, вече, XIV век, политическая история, средневековая Русь, Великое княжение Владимирское

«BYST VECHE ON KOSTROMA»:
EVENTS OF 1304 IN HISTORICAL
AND HISTORIOGRAPHICAL CONTEXTS

GORODILIN S. V.

Center for the History of Ancient Russia of the IRI RAS, Moscow

Summary: The article considers the chronicle record about the Veche in Kostroma which took part in the second part or the end of 1304. It examines the record in the context of the historiographical tradition dedicated to it. Dynamics of shifting accents in different interpretations of this record is analyzed. Besides that a series of observations concerning the character of the conflict described in the record and statuses of its parts has been made.

Keywords: Kostroma, veche, XIV century, political history, medieval Russia, Grand Principality of Vladimir

Известие о вече, бывшем в Костроме вскоре после кончины великого князя Андрея Александровича, в самом начале борьбы Москвы и Твери за великое княжение, трудно назвать незаметным. Оно вошло в набор сведений, ставших легко доступными для историографов еще с тех пор, когда в «Московском государстве» Раннего Нового времени в рамках традиционного летописного жанра начинала создаваться собственная история, поскольку оказалось включено в состав столь значимых компиляций XVI в., как Воскресенская и Никоновская летописи. Само по себе известие, впрочем, оказывается весьма ранним, хотя и дошло до нас в Симеоновской летописи, созданной в конце XV в. и известной по списку 40-х гг. XVI в. (*Симеоновская летопись, 2007. С. 86*). Однако присутствие данного известия в том же виде и в выписке Н. М. Карамзина, и во Владимирском летописце позволило сделать убедительный вывод о его наличии уже в Троицкой летописи (*Приселков, 1950. С. 351*), а в этот памятник первой четверти XV в. оно попадает, очевидно, из летописания предыдущего столетия.

В известии сообщается, что «того же лѣта бысть вѣчье на Костромѣ на боярь, на Давыда Явидовичя, да на Жребца и на иных; тогда же и Зерна убили Александра». Оно стоит под 6813 ультрамартовским годом, т.е. в статье, повествующей о событиях 1304/1305 гг. (*Бережков, 1963. С. 123*). Расположение там между датированными сообщениями 27 июля 1304 г. (смерть великого князя Андрея) и 16 апреля 1305 г. (падение колоколов в Ростове) позволяет относить это вече к концу лета, а скорее к осени (или даже зиме) 1304 г. В той же годовой статье есть и подробный и имеющий точную дату рассказ о пожаре Федоровской церкви в Костроме, что добавляет доверия и к прочим ее костромским сведениям. Появляющиеся в позднейшем летописании варианты

(«на Давида Давидовичя», «убиша тогда Зерна и Александра», «тогда же Зезърна убиша и Александра») невозможно принять в качестве первоначальных, так как содержащие их памятники прямо или опосредованно заимствуют это известие из Троицкой летописи, где подобных чтений еще не было.

Уже первые ученые, касавшиеся данного известия, воспринимали его в контексте соседних, посвященных событиям того же года. Поскольку чаще всего они обращались к спискам Никоновской летописи либо к ее изданиям, то одной из ключевых оказалась фраза, открывающая там описание череды столкновений, которые развернулись после кончины Андрея Александровича, и проникшая туда из Новгородской 1 летописи через посредство летописей Новгородско-Софийской группы: «и сопростася два князя о великом княженіи... и поидоша во Орду к царю въ спорѣ и въ брани велицѣ, и бысть замятна въ Суздальстѣи земли во всѣхъ градѣхъ» (*Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000. С. 175; ср.: НПЛ, 1950. С. 92*;). Случившееся в Костроме осмыслялось как один из ряда сходных между собой эпизодов «замятни» в городах Суздальской земли. В.Н. Татищев озаглавил наше известие как «Смятение в Костроме», М.М. Щербатов определил все происходившее как «крайние смущения», в которые вверглись «российские страны, не имея над собою владетеля» (*Татищев, 1784. С. 85; Щербатов, 1774. С. 139-140*). Н.М. Карамзин также пишет о «безначалии и неустройстве»: в Костроме, по его мнению, «самовольно судили и наказывали» бывших любимцев скончавшегося великого князя, ненавидя его память, то же примерно произошло тогда и в соседнем Нижнем Новгороде, где «вследствие мятежного веча» незаконно присвоив княжеское право суда чернь убила многих бояр как «мнимых врагов отечества»

(Карамзин, 1992. С. 102). С.М. Соловьев уже прямо оценил случившееся как «мятеж в Костроме» (Соловьев, 1896. Стб. 911-912). Общее понятие «замятня» и бояре в качестве противной стороны неизбежно провоцировали к применению для интерпретации описанного в известии эпизода модели, определяемой через однокоренные слова «смятение» или «мятеж», чему прямо способствовало и соседствующее сообщение о Нижнем Новгороде, где «побиша боярь чернь». Можно полагать, что для историков в Российской империи конца XVIII – середины XIX в. свою роль тут сыграли еще и ассоциации в восприятии социальных потрясений, связанных со смертью правителя и борьбой за легитимность между его преемниками, вылившихся в агрессивные действия народа (простых людей, черни) против представителей власти, со «многими мятежами» Смуты и с пугачевским бунтом.

Впрочем, тогда же складывается и совсем иная модель осмысления нашего известия, где ключевым оказывается употребленное в нем понятие «вече». Ее основой становится особое значение, придаваемое политическим практикам Новгородской республики, которые прямо соотносились с античными демократическими практиками, а также интерес к вече, воспринимаемому как институт власти, восходящий ко временам славянского единства, предшествовавший княжеской власти и общий для всех русских земель. В этом смысле внимание к известию о вече 1304 г. фиксируется весьма рано, иллюстрацией чему служит словарь древнерусского языка А.С. Кайсарова (Кайсаров, 1811), где вече определено как «народное собрание, которое было не в одном Новгороде, но и в других местах», а известие о вече в Костроме (со ссылками на издание «Древнего летописца» 1774 г. и на труд Татищева) стоит на первом месте среди примеров употребления слова.

Отмечалось, что автор словаря осознанно подбирал цитаты, «подтверждающие его тезис о повсеместном распространении республиканских форм правления как исконной политической власти на Руси (Кострома, Киев, Новгород)» и рисующие там «полноту власти веча в разнообразных проявлениях» (Лотман, 1957. С. 148-149).

Связанный с этим комплексом идей взгляд на события в Костроме и Нижнем Новгороде как на «вспышки еще тлевшей в русских искры вечевой старины», вызванные «необузданностью» опиравшихся на князя и наханскую власть бояр в отношении черных людей, присутствует и у Н.И. Костомарова. Согласно тому, слово вече постепенно теряло прежнее «священное значение совещательного собрания свободной земли», становясь уже «синонимом скопища, заговора, бунта, и слово «вечник» значило то же, что бунтовщик» (Костомаров, 1872. С. 75-76). Тезисы о «народном вече», которое и в то время все еще составляло «первый орган земского управления», и, хотя уже и «сильно ослабленное князьями при помощи татар», не совсем забыло «своего старого права выбирать князей», звучат и в вышедшей лишь в 1905 г. давней работе И.Д. Беляева. По его мнению, известие 1304 г. свидетельствует, что «костромские бояре Давыд Давыдович и Жеребец со своими товарищами передали Кострому тверскому князю и выдали ему бывшего в Кострому князя Бориса Даниловича», а народ в ответ «собрал против них вече и на вече убил бояр Зерна и Александра» (Беляев, 1905. С. 64). Здесь историк связал с нашим известием другое сообщение того же года, по которому пытавшийся взять Кострому под контроль московский князь Борис Данилович был там захвачен и уведен в Тверь (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000. С. 175; Симеоновская летопись, 2007. С. 86). Таким образом, происходит отход от карамзинского взгляда на Давыда

и Жеребца как на бояр Андрея Александровича: теперь в них предполагаются костромские сторонники Михаила Ярославича. К этой же идее, что вече было направлено против бояр, «поддерживавших тверского князя, требовавшего перехода города от московского князя к нему», и должно рассматриваться в контексте отношений князя и вечевой общины Костромы, поскольку связано с «претензиями тверского князя» на власть, не так давно присоединился и Ю.В. Кривошеев, не указав, однако, автора самой идеи и относя эти события к 1305 г. (*Кривошеев, 2015. С. 322*).

В историографии конца XIX – начала XX в. применительно к костромскому эпизоду 1304 г., как и к прочим, рассматривавшимся вкупе с ним, в интерпретациях все четче проявляются маркеры, отражающие его предполагаемую связь с социальной борьбой. Д. И. Иловайский отметил, что в этот период «заметно в некоторых суздальских городах какое-то столкновение между боярами и черными людьми»: в Костроме «народ целым вечем поднялся на главных бояр», затем «такое же восстание» произошло и в Нижнем Новгороде. Гипотетической «причиной мятежа» называются «притеснения и вымогательства княжеских наместников и чиновников», или «какая-нибудь крамола или измена», затеянные боярами в отсутствие князей (*Иловайский, 1896. С. 8*). Как видим, хотя понятие мятеж продолжает использоваться, но теряет прежние четко негативные коннотации, более того, из возможных причин названы лишь злоупотребления бояр, а противостоящий тем народ воспринимается уже как минимум нейтрально. Те же тенденции видны, например, и у И.А. Малиновского, отмечающего наличие в летописях «неоднократных указаний на борьбу народа с боярами», и эпизод 1304 г. встает у него в ряд с прочими: в 1113 г. «киевляне разграбили двор тысяцкого Путши и угрожали пойти на сотских, жидов, бояр и монастыри;

в 1146 г. киевляне разграбили боярские дома и села; в 1304 г. “бысть вече на Костромѣ на боярь”; въ 1341 г. въ Торжке “въсташа чернь на боярь”; в 1401 году “смольняне бояр своих избиша”» (*Малиновский, 1903. С. 88*).

Еще ярче эти же тренды развиваются в советской историографии. События уверенно ставятся в контекст «классовой борьбы в городах» и «городских социальных движений», являясь проявлением усиливающегося социального расслоения: согласно Л.В. Черепнину, «в 1304 г. в Костроме городская беднота, собравшаяся на вече, убила крупных бояр» (*Очерки по истории СССР, 1953. С. 126*). Происшедшее помещается в рамки противостояния «бояр и черных людей» или «борьбы больших и меньших людей»: эта формула, как полагали, отражает «действительное размежевание двух основных классов в феодальном обществе вообще и в феодальном городе в частности» (*Сахаров, 1959. С. 191; Тихомиров, 2003. С. 259*). М.Н. Тихомиров включает вече 1304 г. в число известных источникам «нескольких случаев городских восстаний в первой половине XIV века», отмечая, что, «судя по тексту летописи, вече сопровождалось погромом некоторых боярских семей». Тут возникает и не самая ожидаемая перекличка с авторами предшествующего столетия – приверженцами романтического взгляда на вече как на реликт славянского прошлого, вытесняемый государственной властью¹: сообщается, что противники бояр во время этих восстаний, меньшие или черные люди, в ходе классовой борьбы «стремились сохранить последний остаток городской вольности – вече», почему и летописи, «написанные чаще всего духовенством, презрительно называют восставших вечниками» (*Тихомиров, 2003. С. 259-260*). Позднее в своей книге Л.В. Черепнин придает событиям 1304 г.

---

¹ Заметим, М.Н. Тихомиров в немалой мере следует тут за В.И. Сергеевичем (*ср.: Сергеевич, 1867. С. 13-21*).

еще более широкий масштаб: говоря о «замятне» или «смятении» в городах Суздальской земли, летописцы «имеют, по-видимому, в виду не просто усобицу князей, а феодальную войну, всколыхнувшую широкие слои населения». Наше же известие, по его словам, сообщает о «костромском антифеодальном движении», об «антифеодальном восстании», вспыхнувшем в Костроме: «собралось вече, выдвинувшее ряд обвинений против бояр, двое из которых были убиты», причем речь шла, скорее всего, о боярах «тверских или сочувствовавших тверскому князю» (Черепнин, 1960. С. 461-462).

Первым предположил, что бояре, на которых собралось вече в Костроме, были, «надо думать, тверскими», еще В.И. Сергеевич (Сергеевич, 1867. С. 14). А.Е. Пресняков, исследуя борьбу за великое княжение и не касаясь нашего сюжета специально, уже уверенно пишет об этом (Пресняков, 1998. С. 87). С ним согласился и С.Б. Веселовский: держась общей историографической линии, определяющей происшедшее как «мятеж вечников», он указывает, что в 1304 г. «Кострома была занята боярами кн. Михаила, и здесь против них восстали местные вечники». Но к этому добавлены важные уточнения: подчеркнув, что летописец отделяет выступление против Давида и Жеребца, вероятно, действительно великокняжеских бояр, от убийства Александра Зерна², Веселовский с опорой на поземельные связи потомков Александра убедительно обосновал его костромское происхождение, затруднившись решить, погиб ли тот из-за приверженности Михаилу или как сторонник компромисса с

ним, показавшегося неприемлемым для вечников (Веселовский, 1969. С. 166 и далее).

Таков общий спектр имеющихся мнений. Как видим, хотя вече известия 1304 г. в историографии видится скорее как институт власти, и иногда речь идет даже о вечевом суде на бояр, но сами события устойчиво оцениваются как мятеж или восстание. Его активная сторона определяется по-разному, но в целом начиная со Щербатова и Карамзина в ней предпочитают видеть народ (простой народ), горожан (граждан), при этом акцент смещается в сторону их более низкого социального статуса (чернь, меньшие люди, городские низы). Противниками тех называются бояре, как и сказано в летописи, но вопрос в их принадлежности: были ли это бояре умершего Андрея, идет ли речь о его боярах, перешедших на сторону Михаила Тверского или о собственных боярах Михаила, являлись ли они местными приверженцами нового великого князя или прибыли из Твери. Наконец, вопрос и в характере конфликта: связан ли он с борьбой московских и тверских князей за стол во Владимире, или более значима его социальная составляющая, предполагающая мятеж как протест низших слоев.

Укажем на ряд важных, на наш взгляд, в этом плане обстоятельств. Во-первых, непосредственно в список событий замятни в Суздальской земле костромское вече попадает лишь в Никоновской летописи. С этим же, судя по всему, связана и традиция воспринимать его в прямой связи с сообщением, что, собираясь в Орду после смерти Андрея, Юрий Данилович послал брата Бориса на Кострому, но тот был там захвачен и отведен в Тверь. Заметим, что изначально эти два конфликта описаны отдельно друг от друга и ни в какую связь не ставятся, хотя для летописца было бы естественным указать на нее. Все это явно препятствует гипотезе о промосковском и антитверском характере веча.

---

² Как это сказано в раннем варианте известия, отмечает Веселовский, а не «Александра и Зерна», как полагали опиравшиеся на компиляции XVI в. его предшественники, которые говорили о двоих убитых. Недавнюю попытку вновь поставить это под сомнение (Кузьмин, 2014. С. 72-73) сложно признать удачной, поскольку ее автор проигнорировал и выписку Н. М. Карамзина из Троицкой летописи, и существующие взгляды на взаимосвязи летописных сводов, а в подтверждение наличия чтения с союзом «и» в памятниках более древних, нежели XVI в., сослался на Эрмитажный список МЛС 50-60-х гг. XVIII в.

К тому же, если костромичи вправду были сторонниками Москвы, то выступать в пользу Даниловичей им имело бы смысл в момент прихода Бориса, соединясь с ним, или даже еще раньше – против бояр Михаила, не пуская их в город, поскольку, судя по сообщению о вече, сил горожан хватало для противодействия. Но, как кажется, был совершенно прав Петер Ниче, отметив, что постулируемый историографией антитверской характер случившегося на вече из источников не следует (*Nitsche, 1981. S. 593-594*): сведений ни о последующей связи Костромы с Юрием, ни о наказании горожан вернувшимся великим князем нет.

При этом подвластность названных в известии бояр именно Михаилу достаточно надежно подтверждается: первый из них, Давыд Явидович, явно сын Явида, воеводы, действовавшего с Александром Ярославичем в 1245 г. во главе тверичей; Юрий Явидович, игумен тверского Михайловского монастыря, постригший в 1293 г. княжну Софью Тверскую – брат Давыда, и с учетом этого возможным видится даже отождествление Давыда Явидовича и зятя тверского боярина Акинфа Великого Давыда, который вскоре после костромских событий 1304 г. гибнет вместе со своим тестем в бою с Иваном Даниловичем у Переяславля (*НПЛ, 1950. С. 79; Кучкин, 2002. С. 136*). Давыд Явидович назван еще и в 1278 г. среди гостей на свадьбе сына Глеба Ростовского (Симеоновская летопись, 2007. С. 76), и столь редкое упоминание боярина наряду с князьями лучше объяснимо в случае его высокого положения при великом князе, в то время – Дмитрии Александровиче. Переход же боярина Дмитрия после смерти того на службу к Андрею Александровичу, принимая во внимание предшествовавшую долгую и жестокую борьбу братьев, маловероятен, скорее всего, Давыд с 1294 г. служил Михаилу Ярославичу, союзнику Дмитрия.

Таким образом, вече направлено против нескольких бояр Михаила, прибывших

за какое-то время до этого в Кострому (видимо, Давыд стал там наместником), а также против некоторых их местных сторонников. Заметим, что бояре определены конкретно, по именам, а не через указание на их князя, что, вкупе с упомянутым отсутствием даже косвенных намеков на промосковские симпатии костромичей, также может быть связано именно с характером описываемого летописью конфликта. Добавим, что конструкция «вече на [кого-либо]» встречается не столь уж часто. Обнаруживаемый в НКРЯ³ набор примеров демонстрирует, что она всякий раз применялась в отношении облеченных властными полномочиями в городе лиц (князя, посадника), режим управления которых не устроил горожан («про его злобу», в случаях, когда есть данные, речь о фискальном гнете и о взимании прежде не взимавшихся платежей: «яко ти повѣлъша на новгородцихъ сребро имати» etc.) (*Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 307, 510-511, 537; НПЛ, 1950. С. 51, 69*). В отношении этих лиц вече на них своей главной целью предполагает лишение их персонального политического статуса в городе, на вече планируется или производится их захват или изгнание («хотят тя яти», «емше князя»), сопровождающиеся разграблением их имущества, их «приятелей» избивают, но нет свидетельств о том, что их самих намереваются подвергнуть на вече публичной смертной казни⁴.

Заметим, что все случаи упоминания веча в соседних с Костромой регионах и в период, близкий к рассматриваемому, демонстрируют схожие особенности: в 1262 г. «не терпаше насилья поганыхъ».

---

³ НКРЯ - Национальный корпус русского языка.

⁴ О традициях и практиках реальных *вечевых расправ* и об их отличиях от реконструируемого в историографии *вечевого суда* см.: (*Лукин, 2018. С. 399-460*). Уверенность, что известие о вече на бояр Давыда, Жеребца и иных неизбежно предполагает лишение жизни всех в нем упомянутых (*Кузьмин, 2014. С. 280-281*), а не одного Александра Зерна (о нем летописец говорит особо - как об убитом «тогда же», т.е. на том же вече, но не включив его прямо в число тех, на кого было это вече), не обнаруживает под собой достаточных исторических или лингвистических оснований.

изволиша вѣчь и выгнаша из городовъ. из Ростова . изъ Володимера. ис Суждала изъ Ярославла», поскольку мусульмане-откупщики, собирая дани, творили «велику пагубу людемъ», а в 1289 г. в момент смены правящего князя «бѣ много Татаръ в Ростовѣ» и ростовцы «изгнаша их вѣчьемъ, и вграбиша их» (*Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, 1997. Стб. 476, 526*). Вече здесь выступает не как политический институт, постоянно действующий, включенный в систему власти и обладающий правомочиями, это коллективное выступление городского сообщества в острой ситуации против конкретных лиц (групп), пришлых, но обладающих особым статусом, связанное с противоречиями с ними в административно-фискальной сфере⁵, и сопровождающееся их изгнанием и грабежом. При этом тех членов местного социума, которые стали на сторону чужаков и ранее творили вместе с ними «зло», могли в этой ситуации и убить (как вышло с ренегатом Зосимой в Ярославле).

Думается, эту модель можно привлечь и при интерпретации костромских событий. Кострома во время великого княжения Андрея должна была управляться его наместниками (даже и при наличии там до 1303 г. княжича Бориса Андреевича) и местной знатью. После смерти Андрея его бояре уходят к Михаилу Ярославичу, и Кострома, судя по захвату в ней Бориса Даниловича, тоже подчиняется теперь тверскому князю, уехавшему за великокняжеским ярлыком. Вече же, как помним, происходит там уже после увода Бориса в Тверь, и не связано летописцем с данным событием. При этом первым среди бояр, на которых оно было направлено, назван Давыд Явидович, явно прибывший от Михаила и, следовательно, не имевший

отношения к управлению городом в предшествовавший лету 1304 г. период⁶.

Укажем в связи с этим на ряд значимых, как кажется, фактов. Вводная часть «Повести о Михаиле Тверском» сообщает, что «егда коему княземъ нашим доставашеся княжение великое, хожаше князи русстии въ Орду ко цареви, носящи множество имѣния своего», и далее приведен пример, когда хан «въземши многое серебро и даша Юрю княжение великое» (*Кучкин, 1999. С. 129, 133*). Необходимость дополнительных выплат при получении великого княжения, как видим, не только топос историографии, но и реальность источников, и в 1304 г. (учитывая еще и претензии Юрия) она явно встала перед Михаилом и его боярами. Последние также разделяли с князем финансовые тяготы: не случайно Житие Сергия Радонежского, объясняя, как обнищал в первой трети XIV в. его отец боярин Кирилл, связывает это с «частыми хоженми еже съ княземъ въ Орду... чястыми послы татарскими, чястыми тяжкими данми и выходы еже въ Орду» (*Житие Сергия Радонежского, 2015. С. 184*). Мобилизованные перед отъездом князя к хану средства его казны и его боярства нужно было восполнить, и в этом смысле получение власти в великокняжеских городах, в числе которых была и Кострома, явно предоставляло шансы для окружения Михаила Тверского, на которое должна была лечь и обязанность сбора там ордынского выхода. Вместе с тем, администрирование в центрах великого княжения осуществлялось не только лишь присылаемыми очередным великим князем наместниками: там была и своя наследная знать, свои привилегированные землевладельцы, судившие и управлявшие в тянущих к городам волостях, а также исполнявшие военные функции. В 1318 г. Юрий Данилович ехал

---

5 Применительно ко второму из случаев это тоже наиболее вероятно: «умножившиеся» в Ростове татары, как минимум, не платили налоги с горожанами и вряд ли были подсудны одному с ними суду.

---

6 К тому же, вплоть до примирения Андрея и Михаила в 1300 г. он, скорее всего, мог участвовать в борьбе с владевшим тогда и Костромой Андреем.

в Орду на суд с Михаилом, «поимше с собою вси князи суздальские и бояре из городовъ и отъ Новагорода», и ясно: эти особо названные бояре, свидетельства которых служили основой для обвинения противника Юрия в том, что он ранее «многы дани поималъ еси на городѣх наших, а царю не дал еси» (Кучкин, 1999. С. 138, 142), были не московскими, а, как сказано, новгородскими, а также владимирскими и, возможно, даже из Переяславля и Костромы.

Думается, и в 1304 г. именно местная знать, принявшая власть Михаила Ярославича, но затем столкнувшаяся с давлением со стороны его конкретных представителей в городе, тоже могла стать основным двигателем обсуждаемого вече. В этом случае она привычно выступала от имени всего городского социума, но ясно, что теми, чьи имущественные и статусные интересы в первую очередь могли пострадать от наместника в данной ситуации, скорее всего, должны были стать обладатели значимых доходов и традиционных прав и привилегий, и, во всяком случае, лица, обладавшие средствами⁷, высшие и средние слои, а не абстрактный «простой народ» и тем более не «чернь», обычно подразумевавшаяся под костромскими вечниками.

---

⁷ Пример в известной мере сопоставимого конфликта известен по тому же Житию Сергия: прибыв от нового великого князя, его бояре «възложиставеликунужю на град да и на вся живущаа в нем, и гонение много умножися. И не мало их от ростовець москвичем им ни ас во ась нуждею отдаваху»; как помним, именно представители социального круга боярина Кирилла в итоге покидают город (Житие Сергия Радонежского, 2015. С. 186).

Вряд ли могло такое вече иметь антибоярскую в целом или антитверскую направленность: его практической целью было изгнание конкретных бояр, найти компромисс с которыми, видимо, не удавалось, и в ситуации, когда ждать возвращения князя из Орды (он, как известно, вернулся лишь осенью 1305 г.) для судебного разрешения конфликта показалось уже невозможным. Таким образом, как интерпретации казуса 1304 г. в политико-институциональном ракурсе, предполагающие проявления в нем прав вечевого суда или даже выбора себе князя, так и в аспекте классового антагонизма видятся чрезмерно широкими в сопоставлении с данными самого источника: проще заключить, что местная элита в этом случае защищала от присланных администраторов интересы возглавляемой ею общности и закрепившиеся за ней самой привилегии⁸, не ставя, насколько можно судить, под сомнение собственно властных прерогатив Михаила Ярославича в Костроме.

---

⁸ Схожие гипотезы высказывались и ранее, но лишь наряду с прочими. Так, говорилось о «насилиях тверских бояр» против городских вольностей, но как пример этого было приведено лишь пленение теми московского князя Бориса (Сахаров, 1956. С. 10). Точно также Н. С. Борисов предполагал и попытки тверских бояр собрать деньги для своего князя, однако, по мнению автора предположения, эти их попытки были общей причиной «замятни» не только в Костроме, но и в подконтрольном Москве Переяславле, в не пустившем к себе тверичей Новгороде и даже почему-то в Нижнем Новгороде, хотя там княжит сын Андрея Михаил Андреевич. В то же время к Москве, которой тогда точно так же нужны были средства, «костромские и нижегородские «вечники», новгородская «чернь», переяславские горожане» почему-то «тянутся», и даже, возможно, Москва «сознательно играла на социальных противоречиях», поскольку социальная ситуация в ней, по мнению ученого, должна была быть более благоприятной (Борисов, 1999. С. 106, 107).

Список источников и литературы:

1. Беляев И.Д. Судьба земщины и выборного начала на Руси // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – Москва : Университетская тип., 1905. Кн. 4. (215) – разд. паг. : С. III-V; 7-135.
2. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 376 с.
3. Борисов Н.С. Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.) – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1999. – 391 с. (Труды Исторического ф-та МГУ. ред. С.П. Карпов. 4; Сер. 2. Исторические исследования. – 1). – ISBN 5-211-04020-1
4. Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подг. текста, пер., комм., иссл. А.В. Духаниной. – Москва – Брюссель : Conference Sainte Trinite du Patriarcate de Moscou ASBL; Екатерининский мужской монастырь, 2015. – 637 с., ил. – (Patrologia Slavica ; вып. 3). – ISBN 978-5-904685-14-0
5. Иловайский Д.И. История России. В 5 т. Т. 2. Московско-Литовский период, или Собиратели Руси. 2-е изд, пересм. и доп. – Москва : Тип. Товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1896. – разд. паг. : 528 с., 75 с. прим.
6. Ипатьевская летопись. 4-е изд. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1962. – разд. паг. : 938 стб., 87 с. IV с. – (ПСРЛ ; т. 2).
7. Карамзин Н.М. История государства российского. В 12 т. Т. 4. – Москва : Наука, 1992. – 480 с. – ISBN 5-02-008660-6
8. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. В 20 т. Т. 12. – Санкт-Петербург : Тип. А. Траншеля, 1872. – 462 с.
9. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Академия исследования культуры, 2015. – 452 с. – ISBN 978-5-9905898
10. Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. – Москва: Рукописные памятники древней Руси, 2014. – 336 с. – ISBN 978-5-9551-0541-3
11. Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь : [сб. ст.] / редкол.: А. А. Горский (отв. ред.) [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т российской истории. – Москва : Эдиториал УРСС, 1999. – [Вып.] 2. – ISBN 5-8360-0113-8. – С. 116-163.
12. Кучкин В.А. Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религии мира: История и современность, 2002. – Москва : Наука, 2002. – ISBN: 5-02-008826-9. – С. 133-142.
13. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. 3-е изд. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1962. – разд. паг. : 540 стб., 60 с. – (ПСРЛ ; т. 1).
14. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 3-е изд. Москва : Языки русской культуры, 2000. – 248 с., разд. паг. (IV с., 244 с.). (ПСРЛ ; т. 10). – ISBN 5-7859-0130-7
15. Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. – Тарту : [б. и.], 1958. (Ученые записки Тартуского государственного университета ; вып. 63) – 193 с.

-
16. Лукин П.В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Академический проект, 2018. – 674 с. – ISBN: 978-5-8291-2170-9
  17. Малиновский И.А. Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России. В 2 ч. Ч. 1. – Томск : Паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1903. – 214 с.
  18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. – 642 с.: 5 л. илл.
  19. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX –XV вв. В 2 ч. Ч. 2. XIV – XV век / Б. Д. Греков (отв. ред.) и др. – Москва : Изд-во АН СССР, 1953. – 812 с.
  20. Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. – Москва : Богородский печатник, 1998. – 496 с. – ISBN 5-89589-001-6
  21. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. [Под ред. и с предисл. К. Н. Сербинной]. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. – 514 с.
  22. Симеоновская летопись. 2-е изд. – Москва : Знак, 2007. – 316 с. (ПСРЛ ; т. 18). – ISBN 5-9551-0064-4.
  23. Сахаров А.М. Города Северо-восточной Руси XIV-XV веков. / под ред. Л.В. Черепнина. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1959. – 237 с.
  24. Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. – Москва : тип. А.И. Мамонтова, 1867. – разд. паг. : II с., IV с., 413 с.
  25. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1-5 – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Изд. товарищества «Общественная польза», [1896] – 879 с.
  26. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен... Кн. 4. – Санкт-Петербург : Тип. Вейтбрехта, 1784. – 595 с.
  27. Тихомиров М.Н. Труды по истории Москвы. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 688 с. – ISBN: 5-94457-165-9
  28. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 3. – Санкт-Петербург : Тип. Академии наук, 1774. – 598 с.
  29. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. – Москва : Изд-во социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1960. – 900 с.
  30. Index vocabulorum Glossarii mediae et infimae Russitatis curavit Andreas de Kaiserov P. D. Linguae et Litteraturae Russicae P. P. O. in Universitate litterarum Caesarea, quae Dorpati constituta est. Anno MDCCCXI. // ОР РГБ. Архив ОИДР. Ед. хр. 210/15.
  31. Nitsche, P. Die Mongolenzeit und der Aufstieg Moskaus (1240–1538) // Handbuch der Geschichte Russlands. Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 1: Bis 1613 von der Kiever Reichsbildung bis Zum Moskauer Zartum. Manfred Hellmann, Klaus Zernack, Gottfried Schramm (Hrsg.). Stuttgart: Hiersemann, 1981. ISBN 3-7772-8111-5. – S. 534–715.

РАЗДЕЛ 3.
История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Кузьмичёв И.А.

ГОРОД УНЖА
ПО ПИСЦОВЫМ МАТЕРИАЛАМ XVII В.

КУЗЬМИЧЁВ И.А.

*ОГБУК «Костромской историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник», г. Кострома*

Аннотация: В статье даётся краткий обзор сохранившихся писцовых материалов по г. Унже до конца третьей четверти XVII в. Публикуется текст дозорной 1616/17 г. и переписной 1648 г. книг.

Ключевые слова: Унженская осада, переписи, посад, торговые люди.

THE UNZHA TOWN ACCORDING
TO THE CENSUSES OF THE XVII CENTURY

KUZMICHEV I.A.

*Kostroma state historical-architectural and art museum-reserve,
Kostroma*

Summary: The paper provides a brief overview of the census materials about the town of Unzha until the end of the third quarter of the 17th century. Published text city audit results 1616/17 and census 1648.

Key words: The Unzha siege district, census, posad, the merchant people.

В XVII в. унженские земли составляли значительную часть Галичского уезда. Центром одноимённой осады был г. Унжа. До конца третьей четверти XVII в. сохранилось несколько полных описаний этого населённого пункта. Практически все они являлись частью общерусских переписей. Наиболее ранние материалы относятся к 1616/17 гг. - Дозорная книга гор. Унжи и черных волостей Унженской и Судайской осад письма и дозора Юрия Григорьевича Ловчикова и дьяка Василия Мартемьянова (РГАДА, Ф. 1209. Кн. 499. Л. 1-226).

Кроме самого города в осаду входили: вол. Понизовская, вол. Усть-Нейская, вол. Нейская, вол. Солтоновская, вол. Коткишевская, вол. Мерзлая Слободка, вол. Верховская, вол. Ветлужская, вол. Лапшанская (на р. Ветлуге), Варнавина пустынь.

Унжа представляла собой небольшой город с явным преобладанием административных функций. «Община» налогоплательщиков выглядела и малоллюдно, и бедно. В 39 тяглых дворах проживало 40 человек. До полутора десятков дворов принадлежало разного рода «служилым по прибору» людям: пушкарям, рассыльщикам, воротникам, ямщикам. Обращает на себя внимание большое количество дворов, предназначенных «на приезд» крестьян из разных населённых мест Унженской осады. Любопытно, что среди представителей Понизовской волости упоминается только один человек.

Дозорная книга позволяет нам говорить об относительно массовом представительстве галичских торговых людей, которые владели лавками в унженском остроге. Галичане – единственные иногородние купцы, что наводит на мысль о давних торговых отношениях Галича и Унжи. В более позднем документе – Чертеже земель в окрестностях г. Галича Костромского 1677 г. – находим Унежскую дорогу, которая шла от рыбной слободы и пересекала деревню Шокшу с одноимённой рекой (РГАДА...л. б/н).

В целом стоит отметить, что материалы дозорной книги г. Унжи во многом будут актуальны и для более раннего времени.

Несмотря на то, что отдельные земли Унженской осады переписывались в 20-30-е гг. XVII в. (Например: Ф. 1209. Кн. 94. лл.: 1В-28; 31-37; 73-97. Кн. 95. лл.: 703-782. Кн. 96. лл.: 1А-66; 67-77; 83-152; 153-164), описание самого города мы встречаем только в 1648 г. Переписная книга дворов и населения (посадские люди, бобыли, дворники осадного двора) Унжи, переписи А.В. Сонины и подьячего Б. Протопопова. Список. Фонд № 137 (Межфондовая опись Книги московских приказов. Галич, № 12. Лл. 79-85).

Составление переписных книг было направлено на максимально полный учёт мужского населения тяглых дворов. Содержание этого типа исторического источника сильно отличается от дозорных и писцовых книг. Как правило отсутствуют данные о земле, имуществе, промыслах и ремеслах. Однако более полно представлена информация о личности тяглеца и его родственниках мужского пола. В переписных книгах даны также сведения о движении населения. Трудно переоценить значение такого рода переписей для исследований по генеалогии. В списках 1648 г. упоминаются (вероятно братья) Ивашка и Ондрюшка Слащевы с детьми. Один из последних «фараонов»¹ Сергей Слащев продолжает жить в Унже по сей день. Сравнение дозорной и переписной книг даёт нам возможность в некоторых случаях проследить родословную линию «отец — сын»: двор Ивашка Терентьева / Костька Иванов сын прозвище Терентьев; Лавка посацкого человека Неупокойка Захарева / Двор Киприянка Захарева сына Ускога прозвище Неуспокойка. Встречаются и в дозорной, и в переписной книгах: Терентьевы, Усковы, Пестовы, Филиповы, Ширяевы.

---

¹ Так в современной Унже, существующей в статусе села, называют коренных жителей. Наименование «фараоны» применительно к жителям Унжи восходит к народным преданиям о событиях жизни преподобного Макария Желтоводского и Унженского.

Несколько прозвищ в переписи 1648 г. являются производными от весьма удалённых от Унжи территорий: Чюхлома, Тверитин, Белозер. Два раза писцы позволяют себе «разбавить» стандартные «сухие» формулировки, которыми составляли стройный ряд имён. В первом случае в список включена жалоба на действия некоего «Малахейки Карпова сына прозвище Дворников», который поселился «на пушкарской земле своим изволом». Во втором случае подчёркивается слепота нищего «Архипки Иванова сына прозвище Выдра».

Один из общих итогов переписи 1648 г. гласит: «Обоево посадцких тяглых и бобыльских сорок дворов. Людей в них сто тринадцать человек».

В списке 1664-72 гг. за скрепой дьяка Степана Венедиктова встречается пригород Унжа с посадом (РГАДА 1209. Кн. 7217. Л. 762 об. – 771).

Следующее описание г. Унжи относится к 1678 г. и является частью всероссийской переписи: Книги переписные Галицкого уезду Унежские осады переписи Михайла Яковлевича Коробина да подячего Василья Лукина 186 году (РГАДА, Ф. 1209, Оп. 1, Д. 7254 Л. 8 - 10 об.). Общий итог по тяглому посаду мало чем отличался от переписи 1648 г.

Ниже мы публикуем тексты дозорной и переписной книг города Унжи 1616/17 и 1648 гг. У микрофильмированной копии переписной книги Л. 81 об. немного обрезан правый край, что затрудняет прочтение некоторых слов.

ДОЗОРНАЯ КНИГА ГОР. УНЖИ И ЧЕРНЫХ ВОЛОСТЕЙ УНЖЕНСКОЙ И СУДАЙСКОЙ ОСАД ПИСЬМА И ДОЗОРА ЮРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ЛОВЧИКОВА И ДЬЯКА ВАСИЛИЯ МАРТЕМЬЯНОВА
(РГАДА... Л. 1-8)

Город Унжа деревян ветх на реке на Унже на осыпи. А в нем ворота въезжие да другие ворота потайные да четыре башни. Да в городе ж Соборная церковь во имя Воскресение Христово да два предела во имя Преподобный Макарей желтовоцкий и унежский чудотворец да мученица Просковья нарицаемая Пятница в верх шатром. Да другои храм теплой во имя Офонасий и Кирил Олександреиский да Макарей желтовоцкий и унежский чудотворец **Л. 2.** клецкий деревянные. А в церквах образы месные и свечи поставные книги и колокола и ризы строене мирское. Да тое же соборные церкви за острогом на посаде двор попа Кирила двор попа Ивана двор пономаря Сергеика двор проскурника Нилы.

Да острог с одну сторону города а в остроге трои ворота. Да в остроге храм во имя преподобный Макарей желтовоцкой **Л. 2 об.** и унежский чудотворец теплои в

верх шатром. Да предел во имя преподобный Сергеи Радонежский чудотворец. А в церкви образы и свечи и книги и колокола строене мирское. Да тоеж церкви на монастыре келя игумиа Иосафа да келя пономоря черного Козмы да за острогом двор попа Микиты Макарева. Да в остроге ж храм во имя чудотворец Никола в верх шатром. Да другой храм теплой во имя **Л. 3.**

Иля Пророк клетцкий. А в церквах образы и свечи и книги и колокола строене мирское. Да у тех же храмов за острогом двор попа Якова Малани двор пономоря Фадеика двор проскурника Фроскин.

Да в остроге ж изба съезжая да изба таможенная да двор государев а на нем ставятца приказные люди. Да двор земской а на нем стоят иноземцы пан Плята с товарищи **Л. 3 об.** Да за острогом двор подьячего Семенки Шумалкина. Да место дворовое диака Ивана Остахова. Двор желтовоцкого монастыря.

Да на приезд из волостей крестьянских дворов. Двор Верховские волости крестьянина Микитки Устюпина. Двор Верховские ж волости крестьянина Ивашка Попова. Двор Верховские ж волости крестьянина Пронки Баклыкова. Двор Неиские волости. Двор Солтоновские волости. Двор Солтоновские ж волости крестьянина Ивашки Тимофеева **Л. 4.** Двор Устьеиские волости крестьянина Первушки Иванова. Двор с Ветлуги реки Троецкого стану крестьянина Илейка Сергеева. Двор ветлужских крестьян. Двор Шебалского² крестьянина Устинка Селиванова.

Да бобыльских дворов. Двор Стенки Балахнина. Двор вдовы Софийцы. Двор Истомки Квасинина. Двор Исачка Борисова. Двор Богдашка Ондреева. Двор вдовы Улянки. Двор вдовы Манки Лепенины. Двор вдовы Оринки. Двор Ондрюшки Кондратева. Двор Ортюшки Федотова. **Л. 4 об.**

Да пушкарских дворов. Двор Ортюшки Левонтьева. Двор Ивашки Петухова. Двор Якунки Петрова. Двор Тренки Пушкаря. Двор запалщика Лямки. Двор воротника Ларки Максимова. Двор воротника Ивашки Федорова. Двор полача³ Ивашки Федорова. Да розсылщичих дворов. Двор Ивашки Ондреива. Двор Федки Чючерина. Двор Олешки Ширяева. Да ямщичьих дворов. Двор Сенки Коротина. Двор Ивашка Тарасова.

Да в остроге лавок на площади. **Л. 5.** На обеих сторонах. Левка Верховские волости крестьянина Тимошки Клементьева. Лавка унжанина посацкого человека Богдашка Филипова. Лавка посацкого человека Филки Степанова. Лавка галиченина посацкого человека Лучки Микитина. Лавка с двумя полки унжанина посацкого человека Тошки Данилева. Лавка посацкого человека Гришки Филипова з двумя полки. Лавка Неиские волости крестьянина Стенки Соколова з двумя полки.

---

2 Владелец полка в торговом ряду (?).

Лавка галиченина посадцкого **Л. 5 об.** человека Гневашка Понкратева. Лавка вдовы Милкицы (?) Олексеивы дочери Онтонова. Лавка посацкого человека Зинки Терентева. Лавка посацкого человека Неупокойка Захарева. Лавка посацкого человека Ивашка Ускового. Лавка понизовские волости крестьянина Еремки Карпова. Лавка верховские волости крестьянина Гришки Мякотина. Лавка галиченина посацкого человека Максимка Обатурова. **Л. 6.**

Да в остроге ж и за острогом посацких дворов. Двор Касьянка Гаврилова. Двор Уварка Кирилова. Двор вдовы Дарьи Олексеевские жены Пестова. Двор Демки Яковлева. Двор вдовы Матренки Серкинские жены Корючка. Двор Ортемки Гордеева сына **кузнеца**. Двор Максимка Филипова. Двор вдовы Манки Степановские жены Шалыкова. Двор Бориска Семенова. Двор Матюшки Овдокимова. Двор Ивашка Филипова. Двор Стенки Петрова. Двор Митки Ванина. Двор Неупокойка Захарева **Л. 6 об.** Двор Игошки Григореева. Двор Ивашка Терентиева. Двор Ивашка Усково. Двор Филки Лукянова. Двор Оброски Иванова. Двор Тараски Иванова. Двор Ондрюшки Яковлева. Двор Пронки Ветны (?). Двор Пронки **сапожника**. Двор вдовы Татьяны Берсенева. Двор вдовы Мамелфы Федоровние жены. Двор Онтипка Филипов. Двор вдовы Килеики (?) Олексеевские жены. Двор Корнилка Филипова. Двор Левки Кирилова. Двор Чечюлы **серебреника**. Двор Назарка Офонасева з братом. Двор **кузнеца** Нифонка. **Л. 7.** Василева. Двор Фомки **кузнеца**. Двор Матюшки Яковлева. Двор Фетки Поклонихи. Двор Зенки (?) Терентиева. Двор богомолческонов. Двор Ондрюшки Иванов. Двор Павлик Бруков.

И всего на Унже на посаде тяглых дворов. Трицет девят дворов а людеи в них сорок человек. А сошного писма в живущем пол пол трети сохи. А денежных доходов платить им **Л. 7 об.** по девяти

рублев по пяти алтын по три денги. А на перед сего после московского розорения платили они по своее сказке по три

рубли по шеснацати алтын. И прибыло по новому дозору денежных доходов пят рублей двадцет два алтына пят денег. **Л. 8.**

**ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ДВОРОВ И НАСЕЛЕНИЯ ГОР. УНЖИ,
ПЕРЕПИСИ А.В. СОНИНА И ПОДЪЯЧЕГО Б. ПРОТОПОПОВА. СПИСОК.
(РГАДА... Л. 79-85)**

На Унже на посаде посадцких тяглых людей двор Костька Иванов сын прозвище Терентьев с детми с Ывашком да со Фролком двор Пролка Тимофеев сын прозвище Моланин с детми с Гаврилком да с Тимкою двор Ва **Л. 79.** ска Офонасев сын прозвище Понкратов с сыном с Сенкою двор Амбросимко Иванов сын прозвище Бранин с детми с Понтелейком прозвище Баженком да с Ывашком прозвище Городинка у Понтилейка сын Алешка двор Кирилко Ондреев сын прозвище Лепин с детми с Ывашком да Стефанком да с Васкою да с Никифорком двор Семенко Исаков сын прозвище Тверитин с братьями с Ларионком да с Сергеиком Исаковыми детми у Семенка детей Аверка да Онисимка да Левка двор Ивашка Евдаки **Л. 79 об.** мов сын прозвище Воротников с детми с Федкою да с Тишкою двор Марчко Тимофеев сын прозвище Моланин с детми с Петрункою да с Ывашком да с Никиткою двор Федка Корнилев сын прозвище Дьяконов с детми со Фролком да с Офонкою двор Мишка Иванов сын прозвище Белозер с детми с Ывашком да с Мишкою да с Ондрюшком двор Огафонка Фомин сын прозвище Горбунов с детми с Филкою да с Васкою да с Марчком двор Ивашка Ефти **Л. 80.** хеев сын прозвище Чюхлома с сыном с Еустафейком да ево ж Ивашковы дети Фалейко да Мартемьянко да Гришка збежали во 154 году двор Ивашка Стефанов сын прозвище Слащев с детми с Павелкою да с Стефанком двор Ондрюшка Стефанов сын прозвище Слащев с детми с Ондрюшкою да з Гарасимком двор Лучка

Ортемьев сын прозвище Понамарев с братом с Понкратком Артемьевым у Лучки сын Никитка у Понкратка детей Федко да Петрунка да Родионко **Л. 80 об.** двор Назарко Офонасев сын Швецын с пасынки Федорком да с Василейком Ондреевыми детми Старицына двор Чупко Косьянов сын прозвища Пирогов с детми с Федкою да с Мишкою да с Фофонком да с Тимкою двор Карпко Дарофеев сын прозвище Белозер с сыном с Гришкою у Гришки детей Матюшка да Васка.

Да бобылей. Двор Левка Василев сын прозвища Пестов двор Гараска Григорев сын прозвища дьяконов с сыном с Кирилком двор Васка Левонтьев сын Подклетов двор Софронка Павлов сын проз **Л. 81.** вище Серебреников с сыном Стефанком двор Терешка Иванов сын прозвище Кисел с сыном с Олешкою да с племянником с Ывашкой Ивановым прозвище Завьялко Выцарниных (?) двор Гаврилко Моисеев сын прозвища Зуй с сыном с Ывашком двор Никитка Иванов сын прозвище Надобницы (?) с детми с Микифорком да с Феткою двор Акимко Василев сын прозвище Усков с братом с Ывашком Василевым прозвища Кун да у Акимка дети Мишка да Сенка да Илейко у Ивашка сын Антипко двор Федко **Л. 81 об.** Стефанов сын прозвище Бердников с братом с Петрункою прозвище Нехорошка Стефановым у Федки сын Ивашко двор Гришка Анфиногенов сын прозвище Бутаков с братом с Ондрюшкою Анфиногеновым двор Ивашко Анфиногенов сын прозвище Бутаков с сыном с Венкою двор Овдокимко

прозвище Чесноков двор Ивашка Бутинев (?) сын прозвище Дьяконов с сыном Спиридонком двор Сенка Ортемев сын прозвище Трапезников с братом с Ывашком Василевым сыном Грудцы **Л. 82.** ным у Сенки сын Гаврилко двор Ивашко Сергеев сын прозвище Зикеев с братом с Данилком Сергеевым у Ивашка сын Никитка двор Федка Иванов сын прозвище Боранов двор Исачко Иванов сын прозвище Привалихин двор Васка Падлов сын прозвище Момча с братом с Офонкою Падловым двор Ивашка Родионов сын Попов с братом с Захарком Родионовым же двор Терешка Никитин сын прозвище Лежепердов двор Ивашко Крисанфов сын прозвище Ширяев с братом с Га **Л. 82 об.** врилком Крисанфовым двор Малахейко Карпов сын прозвище Дворников живет де на пушкарской земле своим изволом.

Да вдова. двор вдова Ульяница Никифорова жена Софонтьева прозвище Нагибина двор Ксеница Внифантьева жена кузнеца с детми с Бориском да с Федоритком Внифантьевыми двор Марфица Григореева жена попа с детми с Мишкою да Сенкою Григореевыми двор Феклица Офонасева жена попа с сыном с Васкою Офонасевым да у нее ж во дворе живет себе **Л. 83.** избою вдова Василиска Фомина жена попа с детми с Кондратком да с Ывашком Фомиными.

Да нищих. Двор Архипко Иванов сын прозвище Выдра слеп двор Васка Иванов

сын прозвище Лепехин проживает с детми с Ондрюшком да с Офонкою.

Да посадцких же людей пустых дворов: двор Ивашка Максимова сына прозвища Савеялка Царевнина (?) умер двор Гришки Филипова сына Подклетного умер двор Ермилка Захарева сына Ускова умер двор Олешка Верещагина умер двор Кеприянка Захарева **Л. 83 об.** сына Ускова прозвище Неупокойка с детми с Моисейком да с Данкою (?) збежали во 155 м году двор Ивашка да Елизарка Гавриловых детей Винокура у Елизарка сын Осифко збежал во 154 м году двор Ивашка Иванова сына Петухова с сыном с Селиверстком сбежал во 155 м. году двор Костыко Иванова сына Ширяева с сыном с Васкою прозвище Баженко збежал во 154 м. году.

И всего на Унже на посаде посадцких тяглых осмнатцат дворов **Л. 84.** людей в них шестьдесят семь человек дватцат два двора бобыльских, людей в них сорок шесть человек, четыре двора вдов людей в них мужеска полу семь человек в дву дворех нищие четыре человека.

Обоево посадцких тяглых и бобыльских сорок дворов людей в них сто тринаццат человек шесть дворов вдов и нищих людей в них адиннатцат человек.

На Унже на посаде двор боярина Никиты Ивановича Романова **Л. 84 об.** а в нем дворник Филка Борисов с сыном Давыдком и всего на боярском дворе дворников два человека. **Л. 85.**

Список источников и литературы:

1. РГАДА. Ф.1209. Оп. 77. Стб. по Галичу. Дело 20640, ч. 3, л. б/н
2. РГАДА, Ф. 1209. Кн. 499. Л. 1-226.
3. РГАДА. Фонд № 137. Межфондовая опись Книги московских приказов. Галич, № 12. Лл. 79-85.

РАЗДЕЛ 3.

История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Виноградова С.Г.

ТОПОГРАФИЯ УЛИЦ ГОРОДА КОСТРОМЫ ПО ПИСЦОВОЙ КНИГЕ 1628 ГОДА

ВИНОГРАДОВА С.Г.

*Церковная православная организация учреждение
«Церковный Историко-археологический музей»
Костромской епархии Русской Православной Церкви, г. Кострома*

Аннотация: Статья посвящена воссозданию пространственно-топографического облика Костромы по Писцовой книге 1628-1629 гг. Изучение документа позволяет определить расположение многих улиц и переулков средневековой Костромы.

Ключевые слова: Писцовая книга, топография, Кремль, Новый город, посад, улицы, переулки.

KOSTROMA CITY STREETS TOPOGRAPHY ACCORDING TO THE CADASTRE OF 1628

VINOGRADOVA S.G.

*Kostroma Orthodox Church Eparchy organisation
establishment «The Church Historical Archeological Museum», Kostroma*

Summary: The article is devoted to the Kostroma spatial and topographical look according to the cadastre of 1628-1629. The document study enables to identify the medieval Kostroma streets and side streets location.

Key words: Cadastre, topography, the Kremlin, New City, trading quarter, streets, side-streets.

Писцовая книга Костромы – многоплановый документ о городе первой половины XVII века. Социально-экономические вопросы, территориально-градостроительные, храмового строительства и многие другие решаются на основе Писцовой книги. В том числе, и топография улиц и переулков средневековой Костромы. В издание костромской Писцовой книги 2004 года вставлено приложение – «Кострома. Схематичный план застройки XVII века», выполненный С.С. Смирновым (Рис. 1). На представленной карте определено всего 12 улиц, в то время как Писцовая книга 1628 года содержит названия 31 улицы, 49 переулков и 22 мест с уточняющей топографией. Кроме того, план содержит ошибки и неточности в расположении улиц, их названиях, некоторые топонимы карты отсутствуют в тексте Писцовой книги (Рис. 2).

Только тщательный анализ текста Писцовой книги, постепенное изучение маршрутов писцов, работавших в Костроме, сопоставление их данных, внимание ко всем, даже мелким, подсказкам документа позволяет воссоздать топографию древних улиц Костромы. Большую помощь в этом вопросе оказывает «План Губернскому Городу Костроме» 1781 года (ПСЗРИ, 1859. № 142), на который, кроме новых улиц, раскинутых в виде веера, нанесены пунктирами направления старых костромских средневековых улиц и переулков.

Описание Костромы начиналось с характеристики ее укрепленной части – Старого города, или Кремля, и Нового города. Внутри крепостей было расположено малое количество улиц и переулков: в Кремле – «Улица подле осыпи от Спаских ворот по левой стороне», «Улица Большая к Водяным воротам» и «Переулок на Большую улицу» (Писцовая книга, 2004. С. 17-31). В Новом городе названы улицы Исакова, Брагина, продолжавшаяся на посаде вдоль западной стены Анастасина монастыря, и Воскресенская.

Среди торговых рядов упоминается Большая улица, переулки Мыльный, Подошевный и Новый (Писцовая книга, 2004. С. 31-34, 83, 176-177, 252, 209, 212, 229, 242).

Костромской посад подъячие начали описывать с района «на Дебри» – местности, лежавшей к юго-востоку от Кремля, вниз по Волге. Хочется отметить, что нанесенное на карту С.С. Смирнова название – Вознесенский посад, – нигде в Писцовой книге не встречается, поэтому необходимо, следуя за документом, называть этот район «в посаде на Дебри» (Писцовая книга, 2004. С. 31). Дебринский посад, охватывая нижнюю террасу Волги, тянулся от стен Кремля до реки Черной. По протяженности это был самый длинный участок Костромского посада. Здесь располагались три улицы: «Дебрь улица Большая», которая вела к Дебри; «Нижняя Бережная улица», проходившая по самому берегу Волги и дополняемая несколькими небольшими местечками, называемыми просто «у Волги на берегу» (Писцовая книга, 2004. С. 90-91, 37, 94-97). Местоположение третьей улицы на Дебри – Боровой, – на карте Смирнова определено неправильно: она проходила не по верхней террасе Волги, мимо Всехсвятского и Борисоглебского храмов, а внизу, под горой, совпадая с современной улицей Нижняя Дебря. Название «Из Боровые улицы, идучи к городу на праве к горе» ярко об этом свидетельствует. Начиналась Боровая улица почти от реки Черной, шла к городу-крепости и заканчивалась у Каткиной горы (Писцовая книга, 2004. С. 102-105). Из 9-ти переулков «на Дебри» – в том числе, Манихина, Лисичникова, Широкова, Ляпухина, Шишелова (Писцовая книга, 2004. С. 44-46, 98, 48-50, 98-100, 100-101, 108-111) – самым крупным был Чулков переулок. Кажется, имея второстепенное значение по сравнению с улицей, этот переулок, по протяженности и по количеству стоявших в нем посадских дворов, был в Костроме

РАЗДЕЛ 3. История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и в Новое время в свете письменных и устных источников

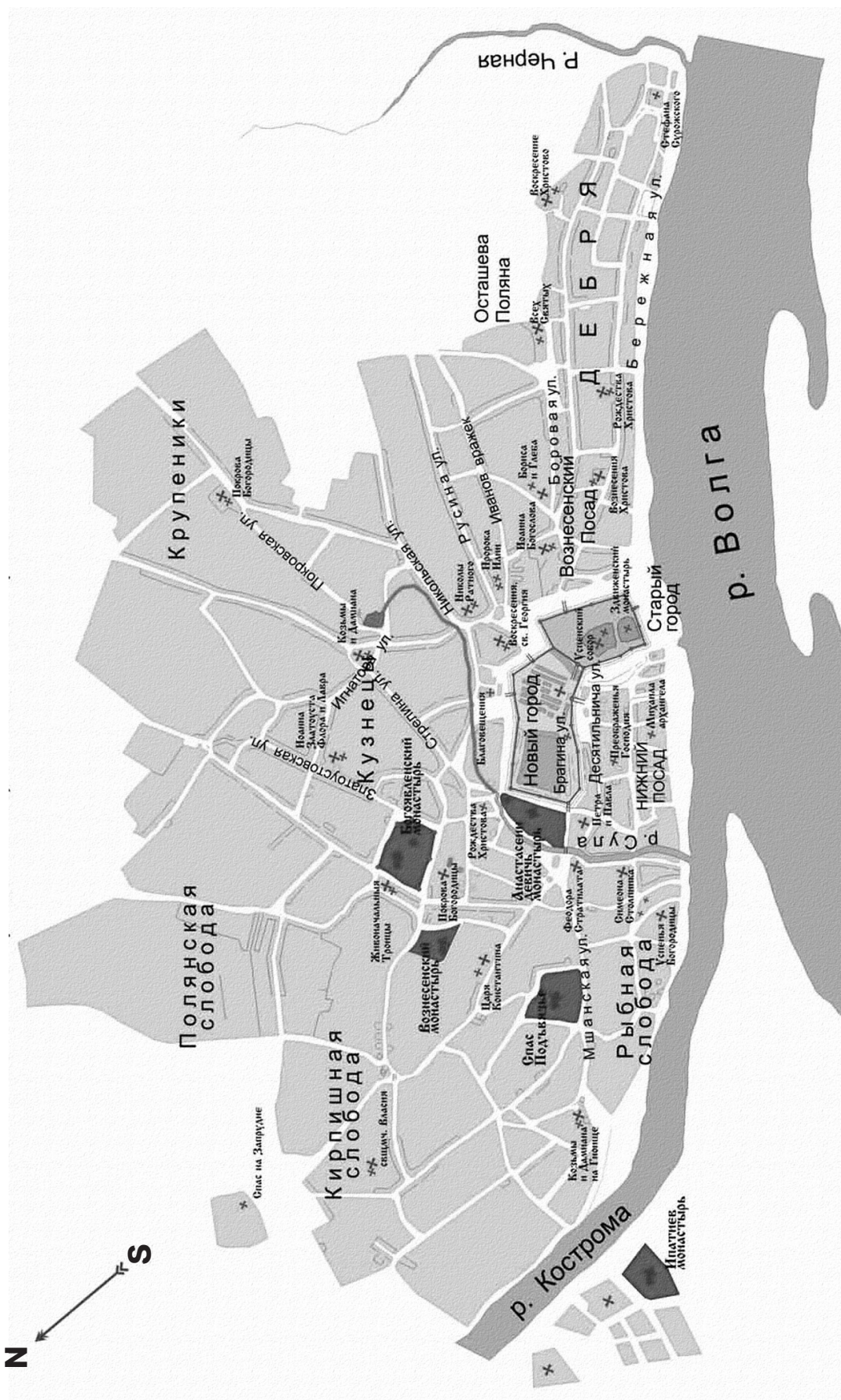

Рис. 1. Кострома. Схематический план застройки XVII века (по С.С. Смирнову).

Костромской край и сопредельные территории
в древности, Средневековье и в Новое время

Рис. 2. Кострома. Схематический план застройки XVII века (по С. С. Смирнову) с корректировкой топографии улиц и переулков XVII века (по С. Г. Виноградовой).

самым крупным, не только среди переулков, но и среди улиц. Чулков переулок находился в непосредственной близости от Волги, чуть выше Нижней Бережной улицы, тянулся параллельно Волге почти до реки Черной, отдельными своими участками выходя непосредственно к Волге: здесь стоял мирской двор с напосребицей и огородом, длина которого измерялась «с краю от Волги». Кроме того, в середине Чулкова переулка называлась «винокурня государева», стоявшая «у Волги на берегу» (*Писцовая книга, 2004. С. 92-93*). Примеряясь на современную карту Костромы, Чулков переулок располагался параллельно улицам Лесной и Нижней Дебре, между ними. В переулке стояло 102 посадских двора, из них 66 дворов были связаны с кожевенным ремеслом: Чулков переулок по праву можно было бы назвать «кожевной» слободой Костромы. У Черной речки был конец посада на Дебри, на другой стороне реки значилась когда-то приписанная к посаду слободка Арыпова, но в 1628 году эти земли были запустошены и разобраны для пахоты посадскими людьми (*Писцовая книга, 2004. С. 339*).

Далее, описывая Костромской посад, писцы поднимались на высокий коренной берег Волги, и первая улица здесь имела довольно длинное название – «Улица из Ямские слободы через Борисоглебской монастырь к городу», которая и идентифицируется с современной улицей Дзержинского. Борисоглебская обитель, стоявшая здесь, значилась уже «по конец посаду», далее располагалась Осташева поляна «на горе», которую украшала шатровая Всехсвятская церковь, и уже за посадом – государева Ямская слобода (*Писцовая книга, 2004. С. 111-113, 272, 273*). Как и Боровая, эта улица до Кремля не доходила, упираясь в Каткину гору, от которой начинался Ивановский переулок, названный в другом месте Писцовой книги «Ивановским вражком». На карте Смирнова «Ивановым вражком» неверно обозначена Ивановская улица.

Текст документа говорит, что «Ивановский вражек» соединял Боровую улицу с Ивановской улицей. Земли Борисоглебского монастыря простирались «от Боровой же улицы подле Ивановского вражка по чашничей двор», здесь же упоминался и «двор столнича пути»; оба двора потеряли к этому времени свое значение и функции (*Писцовая книга, 2004. С. 50-51, 113-115, 273*). Ивановская улица, в отличие от современной, в начале XVII века начиналась у старой крепости: здесь, «завром у Кремля города», строителю Гурью с братьею строившегося монастыря «на Игрищах», было дано место для устройства двора «на проезд старцем и монастырским служкам и крестьяном». Отличалось от современной не только начало Ивановской улицы, но и ее местоположение: на плане города Костромы 1781 года Ивановская обозначена почти там, где в конце XVIII века будет проложена прямая Кинешемская улица, ныне улица Советская. Тянулась Ивановская улица к всполью, граница которого, как и для следующей Русиновой улицы, проходила чуть дальше современной улицы Энгельса (*Писцовая книга, 2004. С. 51, 116-119*). Русинова улица, но не Русина, как она названа на плане Смирнова, шла почти параллельно Ивановской, чуть сближаясь с ней у Воскресенского храма «на площадке». В 1628 году улица по своему расположению не совпадала с выпрямленной по Екатерининскому плану Кинешемской улицей, находясь несколько дальше от Волги. По правой стороне от Кремля значились церковные земли храма во имя Илии Пророка (*Писцовая книга, 2004. С. 51-54, 119-121, 273-274*). «Николская», или Никольская Ратнова, улица была короче Русиновой. От Старого города ее отделял «За стеной переулок». Название улица получила по посвящению стоявшей здесь шатровой церкви великого чудотворца Николы, «словет Ратный» (*Писцовая книга, 2004. С. 54-55, 124-125, 127, 274*).

В следующую Покровскую улицу от Николской вел Овчинный переулок (*Писцовая книга, 2004. С. 55, 128-129*). Свое название Покровская улица получила, по стоявшей на ней когда-то церкви Покрова Пресвятой Богородицы, обозначенной в 1628 году, как место церковное. На карте Смирнова этот район назван Крупеники, хотя в Писцовой книге такого топонима нет. Но надо отметить, что Покровская улица и переулок, следовавший за ней, были единственным местом на посаде, где действительно проживало 8 крупеников, трое из которых вели торг крупами. Из Покровской улицы «на всполье» к северу вел переулок, называвшийся «от Покрова к Игнатовой улице» и здесь проходила восточная граница Костромского посада (*Писцовая книга, 2004. С. 55-57, 129-133, 275*). Направление Игнатовой улицы на карте Смирнова определено неправильно: она шла со всполья, от названного переулочка, к церкви «святых чудотворец безсребреников Козмы и Домьяна». Это вторая в Костроме улица, после Чулкова переулочка, по протяженности и количеству посадских дворов: в ней стояло 92 жилых и льготных двора. Близ Козмодемьянского храма, Игнатова улица входила «в Кузнецы», что отражало увеличение количества посажан, владевших кузницами (*Писцовая книга, 2004. С. 57-62, 133-138*). К району, где проживали посадские кузнецы, можно отнести улицы «Немецкую, а Гатилова тож», Стрелину, Кузмодемьянскую и Златоустинскую. Одно из названий улицы «Гатилова, Немецкая тож», шедшей «от города» тоже к Кузмодемьянской церкви, происходило, вероятно, от глагола «гатить», что означало «заваливать воду, топь или болото хворостом, соломой, землей». Это объяснение для данной местности неудивительно, поскольку здесь протекала река Сула, были вымоины, что нашло отражение еще в одном названии этой улицы – «В той же улице, идучи от Кузмы Демьяна по правой стороне на вымле».

Второе название – «Немецкая», – произошло, возможно, от использования в осушении этих мест пленных, заключенных после Ливонской войны в немецких тюрьмах, находившихся «пониже Старово ж города по другой стороне к Дебринской улице» (*Писцовая книга, 2004. С. 62-63, 138-140, 338*).

К Стрелиной улице от Нового города вел Стрелин переулок, а сама улица была направлена «к Кузме Дамьяну», то есть к Кузмодемьянской церкви в Кузнецах (*Писцовая книга, 2004. С. 64-65, 141-142*). Стрелина улица, вопреки мнению местных краеведов, совершенно не совпадала по своей направленности с Павловской улицей конца XVIII века и современным проспектом Мира (*Улицы Костромы, 1989. С. 47*). У храма же Козмы и Домьяна начиналась Кузмодемьянская улица, которая затем, делая небольшой изгиб, вела к другому храму святых мучеников Фрола и Лавра, и далее – по направлению к Калачной улице и всполью (*Писцовая книга, 2004. С. 66-68, 142-145, 275-276*). В своем движении к всполью, Кузмодемьянская улица у ружной церкви Иоанна Златоустаго пересекала Златоустинскую улицу, проходившую от церкви в одну сторону – к Богоявленскому монастырю, в другую – к Медному пруду (*Писцовая книга, 2004. С. 68-69, 146-148, 277-278*). За Медным прудом к северо-востоку начиналось всполье, располагались Гашеева слободка «Настасина девича монастыря» («за посадом от города направо по Вологоцкой дороге») и огородная земля костромских посадских людей (*Писцовая книга, 2004. С. 66-67, 143-144, 289-291*). От Медного пруда, со всполья, по направлению к Богоявленскому монастырю шла Калачная улица, справа от которой лежала земля «за посадом» и находились Богоявленского монастыря «коровей двор и поляна», а далее – слободка Пищальная. К востоку слободка граничила с посадской огородной землей, а к северу – с Полянской слободкой

московского Троице-Сергиева монастыря. От Калачной улицы также к северу пролегали дороги «что ездят к убогому дому», на «Красную горку» и «на Большую дорогу Сущевскую» (*Писцовая книга, 2004. С. 69-71, 148, 153, 318-322, 291-295*). Калачная улица сопоставляется по направлению с Троицкой XVIII века и современной Комсомольской, участком между улицами Ленина и Козуева.

Обращаясь к карте С.С. Смирнова, мы видим обозначенную к западу от Богоявленского монастыря церковь Покрова Богородицы. Текст Писцовой книги свидетельствует, что место этого храма определено исследователем неправильно. Он стоял в переулке, «идучи из Колашной улицы», к северу от Богоявленской обители. Еще более точно ориентирует на ружную Покровскую церковь расположение ее «у Богоявленских у святых ворот». Конечно, храм стоял не у самых восточных ворот обители, к нему можно было попасть, пройдя еще по одному переулку «по сторон Богоявленского монастыря по левой стороне» (*Писцовая книга, 2004. С. 278, 71, 317, 153-154*). Вдоль северной стороны Богоявленского монастыря тянулся Троицкий кривой переулочек, в котором находилось «место церковное Троицы Живоначальные» (*Писцовая книга, 2004. С. 71-72, 154, 278-279*); по западной стороне обители проходила Богоявленская улица, которая доходила до всполья, где располагался убогий дом (*Писцовая книга, 2004. С. 71-74, 154-157*). Необходимо отметить, что поблизости Богоявленского монастыря и стоявшей недалеко, на реке Суле, Христорождественской церкви, проходило большое количество небольших переулочков – Богоявленский, Рождественский, Златоустенский, Пятницкий и «Пятницкий с Сулы идучи», «Переулочек из Сулы» и «Дворы по Суле». Понятно, что они находились близ храмов, от которых получили свои названия, но точно установить

на карте 1781 года, где располагался тот или иной переулочек, довольно трудно (*Писцовая книга, 2004. С. 157-159, 159-160, 154, 160-164, 74-77, 160*).

Ориентиром для другого Вознесенского переулочка была стоявшая к западу от Богоявленского монастыря Вознесенская обитель. Но располагалась она не на левой стороне Вознесенского переулочка, как обозначено на карте Смирнова, а на правой, там, где автор поместил храм Покрова Богородицы. Вознесенский переулочек, начинавшийся у северо-западной башни Богоявленского монастыря, доходил до Царевской улицы и расположенного рядом Лычкова болота и переулочка к нему, обозначенных на карте Костромы 1781 года (*Писцовая книга, 2004. С. 161-162, 165-166, 279*). Царевская улица заканчивалась чуть далее трапезного деревянного храма, посвященного чудотворцу Онтонию с приделом царя Константина, по имени которого улица и называлась (*Писцовая книга, 2004. С. 77-78, 164-165, 167-169, 279*). Почти от Лычкова болота, с его южной стороны, начиналась самая древняя улица Костромы – Мшанская, доходившая до всполья и конец ее «словет», то есть назывался, «Гноище»: в XIII-XIV вв. сюда, на окраину города, свозились тела, умерших во время голода и эпидемий, а также погибших от несчастного случая и нищих. Позже, в XVI-XVII вв., когда город стал разрастаться и эти места вошли в посад, убогий дом, выполнявший роль гноища, был устроен на окраине, дальше к северу от этих мест. Писцовая книга называет улицы, ведущие к убогому дому: Богоявленская, Мшанская, Подгородная, дорога от Калачной улицы. Думаю, что в это время убогий дом находился в районе расположения современных предприятий Костромской ТЭЦ или Кохлома.

Где-то в середине Мшанской улицы стоял монастырь, «словет Спас Подвязной», к которому вел Спасский переулочек (*Писцовая книга, 2004. С. 174-176, 280*).

В этом же районе пролегали еще две костромские улицы – Глазова, о которой говорилось, что доходила она до всполья, и Подгородная – «идучи от убогих дому». Возможно, Глазова улица начиналась от Спас-Подвязного монастыря и тянулась к северу по направлению к Богоявленской улице, за которой начиналось всполье (*Писцовая книга, 2004. С. 78-82, 169-171, 276*). Подгородная улица проходила ближе к реке Костроме. На карте Костромы 1781 года мы находим её обозначенной довольно широкой пунктирной полосой, идущей «от убогих дому», постепенно сужавшейся на подходе к Мшанской улице (*Писцовая книга, 2004. С. 171-172*). От Подгородной улицы к церковному месту чудотворцев Козмы и Домьяна тянулся Никольской переулок, названный по сохранившемуся рядом трапезному Никольскому храму. Как и сама церковь, переулок находился уже на всполье (*Писцовая книга, 2004. С. 172-173*).

По самому берегу реки Костромы, «идучи от Ипацкого монастыря», проходила улица Якиманская. Начиналась улица, конечно, не от самой Ипатьевской обители, стоявшей на правом берегу реки Костромы, а от перевоза на левый берег, и тянулась она к Успенскому оврагу близ храма Успения Пречистой Богородицы (*Писцовая книга, 2004. С. 86-88, 183-185*). У Успенского «врага», Якиманская улица плавно перетекала в Бережную, доходившую по берегу Волги до реки Сулы (*Писцовая книга, 2004. С. 88-90, 189, 281-282*). Здесь же находился переулок, который так и назывался «Переулок к Успенью», или Успенский переулок, спускавшийся с горы к Бережной улице по южной церковной стороне. В истории города Костромы он знаменит расположенной здесь белой Рыбной слободой, где «про государя» ловили «красную рыбу, осетры, и стерляди, и белую рыбицу» (*Писцовая книга, 2004. С. 187-188, 253, 337*).

Соседствовала и поднималась в гору от Бережной улицы Варварская улица; вдоль правого берега реки Сулы тянулся переулок с названием «от Бережной улицы к Суле»; между Успенским храмом и рекой Сулой находились храм Рождества Иоанна Предтечи и Предотеченский переулок (*Писцовая книга, 2004. С. 84-86, 180, 189-190, 186, 281*).

К западу от укреплений Нового города по направлению к Волге находился посад, названный в Писцовой книге, как нижний. Самой ближней к Новому городу, тянувшейся вдоль его западных укреплений, названа «Спаская улица», по стоявшему здесь Спасскому монастырю. На карте Смирнова она неверно названа Десетильничей и неправильно определено место обители – не справа от Никольских ворот Нового города, а «идучи к Волге налево» от них. Одна из древнейших костромских улиц – «Десетильничья», с важным уточнением – «Нижняя к Волге» проходила параллельно Волге, пересекая два переулка – Архангельский и Преображенский. Названа улица была по стоявшему здесь когда-то десятильничему двору; Архангельский переулок украшала церковь Михаила Архангела. (*Писцовая книга, 2004. С. 181, 84, 177-179, 283, 238, 240*). Ниже Десетильничей улицы, на берегу реки Волги и у западной стены Кремля, где располагались малые переулки – Суслов, Кочалкин, Цыцын, Щербов, – было место бойкое: стояли мытный двор для взимания платы за проезд; государев «двор Большой кобатцкой», где «отпускают с нево на все кобаки питье кобатцкое всякое»; бани; квасница, поварня пивная и перевоз на Волге. Кроме того, «от мытной избы у Георгея Страстотерпца», была устроена первая белая Стрелецкая слобода для 25 костромских стрельцов (*Писцовая книга, 2004. С. 16, 252-253, 338*). Названный храм «страстотерпца Христова Георгия» был трапезным

при церкви «великого чудотворца Николы» в Десятильничей улице (*Писцовая книга, 2004. С. 180-183, 185-186, 190-191, 252-253, 282-283, 338*).

Последний переулок в нижнем посаде, который необходимо отметить, носил имя «Всеяцкой» по храмовому приделу во имя Всех Святых стоявшей здесь деревянной «о пяти верхах» церкви во имя «великого чудотворца Николы» (*Писцовая книга, 2004. С. 186-187, 284*).

Территория нижнего посада на карте современной Костромы сопоставляется с улицей Молочная гора и местами справа и слева от нее.

Точное местоположение некоторых улиц и довольно многих переулков не определяется по Писцовой книге 1628-1629 гг. Дальнейшее изучение костромских документальных памятников второй половины XVII – XVIII в. поможет в решении этих важных вопросов.

Список источников и литературы:

1. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. / Археограф. подгот. Л.А. Ковалевой; Сост.: Л.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева. – Кострома: ООО «КОСТРОМАИЗДАТ-850», 2004. – 432 с.: ил. – ISBN 5-94948-004-X.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (с 1649 по 12 декабря 1825 г.). Книга чертежей и рисунков (Планы городов). – Санкт-Петербург: Типография и Отделение Е.И.В. Канцелярии, 1859. – 422 с.
3. Улицы Костромы: Справочник / Под ред. В.Н. Бочкова и И.Н. Захарова. 1989. – Ярославль: Верх.-Волж. Кн. Изд-во, 1989. – 96 с.

РАЗДЕЛ 3.

История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и в Новое время в свете письменных и устных источников

© Лукьянович А.А.

ЖИТЕЛИ ЯРОСЛАВСКО-КОСТРОМСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПЕТЕРБУРГА (по архивным материалам)

ЛУКЬЯНОВИЧ А.А.

*Историко-культурный комплекс «Вятское» имени Е.А. Анкудиновой,
с. Вятское, Некрасовского района, Ярославской области.*

Аннотация: В статье, на основании обширных архивных материалов, рассказывается о решающей роли крестьян из ярославско-костромского порубежья: каменщиков, кирпичников, плотников, маляров, кровельщиков и других, в строительстве города Санкт-Петербурга с момента его основания и до переворота 1917 года. Особое внимание в публикации уделено некогда костромскому, а ныне ярославскому селу Вятскому, как важнейшему центру строительного мастерства.

Ключевые слова: строительство, край, порубежье, отходники, архитектура, указы, подряды, мастера, история.

RESIDENTS OF THE YAROSLAVL-KOSTROMA BORDER ON ST. PETERSBURG CONSTRUCTION (according to archival materials)

LUKYANOVICH A.A.

*Historical and cultural complex "Vyatskoye" named after E.A. Ankudinova,
Vyatskoye, Nekrasovsky district, Yaroslavl region.*

Summary: On the basis of extensive archive the article tells about a crucial role of peasants from the Yaroslavl and Kostroma borders: bricklayers, brick-makers, carpenters, painters, roofers and others, in building building of St. Petersburg from the moment of his foundation until the revolution of 1917. Special attention in the publication is paid to the once Kostroma, and now Yaroslavl village Vyatskoye, as the most important center of construction skills.

Key words: construction, land, frontier, waste, architecture, decrees, contracts, masters, history.

Петербург – культурная столица России, до начала XX века – преимущественно крестьянский город. Руками крестьян он и был построен. Абсолютное большинство петербургских строителей, как показала первая городская перепись 1869 года, было представлено отходниками, компактно проживающими на смежных территориях Ярославской и Костромской губерний (Лурье, 2011. С 181).

«Краем русских мастеров по строительному делу» называли старожилов ярославско-костромское порубежье.¹ В XIX веке в эту территорию входило несколько волостей востока Романово-Борисоглебского, северо-востока Ярославского, а также центральная часть и юг Даниловского уездов Ярославской губернии. К ним вплотную примыкали уезды Костромской губернии – Буйский, Галичский, Солигаличский, Кологривский, Чухломской, Нерехтский, Костромской и Кинешемский.

Жители этих мест были связаны между собой в одну мощную профессионально-земляческую группу потомственных строителей (Лурье, 2011. С. 179-191).

Административные границы ярославско-костромского порубежья неоднократно менялись, однако традиции жителей этих мест – работать на стройках в одних бригадах, сложились не позднее начала XVII века и продолжились вплоть до Октябрьского переворота. Об этом свидетельствует обширный материал московского историка архитектуры В.В. Зубарева, опубликованный в 4-х сборниках архивных документов.

Важнейшим центром территории ярославско-костромского порубежья как минимум с начала XVI века являлось село Вятское – вотчина высших иерархов русской православной церкви (Рис. 1). Вплоть до 1775 года Вятское было частью Костромского уезда Московской губернии,

Рис. 1. Село Вятское. Кон. XIX-нач. XX в. Из частного архива

---

¹ В частности, словосочетание «Край русских мастеров» автор статьи не раз слышал из уст своего деда Анатолия Ильича Павлова и дяди Вячеслава Павловича Савельева.

затем, после губернской реформы, проведенной при императрице Екатерине II, Вятская волость вошла в Даниловский уезд Ярославской губернии. Незначительный период времени в начале XVIII века Вятская волость относилась к Ростовскому уезду (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2018. С. 14*).

В.В. Зубарев еще в советские годы сравнивал Вятскую волость с Тессинским кантоном Швейцарии. Расположенный на границе Италии и Швейцарии, кантон дал миру первоклассных мастеров-строителей, оставивших свои архитектурные творения по всей Европе, от Франции до Польши. Вятская волость также столетиями отправляла строителей во все уголки Русского царства, а затем и Российской Империи, особенно в столицы – Москву и Петербург. Первоначально В.В. Зубарев собрал архивные дела именно по Вятской волости, открыв уникальные материалы, которые до него никто не изучал, а в дальнейшем включил в сферу интересов прилегающие к Вятской волости ярославские и костромские территории.²

Крестьяне-строители ярославско-костромского порубежья в качестве вольно-

наемных каменщиков в XVII – начале XVIII веков работали на возведении построек Московского Кремля, в самом стольном городе, Московском, Костромском, Клинском, Каширском, Новгородском уездах, городах Калуге и Смоленске, о чем свидетельствуют многочисленные подрядные договоры (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2018. С. 16-17*). С началом боевых действий Петра I на юге России, география их деятельности распространилась на города Воронеж, Азов, Таганрог, Днепровскую крепость Каменный Затон. Северная война со Швецией переместила вектор деятельности строительных мастеров на север. Там каменщики Вятской и прилегающих волостей отметились в сооружении фортификации близ Архангельска – Новодвинской крепости, а затем на северо-западе на «вновь завоеванных землях» – в Нарве и Шлиссельбурге (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2019. С. 9-12*). Наконец царскими указами, то есть насильственно, в первую очередь каменщиков отправили к «государевым делам» на строительство Санкт-Петербурга (*Записная книга указов.... Л. 156об-158*).

ПЕРВЫЕ ЖИТЕЛИ ПЕТЕРБУРГА

На вечное житье

В начальный период петровского «городового строения» и принудительной отправки тысяч «работных людей» на всенародную стройку среди крестьян Вятской волости уже существовали династии каменщиков, кирпичников, плотников, кого ежегодно высылали на строительный сезон в количестве от 100 до почти 300 человек (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2019. С. 9-10*).

Указ Петра I 1704 г. о наборе в Санкт-Петербург и Шлиссельбург к «каменному строению» 500 каменщиков и 500 кир-

пичников из патриарших, архиерейских и монастырских вотчин, где оговаривались условия – наличие провожатых и сбор подъемных средств «с миру» (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2019. С. 64-65*). То есть, снаряжение строителей в дорогу, обеспечение их подводами и т.д., что нелегким бременем целиком ложилось на плечи крестьянского мира.

Среди строителей, отправившихся в Петербург и Шлиссельбург, в первое десятилетие смертность доходила до 25%.

---

² Из личного письма В.В. Зубарева к автору доклада.

Вот небольшие статистические выдержки по количеству каменщиков и кирпичников, отправившихся на работы из Вятской волости:

1704 г. – отправлено 250 чел.; умерло 60 чел.;

1705 г. – отправлено 270 чел.; умерло 27 чел.; пропало 80;

1706 г. – отправлено 178 чел.; умерло или пропало 47 чел.;

1707 г. Затребовано 196 чел.; отправлено 122 чел.

Каждый последующий после 1704-го год, за отсутствием необходимого числа квалифицированных каменщиков, воеводы и присланные стольники добирали нужное количество из пахотных крестьян, они, как правило и были среди пропавших или ударившихся в бега (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2019. С. 10*).

Строительство Петербурга вахтовым методом, когда на основании царских указов ежегодно на работы отправляли каменных дел мастеров, показало полную свою несостоятельность. Значительная часть крестьян заболела, умирала или разбегалась «невем куды» (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2019. С. 120-140*). Исходя из этого, в 1711 году Петр I издал Указ о высылке в Санкт-Петербург каменщиков, кирпичников и каменоломщиков на вечное житье с женами, детьми и братьями, в том числе «Костромского уезду пяти стамштидесят девяти человекам». Из этого числа 426 человек было выслано из Костромских вотчин Ипатьевского, Чудова, Богоявленского монастырей и от патриаршей Вятской волости от которой в именной росписи значилось 98 «каменщиков, кирпичников и каменоломщиков» (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2019. С. 141-145*).

В более поздних документах записано, что из 399 дворов Вятской волости в 1711 году в Петербург было определено для

переселения на постоянное место жительства 99 дворов, то есть четвертая часть всего населения Вятской волости. Из них 60 человек семейных и 39 холостых и вдов.

В реальности, на смотр в Петербург явились только 72 человека, в том числе 48 семейных, 24 холостых и вдовых. 12 женатых и 7 холостых бежали, а еще 8 холостых не явились по каким-то причинам. Кроме того, 4 человека было вывезено из Вятского в 1712 г. (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2020. С. 18-19*).

569 дворов крестьян, переселенных из Костромского уезда на постоянное жительство в новую столицу для нынешнего многомиллионного города – лишь капля в море. Но в 1712 году, по оценке историка середины XVIII века А.И. Богданова, в новой российской столице насчитывалось всего 750-800 дворов и не более 8000 жителей (*Богданов, 1779*). В процентном соотношении, исходя из простого арифметического подсчета, получается, что в целом костромичи составляли более 70 процентов от первых поселенцев Петербурга, из которых не менее 17,5 процентов относилось к жителям Вятской волости.

По-разному и не всегда удачно складывалась в новом городе жизнь и карьера каменщиков-переселенцев. Часть из них подалась в бега. Причиной бегства, как правило, являлись увечье или болезнь, в результате которого каменщики лишались казенного жалованья в Петербурге. Кто-то сразу возвращался в родное село, кто-то перед этим много лет скитался, зарабатывая своим мастерством, либо перебиваясь случайными заработками, а то и вовсе прося милостыню. Показательно то, что дома ни один из них категорически не был принят ни местным начальством, ни односельчанами, и все беглецы были отправлены в Москву, в Чудов монастырь для разбирательства (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2020. С. 16-17*).

Первое десятилетие строительства северной столицы страшным колесом прокатилось по жителям Вятской волости, и в целом по ярославско-костромскому порубежью.

О этом свидетельствуют материалы переписной книги 1710 года Костромской провинции (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 231. Л. 23-23 об.). В книге отмечены не только имена всех каменщиков и кирпичников, но также приводятся невеселые факты биографии как отдельных людей, так и целых семей, в основном, связанные с последствиями массовой высылки каменщиков в Петербург.

Незавидна была судьба семей каменщиков, кузнецов и других мастеров, умерших в Петербурге, Шлиссельбурге, Олонце, или бежавших по дороге, да и

живых, работавших вдали от дома. Вместо беглых и умерших забирали отцов и братьев, хлеб сеять было некому, жены и дети шли по миру или умирали. Иногда бежали целыми семьями. Такая же участь ожидала матерей и жен рекрутных солдат. В селе Вятском по переписи 1710 года значилось 105 дворов и 20 келий (домов, не имеющих участков земли и хозяйственных построек). Из этих 125 хозяйств – 39 оказалось пустых. А в деревне Валино из 7 дворов 5 пустых и лишь в двух теплилась жизнь. В целом населенные пункты Вятской волости подверглись опустошительному 30 процентному разорению в первое десятилетие строительства Петербурга (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2019. С. 14).

Налоговое бремя

Несмотря на то, что именной указ 1710 года и более поздний указ Сената 1719 года прямо гласили: «за упомянутых из Вяцкой волости вывозных девяноста девяти дворов в каменщики, на оставших крестьянех никаких податей имать не велено и из окладу выложить, а велено всякие доходы платить с наличных дворов». Тем не менее, только с 1721 по 1739 гг. с оставшихся в Вятской волости крестьян ошибочно взыскали в казну 1847 рублей

за фактически отсутствующих, вывезенных в 1711 г. в Санкт-Петербург «в каменщики и кирпичники на вечное житье з женами и з детьми девяноста девяти дворов» (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2020. С. 18-19). Из-за непосильного налогового бремени многие села и деревни ярославско-костромского порубежья в первое десятилетие строительства Петербурга пришли в полнейший упадок.

Путь следования из Вятского к Невским берегам

Анализируя дела РГАДА, представленные в сборниках В.В. Зубарева, можно проследить маршрут передвижения строителей в Санкт - Петербург. Село Вятское было выбрано и сборным пунктом, и местом где подписывались (во второе и третье десятилетие строительства Санкт-Петербурга) субподрядные договоры о производстве каменных и иных работ, в частности на строительство дворцово-парковых комплексов в Стрельне и Пе-

тергофе, каменных конюшен А.И. Остермана на Васильевском острове и Мытного двора на Мойке.

Обычно в конце зимы – начале весны в Вятском мастера-каменщики грузили на подводы продовольствие, одежду, строительный и другой инвентарь и длинным обозом отправлялись в путь (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2018. С. 122-124, 126-129, 143-148).

Для движения обоза в Петербург использовался кратчайший маршрут, известный с древних времен.

Начинаясь в Вятском, путь пролегал через село Давыдково (ныне Толбухино) до Романова на Волге (ныне Тутаева) и далее по замерзшей реке до Рыбной Слободы (впоследствии Рыбинска) и затем до Веси Ехонской (ныне Весьегонска) по Мологе и ее притоку Чагодоше и Чагоде, через крупный торговый центр на северо-западе России – город Тихвин (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2019. С. 103-105, 107, 114).

Далее маршрут проходил по реке Сясь, перед устьем которой поворачивал к Новой Ладоге, вдоль южной оконечности Ладожского озера. Оттуда шли к Шлиссельбургу, где существовал мощный пересылочный пункт (*Николаев, Житков, 1900. С. 167-169*). Ну и наконец, по замерзшей Неве маршрут пролегал в направлении Финского залива, заканчиваясь у строящейся Петербургской крепости. Впоследствии этот путь стал основой для прокладки Тихвинской водной системы, открывшейся в 1811 году (Тихвинская система, 1901).

Бурное развитие молодой столицы

Второе и третье десятилетие в Петербурге ознаменовались вполне либеральными экономическими условиями для мастеров-строителей, что привело к небывалой строительной активности в городе на Неве. На смену принудительной отправки крестьян, вновь стали заключаться подрядные договоры между заказчиками строительства – видными сановниками, сподвижниками Петра I, и наиболее опытными строителями-подрядчиками из числа

крестьян на сооружение того или иного строения в Петербурге. Подрядчики, в свою очередь, заключали субподрядные договоры на своей малой родине с каменных дел мастерами. Интересно, что все имеющиеся в опубликованных сборниках субподрядные договоры, найденные В.В. Зубаревым, подписывались исключительно в селе Вятском (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2018. С. 122-124, 126-129, 143-148).

Наиболее известные постройки в Петербурге в XVIII веке

В Указе Петра I от 10.02.1707 года говорится о начале строительства каменной Петропавловской крепости на Заячьем острове в дельте Невы силами 1502 каменщиков (*Записная книга указов... Л. 156об-158*). Этому указу предшествовала челобитная государю каменных дел мастеров на то, что семьи строителей подвергаются разорению в период их работы в Петербурге по причине непомерных неокладных, то есть дополнительных налогов. Челобитную за 1502 каменщиков 22 января 1707 года подписали крестьяне «Костромского уезду вотчины Святейшего Патриарха села Вяцка Петр Данилов, Дмитрий Лукьянов, да Чюдова монастыря

села Шунги Иван Еремеев с товарищи». Менее чем через 3 недели 10 февраля 1707 года челобитная была удовлетворена изданием вышеозначенного Петровского указа о запрете брать дополнительные налоги со строителей (*Там же*).

Кроме Петропавловской крепости и одноименного собора в ней (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2018. С. 73-75), на первоначальном этапе становления Петербурга ярославско-костромскими мастерами были построены: летний Дворец Петра I (*РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 41. Л. 1058-1063*), дворец Меншикова на Васильевском острове (*РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 1. Д. 914. Л. 176-180, 400-404*) и

дворец Кантемира на дворцовой набережной (Там же. Д. 913. Л. 2-5), знаменитые на весь мир дворцово-парковые комплексы в Ораниенбауме (Там же. Д. 914. Л. 400-404), Стрельне и Петергофе (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4804. Л. 16 об. – 17; Там же. Д. 4805. Л. 9-11), собственный дом Доменико Трезини и дома по образцовому проекту архитектора Жана Батиста Леблона, в частности на набережной Невы на Васильевском острове был возведен каменный дом для бригадира и генерального ревизора сената Василия Никитича Зотова.³

Руками костромичей и ярославцев был возведен комплекс сооружений Мытного Двора на пересечении реки Мойки и Невского проспекта по заказу сподвижника Петра I, первого генерал-полицмейстера Петербурга Антона Мануиловича Девиера.⁴

Сразу для трех сподвижников Петра I высших чинов Адмиралтейств-коллегии Саввы Владиславича Рагузинского⁵, Федора Матвеевича Апраксина⁶ и Александра Васильевича Кикина⁷ на соседних участках на будущей Дворцовой набережной Невы ярославцы и костромичи возвели дома и каменные палаты, в 1730-х годах выкупленные царской казной и перестроенные в Третий Зимний дворец для Анны Иоановны (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2019. С. 17, 168-175).

---

3 Василий Никитич Зотов (1668-1729) – сын Никиты Моисеевича Зотова (ок.1644-1718), учителя Петра Первого.

4 Девиер Антон Мануилович (1682-1745) – сподвижник Петра I, выдающийся государственный деятель Русского царства и Российской империи.

5 Граф Савва Владиславич Рагузинский (1669-1738) – сподвижник Петра Великого, оказавший существенное влияние на развитие экономики и культуры России

6 Граф Федор Матвеевич Апраксин (1661-1728) – Российского военно-морского флота, сподвижник Петра I, первый президент Адмиралтейств-коллегии, сенатор

7 Александр Васильевич Кикин (1670-1718) – первый начальник Петербургского адмиралтейства, доверенное лицо царевича Алексея Петровича. Казнен по делу последнего.

В 1754 году на том же месте началось строительство Пятого (ныне существующего) Зимнего Дворца. Работами как на сооружении Третьего, так и Пятого Зимних дворцов руководил придворный архитектор Франческо Бартоломео Растрелли (Там же).

Грандиозная стройка потребовала много квалифицированных мастеров и, конечно, не обошлось без ярославско-костромских каменщиков и кирпичников. Подтверждением непосредственного участия сотен умельцев из Вятской волости в строительстве этого великолепного здания являются целых пять дел, информационно дополняющих друг друга (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2019. С. 207-225; 2020, С. 135-165, 216-220).

«Для строения Зимнего ея императорского величества каменного Дому» вышел царский указ из канцелярии от строений декабря 1756 года о привлечении не менее 2000 самых лучших ярославских и костромских каменщиков. При этом, в качестве экономического стимула предлагалась сдельная оплата труда, «потысячно» (за тысячу положенных кирпичей), а не «помесячно», как для вольнонаемных подрядчиков. Доля каменщиков, набранных из Вятской волости, по отношению к общему числу каменщиков из всей Костромской провинции, при этом, в разные годы составляла от 1/3 до 1/5:

в 1755 г. – 196 чел. из 950;

в 1757 г. – 203 чел. из 900;

в 1758 г. – 132 чел. из 440;

в 1759 г. – 45 чел. из 160.

Кроме Вятской волости в документах о строительстве Зимнего Дворца также упоминаются две костромские вотчины московского Чудова монастыря – погосты Шунга и Саметь. Надо сказать, количество отправленных в Санкт-Петербург шунгенских и саметских каменщиков не идет ни в какое сравнение с количеством вятских мастеров. Из Самети в 1755 г., было

набрано 13 человек, в 1756 г. – 6 чел., из Шунги в 1756 г. был взят всего 1 человек (*Протоколы Московской Духовной Консistorии... Л. 442-443 об*). Данный документ подчеркивает безусловное лидерство вятских мастеров среди строителей Зимнего Дворца. Интересно, что к 1760 году, когда каменные работы в Зимнем Дворце близились к завершению и наступила очередь отделочных работ, то к набранным из Костромской и Ярославской провинций 471 квадратрам и штукатурам попытались добрать специалистов среди посадского населения всех городов Московской

губернии, однако, как следует из переписки Главного магистрата с московским и провинциальными магистратами, данные поиски успехами не увенчались, найдено было лишь несколько человек (*РГАДА Ф. 291. Оп. 3. Д. 9934 Л. 1 – 1 об.*).

Помимо Зимнего дворца в эти же годы вятские мастера заключали договоры на строительство Воскресенского Новодевичьего (Смольного) монастыря, знаменитых дворцов в Ораниенбауме и в Царском селе (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2019. С. 18*).

Подрядчики и мастера

Благодаря архивным материалам, найденным В.В. Зубаревым, теперь известны сотни имен, отчеств (иногда фамилий) не только подрядчиков, но и рядовых ярославско-костромских мастеров и их родные населенные пункты. Большинство сел и деревень, упомянутых в документах существуют и поныне. Среди строителей есть личности, заслуживающие особого внимания: уроженец деревни Середки Вятской волости Егор Исаков, начинал свою карьеру в Архангельске, в период принудительного набора каменщиков в Петербург подался в бега (*Там же. С. 12-13*), но мастером был отменным, поэтому в 1720-1722 годах вместе со своим сыном Яковом Егоровым он подписал подрядные договоры на масштабное строительство царских дворцово-парковых комплексов в Стрельне и Петергофе (*Там же. С. 122-124, 144-146*). От Имени Петра I договор был подписан его сподвижником Ульяном Андреевичем Синявиным.⁸

Григорий Иванович Корелин из деревни Валино Вятской волости – личность особая. В.В. Зубарев называет его джентльменом удачи. Григорий Корелин

упоминается в издании «Словарь Архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века» (*М., 2007, С. 339*). Начавший свой профессиональный путь в 1702 г. в Черниговском Борисоглебском монастыре, в 1703 г. Григорий Корелин участвовал в строительстве Новодвинской крепости в Архангельске, а затем оказался в числе принудительно отправленных на каменные работы в Петербург, правда по дороге сбежал. Вернувшись домой, Корелин нанялся в качестве проводника в город на Неве каменщиков из Вятского, часть из которых он отпустил за взятки домой, взамен набрав крестьян в других населенных пунктах, в частности в с. Давыдове (ныне Толбухино) и г. Весъегонске. Два раза попавшись на махинациях и побывав в заточении в Москве и Костроме, с 1716 по 1723 г. Григорий Корелин активно строил каменные сооружения в обеих столицах (*Там же. С. 12-14*) и стал личным подрядчиком светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, подписав с первым генерал-губернатором Петербурга договор на все строительные работы князя (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2018. С. 12-14, 140-142*). В довершении всего крестьянин Григорий Иванов Корелин в течении 3-х лет судился с другим

---

⁸ Ульян Акимович Сенявин (Синявин) (около 1679–1740) — сподвижник Петра I; организатор судостроения, обер-комиссар, директор над строениями, возглавлял Канцелярию городских дел в Санкт-Петербурге, генерал-майор.

сподвижником Петра I Д.К. Кантемиром из-за разногласий по строительству дворца светлейшего князя. Дворец Д.К. Кантемира, первое творение Б.Ф. Расстрели, и поныне красуется на Дворцовой набережной Петербурга. Суд с Кантемиром длился с переменным успехом, в конечном итоге Г.И. Корелин его проиграл, но мы считаем, что его проигрыш был символическим, ведь простой крестьянин ввязался в «драку» не с ровней, а с сильным мира сего (*Там же. С. 89-111*).

Затронув лишь часть аспектов, касающихся строительства Петербурга ярославско-костромскими мастерами в XVIII веке, стоит сказать, что их потомки

продолжили славное дело первостроителей города на Неве в XIX и начале XX веков. Об этом повествуют многочисленные публикации историков, краеведов, писателей и потомков строительных дел мастеров, входящих в исследовательскую группу под названием, «Птицы возвращаются к гнездовьям» (основатель и руководитель Н.Ю. Мальцева). На настоящий момент выпущено 4 сборника докладов, охватывающих широкую краеведческую тематику, в том числе представлены материалы о строительстве Петербурга ярославцами и костромичами (см. «Птицы возвращаются к гнездовьям»..., 2018; 2019; 2020; 2021).

Зодчие и мастера ярославцы и костромичи, на строительстве Петербурга в XIX – начале XX века

Остановлюсь на самых громких именах строителей северной столицы из верхневолжского региона в период, охватывающий XIX – начало XX веков.

В первой трети XIX века житель деревни Прудичи Вятской волости Даниловского уезда Петр Телушкин прославил Вятскую волость Даниловского уезда Ярославской губернии починкой креста, ангела и обшивки на шпиле Петропавловского собора.

При этом Петр Телушкин, стал не только основателем российского альпинизма, но и показал чудеса воздушной акробатики и завидного мастерства: он без строительных лесов, забираясь на шпиль и удерживаясь наверху при помощи одних веревок, осуществил сложные реставрационные работы (*Каленич, 1985*).

Современник и земляк Петра Телушкина Матвей Филиппович Филиппов уроженец деревни Слободища села Никольского Середской волости все того же Даниловского уезда, крепостной госпожи Нарышкиной, в строительном деле стал не просто каменных дел мастером, но и получил звание архитектора и свободного художника.

Он был правой рукой знаменитого придворного архитектора К.А. Тона и являлся фактическим руководителем постройки огромных сооружений первопрестольной: храма Христа Спасителя и Большого Кремлевского дворца.

Несмотря на то, что основные достижения М.Ф. Филиппова связаны с Москвой, свою первую серебряную медаль зодчий получил за создание домово-церкви в Императорской Академии художеств в Петербурге.

Обширный статистический материал по XIX – нач. XX века собрал и переработал петербургский писатель Л.Я. Лурье, что нашло отражение в книгах «Питерщики» и «Соседский капитализм», где значительное место посвящено строителям Петербурга и выделен отдельный подраздел: «Костромичи и ярославцы – строители». Л.Я. Лурье приходит к заключению, что верхневолжским мастерам не было равных в городе на Неве.

К примеру, в 1901 г. в Петербург из Ярославской губернии отправилось 11776 строительных рабочих (63,8 % всех строителей-отходников губернии).

В столице одновременно работали 3362 ярославских печника (им в Петербурге принадлежало 15 из 21 печной артели), 3621 штукатур (75,4% которых были из 5 волостей), 1722 каменщика, 1029 обойщиков, 960 маляров (из них 65,1% представляли Диево-Городищенскую волость), 420 кровельщиков и 552 рабочих прочих строительных специальностей (Лурье, 2011. С. 180).

Статистические источники по отходникам-костромичам более скудные, чем по ярославцам. Тем не менее, отчеты Костромского благотворительного общества в Петербурге и труды местных и петербургских краеведов и статистиков позволяют воссоздать четкое представление по этой единой во всех отношениях ярославо-костромской предпринимательской и трудовой группе.

Костромские крестьяне в середине XIX века первенствовали среди маляров (57,5% подрядчиков), плотников (36,8% содержателей всех артелей), столяров (21% хозяев мастерских).

Среди костромичей, упомянутых в справочнике «Весь Петербург» за 1908 г., хозяев малярного промысла – 25, 7%, паркетного – 46,9%, плотницкого – 18, 9%; 21,6% всех подрядчиков строительных работ.

Район малярного промысла занимал полосу, протянувшуюся с севера Кинешемского уезда до южной границы Вологодской губернии. В Солигаличском уезде маляры преобладали в Великовской, Гнездиловской, Корцовской, Нероновской волостях, в Чухломском – в Боровской, Бушновской, Судайской, Муравовской, Мирохановской, Идской волостях, в Галичском – в 18 из 23 волостей, в Кинешемском – в Клеванцевской, в Буйском – в Ильинской волости.

Плотники преобладали в Великовской, Вершковской, Зашугомской и Нольско-Березовской волостях Солигаличского уезда; Бушновской, Введенской,

Вохтомской, Каликинской Проселковской волостях Чухломского уезда; Ватамоновской, Вознесенской, Котельнической, Курловской, Ногатинской волостях Галичского уезда; Вожеровской, Ефремовской, Матвеевской, Никитинской, Николо-Паломской, Николо-Ширской, Савинской и Успенно-Нейской волостях Кологривского уезда. Этот район вытянут с востока на запад вдоль границы Вологодской и Костромской губерний.

В Георгиевской и Тормановской волостях Солигаличского уезда, Коровской и Введенской Чухломского уезда среди отходников больше всего было столяров. Эти волости образуют два небольших компактных региона в верховьях реки Костромы.

Наконец, на границе с Ярославским и Даниловским уездами Ярославской губернии был распространен отход в каменщики (Левашовская и Чернозаводская волости Костромского уезда; Никольская волость Нерехтского уезда) и штукатуры (Шишкинская и Климовская волости Костромского уезда; Ковалевская, Никольская, Блазновская волости Нерехтского уезда) (Там же. С. 182-183).

Подрядчики как костромичи, так и ярославцы, предпочитали брать на работу своих земляков, обычно из своих однодеревенцев, а также знакомых или жителей соседних окрестных мест, поэтому большинство «питерщиков»⁹ жили там как в деревне, то есть большой однородной социальной группой. В каждом населенном пункте существовала своя специализация. «В одной деревне все маляры, в другой – бондари, есть целые волости, высылающие на сторону одних плотников. Если в деревне живет какой-либо крупный хозяин-промышленник, то вся деревня старается слать ему своих детей на обучение» (Жбанков, 1891. С. 1).

⁹ Питерщик (простореч. устарев.) – бывалый человек, бывавший и промышлявший в Петербурге (Питере). Филипп Корчагин – питерщик. По мастерству печник. Некрасов. (Толковый словарь русского языка Ушакова.)

Ярким примером отхожего или мастерового промысла служит собранный материал в Историко-культурном комплексе «Вятское».

На ежегодных конференциях, проходящим в селе Вятском, особое внимание уделяется работе строительных дел мастеров и предпринимателей, возводивших многочисленные доходные дома в Петербурге. Львовы (Кокурина, 2019) и Романовы (Серебрякова, 2018), строительные десятники, награжденные почетными дипломами Императорской Академии художеств: А.Н. Копылов, П.А. Никонов, А.Ф. Телушкин, печник, а затем купец I гильдии и подрядчик всероссийского масштаба С.Л. Кундышев-Володин (Мальцева, 2019), крупнейшие строительные

подрядчики Р.С. Гробов и С.И. Савельев происходили из сел и деревень Даниловского уезда Ярославской губернии (Лукьянович, 2018).

Наибольшую известность не только селу Вятскому, но и всему ярославско-костромскому порубежью принесла артель кровельных дел мастеров из этого села, которая существовала как минимум с середины XIX века (Рис. 2).

Без работ вятской артели невозможно представить исторического центра Санкт-Петербурга. На счету кровельных дел мастеров – огромное количество церквей и известных сооружений имперской столицы, включая визитные карточки Петербурга, такие, как дом компании «Зингер», музей Суворова, комплекс зданий Академии

Рис. 2. Одна из бригад артели кровельщиков села Вятского.
Фотография кон. XIX - нач. XX в. Из частного архива

Генерального Штаба, Великокняжеская усыпальница, дворец Матильды Кшесинской. С участием вятских кровельщиков в конце XIX века был отреставрирован и перестроен Зимний дворец, Мариинский театр, возведено огромное количество церквей, банковских учреждений, присутственных мест и доходных домов. На сегодняшний день собрана информация о строительстве вятской кровельной артели 100 самых престижных зданий Санкт-Петербурга (см. журнал «Зодчий» 1906 г. Вып. 8. С. 66-71). В разные годы артелью кровельщиков руководили выходцы из деревни Ключниково Вятской волости: Лука Васильевич и Александр Павлович Ширкины, а с 80-х годов и до 1917 года ее неизменным руководителем являлся кровельных дел мастер и подрядчик крестьянин этой же деревни Александр Иванович Верещагин (Цымбал, 2018).

Одна из самых знаменитых работ вятских кровельщиков – церковь Спас на Крови в центре Петербурга на канале Грибоедова.

Кроме артели А.И. Верещагина, в строительстве знаменитого храма-памятника Александру II принимала участие большая группа мастеров из ярославско-костромского порубежья (РГИА. Ф. 1293. Оп. 103. Д. 106. Л. 33). На счету волжан не только основные, но также вспомогательные и отделочные подряды.

Земляные, мостовые, бетонные и целый ряд других работ выполнили костромич Н.А. Бородулин и ярославцы А.Н. Васильев, Д.Е. и А.Д. Гордеевы, а также ряд других лиц, земляческую принадлежность которых еще предстоит установить (Там же. Л. 29об., 30об., 31об.).

Входные медные врата с ликами святых и серебряной инкрустацией были выполнены в костромской мастерской ювелира А.В. Савельева (РГИА. Ф. 1293. Оп. 103. Д. 106. Л. 35об.). Ажурную сложнейшую каменную кладку произвела артель зятя А.И. Верещагина ярославца Р.С. Гробова (Там же. Л. 31об., 34, 38).

Ключевой фигурой создания храма и главным его идеологом несомненно являлся автор проекта Спаса на Крови крестьянин по происхождению уроженец Даниловского уезда Ярославской губернии настоятель Троице-Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий (1811 – 1897) (в миру Иван Васильевич Макаров/Малышев). Имена архимандрита Игнатия и академика А.А. Парландом выгравировано на закладной металлической доске, положенной в основании церкви (Давыдова, 2018).

Общее руководство строительными работами по сооружению Спаса на Крови производил уроженец села Никольского Середской волости Даниловского уезда Ярославской губернии Павел Анфимович Никонов, назначенный на должность главного государственного десятника в 1889 году (Лукьянович и др., 2021).

На сегодняшний день на платформе ИКК «Вятское» проводится огромная исследовательская работа по изучению строительного отхода в Петербург крестьян Ярославского, Романово-Борисоглебского и Даниловского уездов Ярославской губернии. Несколько книг изданы о работах выдающегося ярославца скульптора академика А.М. Опекушина.

Список источников и литературы:

1. «Птицы возвращаются к гнездовьям»: II Встреча потомков предпринимателей и духовенства (село Вятское Ярославской области, 23-24 сентября 2017 г.): сборник докладов и материалов. - Ярославль: Студия дизайна «Бондаренко и Воронов», 2018. - 251 с. - ISBN 978-5-6041134-1-7.
2. «Птицы возвращаются к гнездовьям»: III Встреча потомков предпринимателей и духовенства (село Вятское Ярославской области, 21-24 сентября 2018 г.): сборник докладов и материалов. Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2019. – 264 с. - ISBN 978-5-6042652-0-8.
3. «Птицы возвращаются к гнездовьям»: IV Встреча потомков предпринимателей и духовенства (село Вятское Ярославской области, 21-24 сентября 2019 г.): сборник докладов и материалов. Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2020. – 222 с. - ISBN 978-5-6043662-5-7.
4. «Птицы возвращаются к гнездовьям»: V Встреча потомков предпринимателей и духовенства (село Вятское Ярославской области, 21-24 сентября 2019 г.): сборник докладов и материалов. Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2021. – 248 с.
5. Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым со многими изображениями первых зданий, а ныне дополненное и изданное надворным советником, правящим должность директора над новороссийскими училищами, Вольного российского собрания при императорском Московском университете и Санктпетербургского вольного экономического общества членом Васильем Рубаном. Издание первое. – Санкт-Петербург: Типография Военной коллегии, 1779. – 528 с.
6. Давыдова О.А. Архимандрит Игнатий (Малышев): «Сердце мое открыто для Вас...» // «Птицы возвращаются к гнездовьям»: II Встреча потомков предпринимателей и духовенства (село Вятское Ярославской области, 23-24 сентября 2017 г.): сборник докладов и материалов. - Ярославль: Студия дизайна «Бондаренко и Воронов», 2018. - С. 175-184.
7. Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. - Кострома: Губернская типография, 1891. – 136 с.
8. Жизнь, труд и предпринимательская деятельность жителей Вятской волости в XVII -XVIII столетиях: сборник архивных документов. / АНО «Эколлайн. Культура и искусство», составители В.В.Зубарев, М.А.Климова. Ярославль: ООО «ЦМИК», 2018. – 172 с. - ISBN 978-5-6041134-3-1.
9. Жизнь, труд и предпринимательская деятельность жителей Вятской волости в XVII–XVIII столетиях: сборник архивных документов. / АНО «Эколлайн. Культура и искусство», составители В.В.Зубарев, М.А.Климова. – Вып. 2. – Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2019. – 245 с. - ISBN 978-5-6042652-6-0.
10. Жизнь, труд и предпринимательская деятельность жителей Вятской волости в XVI–XIX столетиях: сборник архивных документов. / АНО «Эколлайн. Культура и искусство», составители В.В.Зубарев, М.А.Климова. – Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2020. – 152 с.
11. Записная книга указов 1696-1714 гг. / РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 80.
12. Каленич И. Подвиг во славу Отечества. Петр Телушкин – первый русский промышленный альпинист.» // Белые ночи. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 246-256.
13. Кокурина А.Н. Приход Воскресенской церкви села Глазово Даниловского района Ярославской области. // «Птицы возвращаются к гнездовьям»: III Встреча потомков предпринимателей и духовенства (село Вятское Ярославской области, 21-24 сентября 2018 г.): сборник докладов и материалов. Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2019 - С. 73-78.

14. Лукьянович А.А. Тайны дома Савельевых. // «Птицы возвращаются к гнездовьям»: II Встреча потомков предпринимателей и духовенства (село Вятское Ярославской области, 23-24 сентября 2017 г.): сборник докладов и материалов. - Ярославль: Студия дизайна «Бондаренко и Воронов», 2018. - С. 20-29.
15. Лукьянович А.А., Мальцева Н.Ю., Цымбал Г.С., Тупицына М.П. Ярославские подрядчики и строительных дел мастера в истории создания храма Воскресения Христова (Спаса на Крови). // Кафедра. Выпуск XXVIII. Музеефикация культовых зданий и многообразие музейной деятельности в контексте исторических событий. Сборник научных статей / Научный редактор Ю.В.Мудров. Сост. Э.А. Филиппова. – Санкт-Петербург: Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», 2021. - С. 146-153.
16. Лурье Л.Я. Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. – СПб.: БХВ-Петербург, 2011. С. 181.
17. Мальцева Н.Ю. Страницы истории храма Успения Пресвятой Богородицы в селе Вятское. // «Птицы возвращаются к гнездовьям»: III Встреча потомков предпринимателей и духовенства (село Вятское Ярославской области, 21-24 сентября 2018 г.): сборник докладов и материалов. -Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2019. - С. 66-72.
18. Николаев А.С., Житков С.М. Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. – Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1900.
19. Протоколы Московской Духовной Консистоии за 1757 г. / ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744. Д. 47.
20. РГАДА Ф. 291. Оп. 3. Д. 9934.
21. РГАДА Ф. 350. Оп. 1. Д. 231.
22. РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 1. Д. 913.
23. РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч.1. Д. 914.
24. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4804.
25. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4805.
26. РГИА. Ф. 1293. Оп. 103. Д. 106.
27. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 41.
28. Серебрякова Н.Я. Вклад ярославских купцов Романовых в строительство доходных домов Петербурга. // «Птицы возвращаются к гнездовьям»: II Встреча потомков предпринимателей и духовенства (село Вятское Ярославской области, 23-24 сентября 2017 г.): сборник докладов и материалов. - Ярославль: Студия дизайна «Бондаренко и Воронов», 2018. - С. 44-54.
29. Тихвинская система // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т. (82 т. И 4 доп.). – т. XXXIII (Термические ощущения – Томбази). – Санкт-Петербург: Типография Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1901. - С. 278-279.
30. Цымбал Г.С. «В Императорском петербургском обществе архитекторов. 1906 год.». // Птицы возвращаются к гнездовьям»: II Встреча потомков предпринимателей и духовенства (село Вятское Ярославской области, 23-24 сентября 2017 г.): сборник докладов и материалов. - Ярославль: Студия дизайна «Бондаренко и Воронов», 2018. - С. 30-38.

РАЗДЕЛ 3.
История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Мальцева Н.Ю.

ВЯТСКАЯ ВОЛОСТЬ КОСТРОМСКОГО
УЕЗДА И ЕЕ ЖИТЕЛИ В ДОКУМЕНТАХ
РГАДА XVII – XVIII ВВ.

МАЛЬЦЕВА Н. Ю.

*Историко-культурный комплекс «Вятское» им. Е.А. Анкудиновой,
с. Вятское Некрасовского района Ярославской области*

Аннотация: в статье рассматриваются различные вопросы жизни и предпринимательской деятельности населения Вятской волости Костромского уезда.

Ключевые слова: подворная перепись, митрополичье село, каменщики, кирпичники, строительные подряды, предприимчивость, торговля.

VYATSKAYA VOLOST OF KOSTROMA
COUNTY AND ITS RESIDENTS
IN THE XVII – XVIII centuries DOCUMENTS OF RGADA

MALTSEVA N. U.

*Historical and cultural complex “Vyatskoe” named after E.A. Ankudinova,
p. Vyatskoe, Nekrasovsky district, Yaroslavl region*

Summary: The article discusses various issues of life and business activities of the Kostroma region’ Vyatskaya volost population.

Key words: household census, metropolitan village, bricklayers, brick-makers, construction contracts, entrepreneurship, trade.

На протяжении 4-х лет Историко-культурный комплекс «Вятское» им. Е. А. Анкудиновой осуществляет проект «Жизнь, труд и предпринимательская деятельность жителей ярославско-костромского порубежья», основу которого составляет работа с документами Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Опубликовано уже 4 сборника различных по типу и объему архивных источников XVII-XVIII вв. из РГАДА, составителями которых являются историк архитектуры из Москвы В.В. Зубарев и М.А. Климова. Представленные документы освещают многие стороны жизни и труда населения территории, расположенной на границе бывших Ярославского и Костромского уездов.

Село Вятское находится на северо-востоке Ярославской области в пределах Костромской низины.

Вятская волость с центром в селе Вятское с начала XVI века и до 1763-1764 гг. – периода секуляризации – была вотчиной высшей церковной власти России: сначала митрополитов, затем, после учреждения в 1589 году на Руси патриаршества – патриархов московских, затем, после церковной реформы Петра I и ликвидации патриаршества стала синодальной вотчиной.

После первой губернской реформы Петра Великого 1708-1710 гг., Вятская волость стала частью Костромского уезда Московской губернии (до этого незначительный период времени она относилась к Ростовскому уезду). После очередной губернской реформы, проведенной при императрице Екатерине II в 1775 г., Вятская волость стала относиться к Даниловскому уезду Ярославской губернии (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2018. С. 14).

Из Списка 1694 г. с сотной грамоты 1562 г. из писцовых книг Костромского уезда на митрополичье село Вятское с деревнями (РГАДА. Ф. 281. Кострома. № 5518)

следует, что в селе находятся: «двор митрополич», в нем живут приказчики, два двора поповых, двор дьяконов и 11 дворов пашенных крестьян, один из которых пуст, а за речкою Вохтомою есть слободка, в которой 17 дворов торговых непашенных людей (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2020. С. 33). К селу относится 66 деревень, весьма малочисленных (от двух до 6 дворов). Всего крестьянских дворов 207, а людей в них 210 человек, кроме того имелось 17 дворов беспашенных, а людей в них 17 человек и 17 дворов пустых (*Там же*. С. 37).

Данный документ частично был опубликован в 1903 г. Сергеем Шумаковым (*Шумаков, 1903. С.7-10*), который ограничился переписью дворов, исключив подробное описание межевых границ между митроличьей Вятской волостью Костромского уезда и соседними частными владениями Ярославского уезда. Составители сборника В. В. Зубарев и М. А. Климова отмечают, что «это описание, само по себе интересное с филологической и этнографической точек зрения, содержит уникальную информацию по микротопонимике местности. Описание разграничительной линии между митрополичьими и частновладельческими населенными пунктами, полями и другими угодьями, позволяет сделать попытку определения исторических административных границ Вятской волости. Эту задачу облегчает привязка границы к многочисленным речкам, сохранившим свои названия до наших дней. Также на некоторых участках граница проходит «старою межею», что является признаком более старого, чем 1562 г., межевания. Межевание предоставляет нам материал для установления нижней даты (т. е. «не позднее») существования упоминающихся в описании населенных пунктов, как сохранившихся, так и утраченных, а также для аннотации объектов средневековой археологии – селищ.

Что касается переписи дворов, то значительный интерес представляют имена их хозяев: у многих из них вместо христианских имен указаны деревенские прозвища, которые в дальнейшем зачастую превращались в фамилии» (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2019. С. 49). Приведем пример: в деревне Филино – «двор Алексей Андреев, сын Сакуля» (*Там же*). Фамилия Сакулин до сих пор бытует в этой деревне.

В публикации 1903 г. уже была отмечена плохая сохранность документа 1562 г., в частности, утрата целых страниц и, как следствие – невозможность проверки правильности указанного общего числа деревень и дворов в волости. В перечне же населенных пунктов, кроме с. Вятское, присутствуют из 66 только 55 деревень. Скорее всего, оригинал 1562 г. был с утратами уже к моменту составления с него списка в 1694 г. (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2020. С. 11-12).

Большой информационный материал дает опись Вятской волости 1703 г. (*РГА-ДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119; Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2019. С. 24-69). Текст содержит подробное описание деревянных церквей села Вятского, казенных учреждений, а также перепись всего населения мужского пола по населенным пунктам (села Вятского со слободой и 60 деревень), включая детей мужского пола с указанием их возраста.

Деревянных церквей на 1703 г. в селе Вятском было три. Первая теплая церковь Воскресение Христово с трапезой под одну кровлю, три главы обиты чешуёю, а на главах кресты деревянные обиты белым железом, у крестов цепи железные (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2020. С. 24). Вторая холодная церковь Григория Богослова с приделом Козьмы и Дамиана над трапезою. На церкви глава и крест обиты железом, у креста цепи железные, а на пределе

кровля обита чешуёю, на ней малые бо- чоночки, на которых глава и крест обиты белым железом, у креста цепи железные (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2019. С. 27). Третья церковь находилась за речкой Ухтомкой (в тексте Вахтамкой), теплая церковь Сретения Пресвятой Богородицы Владимирской с приделом Николая Чудотворца. У церкви и предела главы и крест деревянные, обиты чешуёю, кресты деревянные обиты белым железом (*Там же*. С. 33).

Церкви Воскресенская и Владимирская были в плане четырехугольные, Воскресенская с тремя главами; церковь Григория Богослова — восьмигранная шатровая. При церквях Воскресенской и Григория Богослова была (скорее всего, отдельно стоящая) восьмигранная колокольня с часами, при Владимирской церкви – четырехугольная. Подробнейшим образом описаны иконы, утварь, облачение и книги (*Там же*. С. 8).

Из зданий местной администрации в селе Вятском были двор домовый, таможенная изба, двор подъячего, приказная и земская избы, земская мирская схожая изба.

Перепись населения начинается перечислением всех дворов причта с именами четырех священников, двоих дьяконов, дьячка, пономаря и просвирни, все с сыновьями. Далее идет подворная перепись душ мужского пола Вятской волости. Количество дворов — 411, несколько выросло по сравнению с переписными книгами 1678 г., когда в волости было 399 дворов (*Книга переписная...*); мужское население Вятской волости в 1703 г. составляло 1579 человек. 92 человека числилось в различных городах «у городского строения» и на прочих работах (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, С. 8-9).

К началу XVIII века в Вятской волости уже сформировались династии каменщиков, кирпичников, плотников. Из документа 1708 года о платежах крестьянами

патриарших и монастырских вотчин Костромского уезда подъёмных средств работникам, отправляемым в Петербург следует интересная статистика, подтверждающая значение с. Вятское как одного из главных центров подготовки каменных дел мастеров (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2020. С. 69-76). Общее число дворов в шестидесяти с лишним церковных вотчинах Костромского уезда — 7449, из них только 641 двор каменщиков и кирпичников (менее 10 %). Для сравнения, в Вятской волости насчитывалось 399 дворов, при этом дворов каменщиков 168 (более 40%), что составляло более четверти от общего количества по всему уезду. Далее по числу дворов каменщиков идут Богословская слобода Ипатьевского монастыря в Костроме, сёла Нефедово, Исаковское, Саметь с меновными деревнями, Шунга с деревнями (40–70 дворов в каждой вотчине). От 15 до 30 каменщиков проживало в селах Никольское за Воржей, Вёжи, Мисское, Куниково (*Там же. С. 14*).

Первое десятилетие строительства Петербурга тяжким бременем легло на долю жителей Вятской волости. Это отчетливо демонстрируют материалы переписной книги Костромской провинции 1710 года (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2019. С. 8-9).

Одним из самых удручающих фактов в этой переписи является количество пустых дворов. В 1710 г. Вятская волость насчитывала 406 дворов и 27 келий (домов, не имеющих участков земли) — всего 433 домохозяйства, из которых 149 (более трети!) оказались пустыми.

Дворов и келий каменщиков и кирпичников в Вятской волости насчитывалось 155 (на самом деле число каменщиков было, по крайней мере, на полтора десятка больше, так как в одном дворе иногда проживали двое или даже трое каменщиков), из них 57 (также более трети) записаны пустыми. Их хозяевами были

в основном мастера, отправленные «на государеву каменную работу» в Санкт-Петербург и по каким-то причинам не вернувшиеся домой. Умершими на строительстве признаны 18 каменщиков и 1 кирпичник, также указаны более десятка беглых каменщиков, бежавших вместе с семьями (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2021. С. 12-13).

Безусловным фактором, повлиявшим на уменьшение крестьянского населения всей европейской части России, были рекрутские наборы в условиях затяжной Северной войны, буквально пожирившей людей. Максимальная тяжесть от рекрутчины пришлась на 1705–1710 гг., когда было проведено шесть наборов (ко времени составления переписи пять) — по одному человеку с 20 дворов. В Вятской волости записаны 16 пустых солдатских дворов, где муж или сын взят в рекруты, а жёны, дети, родители умерли либо пропали без вести. Всего же на 1710 г. были отданы в рекруты более тридцати вятских крестьян.

И наконец, еще одной причиной оставления крестьянами своих домов было обыкновенное бегство, продиктованное различными мотивами. Бежали, как правило, целыми семьями «от скудости», «от долгов своих», «от государевых долгов», от того же «салдацкого набору» и даже «от воровства своего» (воровством в это время считалась не только кража в современном смысле, а любое нарушение закона). Сильное обнищание крестьян было усугублено и возросшим от ведения войны налоговым бременем. В географии бегства, кроме самой популярной формулировки «невем куды», указаны Архангельск, Нижний Новгород, Керженец (труднодоступные леса нижегородского Заволжья, где с XVII в. существовали поселения старообрядцев, скрывавшихся от властей), «понизовые города» в нижнем течении Волги (*Там же. С. 14*).

С середины 1710-х гг. принудительная высылка в Санкт-Петербург и окрестности, как переставшая выполнять свое назначение в организации строительства, стала заменяться свободным подрядом. В Вятском заключались как подрядные, так и субподрядные договоры на строительство в Петербурге, Москве и других городах. Руками вятских мастеров строились дома для высших чинов Адмиралтейств коллегии, сподвижников Петра I, монастыри и храмы, Пятый, ныне существующий Зимний Дворец.

К истории предпринимательства населения Вятской волости относится дело о регистрации в таможене в селе Вятском сделок с хмелем в период с 1741 – 1750 гг. (РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 384). Обычно государственные таможни устраивались в городах, реже в богатых сёлах. Как мы знаем, в с. Вятском по четвергам проходил торжок, а наличие таможни свидетельствовало о значимости этого населенного пункта в торговом обороте страны (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2021. С. 28).

К описанию непосредственно облика села Вятского относится росписной список 1746 г., который представляет нам комплекс казенных строений с планировкой и интерьерами, практически как кинематографическую декорацию (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2019. С. 21).

«В том селе Вяцке домовый двор, круг ево заборы. Две горницы, передняя горница белая, в ней печь израцатая голанская, против печи чулан, при чулане шкаф простой работы. На той горнице три окошка косящатая, в них окончины слудяныя, одно окошко в чулане волоковое, окончина слудяная» (*Там же. С. 194*). «Да близь того домового двора приказная изба, другая колодничья. В передней приказной избе образ месной // Спасителей. В той приказной избе три окошка косящатая, в них окончины слудяныя, два стола,

один стол передней судейской круглой елевой с ящиком выдвжимым, а оно[й] стол покрыт баикой красной. Второй стол дубовой с ящиком. У дверей ящик, в которой ставитца зборная денежная казна, окован железными шинами, на подъемных петлях. Мирской сундук, в которой собираетца денежная Указных зборов казна, окован железом сверху и сысподи и по сторонам, з замком нутряным. В той же приказной избе у стены чепь две с тулами. Между приказной избой и колодничьей сени, в них чулан, у дверей замок нутряной. У той приказной избы, у колодничичи, у чулана, у сеней двери на петлях железных...» (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность...*, 2020. С. 195).

Не менее интересен документ, относящийся к каменному строительству в самом селе Вятском, а именно – к сооружению там первой каменной, ныне существующей церкви Воскресения Христова. К 1746 году необходимость построения просторного каменного храма, по-видимому, уже была давно назревшей, так как крестьяне по общей мирской договоренности организовали сбор средств на новую церковь с доходов, получаемых ими от еженедельной четверговой ярмарки. В центре села Вятского, на казенной земле крестьянами со всей волости были построены лавки, и торгующие в них платили, в зависимости от площади лавки, по 10 копеек в год с сажени. Ежегодный сбор составлял 13 руб. 64 коп. с четвертью. Но этого оказалось недостаточно, и по предложению Управителя Вятской волостью Никиты Григорова Синодальное экономическое правление обязало увеличить размер выплаты за использование казенной земли до 15 копеек с сажени в год. В деле есть поименный список из 77 арендаторов с указанием, какое именно торговое помещение и какой площади имеет каждый, и какой оброк он с этого платит. Все крестьяне, за редким исключением, уже имеют фамилии, в некоторых случаях есть

указание, из какого населенного пункта. Имена некоторых крестьян повторяются дважды, т.е. они имеют две разные торговые точки. Воскресенская церковь была построена и освящена в 1750 г. во времена царствования дочери Петра — Елизаветы Петровны (*Рыбин, 1908*). Заложили же церковь в 1719 г. при Петре Первом.

Таким образом, сегодняшние прихожане, да и просто жители, не говоря уже о прямых потомках, могут прочитать имена и фамилии людей, вкладывавших свои средства в строительство храма, который стоит и здравствует! (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2020. С. 25*). А некоторые фамилии бытуют и поныне: Сорокины, Шолоховы, Дурышкины, Кошечкины, Лядовы, Дег(х)тярёвы.

Патриаршие, а позже синодальные крестьяне обладали большей свободой и при определенных условиях могли перейти в другое сословие, о таком случае повествует дело 1762 г. о записи вятских крестьян братьев Воробьевых в костромское купечество, имеющих многолетний торговый промысел в Костроме в торговом ряду (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2020. С. 195*). В результате в 1763 г. двух Андреев Воробьевых, имеющих годовой оборот 1500 рублей, вместе с малолетним сыном Андрея Меньшого Николаем приняли в костромское купечество с обязательством и впредь платить все

положенные подати наравне с остальными крестьянами Вятской волости (*Жизнь, труд и предпринимательская деятельность..., 2019. С. 22-23*).

Еще один документ 1762-1763 гг. в очередной раз свидетельствует о предприимчивости некоторых крестьян Вятской волости. Дело посвящено прошению крестьянина с. Вятского Андрея Кужлева о разрешении ему взять в аренду участок земли на территории Моисеевского монастыря в Москве, практически у стен Кремля и выстроить на нем каменную палатку для торговли. Главная особенность этого документа – наличие архитектурной графики, связанной с деятельностью одного из вятских крестьян в Москве (*Там же*).

Документы РГАДА дают возможность нам узнать имена, отчества, иногда фамилии людей, их родные населенные пункты, позволяют сделать вывод о том, что строитель из народа не безымянен.

Представленные выше архивные источники открывают новые интересные страницы истории Вятской волости, села Вятского и содержат богатый материал для генеалогии и различных статистических исследований, насыщают фактологией, живыми красками наши представления о таком важном периоде, как эпоха петровских и последующих преобразований в России.

Список источников и литературы:

1. Жизнь, труд и предпринимательская деятельность жителей Вятской волости в XVII -XVIII столетиях: сборник архивных документов. / АНО «Эколлайн. Культура и искусство», составители В.В.Зубарев, М.А.Климова. Ярославль: ООО «ЦМИК», 2018. – 172 с. - ISBN 978-5-6041134-3-1.
2. Жизнь, труд и предпринимательская деятельность жителей Вятской волости в XVII–XVIII столетиях: сборник архивных документов / АНО «Эколлайн. Культура и искусство», составители В.В.Зубарев, М.А.Климова. – Вып. 2. – Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2019. – 245 с. - ISBN 978-5-6042652-6-0.
3. Жизнь, труд и предпринимательская деятельность жителей Вятской волости в XVI–XIX столетиях: сборник архивных документов. / АНО «Эколлайн. Культура и искусство», составители В.В.Зубарев, М.А.Климова. – Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2020. – 152 с.
4. Жизнь, труд и предпринимательская деятельность жителей ярославско-костромского порубежья в XVI - XIX столетиях: сборник архивных документов. / АНО “Эколлайн. Культура и искусство”, составители В.В.Зубарев, М.А.Климова. - Ярославль: ООО “Цифровая типография”, 2021. – 152 с. - ISBN 978-5-6046397-1-9.
5. Книга переписная, сколько за Святейшим Патриархом в разных уездах крестьянских и бояльских дворов. Ведомости синодального дворцового приказу. Л. 177 // РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 157.
6. Рыбин К.Г. Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. – Ярославль: Типолитография Губернской земской управы, 1908. – [2], XX, 547 с.
7. Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи. Выпуск второй. Костромские сотницы 7068-7076 гг. - Москва, 1903. – 35, [1] с.

РАЗДЕЛ 3.

История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Тихомирова Е.Л.

ПАМЯТНИКИ ИКОНОПИСИ КОСТРОМЫ XV–XVIII ВЕКОВ ИЗ СОБРАНИЯ РУССКИХ ИКОН ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО

ТИХОМИРОВА Е.Л.

*Собрание русских икон при поддержке
Фонда Андрея Первозванного, Москва*

Аннотация: В статье рассматриваются художественные традиции иконописания костромских земель на основании памятников из Собрания.

Ключевые слова: икона, образ, Оружейная палата, Гурий Никитин, Кострома, Нерехта, Верхнее Поволжье.

MONUMENTS OF THE KOSTROMA ICON PAINTING OF THE XV-XVIII CENTURIES FROM THE COLLECTION OF RUSSIAN ICONS WITH THE SUPPORT OF THE FOUNDATION OF SAINT ANDREW THE FIRST-CALLED

TIKHOMIROVA E.L.

*Collection of Russian Icons supported by the Foundation
of Saint Andrew the First-Called, Moscow*

Summary: The article deals with the artistic traditions of iconography of the Kostroma land. The research is based on the icons from the Collection.

Key words: icon, image, Armory, Gury Nikitin, Kostroma, Nerekhta, Upper Volga region.

В Собрании русских икон при поддержке Фонда Андрея Первозванного (далее – ФАП) хранится порядка 1300 произведений XIV – начала XX века. Это одна из наиболее крупных и известных коллекций в современной России, активно сотрудничающая с государственными и частными музеями. Фундаментом Собрания стала коллекция икон Виктора Бондаренко, с которой он расстался в конце 2007 года. Памятники, ранее принадлежавшие Бондаренко, хорошо известны знатокам и ценителям поволжской иконы. Они стали частью масштабного выставочного проекта 2005 года и были опубликованы в «Своде костромской иконописи» – солидном монографическом издании, посвящённом художественной традиции Костромы (*Костромская икона...*, 2004).

Базовые принципы комплектования коллекции, изначально заложенные Бондаренко, сохраняются сотрудниками Собрания по сей день: приобретение икон выдающегося художественного качества, историко-культурного значения; датированных и подписных произведений, а также имеющих редкую иконографию. За пятнадцать лет своего существования Собрание при Фонде приросло сотнями новых памятников, среди которых немало икон, связанных с Верхним Поволжьем. В этом значительном корпусе предметов отдельную и особо ценную группу составляют иконы Костромы – крупнейшего художественного центра, особенно славного своими изографами в XVII–XVIII столетиях. В рамках публикуемой статьи мы рассмотрим эту группу произведений, упорядочив материал по хронологическому принципу.

Самым древним памятником, происходящим из костромских земель, является знаменитый «Георгий на чёрном коне», вывезенный из Нерехты в начале 1990-х. Научное название иконы – «Чудо Георгия о змие» (Рис. 1), впервые она была опубликована в 2003 году в альбоме

Рис. 1. ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ

Конец XV в., Новгород

Дерево, темпера. 58,5x43,2 см

Реставрирована М.Р. Кирьяновым (1995),
Г.С. Батхелем (2001)

«И по плодам узнаётся древо» (*И по плодам узнаётся древо...*, 2003. С. 126–135), выставочный дебют состоялся в 2005 году в московском Новом Манеже на выставке «Костромская икона», где впервые в современной истории России было представлено более ста костромских икон из музейных и частных собраний. Датировка и атрибуция памятника принадлежит Г. Сидоренко, связавшей его с Новгородом конца XV столетия. К характерным «новгородским» признакам исследователь относит чёткое деление композиции прямой горизонтальной линией, «выход» за рамки средника деталей изображения (завязанный узлом хвост коня, его правая нога, нимб святого), привнесение в икону вне её сюжета поясных фигур на полях.

На полях представлены поясные прямоугольные изображения святых – преподобного Макария (Египетского ?; Римского ?) и архидиакона Стефана.

Нахождение иконы в Нерехте вплоть до начала 1990-х годов косвенно указывает на её возможную связь с древнейшей церковью этого города – Георгиевской, от которой до настоящего времени существует лишь топоним «Егорьева Гора». О бытовании памятника в Нерехте после упразднения деревянной Георгиевской церкви ничего не известно, вероятнее всего, он бережно сохранялся как чтимая реликвия, переходя из храма в храм, благодаря чему уцелел до наших дней. Этот образ с его лапидарным художественным языком и глубоким символизмом является одним из лучших в ряду древних иконографий «Чуда великомученика Георгия».

**Рис. 2. УСЕКНОВЕНИЕ
ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ**
Первая треть XVII в., Кострома
Дерево, темпера. 88,8х65,2 см
Реставрирована до поступления в собрание

**Рис. 3. ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА,
С ДЕЯНИЯМИ**

Первая половина XVII в., Кострома (?)
Дерево, темпера. 107,5х89,5 см
Реставрирована до поступления в собрание

Триумфальная поступь коня, торжественно выступающего за границу средника, типична для круга античных и византийских памятников, однако в древнерусских встречается редко. Тёмная масть, придающая коню особую выразительность, заметно выделяет публикуемую икону из круга близких по времени создания.

В Собрании нет икон, доказательно приписываемых Костроме XVI века. С XVII столетием ситуация обратная: он представлен в Собрании целым рядом костромских памятников – от образцов первой половины столетия до икон 1680–1690-х годов и рубежных с XVIII веком.

К первой трети XVII века относятся образы: «Усекновение главы Иоанна Предтечи, с Феодоровской иконой Богоматери, избранными святыми и житием Иоанна Предтечи» (Рис. 2) и «Пресвятая Троица, с деяниями» (Рис. 3). Икона

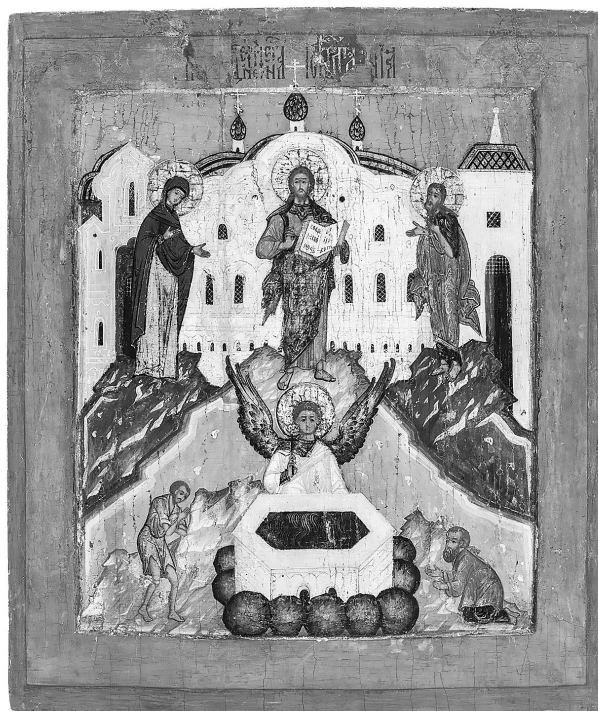

«Усекновение...» опубликована в альбоме «И по плодам узнаётся древо», где И.А. Шалина связала её происхождение с Костромой или близкими ей землями (*И по плодам узнаётся древо...*, 2003. С. 246–256). Исследователь отметила подчеркнутую архаизацию иконописных приёмов и мягкую графику, что напоминает о произведениях рубежа XVI–XVII веков и принципах художественных форм годуновского времени. Действительно, болотный зелёный цвет фона и полей вызывает в памяти иконы-вклады бояр Годуновых из ризницы Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря. Присутствие Феодоровского образа Богородицы в верхней части иконы также указывает на связь с Костромой, откуда в 1613 году произошло призвание на царствие Михаила Фёдоровича Романова. Главной святыне города было установлено общерусское почитание, она распространилась в большом количестве списков. К сожалению, надписи с именами предстоящих к Феодоровской иконе утрачены, однако не вызывает сомнения их патрональный характер заказчикам иконы. И.А. Шалина предполагает (*Там же*. С. 259), что публикуемый образ – храмовый вклад поволжской или костромской семьи по случаю рождения чада, о чём свидетельствует необычное размещение Феодоровского образа между клеймами с историей праведных Захарии и Елизаветы, долгое время остававшихся бездетными.

Икону «Пресвятая Троица, с деяниями» также связывают с Костромой первой половины XVII столетия – времени, когда происходило активное формирование художественного стиля этого региона. Иконография образа отличается повествовательностью, подробностью, близкой связью с литературными источниками, в первую очередь – с книгами «Бытие» и «Толковая Палея». Программа иконы отражает события, непосредственно связанные с историей праотца Авраама:

от явления ему трёх ангелов-путников до гибели Содома и превращения жены Лота в соляной столб. Аналогии такой иконографии деяний встречаются в иконах-вкладах Дмитрия Ивановича и Бориса Фёдоровича Годуновых в Ипатьевский монастырь (створки с «деяниями») и Троице-Сергиеву лавру к «Троице» Рублёва. Выполненные лучшими царскими мастерами два упомянутых ансамбля не могли не повлиять на развитие данной иконографии (*Экспертное заключение № 326...*). Глуховатый колорит иконы, характер плоскостно решённых охристых ликов также находит аналогии в круге памятников этого поволжского региона первой половины XVII столетия.

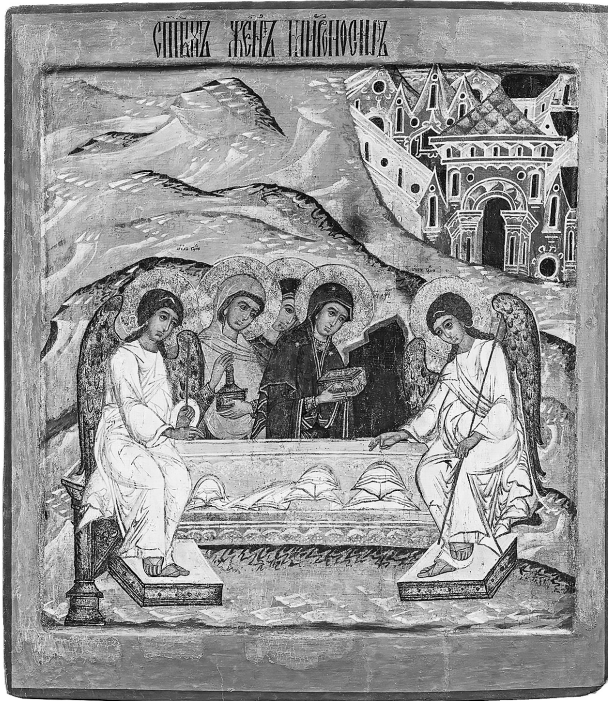
К этой же группе произведений «архаизирующего» направления в иконописи Костромы XVII столетия относятся иконы

**Рис. 4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕСТНЫХ
ДРЕВ ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА
ГОСПОДНЯ**

Середина XVII в., Кострома (?)
Дерево, темпера. 61х52,5 см
Реставрирована до поступления в собрание

Рис. 5. ЖЕНЫ-МИРОНОСИЦЫ У ГРОБА ГОСПОДНЯ

Вторая половина XVII в., Кострома (?)
Дерево, темпера. 61x58 см
Реставрирована М.Г. Степановым,
О.Б. Воробьевой (2008).

«Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня» (Рис. 4), «Жены-мироносицы у Гроба Господня» (Рис. 5), «Исцеление слепого» (Рис. 6). Их объединяет колористическое решение, монохромное с доминирующей охрой, а также композиционный минимализм. При этом образ «Жены-мироносицы...» и в особенности «Исцеление слепого» являются произведениями высокого художественного достоинства и отличаются изысканностью. По всей видимости, каждая из этих икон ранее занимала место в праздничном чине иконостаса, дополняя его традиционный состав.

Происхождение Честных Древ, вспоминаемое в первый день Успенского поста, является самостоятельным, хотя и «малым» праздником в церковном календаре.

Известно, что ему посвящались посадские храмы: в частности, главный престол церкви Всемилового Спаса в Торговых рядах Костромы, упоминаемой в Писцовой книге 1628 года. Композиционная схема иконы отличается лаконичностью, что характерно для «чиновых» икон: Деисус в верхней части, изображение Ангела с Крестом возле купели и двух страждущих внизу.

«Жены-мироносицы у Гроба Господня» в составе праздничного чина иконостаса обычно следовали за образом «Воскресение – Сошествие во ад», дополняя пасхальный цикл. В публикуемой иконе присутствует редкая иконографическая особенность: наряду с праведными Марией Магдалиной, Марией Иаковлевою и Саломией, пришедших ко Гробу, представлена Богоматерь с золотым ларцом в руках.

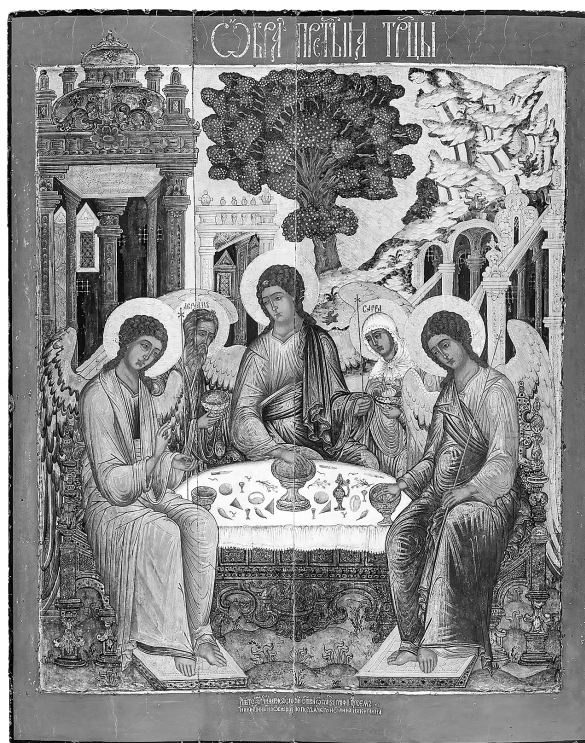
Рис. 6. ИСЦЕЛЕНИЕ СЛЕПОГО

Вторая половина XVII в., Кострома (?)
Дерево, темпера. 70x50 см
Реставрирована до поступления в собрание

Образ «Исцеление слепого» имеет подробную поясняющую надпись на верхнем поле: «Неделя 6-я по Пасхе. Исцели Господь слепого и отвори ему зрение от благословения и помаза ему очи и повеле ему умыться в Силуамской купели». Пространственное решение иконы отсылает к памятникам XVI столетия: действие происходит на фоне огромной горы с зияющей пещерой и узкой ротонды с находящейся внутри неё купелью. Центром композиции являются равновеликие фигуры благословляющего Христа и слегка преклонившегося перед ним слепого, оттягивающего ниже веко своей правой рукой. На переднем плане мы видим трёх апостолов, двое из которых внимательно наблюдают за происходящим, а один отчётливо взирает в другую сторону. Рисунок складок одежд и моделировка личного письма свидетельствуют о работе мастера высочайшей квалификации, виртуозно владевшего кистью. Его творческое формирование пришлось, вероятно, на первую половину – середину XVII столетия, что выражается в консервативной стилистике публикуемого произведения.

Самым славным периодом в истории костромской иконописи считается вторая половина XVII столетия, а наиболее выдающимся мастером – Гурий Никитин Кинешемцев. Именно он стал родоначальником «большого стиля» в поволжской иконе последней трети XVII века, сформировал круг учеников и последователей и стал тем изографом, к гению которого обращались мастера последующих поколений, вплоть до середины XIX столетия. Собрание русских икон при поддержке ФАП является счастливым обладателем единственного на сегодняшний день подписного произведения этого автора – иконы «Троица», написанной Гурием Никитиным в 1690 году «по обещанию подъячего Иоанна Никитина» (Рис. 7). Впервые икона предстала перед публикой в 2005 году на ранее упомянутой выставке «Костромская икона»

*Рис. 7. Гурий Никитин Кинешемцев
ТРОИЦА ВЕТХОЗАВЕТНАЯ*

1690 г., Кострома

Дерево, темпера. 112,5x90 см

Реставрирована до поступления в собрание

и стала откровением для исследователей. Монументальный храмовый образ, без сомнения написанный уже зрелым мастером для церкви, посвящённой Пресвятой Троице, соединил в себе все черты и характерные детали «большого стиля» Гурия Никитина. Икона подробно описана И.Л. Бусевой-Давыдовой, она же выявила специфические приёмы его творческого почерка: «лентовидные золотые пробел и мелкие округлые, как бы наползающие друг на друга складки одежд; зубчатые оторочки; узелок в виде цветка-розетки на плате; белильные кружки по верхнему краю ангельских крыльев; трактовка барочно-маньеристических архитектурных деталей» (*И по плодам узнаётся древо...*, 2003. С. 340–348). По совокупности признаков данный образ является эталонным произведением Гурия Никитина.

Исследователь предположила происхождение иконы из Свято-Троицкого Пахомиево-Нерехтского монастыря и выдвинула гипотезу о том, что Гурий Никитин мог копировать некий древний оригинал, находившийся в Троицком соборе монастыря, переработав его в духе своей эпохи. Известно, что в последней четверти XVII столетия в обители велось активное каменное строительство, в 1679–1680 годах по заказу князя Н.И. Одоевского в Москве были написаны иконы для иконостаса Троицкого собора (Там же. С. 346). Об упомянутом в надписи подьячем Иоанне Никитине сведений не выявлено, поэтому связь публикуемого образа с Троице-Сыпановым монастырём лишь предполагаемая.

Близкой по времени создания является ещё одна замечательная икона – «Воскресение – Сошествие во ад, с предстоящими на полях» (Рис. 8), датируемая концом XVII века (Там же. С. 350–356).

Рис. 8. ВОСКРЕСЕНИЕ – СОШЕСТВИЕ ВО АД, С ИЗБРАННЫМИ СВЯТЫМИ НА ПОЛЯХ

Конец XVII в., Кострома
Дерево, темпера. 35,5х31,5 см
Реставрирована до поступления в собрание

Рис. 9. Мастер круга Гурия Никитина Кинешемцева. ФЕОДОРОВСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ, С ПРЕДСТОЯЩИМИ АПОСТОЛАМИ ПЕТРОМ И ПАВЛОМ

Последняя четверть XVII в., Кострома
Дерево, темпера. 59,3х45,5 см
Реставрирована Д.И. Нагаевым (2009)

На боковых полях в четырёх клеймах с килевидным завершением помещены изображения святых с поднятыми в молении руками: преподобный Иоанн Новгородский и мученица Акилина, мученики Кирик и Иулитта, мученица Варвара.

Подробнейшая иконографическая схема памятника находит аналогии в произведениях Костромы и Ярославля последней четверти XVII столетия. Моделировка личного ближе всего к иконам круга Гурия Никитина: мягкие плавные очертания по санкирной основе, яркая подрумянка, множественные мелкие оживки, округлые лики с тонкими чертами. Сложный рисунок одежд со вспарушенными складками также напоминает о работах костромских иконников конца XVII века.

К работам мастеров круга Гурия Никитина относится «Феодоровская икона Божией Матери, с предстоящими апостолами Петром и Павлом» последней четверти XVII века (Рис. 9). Известно, что в XVII столетии древняя чудотворная святыня неоднократно копировалась костромскими изографами, с неё делались как списки «в меру и подобие», так и уменьшенные образы аналойного размера. К этому же времени относится разработка масштабной иконографической схемы клейм Сказания о явлении и чудесах древней святыни, приписываемой Гурию Никитину.

Феодоровская икона из Собрания является примером списка, повторяющего чудотворный оригинал не только размерами, но и мельчайшими деталями изображения, что подтверждает непосредственное знакомство мастера с древним прототипом. Включённые в средник фигуры святых апостолов в характерных «киотцах» с килевидными завершениями являются отличительной деталью публикуемой иконы. Выбор этих святых был обусловлен пожеланием заказчика и, не исключено, связан с посвящением им престола храма, для которого он предназначался. Высочайший уровень исполнения образа и владение автором всем арсеналом художественных приёмов мастеров круга Оружейной палаты свидетельствуют о создании иконы ведущим костромским иконописцем последней четверти XVII века.

К костромским письмам, находящимся под сильнейшим влиянием столичной живоподобной манеры, исследователи относят икону «Пресвятая Троица, с деяниями» рубежа XVII–XVIII вв. (Рис. 10). Хотя региональные отличия в ней выражены неявно, но подробная повествовательность, свойственная костромским иконам, типы округлых ликов и цветовая гамма с излюбленным сочетанием яркой киновари, тёмной зелени и охры различных оттенков позволяют отнести её к этому художественному центру.

**Рис. 10. ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА,
С ДЕЯНИЯМИ**

Начало XVIII в., Кострома (?)
Дерево, темпера. 109,5x83 см

Реставрирована до поступления в собрание

Рубежом XVII–XVIII столетий датируется икона «Сопрестоліе» сравнительно небольшого размера, в серебряном окладе-раме (Там же. С. 424–428) (Рис. 11). Ближайшей иконографической аналогией образу является «Сопрестоліе» из праотеческого ряда иконостаса Троицкого собора Троице-Сыпанова монастыря в Нерехте (в собрании Костромского музея-заповедника, ЦИАМ БВП 86, КМЗ КОК 17212/14), написанная в 1679–1680 годах в Москве. Лично трактовано в традиционной манере: общий тон ликов достаточно тёмный со слабой подрумянкой. Согласно клеймам, серебряный оклад для иконы выполнен в Костроме в 1780 году.

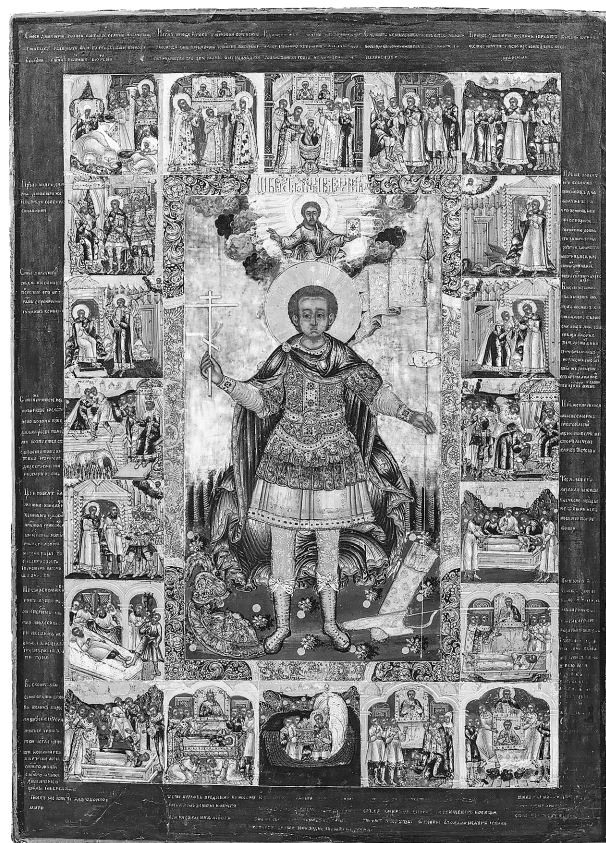

**Рис. 11. ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА
(СОПРЕСТОЛИЕ)**

Конец XVII – начало XVIII в.,
Кострома (икона); 1780 г., Кострома (оклад)
Дерево, левкас, темпера; серебро, чеканка,
гравировка, канфарение. 54x46,5 см
Реставрирована
М.Я. Яковлевой (живопись, 2017);
А.О. Беккером (металл, 2018)

XVIII столетие в истории иконописи Костромы отмечено продолжающимся подъёмом художественной жизни и несколькими блестящими мастерами, внёсшими заметный вклад в иконопись эпохи барокко. Это прежде всего Василий Никитин Воцин, Иван Фёдоров Липин и Дмитрий Васильев Воцин. При этом первую треть столетия костромские иконографы безусловно сохраняют инерцию, заданную мастерами Оружейной палаты и главным костромским жалованным иконописцем Гурием Никитиным. Примером тому может служить икона «Великомученик Димитрий Солунский, с житием» (Рис. 12) первой четверти XVIII века, ранее находившаяся в коллекции М. Де Буара (Елизаветина) (*Русские иконы в собрании М. Де Буара...*, 2009. Кат. 71. С. 130).

**Рис. 12. ВЕЛИКОМУЧЕНИК
ДИМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ, С ЖИТИЕМ**

Первая четверть XVIII в., Кострома
Дерево, темпера. 64x46,3 см
Реставрирована до поступления в собрание

охрой и золотом строится цветовое звучание образа. Сравнительно небольшой размер иконы косвенно свидетельствует о её размещении в иконостасе бокового придела, посвящённого великомученику Димитрию.

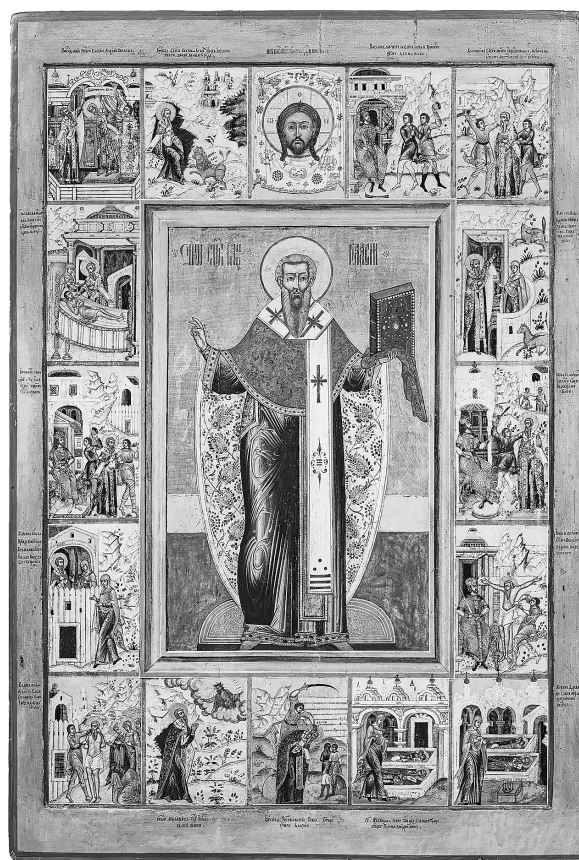

**Рис. 13. ОГНЕННОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ
ПРОРОКА ИЛИИ, С ЖИТИЕМ**

Первая четверть XVIII в., Костромские земли
Дерево, темпера, золочение, серебрение
90x78 см. Реставрирована В.В. Ковальчуком

Более упрощённым и провинциальным вариантом той же «генеральной линии» костромской иконописи является «Огненное восхождение святого пророка Илии, с житием» первой четверти XVIII века (*Дело веры и труд любви...*, 2017. С. 132–135) (Рис. 13). Цветовая гамма с локальными пятнами густой киновари, контрастирующей с глухим зелёным и охрами; лики, выполненные тёмной охрой с обильной подрумянкой; орнаментальная рамка, отделяющая средник от клейм, зелёный цвет полей – эти признаки характерны для костромских произведений XVII – первой половины XVIII века.

Вместе с тем известна целая группа икон первой трети XVIII века, имеющих значительные отличия, прежде всего в колорите, от образов «консервативного» направления. В этой связи интересно включение исследователем Н.И. Комашко в круг костромских памятников раннего XVIII века иконы «Святитель Власий Севастийский, с житием» (*Русские иконы в собрании М. Де Буара...*, 2009. Кат. 56. С. 111) (Рис. 14). Колорит образа заметно высветлен: для полей, рамки и фона средника выбрана светлая охра, фоны в клеймах решены по-разному: разбелённый голубой, бледно-розовый, позёмы также светлые. Лицо письма «выбелено», моделировано мягкими плавями, подрумянка практически отсутствует.

**Рис. 14. СВЯТИТЕЛЬ ВЛАСИЙ
СЕВАСТИЙСКИЙ, С ЖИТИЕМ**

Конец XVII – начало XVIII в., Кострома
Дерево, темпера. 131x88 см
Реставрирована до поступления в собрание

Любопытно, что автор остановился на минималистической композиции средника: монохромный бежевый фон, «двойной» позём и полукруглая кафедра под ногами святителя – нет ни привычных горок, ни холмиков с травами, ни растяжки по фону. При этом доличное в клеймах вполне насыщено и детализировано. Особого внимания заслуживает включение в верхний ряд клейм Нерукотворного образа Спасителя, размещаемого обычно в верхней части средника. С подобным приёмом мы ранее встречались на иконе «Усекновение главы Иоанна Предтечи», где в верхнем ряду, между клеймами, изображён Феодоровский образ.

Активно «разбелённые» лики присутствуют на Феодоровской иконе Божией Матери первой половины XVIII века (Рис. 15).

Ранее этот памятник относили к работам московских мастеров круга Оружейной палаты и датировали рубежом XVII–XVIII веков (*И по плодам узнаётся древо...*, 2003. С. 418–422), однако к настоящему времени исследователи пересмотрели эту точку зрения. Икона отличается внушительным размером, превосходящим древний оригинал. Автор внёс детали и приёмы, соответствующие духу его эпохи: монограммы Христа и Богородицы заключены в богато декорированные картуши, выполненные золотом и чернью; нимбы украшены «расходящимся» свечением из золотых треугольников и волнистых линий; все одежды оформлены серебряными пробелами; личное письмо очень светлое; глаза окаймлены негустыми ресницами. Автор сознательно уходил от тёмного вохрения и удлинённого «плоского» лика древнего образа, создав свою интерпретацию светоносного облика Богородицы.

В группу костромских икон середины XVIII века И.Л. Бусевой-Давыдовой был включён «Вход Господень в Иерусалим» (Рис. 16), долгое время стоявший

Рис. 15. ФЕОДОРОВСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Первая половина XVIII в., Кострома
Дерево, темпера. 89,5x70,5 см
Реставрирована М.Г. Степановым,
О.Б. Воробьевой (2001)

особняком в Собрании и не имевший убедительной атрибуции (*Нетленное наследие...*, 2020. С. 34). Образ, ранее входивший, по всей видимости, в праздничный чин иконостаса, отличается необычным колоритом с активным звучанием холодного разбелённого зелёного и голубого цветов. Это сочетание станет привычным в иконах конца XVIII – начала XIX века, однако в памятнике середины столетия выглядит необычным и новаторским. Уникальной деталью авторского почерка мастера является рисунок складок на одеждах и головных уборах персонажей. Он настолько увлечён передачей формы, объёмов и движения складок на одеждах, что они создают свою параллельную самостоятельную линию в изображении.

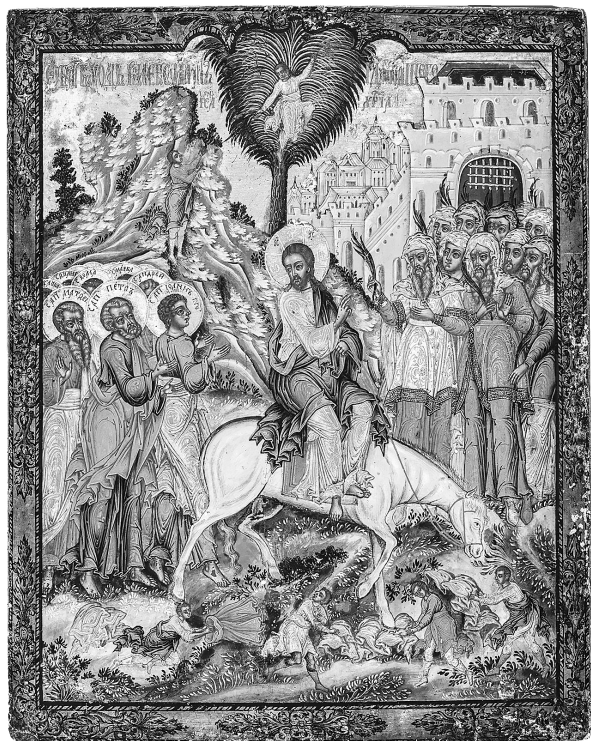

Рис. 16. ВХОД ГОСПОДЕНЬ
В ИЕРУСАЛИМ

Середина XVIII в., Кострома
Дерево, темпера, золочение. 55х43,6 см
Сведения о реставрации отсутствуют

Лики Христа и апостолов удлинённые, моделированные контрастно, скульптурно, с активно выбеленными участками и акцентированными лобными морщинами и носогубными складками. Глаза крупные, с подводкой по верхнему веку, красными слезниками и редкими ресницами. Более всего вызывают в памяти персонажей с икон Гурия Никитина юноши, выстилающие путь перед осликом и срывающие пальмовые ветви. Датировка и атрибуция данной иконы требует дальнейших уточнений, но предположение о её создании костромским мастером вполне убедительно и расширяет наши представления о художественной жизни региона в XVIII столетии.

Подписные иконы Костромы XVIII века представлены в Собрании двумя произведениями Ивана Фёдоровича Липина и работами нерехтских иконописцев

Михаила Пастуха и Ивана Маркова. Иван Липин, наряду с Василием Никитиным Воциным, является ярким представителем костромской барочной иконы. Он был потомственным иконописцем: его отец в молодые годы работал с Гурием Никитиным на росписях Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Сохранилось несколько подписных икон Ивана Липина: годовой комплект Миней из церкви Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе (Костромской музей-заповедник, КМЗ КОК-21930/14, КМЗ КОК-23592/1), «Девять мучеников Кизических» (Церковно-археологический кабинет при Московской Православной Духовной Академии РПЦ), «Казанская икона Богоматери» (частное собрание в Литве). Исследователь творчества Липина Н.И. Комашко охарактеризовала его творческую манеру как «сочетание приёмов миниатюрного письма с барочно-экспрессивной трактовкой формы» (*Всё остаётся людям... 2010. С. 88, 89*). Действительно, два произведения Липина, хранящиеся в Собрании, подтверждают этот тезис: миниатюра «Живоносный Источник», явно предназначенная для личного благочестия – индивидуальной домашней молитвы, и большой храмовый образ святителя Николая – в полной мере отражают его авторскую индивидуальность.

Икона «Святитель Николай Чудотворец (Можайский)» (Рис. 17), написана Липиным в 1765 году, как следует из надписи, помещённой в нижнем картуше, под текстом тропаря святителю: «писал всемь иконостасе святыя образа костромской иконник и живописец Иван Федоровъ сынъ Липинъ 1765 году». Образ представляет традиционную иконографию св. Николая Можайского с мечом в правой руке и моделью крепости в левой. В соответствии со стилистикой барокко он представлен на фоне живописного пейзажа: небеса на линии горизонта переходят в бело-розовый цвет, фон решён в виде

**Рис. 17. Иван Федоров Липин
СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ
(МОЖАЙСКИЙ)
1765 г., Кострома
Дерево, смешанная техника. 122,1x71 см
Реставрирована В.В. Ковальчуком**

холмистой местности с изогнутыми деревьями, утопающими в дымке вершинами гор с архитектурными мотивами. Позём выполнен уверенными пастозными мазками, что свидетельствует о свободном владении мастером масляной техникой, не случайно в авторской надписи он называет себя «костромским иконником и живописцем». Рокайльная рамка картуша также характерна для икон этого периода. Колорит образа построен на излюбленном в барокко сочетании синего и красного, с обильным использованием золота и серебра.

Данная икона является самым поздним, выявленным на сегодняшний день, подписанием произведением И. Липина. Указание в надписи на то, что автор выполнил весь иконостас, свидетельствует о его востребованности и продуктивности в 1760-е годы.

1761 годом датируется другое произведение художника – миниатюрная икона Божией Матери «Живоносный Источник» (Рис. 18) в серебряном окладе. Внизу на позёме надпись белыми: «п к Иванъ Липинъ», где буквы «п к» означают «писал костромитин». Цветовое решение образа близко комплекту миней 1758 года (Костромской музей-заповедник, КМЗ КОК-21930/14, КМЗ КОК-23592/1): для фона выбран насыщенный синий цвет, одежды многочисленных персонажей красные и тёмно-синие, с оформленными серебром складками. Верхняя часть изображения, условное «небо», где пребывает Богоматерь с Младенцем и ангелами, декорирована множеством мелких серебряных звёздочек, что является авторской находкой изографа.

Иконография Живоносного Источника, очень популярная в византийской иконописи, в России получила распространение лишь в Новое время, благодаря работам царских мастеров последней четверти XVII века. Однако даже в середине XVIII века её можно считать новаторской. И. Липин использовал традиционный вариант изображения, привнеся в него оригинальные мотивы: это прежде всего построение группы страждущих на переднем плане (мужчины, стоящие к зрителю спиной, не известны по другим произведениям на этот сюжет) и «звездчатый» сегмент верхней части иконы.

Оклад, согласно имеющимся клеймам, выполнен в Костроме в 1761 году, предположительно Ильёй Сидоровичем Серебренниковым – серебряных дел мастером, мещанином, работавшим в 1756–1795 годах (*Экспертное заключение № 33*).

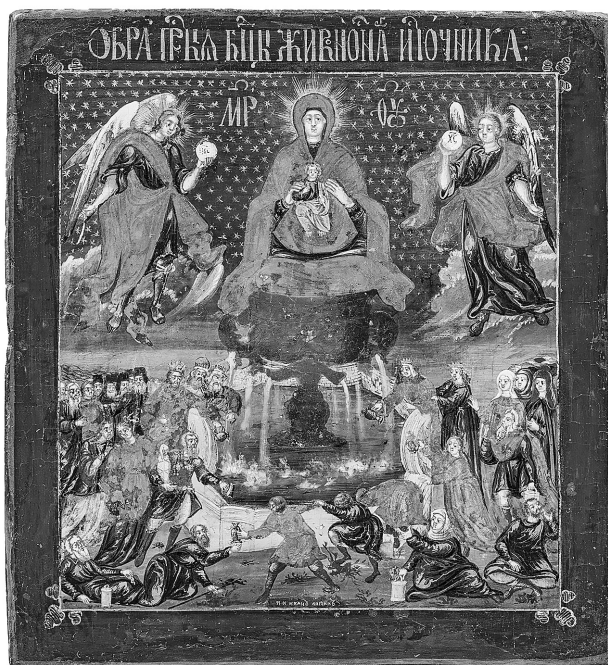

Рис. 18. Иван Федоров Липин ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЖИВОНОСНЫЙ ИСТОЧНИК»
1761 г., Кострома (икона); 1761 г., Кострома, мастерская И.С. Серебrenикова (оклад)
Дерево, темпера; серебро, чеканка, гравировка, золочение 16,5x10 см (в окладе)
Реставрирована Д.И. Нагаевым (живопись, 2015), О.В. Феньковой (оклад, 2016)

Декор оклада в виде чеканных скрученных листов аканта, пышных картушей и рокайльной чаши характерен для изделий середины XVIII века. Стилистически единый барочный комплекс из представленных иконы и оклада, выполненный в Костроме в 1761 году, является редчайшим образцом регионального искусства этого времени.

Ещё одной иконографией Нового времени является «Троеручица» – богородичный образ, связанный с сербским монастырём Хиландар на Афоне и преданием о чуде св. Иоанна Дамаскина. Икона на этот сюжет принадлежит кисти нерехтского иконописца Михаила Пастуха, выполнена в 1785–1788 годах (*И по плодам узнаётся древо...*, 2003. С. 90, 91) (Рис. 19). К настоящему моменту выявлено лишь ещё одно подписное произведение Михаила Пастуха (Пастухова) – «Феодоровская икона Богородицы» 1793 года (Музей икон Пресвятой Богородицы), где он называет себя подольским мещанином.

Рис. 19. Михаил Пастух
ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ТРОЕРУЧИЦА»
1785–1788 гг., Нерехта
Дерево, темпера, золочение. 66x50,3 см
Реставрирована
М.Г. Степановым, О.Б. Воробьевой

Исследователь Н.И. Комашко предположила, что М. Пастух был жителем и уроженцем Нерехты, впоследствии переселившимся в подмосковный Подольск. В своих надписях на иконах он оригинально помечает год: всегда римскими цифрами. В стилистике «Троеручицы» обнаруживается связь с традициями «живоподобного» письма Оружейной палаты, однако преломлённая в духе барокко: усложняется рисунок складок, колорит строится на контрасте красного с тёмно-синим.

Ещё одним памятником, связанным с эпохой барокко в уездной Нерехте, является монументальный образ «Святитель Николай, архиепископ Мирликийский, с клеймами жития» (Рис. 20). На позёме имеется надпись: «От Рождества же по плоти Бога Слова 1776 году месяца ноября в 4 дни написася сей святыи образ нерехтчанин посацкой человек Иван Ма[рков] с детьми» (*Костромская икона...*, 2004. С. 613). Центральная часть средника с ликом св. Николы – это врезок с иконой середины XVI века. Вероятнее всего, икона пострадала при пожаре, уцелевшую часть перенесли на новую основу и в 1776 году дополнили ростовым изображением святителя и 24 клеймами его жития. Реконструкция частично утраченной фамилии «Марков» была предложена первым исследователем этого памятника – В.М. Сорокатым. Согласно подписи, эту работу Иван Марков сделал вместе с сыновьями, следовательно к 1776 году он был уже вполне сложившимся мастером. В представленной иконе видно, что он – блестящий миниатюрист, его привлекают сложные композиции, детальная проработка пейзажей и заднего плана, оригинальные архитектурные формы.

Иконографическим источником для клейм жития святого скорее всего послужили гравюры из Акафистов, Праздничных миней или Служб и жития святителя Николая, в значительных количествах издававшиеся в Киеве со второй половины XVII века.

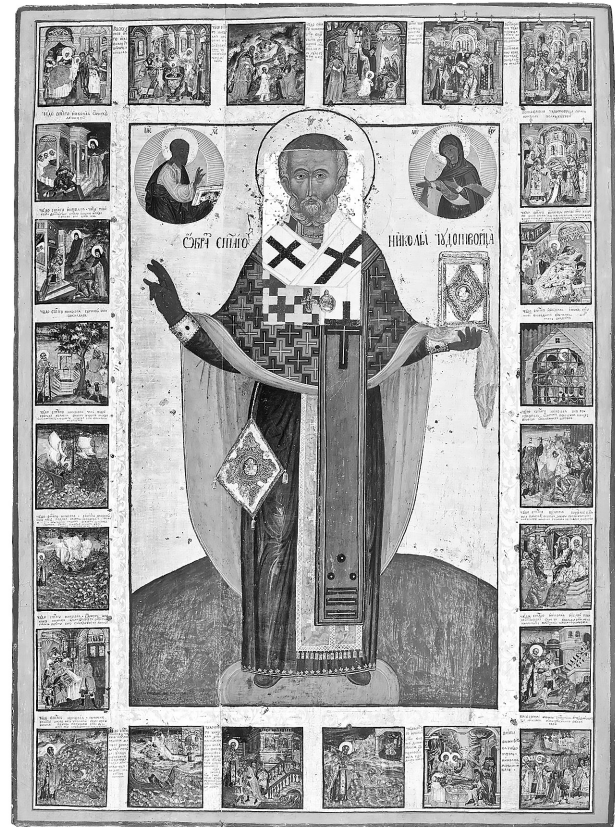

Рис. 20. СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ,
АРХИЕПИСКОП МИРЛИКИЙСКИЙ,
С КЛЕЙМАМИ ЖИТИЯ

XVI в., Кострома (средник-врезок);
XVIII в. (1776), Нерехта (поля и фигура)
Дерево, темпера. 141x104,6 см

Реставрирована до поступления в собрание

Они были очень популярны среди иконописцев Центральной России и использовались как для создания икон, так и циклов настенных росписей вплоть до первой четверти XIX века. Образцами для киевских гравёров, в свою очередь, служили работы западноевропейских мастеров, которые они, незначительно перерабатывая, делали иллюстрациями православной церковной литературы.

О художественной жизни Костромы последней четверти XVIII века дают представление три иконы из Собрания: «Успение Пресвятой Богородицы» (Рис. 21) и «Господь Вседержитель» (Рис. 22), происходящие из одного иконостаса, и «Жены-мироносицы у Гроба Господня». «Успение»

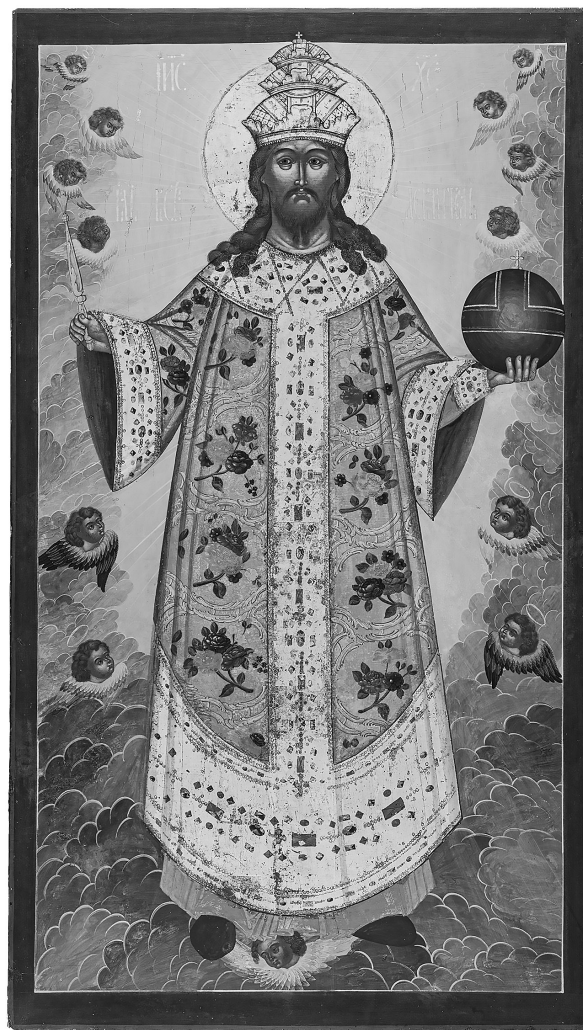

**Рис. 21. УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ
БОГОРОДИЦЫ**

Последняя четверть XVIII в., Кострома
Дерево, темпера. 107,5x61,2 см
Реставрирована до поступления в собрание

и «Господь Вседержитель» ранее находились в собрании К. Воронина и были впервые опубликованы в 2006 году (*Шесть веков русской иконы...*, 2007. С. 34. Кат. 18). Они представляют новый этап развития костромской иконописи – постепенный переход от барокко к классицизму. Композиция становится более ясной, стремящейся к симметрии, колорит высветляется, в нём доминирует чистый голубой цвет; фигуры заметно «удлиняются», становясь несколько вытянутыми, маньеристичными.

Рис. 22. ГОСПОДЬ ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ
Последняя четверть XVIII в., Кострома
Дерево, темпера. 107,4x61,4 см
Реставрирована Д.И. Нагаевым (2014)

Меняется моделировка личного письма: оно становится более контрастным, скульптурным, стремящимся к натуралистичности. Активно прорабатываются носогубные складки, морщины, контрастные высветления на выпуклых участках наносятся по густому холодному зеленовато-серому санкирю.

В иконе «Господь Вседержитель» автор останавливается не на тронном изображении Спасителя, что более привычно для иконостасных образов XVII–XVIII

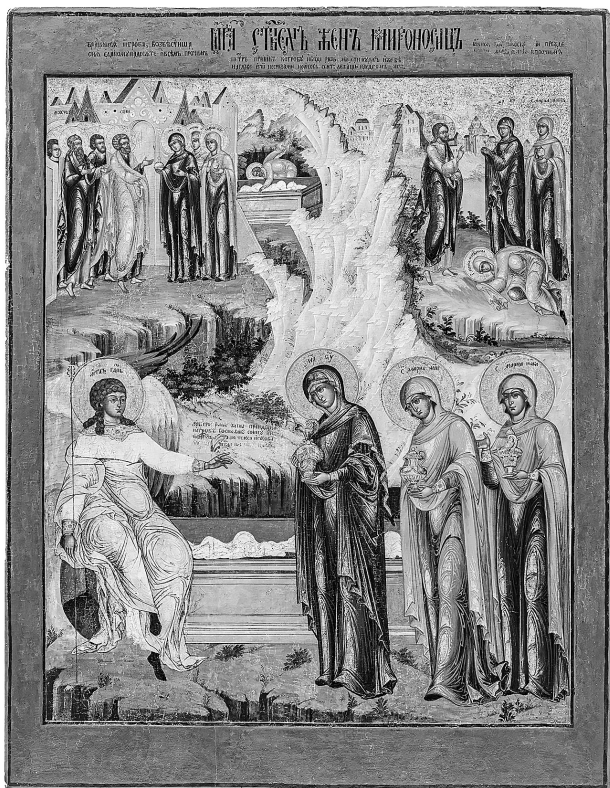

Рис. 23. ЖЕНЫ-МИРОНОСИЦЫ
У ГРОБА ГОСПОДНЯ

Рубеж XVIII–XIX вв., Кострома (?)
Дерево, темпера. 103,6x80 см

Реставрирована М.Н. Тимохиным (2008)

столетий, а на ростовом; Христос представлен стоящим на облаках в окружении ангелов. Колорит иконы «сгущается» от голубого до серого и зеленовато-коричневого оттенков, которые станут излюбленными в фонах первой трети XIX века. Ангелы изображаются в виде парящих на двух крыльях пышноголовых путти с нимбами «колечками» на европейский манер. При этом в выборе декора далматики Христа автор остаётся верным традиции барокко, украшая одежды яркими букетами роз с крупными бутонами.

Рубежом XVIII–XIX веков датируется образ «Жены-мироносицы у Гроба Господня» (Рис. 23), ранее находившийся в коллекции М. Де Буара (Елизаветина) (*Русские иконы в собрании М. Де Буара...*, 2009. Кат. 92. С. 164).

Для иконы выбран большой размер, что является редкостью для этого сюжета и свидетельствует о посвящении престола женам-мироносицам в том храме, где был товал памятник. Центральное изображение дополняется несколькими сценами, повествующими о событиях светлой седмицы. Слева вверху – жены-мироносицы сообщают апостолам о Воскресении; в центре – апостол Пётр взирает на пустой Гроб Господень; справа – явление Христа святым женам по Воскресении.

В художественном строе произведения отчётливо видно влияние классицизма. Это прежде всего проявляется в ясной строгой композиции, симметрии дополнительных сцен и сложном колорите с активным использованием пастельных холодным зелёным и охрой. Гроб Господень изображён нежно-голубым, с профилированными краями, напоминающим об архитектурных мотивах рубежа XVIII–XIX веков. Святые жены представлены стоящими в рост, на почтительном расстоянии от Ангела, восседающего на краю Гроба. Правая нога Ангела свободна, слегка приподнята, что придаёт его позе несколько вольный характер, крылья за его спиной изображены не симметрично, а во взмахе. Эти элементы в сочетании со статуарными позами персонажей указывают на свободное владение рисунком, привнесение авторской трактовки в традиционный сюжет.

На примере данного образа наглядно видна эволюция пейзажных фонов в поволжской иконе рубежа XVIII–XIX веков: горки «удлиняются» и по форме становятся похожими на кристаллы; на позёме оформляются живописные уступы и обрывы, всегда с притенением; появляются характерные сине-зелёные кустики с белильными высветлениями. Сходные мотивы обнаруживаются во многих памятниках того же времени, происходящих из Ярославля, Палеха и других крупных художественных центров России.

В целом, яркое индивидуальное начало костромской иконописи с рубежа XVII–XIX веков постепенно угасает. Тому было множество причин, главная из которых – усиление других художественных центров, прежде всего Петербурга и Москвы для представителей Господствующей Церкви и Палеха, Романова-Борисоглебска, Невьянска – для последователей старообрядчества. Отмечается и миграция костромских мастеров в XIX столетии в крупные города, где их ремесло приносило

большой доход и способствовало творческому росту. Вместе с тем следует отметить крайне слабую изученность костромского иконописания XIX – начала XX столетия. Вполне возможно, что архивные изыскания и обретение неизвестных доселе подписных и датированных икон расширят наши представления о художественной жизни поволжского региона, давшего в XVII–XVIII столетиях плеяду славных иконописцев, работы которых входят в золотой фонд русской иконописи.

Список источников и литературы:

1. Всё остаётся людям. Русская иконопись XVI–XX веков из собрания Виктора Бондаренко / Авт. вступ. ст. и каталога Н.И. Комашко. – Москва: КнигиWam, 2010. – 263 с. – ISBN 978-5-91432-023-9.
2. Дело веры и труд любви. Новые произведения из Собрания русских икон при поддержке Фонда апостола Андрея Первозванного / Автор вступ. статьи и каталога А.С. Преображенский. – Москва: Agey Tomesh, 2017. – 328 с.
3. И по плодам узнаётся древо. Русская иконопись XV–XX веков из собрания Виктора Бондаренко / Ред. Г.В. Сидоренко. – Москва: Военный Парад, 2003. – 623 с. – ISBN 5-7734-0045-6.
4. Костромская икона XIII–XIX веков: Свод русской иконописи. / Авт.-сост. Н.И. Комашко и С.С. Каткова; Колл. авт. каталож. ст.; Предислов. Г.И. Вздорнова. – Москва: Гранд-Холдинг, 2004. – 672 с. – ISBN 5-93562-020-0.
5. Нетленное наследие. К 400-летию протопопа Аввакума / Авт.-сост. И.Л. Бусева-Давыдова. – Москва: БуксМАрт, 2020. – 192 с. – ISBN: 978-5-907267-56-5.
6. Русские иконы в собрании М. Де Буара (Елизаветина). Каталог выставки / Авт.-сост.: Н.И. Комашко, А.С. Преображенский, Э.С. Смирнова. – Москва: ЗАО «ПриПресс Интернэшнл», 2009. – 367 с. – ISBN 978-5-9901336-2-4.
7. Шесть веков русской иконы. Новые открытия. Выставка из частных собраний к 60-летию Музея имени Андрея Рублёва / Авт. вступ. ст. и ред.-сост. Н.И. Комашко. – Москва: Индрик, 2007. – 208 с. – ISBN 978-5-85759-435-5.
8. Экспертное заключение № 326. ФГУК «Государственный исторический музей». Эксперт Тарасенко Л.П. // Архив Собрания русских икон при поддержке ФАП.
9. Экспертное заключение. Центральный музей древнерусского культуры и искусства им. А. Рублёва. № 33 от 4.09.2012. Эксперты Н.И. Комашко, Т.Н. Карсакова.

РАЗДЕЛ 3.
История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Левашова Л.В.

СЛУЖИТЕЛИ ЦЕРКВИ ВАРВАРЫ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ
ГОРОДА ПЛЕСА В 1628-1918 ГГ.

ЛЕВАШОВА Л.В.

*Государственное бюджетное учреждение Ивановской области
«Плесский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник», г. Плес*

Аннотация: В статье на основании опубликованных и неопубликованных источников систематизированы и сведены в таблицу сведения о священно- и церковнослужителях церкви Св. Варвары Великомученицы города Плеса. В примечаниях дается краткая характеристика события, по поводу которого упомянуты вышеуказанные лица.

Ключевые слова: священник, дьякон, псаломщик, пономарь, церковь Варвары Великомученицы, Плес.

THE CLERGY OF THE CHURCH OF BARBARA
THE GREAT MARTYR IN PLYOS TAWN IN 1628-1918.

LEVASHOVA L.V.

*State budgetary institution of the Ivanovo region
“Plyos state historical, architectural
and art museum-reserve”, Plyos*

Summary: In the article, on the basis of published and unpublished sources, information about the clergy of the Church of St. Barbara the Great Martyr in Plyos town is systematized and tabulated. The notes give a brief description of the event, related with aforementioned persons.

Key words: priest, deacon, psalmist, sexton, Church of St. Barbara the Great Martyr, Plyos.

Статья основана на печатных изданиях и архивных источниках. Особое внимание автором было уделено изучению метрических книг Варваринской церкви, а также протоколов городского магистрата города Плеса, хранящихся в Государственном архиве Ивановской области.

Данные были сведены в хронологическую таблицу, в разделе примечаний которой дается характеристика события, по поводу которого упомянуто имя служителя церкви.

Таблица 1. Служители церкви Св. Варвары Великомученицы в Плесе.

Год	Служители	Примечания
1628	?	«Церковь св. муч. Варвары на плесе на посаде дани 6 ден. Марта в 19 день на нынешней на 136 год те денги взято» (<i>Холмогоров, 1902. С. 3</i>).
1632	Священник – поп Иван.	«От царя и Великого князя Михаила Федоровича всея Руси на Плесо прикащику честному Чернцову – Бил нам челом и отцу нашему великому государю Светлейшему Филарету Никитичу патриарху Московскому и всея Руси с Плеса Земской староста Левка Васильев, да рыбных слободы староста Микитка Меркурьев и во всех посацких людей и рыбных ловцов место, и сказал: «в прошлом де 140 году августа в 20 день приехал к нам на Плесо в Рыбную слободу из разрядного приказа сыщик Семен Ларионов со многими людьми и с костромскими стражами и Плесского де Варварского попа Ивана призвал к себе на двор сковал и правил на нем вытных поклепных денег и взял с него посул а велел де тому попу бить челом нам отказы, а тот де поп Иван живет ... на Плесе изстари и воровством никаким не промышляет и язычной молки на того попа Ивана никакие нет и ныне де тот поп Иван от тех напрасных поклепных вытных дел вконец погиб ...» (<i>Список с грамоты... Л. 93-93об</i>).
1654, 1694	?	«162 г. – дани 11 алт. 4 д.; 202 г. у той ц-ви 2 дв. пп. на церк. земле нищих стариц 11 келей, в приходе рыбных ловцов 44 дв., – дани 25 алт. с деньгою...» (<i>Холмогоров, 1902. С. 3</i>).
1702	Священник – поп Алексей.	«210 г. генв. 21 выдан антиминс по благ. грам. в пригородок Плеса в новопостроенную цер. св. муч. Варвары, той же ц-ви Плеской Варварской поп Алексей, антиминс взял и росписался» (<i>Холмогоров, 1902. С. 3</i>).

**РАЗДЕЛ 3. История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и в Новое время
в свете письменных и устных источников**

1746	?	«...1746 г. – [дани. – От автора] руб. 15 ½ коп.» (Холмогоров, 1902. С. 3).
1759	Священник – Матвей Михайлов.	Священник Варваринской церкви Матвей Михайлов подписал указ о том, чтобы служащие не пропускали служб, положенных по церковному календарю (Протоколы Плесского городского магистрата, 1759. Л. 7-11).
1775	Священник Матвей Михайлов. Дьячок – Петр Ильин.	Присутствовали при межевании городских земель (План селидебной и выгонной земли..., 1775).
1782	Священник Матвей Михайлов. Дьячок – Петр Ильин.	Отмежевана территория Варваринской церкви с домами священника и дьячка (Планы участков..., 1772-1782).
1785	Священник – Матвей Михайлов.	4 июля. Сообщение Нерехтского духовного правления «о учиненной плесской соборной церкви священнику Ивану Андрееву от плесского купца Ивана Окунева обиде». По законам, определенным с духовной стороны, депутат Варваринской церкви священник Матвей Михайлов должен рассудить. Решили допросить и разобраться по сути дела (Протоколы Плесского городского магистрата, 1785. Л. 28).
1787	Священник – Матвей Михайлов. Дьячок – Пётр Ильин. Пономарь – Иван Матвеев.	Дело о росписании кварталов города Плеса и домов на 1787 год. «Описание учиненное господином городничим премьер майором Иваном Ивановичем Клементьевым. А именно: Город Плес в силу высочайшего указа разделен на 2 квартала. Во втором квартале. Варварская улица. В ней церковь Святой Варвары Великомученицы с приделом Святого Николая Чудотворца, деревянные. Церковнослужительских домов: Священника Матвея Михайлова. Дьячка Петра Ильина. Пономаря Ивана Матвеева...» (Описание города Плеса 1787 г.).
1792	Священник – Яков Алексеев.	12 июля 1792 года священник Варварской церкви Яков Алексеев по неимению собственного дома в 19 квартале близ церкви на церковной земле просит разрешение на постройку дома (Протоколы Плесского городского магистрата, 1790-1796. Л. 10).

1794	Священник – Григорий Михайлов. Пономарь – Иван Матвеев.	11 мая 1794 года священник Варварской церкви Григорий Михайлов в Варварской улице в 18 кв. близ Варварской церкви на церковной земле просит разрешение на постройку дома № 18 (<i>Протоколы Плесского городского магистрата, 1790-1796. Л. 31</i>). 11 мая 1794 года Варварской церкви пономарь Иван Матвеев в 19 кв. близ церкви просит разрешение на постройку деревянного дома на части земли мещанина Быбина (<i>Протоколы Плесского городского магистрата, 1790-1796 гг. Л. 32</i>).
1827	Священник – Никандр Сидоровский	Дело сиротского суда подписано священником плесской Варваринской церкви Никандром Сидоровским (<i>Дело об установлении опеки над именем умершей купчихи Матрены Трофимовны Кузнецовой, 1827. Л. 29</i>).
1843	Священник – Алексей Говоров.	Священник Варваринской церкви Алексей Говоров извещает городской магистрат о подкинутом к дому мещанина Льва Скороходова младенце (<i>Протоколы Плесского городского магистрата, 1843. Л. 83</i>).
1850	Священник – Василий Левитский.	Мещанин Иван Якимович Попов подает в магистрат прошение о выдаче свидетельства на продажу деревянного дома священнику Варваринской церкви Василию Левитскому (<i>Протоколы Плесского городского магистрата, 1850. Л. 5</i>).
1851	Священник – Василий Левитский.	Священник Варваринской церкви Василий Левитский объявляет о покупке дома с пристройкою и землею у мещанина Попова (<i>Протоколы Плесского городского магистрата, 1851. Л. 110</i>).
1853	Священник – Василий Левитский.	Магистрат рассматривает дело об отпущении беглого старика сотским Мартемьяновым и требует объяснений от Василия Александровича Зубарева о недонесении им об этом поступке Мартемьянова. Зубарев поясняет, что о случившемся узнал от священника Варваринской церкви Василия Левитского (<i>Протоколы Плесского городского магистрата, 1853. Л. 171</i>).
1854	Священник – Василий Иванович Левитский.	В приходском училище законоучитель – священник Варваринской церкви Василий Иванович Левитский (<i>Памятная книжка Костромской губернии на 1854 год, б/д. С. 76</i>).

**РАЗДЕЛ 3. История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и в Новое время
в свете письменных и устных источников**

1855-1860	Священник – Василий Левитский, дьякон – Георгий Сперанский, пономарь – Василий Зябликов, с августа 1860 г. Михаил Архангельский.	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... с 1855 по 1869 г. вкл. Л. 20, 39, 58, 83, 100, 104</i>).
1861	Священник – Василий Левитский, дьякон – Георгий Сперанский, пономарь – Михаил Архангельский, с сентября – Василий Соколов, с октября приуказный пономарь Фёдор Дружинин.	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... с 1855 по 1869 г. вкл. Л. 120, 124</i>).
1862	Священник – Василий Левитский, дьякон – Георгий Сперанский, приуказный пономарь – Фёдор Дружинин.	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... с 1855 по 1869 г. вкл. Л. 140</i>).
1863	Священник – Василий Левитский, дьякон – Георгий Сперанский, с ноября – Иван Любимов, приуказный пономарь – Фёдор Дружинин.	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... с 1855 по 1869 г. вкл. Л. 160, 166</i>).
1864-1865	Священник – Василий Левитский. Дьякон – Иван Любимов, с марта 1865 г. – Николай Соловьёв. Пономарь – Фёдор Дружинин.	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... с 1855 по 1869 г. вкл. Л. 181, 203</i>).
1866-1877	Священник – Василий Левитский. Диакон – Николай Соловьёв. Пономарь – Фёдор Дружинин.	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... с 1855 по 1869 г. вкл. Л. 244, 264, 284; Варваринская церковь г. Плеса 1870-1879. Л. 2, 22, 42, 62, 100, 116, 132</i>). «Левитский Василий Иванов, священник. Варваринской ц. г. Плеса. Соловьёв Николай Гаврилов, диакон. Варваринской ц., г. Плеса (<i>Алфавитный список священников и диаконов..., 1871. С. 50, 94</i>).

1878	Священник – Василий Левитский. Диакон – Николай Соловьёв. Пономарь – Федор Дружинин.	Информация из метрических книг <i>Варваринская церковь г. Плеса 1870-1879. Л. 148).</i>
1879- 1882	Священник – Василий Левитский. Дьякон – Николай Соловьёв. Псаломщик – исполняющий должность причетник Алексей Грудев (с марта 1779).	Информация из метрических книг (<i>Варваринская цер- ковь г. Плеса 1870-1879. Л. 174; Метрическая книга... за 1880-1889 гг. Л. 2, 30, 48).</i> «Священник Василий Иоанн. Левитский. 58. 1845 года ноября 11 свящ-ком, 1850 года января 13 з-учителем». Награжден ску- фьей, камилавкой 13 апреля 1875 г. «Диакон Николай Гаврил. Соловьёв». 67 лет, посвящен в сан 4 августа 1834г. Был судим. Наград нет (<i>Алфавитный список священников и диаконов..., 1879. С. 153).</i>
1883	Священник – Василий Левитский. Диакон – Николай Соловьёв. Причетник – Геннадий Воскресенский.	Информация из метрических книг <i>(Метрическая книга... за 1880-1889 гг. Л. 63).</i>
1884	Священник – Василий Левитский. Диакон – Николай Соловьёв. Причетник – Иван Беляев.	Информация из метрических книг <i>(Метрическая книга... за 1880-1889 гг. Л. 77).</i>
1885- 1886	Священник – Василий Левитский. Дьякон – Николай Соловьёв. Псаломщик – Александр Калинин (с июня 1886 г. – диакон).	Информация из метрических книг <i>(Метрическая книга... за 1880-1889 гг. Л. 89, 106).</i>
1887	Священник – Василий Левитский. Диакон – Александр Калинников. Псаломщик – Николай Калинников (с мая).	Информация из метрических книг <i>(Метрическая книга... за 1880-1889 гг. Л. 117, 122).</i>

**РАЗДЕЛ 3. История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и в Новое время
в свете письменных и устных источников**

1888-1891	Священник – Иоанн Троицкий. Диакон – Александр Калинин. Псаломщик – Николай Калинин.	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... за 1880-1889 гг. Л. 134, 151;</i> <i>Метрическая книга... с 1890 по 1900. Л. 2, 20).</i>
1892-1895	Священник – Иоанн Троицкий. Псаломщик – Николай Калинин, с октября 1895 – Алексей Троицкий.	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... с 1890 по 1900. Л. 36, 53, 88, 94, 96).</i>
1897	Священник – Иоанн Троицкий. Псаломщик – Алексей Троицкий, с мая – Николай Постников.	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... с 1890 по 1900. Л. 107).</i>
1898	Священник – Иоанн Троицкий (с октября – Николай Лаговский), Псаломщик – Иоанн Воздвиженский (с января).	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... с 1890 по 1900. 1898. Л. 2, 7).</i>
1899-1902	Священник – Николай Лаговский. Псаломщик – Иоанн Воздвиженский, с ноября 1902 г. – Иоанн Высотский).	Информация из метрических книг (<i>Метрическая книга... с 1890 по 1900. 1899. Л. 2;</i> <i>Метрическая книга... с 1890 по 1900. 1900. Л. 2;</i> <i>Метрические книги... за 1901 год. Л. 2;</i> <i>Метрические книги... за 1902 год. Л. 8).</i>
1903-1906	Священник – Николай Лаговский, с декабря 1906 – Василий Высотский. Псаломщик, с сентября 1905 г. диакон-псаломщик – Иоанн Высотский.	Информация из метрических книг (<i>Метрические кни- ги... за 1903 год. Л. 2; Метрические книги... за 1904 год. Л. 2; Метрические книги... за 1905 год. Л. 5-6;</i> <i>Метрические книги... за 1906 год. Л. 6-7).</i> В 1916 г. 29 июня умер заштатный протоиерей Варва- ринской церкви г. Плеса Николай Лаговский (<i>Кост- ромские епархиальные ведомости. № 15, 1916. С. 331).</i>
1907	Священник – Василий Высотский. Диакон-псаломщик – Иоанн Высотский.	По информации из метрических книг в ноябре-декабре Василия Высотского заменял заштатный священник с. Есиплева Кинешемского уезда Александр Горский (<i>Метрические книги ... за 1907 год. Л. 2, 8-9).</i>

1908	<p>Священник – Василий Высотский, затем Никифор Потапов. Псаломщик – Иоанн Высотский, с июля и. д. псаломщика Александр Беликов (<i>Метрические книги... за 1908 год. Л. 5</i>).</p>	<p>В феврале служили священник Троицкой церкви г. Плеса Константин Островский, священник Воскресенской церкви г. Плеса Иоанн Троицкий, священник Петропавловской церкви г. Плеса Павел Молчанов (<i>Метрические книги ... за 1908 год. Л. 2-3</i>).</p> <p>«Перемещены: ... с. Сунгурова священник Никифор Потапов к Варваринской ц. г. Плеса 8 февраля» (<i>Костромские епархиальные ведомости. № 4, 1908. С. 65</i>); «Варваринской ц. г. Плеса диакон-псаломщик Иоанн Высотский – диаконом в с. Высоково Юрьевоц. уезда 4 июля; ... и. д. псаломщика с. Старовоскресенского Александр Беликов к Варваринской ц. г. Плеса 9 июля» (<i>Костромские епархиальные ведомости. № 14, 1908. С. 238</i>).</p> <p>«Уволены заштат; Варвар ц. г. Плеса священ. Василий Высотский 13 янв...» (<i>Костромские епархиальные ведомости. № 3, 1908. С. 43</i>).</p> <p>Заштатный священник Варваринской церкви г. Плеса В. Высотский умер 24 сентября 1913 года (<i>Костромские епархиальные ведомости. № 22, 1913. С. 530</i>).</p>
1909	<p>Священник – Никифор Потапов (<i>Метрические книги... за 1909 год. Л. 2</i>).</p> <p>Псаломщик – Александр Беликов (до июля), Николай Фалов (с июля).</p>	<p>«Перемещены: ... псалом. Варваринской ц. г. Плеса Александр Беликов – в с. Талицы 3 июля; псалом. с. Выродков Николай Фалов – в Варваринской ц. г. Плеса 3 июля...» (<i>Костромские епархиальные ведомости. № 13-14, 1909. С. 301</i>).</p>
1910- 1918	<p>Священник – Никифор Николаевич Потапов. Псаломщик, затем диакон-псаломщик – Николай Петрович Фалов.</p>	<p>Информация из метрических книг (<i>Метрические книги... за 1910 год. Л. 12; Метрические книги... за 1911 год. Л. 2; Метрические книги... за 1912 год. Л. 2; Метрические книги... за 1913 год. Л. 2; Метрические книги... за 1914 год. Л. 2; Метрические книги... за 1915 год. Л. 2; Метрическая книга... за 1916-1918 гг. Л. 2, 20, 34</i>).</p> <p>В 1911 г. свящ. Варваринской церкви Никифор Потапов награжден скуфьей (<i>Костромские епархиальные ведомости. № 8-9, 1911. С. 96</i>).</p> <p>В 1914 г. определен «псаломщ. Варваринской ц. г. Плеса Н. Фалов к рукопол. во диакона на занимаемой вакан. 16 окт.» (<i>Костромские епархиальные ведомости. № 22, 1914. С. 575</i>).</p>

Список источников и литературы:

1. Алфавитный список священников и диаконов Костромской епархии с показанием церквей, при которых каждый из них состоит на службе. – Кострома: Типография Андроникова, 1871. – 110 с.
2. Алфавитный список церквей Костромской епархии, с показанием имен, отчеств и фамилий священников и диаконов, состоящих при оных на лицо. – Кострома: Типография Андроникова, 1879. – 230 с.
3. Варваринская церковь г. Плеса 1870-1879. // ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2.
4. Дело об установлении опеки над имением умершей купчихи Матрены Трофимовны Кузнецовой. // ГАИО. Ф. 899. Оп. 1. Д. 65.
5. Костромские епархиальные ведомости. № 13-14. – Кострома, 1909.
6. Костромские епархиальные ведомости. № 14. – Кострома, 1908.
7. Костромские епархиальные ведомости. № 15. – Кострома, 1916.
8. Костромские епархиальные ведомости. № 22. – Кострома, 1913.
9. Костромские епархиальные ведомости. № 22. – Кострома, 1914.
10. Костромские епархиальные ведомости. № 3. – Кострома, 1908.
11. Костромские епархиальные ведомости. № 4. – Кострома, 1908.
12. Костромские епархиальные ведомости. № 8-9. – Кострома, 1911.
13. Метрическая книга Варваринской церкви гор. Плеса с 1890 по 1900. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 5. Д. 64.
14. Метрическая книга Варваринской церкви по г. Плесу с 1855 по 1869 г. вкл. // ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 1.
15. Метрическая книга записи рождения, брака и смерти Варваринской церкви г. Плеса за 1880-1889 гг. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 5. Д. 63.
16. Метрическая книга записи рождения, брака и смерти Варваринской церкви гор. Плеса за 1916-1918 гг. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 5. Д. 65.
17. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церквей г. Плеса Нерехтского уезда за 1901 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 87.
18. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церквей г. Плеса Нерехтского уезда за 1902 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 102а.
19. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церквей города Плес Нерехтского уезда за 1903 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 121.
20. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церквей г. Плеса за 1904 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 140.
21. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церквей г. Плеса за 1905 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 159.
22. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церквей г. Плеса за 1906 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 175.
23. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церквей г. Плес Нерехтского уезда за 1907 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 194.

-
24. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церковей г. Плеса за 1908 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 214.
  25. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церковей г. Плеса Нерехтского уезда за 1909 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 223.
  26. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церковей г. Плеса Нерехтского уезда за 1910 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 237.
  27. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церковей г. Плеса Нерехтского уезда за 1911 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 256.
  28. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церковей г. Плеса Нерехтского уезда за 1912 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 274.
  29. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церковей г. Плеса Нерехтского уезда за 1913 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 292.
  30. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церковей г. Плеса Нерехтского уезда за 1914 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 310.
  31. Метрические книги для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших церковей г. Плеса и сел Нерехтского уезда за 1915 год. // ГАИО. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 330.
  32. Описание города Плеса 1787 г. // ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 73.
  33. Памятная книжка Костромской губернии на 1854 год. – Кострома: Губ. тип., б/д. – 111, 17 с.
  34. План селидебной и выгонной земли гор. Плеса, что прежде был пригород. 1775 г. // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. 1888.
  35. Планы участков городских селидебных и выгонных земель. г. Плес. 1772-1782. // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. 6911. – 18 л.
  36. Протоколы Плесского городского магистрата. 1759 год. // ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 6.
  37. Протоколы Плесского городского магистрата. 1785 год. // ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 57.
  38. Протоколы Плесского городского магистрата. 1790-1796 гг. // ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 97.
  39. Протоколы Плесского городского магистрата. 1843 год, 2 пол. // ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 387.
  40. Протоколы Плесского городского магистрата. 1850 год, 2 пол. // ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 426.
  41. Протоколы Плесского городского магистрата. 1851 год, 1 пол. // ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 433.
  42. Протоколы Плесского городского магистрата. 1853 год, 2 пол. // ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 452.
  43. Список с грамоты царя Михаила Федоровича на Плесе частному прикащику Чернцову по случаю жалобы на костромского сыщика Семена Ларионова. 1632 год. // ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 70.
  44. Холмогоров В.И. Материалы для истории Костромской епархии. Вып.3: Плесская десятина жилых данных церковей и пустовых церковных земель 1628-1710 и 1722-1746 гг. – Москва, 1902. – VIII, 144, VIII с.

РАЗДЕЛ 3.
История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Сергазина К.Т.

ВНЕХРАМОВЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ
СООБЩЕСТВА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ
В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

СЕРГАЗИНА К.Т.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Аннотация: В основе исследования лежит дело о купце Крупенникове 1747 года, сохранившееся в документах Святейшего Синода в Санкт-Петербурге, в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213).

Ключевые слова: Христовщина, XVIII век, православие, сектанство, религиозные практики, Кострома

NON-TEMPLE ORTHODOX
COMMUNITIES OF THE KOSTROMA REGION
IN THE MIDDLE OF THE XVIII CENTURY

SERGAZINA K.T.

Russian State University for the Humanities, Moscow

Summary: This paper examines the eighteenth-century Kostroma Christ-believers' community. It is based on the 1747 case against the merchant Ivan Krupennikov contained in the the Holy Sinod documents, in the State Historical Archive.

Key words: Christ-believers community, XVIII c., Orthodoxy, heterodox communities, religious practices, Kostroma

Внехрамовыми сообществами я буду называть религиозные группы, члены которых встречаются для совершения религиозных обрядов не на церковной территории, а в пространстве города или деревни – например, в частных домах или на кладбищах.

В качестве примера такого сообщества мне хотелось бы рассмотреть две православных общины XVIII века, которые

принято называть хлыстовскими. Это домашняя (даже семейная) община купца Ивана Петровича Крупенникова в Москве и община Анны Степановой в деревне Старой Костромского уезда. Обе они упомянуты в деле о купце Крупенникове из фонда Святейшего Синода Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213).

ВНЕХРАМОВЫЕ СООБЩЕСТВА В МОСКВЕ

В первой половине XVIII века в Москве было распространено учение христовщины, предлагавшее свой путь спасения в «последние времена». Воссоздавая учение христоверов, можно выделить следующие этапы этого пути: *сохранение до-раскольной молитвенной практики* (двоперстия и старого варианта Исусовой молитвы «Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас»); *проповедь аскезы* (молитва по ночам, пост, отказ от спиртных напитков, вероятно, восходящий к новозаветному тексту, рассказывающему о праздновании Пятидесятницы, запрет на сексуальные отношения даже в браке); *призыв к соблюдению заповедей Господних* (не красть, не лгать, не лжесвидетельствовать, не прелюбодействовать); *запрет на матерную брань*, посещение крестин и свадеб; интерпретация экстатического опыта (в том числе пророчеств) *как действия Святого Духа*. Аскетические

требования христоверов передавались на собраниях в виде кратких ритмичных формул, которые закреплялись откровениями пророков и толкованиями наставников. В некоторых общинах были свои «христы» и «богородицы» – почитаемые наставники.

Религиозная практика христовщины включала в себя общеправославные коленопреклоненные молитвы по ночам, посты, посещение богослужений и участие в таинствах, а также особенную внехрамовую практику – домашние собрания с пророчествами, молитвами, пением духовных стихов, иногда с плясками, топотом и самобичеваниями. Центром таких собраний становились в Москве монашеские кельи в крупных монастырях или частные дома.

Интересно посмотреть, как были организованы встречи участников внехрамовых сообществ, как передавалось между ними учение христовщины, какие темы были важны в проповеди.

ОБЩИНА ИВАНА КРУПЕННИКОВА

Из дела 1747 года о купце Иване Крупенникове мы узнаем еще два адреса хлыстовских собраний в Москве. Это два дома Ивана Крупенникова – под Варсонофьевским монастырем и в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Грачах.

Географически эти адреса значимы для ранней христовщины: в Варсонофьевском монастыре было две кельи (избы),

построенные там на деньги Андреяна Петрова, одного из лидеров московской христовщины, известного как «немой юрод». Сам он жил в Москве у Сухаревой башни. А в кельях Варсонофьевского монастыря проживало около 15 девиц, содержание которых брал на себя (кельи был «на его коште»). Периодически девицы принимали участие в собраниях,

которые проходили в доме Андреяна Петрова у Сухаревой башни – вместе со старицей Афросинией (Евфросинией), из того же монастыря. А церковь Николы в Грачах известна как место захоронения Ивана Суслова – одного из лидеров ранней христовщины, умершего до начала московского следствия 1733 года.

В допросе Ивана Крупенникова, схваченного в 1747 году в Петербурге по доносу одного из участников костромского дела об Анне Степановой, «почитаемой за Богородицу», говорится о том, как купец познакомился с христовщиной и с чего начались собрания в его доме. Он рано остался без отца – и его дядя Степан Савельев привез Ивана Петровича в Москву из деревни Акуловой Ростовского уезда, где жили его родители – крестьяне Борисоглебского Рождественского монастыря Сарской волости Петр Никитин и Анна Мокеева. В Москве он устроил Ивана Петровича в приход церкви Смоленской Богородицы, что на Арбате к калачнику Павлу Алексееву в работники, месяцев на десять, а потом к купцу Колюшенной слободы Савве Дмитриеву. Иван Петрович прожил у купца Дмитриева восемь лет, торговал в его лавке за Воскресенскими вороты мукою, а потом, накопив денег, снял угол в избе на Сретенке и перевез туда свою мать Анну Макевну и сестру Анну Петровну. В то время Иван Петрович был знаком с Игнатием Федоровым, «записным в раскол», то есть старовером, и с Иваном Федоровым Сайкой, портным, «оброчным крестьянином царевны Екатерины Алексеевны». В документах он назван «стариком» – и не вполне понятно, это указание на его возраст или на его монашество. Екатерина Алексеевна, сестра Петра I, умерла в 1718 году – это значит, что встреча Ивана Сайки и Ивана Крупенникова должна была состояться до этого времени (иначе он запомнил бы другую фамилию), то есть раньше, чем Ивану Крупенникову исполнилось 30 лет.

Иван Сайка учил Ивана Петровича Крупенникова христовщине, рассказывая по книгам и устно о том, как можно достичь спасения через отказ от сексуальных удовольствий. «Иван Федоров сын Сайка ему, Крупенникову, читал в книгах следующее к человеческому спасению и чтоб иметь чистоту и девство, которое чтение и на словах со изъяснением учение слушая он, Крупенников, с прилежанием, за истинную чистоту и девство принял и исполнял и ныне исполняет, а блудного грехопадения за собою не знает», – так говорит об этом Иван Петрович в своем допросе (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97об.). Через несколько лет Иван Петрович обзавелся и своим двором, и своей лавкой, и даже своими работниками, и торговал вместе с «оброчным крестьянином помещика Сомова Яковом Козминым сыном Масленниковым хлебным товаром в разных рядах» (Там же). Про Якова Козмина он рассказал, что «оной-де Яков Козмин жил по писанию святых отец» и учил его, Крупенникова, как и Иван Сайка, чтобы он «жил чистотою, послушанием, кротостью, смирением» (Там же).

С того времени Иван Петрович Крупенников начал проводить в праздничные дни и в именины матери и сестры (напомним, они обе Анны) собрания в своем доме близ Варсонофьевского монастыря. Мы видим, что он не был женат в свои 59 лет и что его мать и сестра также разделяли ценности христоверов. То есть в большей степени община Ивана Крупенникова – это домашняя, семейная община.

Иван Крупенников рассказывает в допросе, как проходили собрания христоверов: «В тех их собраниях действо было такое: во-первых, засветя свечи, молились двуперстным сложением Богу в землю и друг другу кланялись в ноги, говоря такие речи: “Простите, Христа ради, помолитесь за нас, за грешных”, и садились по лавкам мужеск пол по сторону, а женск по другую, и певали стихи многократно

протяженно, во-первых, “Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас грешных”, во-вторых, “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных” же, потом “Введенье, Введенье, откуда Дева ведена, ведена Дева с неба на землю, на земле престол ради Сына Божьего сотворен, Богородица-девица, небесная царица”, а в то время он, Крупенников, взяв белое платенце обеими руками за концы, вертелся кругом по солнцу, говоря такие речь: “Гость дорогой, батюшка родной Данила Филиппович”, “Сын Божий, помилуй нас”, “Христос воскрес”; а прочие люди говаривали

“Воистину воскрес”» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 98об.-99).

Здесь мы видим довольно типичные для христоверов того времени обряды – земные поклоны и духовные стихи, церковные молитвы и кружения, но есть и особенное: полотенце, с которым кружится Иван Петрович, упоминание Тривятого (редко встречается среди текстов молитв христоверов, хотя и типично для православного богослужения и мирянских домашних практик) и еще – упоминание имени Данилы Филипповича, в позднейшей христовщине получившего титул основателя христовщины.

КОСТРОМСКАЯ ОБЩИНА

Еще мы знаем, что Иван Крупенников принимал у себя в Москве костромичей – в частности, Анну Степанову, про которую говорили, что в деревне Старой Костромской губернии ее почитают за Богородицу. Следствие не подтвердило каких-либо ее претензий на этот статус – скорее, речь шла об оговоре, но можно утверждать, что в селе у Анны Степановой был особый статус, она была известна в том числе как «внучка» Данилы Филипповича. Их с теткой звали в деревне Старой, где был похоронен Данила Филиппович, «лжехристовыми внучатами». Анна Степанова приезжала в Москву и сам Крупенников приезжал в деревню Старую. А в его допросе мы видим упоминание Данилы Филипповича с припиской «гость дорогой, батюшка родной» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 98об.). Скорее всего, это фрагмент духовного стиха из Костромы.

При этом упоминание духовного стиха о Даниле Филипповиче идет в цепочке церковных молитв – “Гость дорогой, батюшка родной Данила Филиппович”, “Сын Божий, помилуй нас”, “Христос воскрес” (“Воистину воскрес”). Причем, слова «...Данила Филиппович» и «Сын Божий» остались на одной странице (Л. 98об.),

а «...помилуй нас» – на следующей (Л. 99). По всей видимости, такой порядок слов породил путаницу (да и «богословскую коллизию») на много веков вперед: из-за отсутствия пунктуация в тексте допроса, имя Данилы Филипповича слилось с титулом «Сын Божий» – и в риторике по крайней мере членов следственных комиссий закрепился миф об обожествлении Данилы Филипповича, который, впрочем, подкреплялся слухами из Костромы.

В деревне Старой в приходе села Криушева, где был похоронен Данила Филиппович, на кладбище, было две часовни – два сруба, куда можно было зайти. В одном из этих срубов находилась икона Богоявления с изображением Саваофа (может быть, ее отнесли туда как неканоническое изображение, а, может, по каким-то другим соображениям, не очень понятно) и в ней можно было молиться. По описанию часовня напоминает небольшие северные часовни, находящиеся на памятных или почитаемых местах.

О часовнях на могилах своих предков Анна Степанова в своем допросе рассказывает так: «Над отцом-де ее умершим Стефаном Якимовым, который погребен в том селе Криушеве при церкви над

могилою, с позволения бывшего в Костромском Богоявленском монастыре архимандрита Иова построила она деревянный обруб с покрышкою и для хождения в тот обруб сделаны дверцы небольшие, тако ж и над могилою дедовой и матери ее сотворен такой же обруб, а кем, не помнит» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 9об.). Обе часовни находились на церковном кладбище, а не в лесу, и это были не просто сени, а именно часовенки, в которых «отправляли большие панихиды». В деле однажды называют эти часовни «гробницами» – и упоминают, что внутри находились иконы: «Иоанн Предтеча, на нем вверху изображен Господь Саваоф, благословляющая рука изображена с двоеперстным сложением» (видимо, икона Крещения или ее фрагмент), «Богоявление Господне, на котором благословляющая рука с двуперстным сложением» (вторая икона Крещения).

Эта отсылка к празднику Крещения и к фигуре Иоанна Крестителя как одного из главных героев этого события, кажется, мне любопытной. В более поздней христовской ритуалистике и Крещение как праздник, и крещенские тропари имели особое значение. Кроме того нужно отметить, что на иконе было изображение Саваофа – ведь именно с Саваофом народные легенды отождествляют Данилу Филипповича как легендарного основателя христовщины – и вдруг именно эта икона на его могиле. Причем, я уверена, что здесь первична именно икона – сначала этот конкретный предмет появился в часовне, а уже потом возникает легенда, которая, может быть, и вовсе никак не связана с этой могилой, а может быть, связана непосредственно – как память о месте и о человеке.

О себе Анна Степанова рассказала в допросе, что она «в жизнь-де свою с малолетства исповедуется и святых тайн приобщается повсегодно и крестное на себе знамение изображает троеперстным сложением, и в церковь божию для слушания божественного пения в воскресные и праздничные дни приходит, а раскольства никакого не творит и не знает и с раскольническими учителями и прочили раскольниками не знается, и в дом к ней сторонние разные люди никто приездом не бывает» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 9 – 9об.) и что «такового к ней почитания, что ей молятся и почитают за богородицу, ни от кого не слыхала и сама таким званием она не нарицается, и моления ей никто не приносит, и грамоте и писать она не учена и не знает» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 9об.).

Следствие подтвердило, что «суетерия за помянутою девкой Анной не оказалась» и что она была «на добрые и вероятные поруки освобождена». Позднее выяснилось, что в ходе следствия 1747 года Анна, «по усмотрению присутствующих, явилась к болезни, к тому ж она оказалась в безумии и расспрашивать ее никак не можно» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 7). В ходе следствия Анна Степанова, которой было чуть больше 60 лет, умерла. Может ли для нас констатированное следствием «безумие» Анны Степановой быть указанием на возможное почитание ее как юродивой, вопрос открытый, но что можно сказать точно – эта женщина привлекала внимание своих соседей. Связана ли эта популярность с ее вероятным родством с Данилой Филипповичем или с ее набожностью, открытостью или закрытостью, с какими-то ее душевными качествами или образом жизни, не ясно.

Распрос купца Крупенникова

(РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97-99. Рукопись.)

Февраля 15 дня [1747 года] означенный Иван Крупенников в роспросе винился и сказал: от роду ему пятьдесят девять лет, грамоте и писать не умеет, отец его Петр, Никитин сын, и мать Анна Мокеева Борисоглебского Рождественского монастыря Сарской волости деревни Акуловой были крестьяне и в прошлых давних годах оной отец его умре и погребен в Ростовском уезде в селе Павлове при церкви Иоанна Предтечи, а каким попом, не упомнит, для того, что он, Крупенин, по смерти его, отца своего, остался один быть, из того ж уезду деревни Кучеры крестьянином, а своим дядею Степаном Савельевым свезен в Москву и отдан в приходе церкви Смоленской Богородицы, что на Арбате, к калачнику [которой умре] Павлу Алексееву и жил у него в работе десять месяцев и оные месяцы пожив, помянутым же дядею своим Степаном отдан купцу Конюшенной Овчинной слободы Сав[в]е Дмитриеву и жил у него восемь лет, торговал от него в лавке за Воскресенскими вороты мукою, брал по два рубли на год, и отжив оные годы, нанял он, Крупенников, на Стретенке у артиллерийского извозчика Артема, а чей сын, не упомнит, у свояченицы Федосьи Петровой угол и с матерью своею Анною Makeвной и с сестрою Анною же Петровой жил года с два, торговал от означенного купца Дмитриева по трети: вышеписанной-де Сав[в]а Дмитриев и товарищ его [Л. 97 об.] записной в раскол Игнатий Федоров; и живущий у означенной Федосьи Петровой в той же избе, где он, Крупенников, с матерью и с сестрою жил, старик – государыни царевны Екатерины Алексеевны оброчной крестьянин

Иван Федоров сын Сайка (который шил портное) – ему, Крупенникову, читал в книгах следующее к человеческому спасению и чтоб иметь чистоту и девство, которое чтение и на словах со изъяснением учение слушая он, Крупенников, с прилежанием, за истину оную чистоту и девство принял и исполнял, и то и ныне исполняет, а блудного грехопадения за собою не знает, и отшед от показанной женки Федосьи Петровой, построил на дворе артиллерийского колокольного и пушечного мастера Ивана Моторина собственную свою избу и с вышеписанною матерью своею и с сестрою жил в той избе, например, лет с десять, торговал с оброчным крестьянином помещика Сомова, а какого чину, не знает, с Яковом Козминым сыном Масленниковым хлебным товаром в разных рядах, а оной-де Яков Козмин жил по писанию святых отец, которой Козмин, також и помянутой Сайка учили его, Крупенникова, означенному, и чтоб жил чистотою, послушанием, кротостью, смирением, и пожив оные годы позади Варсонофьевского монастыря в переулке купил он, Крупенников, свой двор [Л. 98] и жил года с четыре, а в те годы жили у него в работниках разных помещиков крестьяне, а кто именно и каких волостей и деревень, не упомнит, торговали в разных рядах хлебом, и оный свой двор продал и купил свой же двор в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Грачах, в котором живет и поныне; а в означенное позади Варсонофьевского монастыря его, Крупенникова, житье в праздничные дни и в именины матери и сестры его Анны, по его, Крупенникова, позволению чинены были собрания обоого

пола людей, и собирались на те собрания кроме бывших в тех же собраниях матери и сестры его, например, человек по десяти – по двадцати, а иногда и по пяти – сколько когда собиралось, а именно: вышеписанные Яков Козмин, Иван Сайка, отставной солдат Петр Григорьев, церкви Иоанна Богослова, что в Бронной, из богадельни старик, а ему, Крупенникову, дядя в четвертом колене Федор Леонтьев, оброчный крестьянин Антон Елистратов, крестьяне же Лопухиных, а которого, не знает, Петр Данилов, Семен Федоров, Масленниковы два брата, оба, Иван Андреев, артиллерийские служители Михайла Мартьянов, Сергей Нифонтов, женки Марфа Федорова, Прасковья Иванова, девка Аграфена Петрова, Матрена Володимерова и сверх он и другие [Л. 98 об.], а кто именно, не упомнит, и оные все, кроме Нифонтова, померли, а Нифонтов, где имеется, не знает, и в нынешнем-де его дворе чинены были таковые ж собрания и собирались, кроме вышеписанных Якова Козмина, племянница его, Козмина, Лукерья, Козмина крестьянин Масленник Федор Иванов с сестрою родной Лукерьей да в дальней колене Федосьей, калачник, крестьянин Василий да Леонтий Егоров, женка Анна Иванова, второй гильдии купца Ивана Федорова жена Антонина Калинина, и в тех их собраниях действие было такое:

во-первых, засветя свечи, молились двуперстным сложением Богу в землю и друг другу кланялись в ноги, говоря такие речи: Простите, Христа ради, помолитесь за нас, за грешных, и садились по лавкам мужеск пол по сторону, а женск по другую, и певали стихи многократно протяженно, во-первых, Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас грешных, во-вторых, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных же, потом Введение, введение, откуда Дева ведена, ведена Дева с неба на землю, на земле престол ради Сына Божьего сотворен, Богородица-Девица, небесная царица, а в то время он, Крупенников, взял белое платенце обеими руками за концы, [приписано сверху строки: трясса] вертелся кругом по солнцу, говоря такие речь: Гость дорогой, батюшка родной Данила Филиппович, Сын Божий, [Л. 99] помилуй нас, Христос воскрес; а прочие люди говаривали Воистину воскрес, а в какой силе оные слова говорил и сверх того какие еще в тех же их собраниях действия чинены были, о том оной Крупенников сказал, что об оных обоих и о всем показанном без отпирательства объявит он в Святейшем правительствующем Синоде и ничего не утаит и чтоб в оной Святейший Синод он, Крупенников, был отпущен.

Список источников и литературы:

1. О строителе Богословской пустыни Московского уезда иеромонахе Дмитрие Гусеве, княжне Дарье Хованской и людях ее Ивана Савельеве, Сергее Никифорове, Василии Егорове и Аксинье Петровой по обвинению в бытии на сборищах, 21 марта 1745 год // РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 24.
2. Об открывшейся в Москве секте хлыстов. // РГИА. Ф. 796. Оп. 118. Д. 1291.
3. По доношению комиссии оказавшихся в квакерской ереси людях, в том числе и о купце Крупенникове, 26 августа 1747 года. // РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213.
4. Показания некоторых хлыстов, взятых в Москве, в сборище, в 1837 году. // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70.

РАЗДЕЛ 3.

История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Панченко Г.В.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ ИЗ СОБРАНИЯ ПЛЕССКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

ПАНЧЕНКО Г.В.

*Государственное бюджетное учреждение Ивановской области
«Плесский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник», г. Плес*

Аннотация: Статья впервые знакомит с двумя старообрядческими посланиями, написанными в 1900-е годы неизвестным старообрядцем – предположительно, начетчиком или наставником бегунов – неизвестному адресату. Текст посланий частично цитируется.

Ключевые слова: послание, бегуны, странники, секта, старообрядчество, 1900-е годы.

OLD BELIEVE MESSAGES FROM THE FUNDS OF PLYOS MUSEUM-RESERVE

PANCHENKO G.V.

*State budgetary institution of the Ivanovo region
“Plyos state historical, architectural
and art museum-reserve”, Plyos*

Summary: The article introduces for the first time two epistles of the Old Believers, written in the 1900s by an unknown Old Believer – presumably a teacher or mentor of runners – to an unknown addressee. The text of the messages is partially quoted.

Key words: message, runners, wanderers, sect, Old Believers, 1900s.

В коллекцию Плесского музея-заповедника поступили старообрядческие послания, представляющие большой интерес для изучения взглядов старообрядцев начала XX века.

Первое из них озаглавлено словами «Христианское краткое послание желающим в познание прити». Под верхней строкой проставлена дата – 7416 (1908) год 24 декабря. Послание составлено на двух листах тонкой бумаги размером 35,5х22,0 см. Обе стороны каждого листа заполнены мелким рукописным текстом, написанным на церковно-славянском языке, в основном черными чернилами, в два столбца. Столбцы разделены вертикальной чертой. Первые три строки, заглавная буква и вертикальная черта, отделяющая столбцы, выполнены красными чернилами. На обороте второго листа текст занимает только верхнюю часть первого столбца. Автор текста не называет ни себя, ни своего адресата. В приведенных ниже цитатах из посланий сохранены орфография и пунктуация автора, цифирь заменена цифрами.

Судя по содержанию, послание написано в ответ на переданное через третьи руки послание неизвестного, именуемого в тексте «имярек», с вопросами, на которые адресант дает ответ, ссылаясь на Евангелие, Апокалипсис, «Цветник», «Зерцало душезрительное», «Толкование на книги пророков Даниила, Осии, Иоилия» преподобного Иеронима Блаженного Стридонского, «Книгу о вере единой истинной православной» (1644 г.), «Беседы на деяния Апостольские», «Послания св. апостола Павла», «Русский раскол старообрядчества» А. Щапова (1859 г.), произведения Афанасия Великого, книгу Севаста Арменулуя и пр.

Автор сетует на то, что «внешнее горько плачевное время царства антихристово трудно зело обрести и разделить истинну от прелести, странствующих христиан отшедших и скрывшихся исподвласти антихриста, и его образа начертания. от странствующих сопеловских; Но имущим

ум в егознание удобно могут разумети антихриста и его начертания образа» (*Христианское краткое послание...*, 1908. Л. 1. Ст. 1). Он указывает на то, что сопеловский наставник Никита Семенов неправ в том, что «антихрист не есть видимаго существа но дух прелести и мечтательную плоть имети» (*Там же*. Л. 1. Ст. 1). Автор послания утверждает, «что антихрист есть человек на царской власти устроивый осую манархию в 1722 году в с, петербурге императорскую, атеперь должно узнать его образ начертания; и икона коя посвидетельству святого писания имать распространяться в куплях и продаваниях» (*Там же*. Л. 1. Ст. 2). Изображение антихриста, по утверждению автора послания, содержит деньги или цаты, как он их называет. «Наше христианское православное верои споведание цаты нетого ради не принимаем что злата и серебра и других металов богом сотвореных гнушаемся которыя могут вовсякия вещи употребляются, даже и в христианския потребности. Но того ради отмечаем нынешняя цаты; ради почести антихристово образа кой изображен на всех деньгах образ его личности, и пишется имя его посвидетельству апок зач. 38 нарицательное исобственное, сиречь господственное /нарицательное как то ныне николай, а /господственное/ император/ тако по свидетельству божественаго писания, приемлюще образ царский, принимает в том исамаго царя» (*Там же*). «... сия цаты сотворены в честь ложнаго бога их антихриста с двуглавым орлом, который дан бысть Петру первому. первая глава означает данная ему власть змием сатаную, а вторая зверева, соединены воедино державу под единою кароною пребывающия, яко даде ему змии силу свою и престол, а среди орла наконце сидит сам петр первый» (*Там же*. Л. 1об. Ст. 1).

Автор послания осуждает смену летоисчисления: «Якоже сия ислучилось наросии, устроил петр 1-й лета христовы истребил, аложныя проявил, повел летоисчисление от симона волхва с 5508 год,

так в закон и во обдержность предал с великим наблюдением повеле оное хранити. Но мы видим и разумеем за великое повреждение, то что антихристом сотворено, и заздравое и право не признаем и ложные годы отрекаем тако же и деньги его с портретом и дву главым орлом и ложным годам отвергаем...» (Там же).

Автор отвечает на вопрос своего адресата «покаким книгам можно молится что бы не было погрешно. ... наше чиноположение такое, что книги употребляем в богослужение точию те котория печатаны были прежде приблагодестивых патриархах, а нынешних переводов разных печатей непринимаем в богослужение, запроизводство иработу нечестивых опасаяся...» (Там же. Л. 1об. Ст. 2).

Об иконах автор поясняет, что «иконы писанныя порасколе церковнем еже греком с римляны неподобает принимати аще изело искусно и хитро воображены. ... ноточию желательню и приятно отеческия иконы принять на поклонение» (Там же. Л. 2. Ст. 1).

О крещении автор отвечает: «...наши патриархи бывшии собор прифиларете московском.) всякаго еретика повелевает крестити. Также наши пре<утрата> как то павел епископ коломенский, макарий 3ий митрополит новгородский, маркел епископ вологодский иалександр епископ вятский. истефан в нифантьев духовник царский, протопоп аввакум испиридонии потемкин и Корнилии инок ипрочии остальцы блюстители соборныя апостольския церкви бывшим своим собором никониян проклятию предаша, и всех отступлющих от них кстарообрядчеству повелеша перекрещевати ...» (Там же. Л. 2. Ст. 2).

Послание не закончено, прерывается в начале фразы.

Судя по содержанию текста, его автор является не рядовым старообрядцем, а начетчиком, т. к. цитирует многочисленные издания с указанием листов, приводит различные точки зрения на интересующие его визави темы. В тексте упоминаются

видные деятели старообрядчества: сопеловский наставник Никита Семенов, начетки секты Спасова согласия Андрей Афанасьевич Коновалов, Аввакум Онисимович Камисаров (*Книга... именуемая Вечная правда... Л. 1а*).

Второе послание, написанное тем же почерком на листах того же размера, что и первое, начинается словами «Господи Иисусе Христе сыне Божий помилуй нас». На двух листах тонкой бумаги с обеих сторон каждого листа – мелкий рукописный текст на церковно-славянском языке в два столбца, разделенные вертикальной чертой.

Второе послание так же, как и первое, написано в ответ на послание с вопросами неизвестного. Судя по более свободному стилю и некоторым лингвистическим и орфографическим вольностям, оно написано после первого.

Автор осуждает старообрядцев иных толков: «Но как видится ныне живущая все секты под властью сего зверя, имут всякая секта свое наименование: как то поморцы, федосиевы, филиповы, викуловы, даниловы, австрицы, спасовы, нетовщина, ився сия секты приписуются сами изаписаны всектантское именованье в велиарския дявольские книги; иниедина сектантская душа неизыдет сего записания живущии налице земли; и некак невозможно быти христианину ицеркви христовой подвластию антихристовой налице земли живущу исоблюсти веру неповреждену» (*Господи иисусе христе..., 1900-е. Л. 1. Ст. 1*).

Автор продолжает: «Зри сие ясныя доказательства, что христиание будут в бегстве находится излостраданиях досамаго суднаго дня, А сектанты кои находятся налице земли, те никакого бегства неимут; и в падшем вавилоне подвластию антихриста находятся, инеслышат ангельскаго гласа из града бежати завещавающаго» (Там же). «Зри разумно в которой секте, что бы церковь и церковныя предстатели поплевали гражданския плищи исмятения имирския сласти; А наипаче ли сами

те все сектанты живущия посреде вавилона ивсякия гражданския заведения держаще, а глаголют антихрист царствует, то таковы подобает все время жити и творити, святой ефрем сирийский пишет слово 105: егда услышат сквернаго пришествие пролиют реки слез и побегнут сотщанием великим в горы ивертепы искрыются от лица его. тоиже ефрем пишет, егда змий воцарится не будет на земли покоя. Зде вонми разумно. нерече, святой, что егда приидет антихрист, то будут святые посреде вавилона имущия фабрики ивсякия инья заведения подвластию антихриста. И все святое писание доказует что налице земли подвластию антихриста небыти церкви и христианству; Но бегственное житие имущее в не града своего жительства» (Там же. Л. 1. Ст. 2).

Автор послания высказывает предположение о своем адресате: «...якоже вы, имярек пишете что посреде суетнаго сего мира будет христианство соблюдаться. хотя вы искрытно пишете о своем вероучении вкакую секту вы записаны у антихриста; Но видно из вашего писма; что разум у вас будет сходствен с коноваловым спасова согласия, который признает антихриста, вообществе всех еретиков; и церковь среди их имать пребывати» (Там же. Л. 1об. Ст. 1). Неизвестный сетует: «Но всего написме невместимо отписати нашего христианскаго вероисповелания скрывшихся с лица земли исподвласти антихриста и его ревискаго описания в велиярские книги в сектантское именованье» (Там же. Л. 2. Ст. 1).

Подробно дается ответ о вопросах брака и делается умозаключение: «Так: любезной друг имярек, таинство брака не будет воантихристово время, хотя и будут совершатся браки, но безчинья яже именуются блуническия; даже досамаго судняго дня продолжатся имут; ацерковь бобегнет отпрелести мира сего имущее девственное житие ибезбрачное; по свидетельству иосифа флавия ипрочих, ибудет пребывати вне сего мира ипрелести

антихристовой. Тако относимся мы к тайне брака имущия быти водни антихриста» (Там же. Л. 2. Ст. 2 – Л. 2об. Ст. 1). Автор в эмоциональном порыве восклицает: «Слава давшему ми крепость, слава умудрявшему мя написати малое сие посланице. Слава наставльшему мя напуть спасительный. отцу и сыну и святому духу единому в творце славу возсылаем ныне иприсно и вовеки веком аминь. Аз есмь рабы бога вышняго. Благодатию бога и спаса нашего исуса христа, Мы смиреннии христиане порождении банею паки бытия искупления кровию христовою отсмерти и греха; живущии вне сего мира икрыющесе <неразборчиво> змия врага рода христианскаго, держаще исоблюдающе веру яже во христа исуса проповеданую святыми апостолы исвятыми мученики засвидетельствованую, яже пострадавшия задревнее содержание благочестия христианския веры. От никона патриарха и его приемников а на ипаче отзлокосненнаго врага сына сатанина, Петра Перв. который гоня имучя всех христиан доконца память их истребляя. итогда христиане разбежались повсем странам и местам нехотяще повинутися ипокоритися антихристу сыну сатанину царствующу на двух властях царской и святительской. сего исповедания имы грешнии держимся вне мира живущии и антихристу неповинующися обогащенному князю тмы века сего избегшия начертания имени и образа его неприемшия пагубныя печати его. находящиися под покровительством Всемогущаго бога испаса нашего исуса христа и пречистыя владычицы присно девы марии во укритии живущии» (Там же. Л. 2об. Ст. 1).

Заключительная часть письма, также очень эмоционально написанная, посвящена милостыни: «прошу аз, творите милыстыню; и господь помилует инепрогневается, яко есть человеколюбив и устроит вся яко восхощет; прол. мал. воистину братье велик есть предбогом муж милостивый. милыстыня же есть егда слюбовию бывает идобрым изволением.

немни яко даяй неприобретая благодать, новелию ползу прилагая. недаяйже ничтоже себе приобретае, токмо погибель. Слышати же достоин исе, яко уне лутче есть нетворити добра, нежели сотворив унывати иоскорблятися (то есть жалети) почто скорбиши человеце, егда ненадеешия от бога воздаяния; во истинну умножитетися злато на небеси; но здели хочещи воздаяния то почто остави милостыню; милостынею бо анекуплею, мнози zde восприяша. но восприеших zde неблажим небудет бо мзды боле она, zde радующиися восприятию. ибо христос нетако дает титамо мзду, пострадавый заны кровию. темже неиспытуй дая милостыню: но повеленое ти твори совсяцем тщанием; наипачеже вбеде сущим руку помощи подай. ащелиже имужеубийца есть или разбойник: но понеже просит хлеба бога ради, дай ему, вемы бояко вмениттиса вомзду, но убо владыка своим солнцем осия и равно стобою. тыже дневныя пищи недостойна судиши и (его) темже и неистязай, яко христа ради приемлеша и ащели невсех помиловати хочещи, искусна избираеша глаголя, тем попекуся точию, аоонех небрегу, се ничтоже велие новелие убо аще узриши зле страждущаго, помилуй его, даиты сподобишися от бога милости. Аще же хочещи испытovati, тако и бог творити имать онас да от вышняго его человелюбия отпадем. темже аще где видиши, немни, помилуй его. разумеи яко человек же есть истогаже естества рожден. милостыня от всякаго греха и смерти избавит; елико

можеша толико буди милосерд» (*Там же. Л. 2об. Ст. 2*). На этих словах второе послание прерывается.

Второе послание проясняет воззрения, которых придерживается его автор. Судя по содержанию текста, он принадлежит к секте бегунов (странников), является начетчиком, хорошо знакомым с Евангелием, Апокалипсисом, «Цветником», произведениями Ефрема Сирина, «Победной повестью христианской религии (1799) Юнг-Штиллинга, «Мессией правдивым» Иоаникия Галятовского, «Беседами на евагелие от Матфея» Иоанна Златоуста и другими книгами, на которые ссылается. В тексте второго послания перечисляются современные автору старообрядческие секты, упоминается начетчик секты Спасова согласия Коновалов.

Проясняется несколько и личность самого автора. Слова «пан» (хозяин), «як» (как), «кштальт» (образ), «але» (или, либо, разве) указывают на происхождение автора послания из западных губерний Российской империи – Волынской или Подольской.

Источники, которые представлены в этой статье, несомненно, являются уникальными памятниками старообрядческого эпистолярного жанра, позволяют узнать о воззрениях одной из самых засекреченных и скрывающихся от государства сект непосредственно от ее начетчика или наставника, имя которого пока неизвестно. Хорошая сохранность документов делает возможным их использование в исторических экспозициях.

Список источников и литературы:

1. Господи исусе христе сыне божии помилуй нас. 1900-е. // Коллекция Плесского музея-заповедника. ВХФЗК 24013/16.
2. Книга... именуемая Вечная правда... Ответы Аввакума Онисимова Камисарова на восемь вопросов миссионера Ярославской епархии Николая Игнатьевича Косаткина... 1895 года. // РГБ. Ф. 242. Д. 182.
3. Христианское краткое послание желаящим в познание прити. 1908. // Коллекция Плесского музея-заповедника. ВХФЗК 24013/16.

РАЗДЕЛ 3.
История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Бутрин Е.С.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ ГОРОДА ЮРЬЕВЦА
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ

БУТРИН Е.С.

ГБУ ИО «Государственный архив Ивановской области»

Аннотация: В статье рассматривается процесс социально-экономического развития г. Юрьевца Костромской губернии в период с конца XVIII до середины XIX в. Автор анализирует причины упадка в городе ремесла и торговли, слабого развития фабричной промышленности

Ключевые слова: г. Юрьевец, волжская торговля, купечество, судостроение, бурлацкая работа.

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF YURIEVETS TOWN AT THE END
OF XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURIES

BUTRIN E.S.

State Archives of the Ivanovo Region

Summary: The article examines the process of socio-economic development of Yuryevets town, Kostroma province in the period from the end of the 18th to the middle of the 19th centuries. The author analyzes the reasons for the decline of crafts and trade in the city, the weak development of the factory industry.

Key words: Yuryevets, Volga trade, merchants, shipbuilding, burlak work.

В XVII в. г. Юрьевец являлся одним из важнейших волжских торговых центров. По сведениям Я.Е. Водарского, к последней четверти XVII в. он превосходил по численности населения ближайшие крупные города Кинешму и Нерехту, не говоря уж о таких скромных поселениях, как Плес и Пучежская слободка. Писцовые книги И.А. Желябужского в марте 1676 г. зафиксировали в городе 181 тяглый посадский двор, 156 нетяглых дворов – нищих, бобыльских и вдовьих, 23 двора служилых людей, а также два монастырских подворья и двор купца Гостиной сотни. В городе активно развивалась торговля – на площади располагалось 84 действующих объекта, еще 21 лавочное место пустовало. Имелись в Юрьевце также 19 кузниц и 9 «кузничных мест». Город был центром управления дворцовыми волостями, в связи с чем в нем имелся государев двор рыбного приема, три конюшенных двора, два «въезжих» двора и две богадельни (*Писцовые и межевые книги...*, 1912. С. 139–141, 154, 156). На рубеже XVII–XVIII вв. Юрьевец продемонстрировал положительную демографическую динамику – численность мужского населения в нем увеличилась с 884 до 990 чел. (*Водарский, 1966. С. 271–281*).

Но в течение XVIII в. торговое значение Юрьевца постепенно снижается. По данным М.Д. Чулкова, в последней четверти XVIII в. в городе имелось «купечества 885 душ». Вопреки мнению С.А. Винокурова (*Винокуров, 1994. С. 34*), речь здесь явно идет о городском населении в целом, до его разделения на купечество и мещанство по Екатерининскому манифесту от 17 марта 1775 г. Жители города приобретали в низовых городах хлеб, шелк, мясо, сало, кожи, овчины, овощи и съестные припасы. Часть этих товаров, вместе с выделанными непосредственно в Юрьевце холстом и пряжей, поступала в другие города империи. Наиболее предприимчивые промышленники

занимались транзитной торговлей – на больших и малых судах поставляли из низовых городов вверх по Волге соль и хлеб. Ярмарок в городе не было, зато проводилось два «недельных базара» – в понедельник и четверг. В эти дни уездные крестьяне привозили в Юрьевец на продажу лес, хлеб, съестные товары, сено и посуду (*Чулков, 1786. С. 174, 297, 298*). Аналогичный спектр торгово-промышленных занятий юрьевецких горожан отражает их наказ в Уложенную комиссию от 23 марта 1766 г. Исходя из этого документа, основным занятием юрьевецкого купечества к этому периоду являлось судостроение и транзитные поставки хлеба. Торговля другими товарами имела для горожан явно второстепенное значение (*Наказ от гражданства...*, 1911. С. 45–48).

Отсутствие в городе ярмарки и торговой пристани к концу XVIII в. фактически замыкает юрьевецкую торговлю в рамках уездной округи. Наиболее успешные промышленники инвестируют капитал в судостроение, обещавшее солидные барыши при исполнении подрядов на поставки хлеба по волжскому пути, а городские низы в летний сезон поголовно занимаются бурлацкой работой, лишь зимой возвращаясь к «природным ремеслам». Все это не способствует развитию городской промышленности. Тем не менее, численность юрьевецкого купечества после городской реформы Екатерины II (апрель 1785 г.) постепенно повышается. Если по ревизии 1781 г. в мещанских семействах Юрьевца числилось 747 чел. м.п., а в купеческих – 19 чел. м.п., то к следующей ревизии в июне 1794 г. – уже 635 чел. в мещанстве и 55 чел. – в купечестве (*ГАИО. Ф. 938. Оп. 2. Д. 5. Л. 2–3*). Все купцы относились к низшей – 3-й гильдии. Подробные сведения о торговле и промышленности города Костромское губернское правление собирало в июне – октябре 1799 г. Городская дума сообщила, что юрьевецкое «купечество и мещанство летом упражняется

некоторые в водоходстве, а зимою при строении в здешнем городе судов в плотничьей работе». Среди ремесленных профессий назывались серебряники, медники, столяры, резчики, портные, шапошники, рукавишники, чеботари, крашенинники, слесари, кузнецы и кирпичники. Женщины «упражнялись» также «в прядении пряжи и ткани холстов» (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1650. Л. 8–10).

Юрьевецкие купцы торговали исключительно с окрестными крестьянами – «шелковыми товарами, сукнами, холстами, пряжей, мясом, кожей, салом, маслом, сальными свечами, мылом и тряпьем». Торг происходил на понедельничных и четверговых базарах, когда в город прибывали жители уезда «для продажи хлеба, скотины, кож, масла, сукна, овчин, холста, льну, пряжи и прочего крестьянского поделья, а зимой и разных лесных потребностей». Вследствие этого гостиного двора в Юрьевце не было, зато число лавок было достаточно значительным – 143 (количество действовавших в ведомости не указано). В городе имелся также купеческий герберг (постоялый двор), 7 питейных домов, 2 пивоварни, 2 казенных соляных лавки, 378 купеческих и мещанских домов, а также 19 кузниц (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1650. Л. 20–21 об.). Их количество полностью совпадает с данными писцовых книг 1676 г., что позволяет сделать вывод о преимущественно традиционном и наследственном характере ремесленных занятий юрьевецких мещан. Городские лавки делились на четыре торговых ряда – мясной; шелковый; овощной и москотильный; мыльный и тряпный. Годовой оборот овощного ряда составлял 10 тыс. руб., шелкового – 8,6 тыс. руб., мыльного – 2775 руб., мясного – 2 тыс. руб. (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1651. Л. 4–12 об.).

Как видим, несмотря на наличие Волги, в городе отсутствовала обширная рыбная торговля. Юрьевчане добывали в волжских водах разнообразную рыбу – от

стерляди, щуки и судака до белорыбицы. Но на вывоз она не шла, а продавалась исключительно в городе, для чего даже «небольшим числом» содержалась живой в садках. Также не обрабатывались в городе лесные материалы, несмотря на наличие в юрьевецкой округе обширных макарьевских и унженских лесов – они покупались исключительно для «домашних поделок». Из пищевых продуктов в Юрьевце производилось только сало, использовавшееся для литья свеч, скотина для этого пригонялась окрестными крестьянами. Согласно показаниям старосты Мясного ряда А.П. Ситникова, в год вырабатывалось 150 пудов говяжьего сала, 30 пудов бараньего и по 5 пудов – козьего и свиного. Садов в Юрьевце также не было, имелась лишь «самая малая часть яблонь, на коих редко бывает произрастание яблоков». Лучшее дело обстояло с производством овощных продуктов (серая капуста, лук, огурцы, бобы, горох, морковь, свекла). Несмотря на уверения городских властей, что овощи эти рождаются «в весьма малом количестве» и употребляются «более для домашнего обихода», именно овощной ряд имел наибольший торговый оборот.

По данным от сентября 1800 г., жители города заготовили на зиму 120 четв. луку, 40 четв. моркови, 35 четв. свеклы, 80 тыс. огурцов и 10 тыс. серой капусты. На посев и для продажи из этого количества оставалось 30 четв. луку, 10 четв. моркови, и 5 четв. свеклы. В большем количестве продавался хмель, выращивавшийся на специальных хмельниках. В 1799 г. в городе было выращено 500 четв. хмеля, в 1800 г. – 425 четв., в 1801 г. – 560 четв. На семена и продажу в 1800 г. было оставлено 120 четв. хмеля, а в 1801 г. – 100 четв. (ГАИО. Ф. 938. Оп. 4. Д. 21. Л. 5, 12). Сохранились сказки 16 жителей Юрьевца о количестве хмеля, выращенного ими и оставленного на продажу (от 11-17 сентября 1800 г.). Согласно им, для личного потребления предназначалось лишь 41 четв. хмеля из

310 выращенных, так что объем предназначенного к продаже хмеля в ведомости 1800 г. явно занижен (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 34. Л. 2–6). Судя по всему, то же самое касается и других плодов юрьевицких огородов. А вот показания ведомости относительно городского скотоводства вполне подтверждаются данными о невысоком обороте мясного ряда в городе. Согласно им, скотоводство у граждан «имеется только для удовольствия самих себя, а именно у каждого обывателя по одной корове, а изредка у иных находится и по лошади, а в продаже, кроме малой части, ничего не имеется».

Но главным ремеслом горожан в ведомости однозначно называется строение «водоходных судов называемых росшив». Согласно реестру от 26 августа 1799 г., в городе на пристани имелось 8 расшив, 4 дощаника и однодеревка. Расшивы были судами длиной от 7 до 13 саж. (от 14,9 до 27,7 м), шириной от 9 до 13 арш. (от 6,4 до 9,2 м), перевозили они, в основном, соль и хлеб – казенный и «партикулярный». Эти суда поднимали на борт от 800 до 1150 кулей ржаного хлеба, общая грузоподъемность их составляла 7070 кулей (1037 тн), ходили они все от Казани до Рыбинска (лишь одна расшива, принимавшая только 370 кулей хлеба, не спускалась дальше Нижнего Новгорода). Дощаники принимали на борт до 200 пудов хлеба (а однодеревка – 800) и использовались на реке от Нижнего Новгорода до Юрьевица и Ярославля. При этом в августе 1799 г. еще 10 расшив «разной меры и состояния» находилось в рейсе (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1659. Л. 3–8 об.). Общую стоимость юрьевицкой флотилии «староста водоходных судов» С.И. Козин определял в 6,5 тыс. руб.

По реестру от февраля 1801 г. в городе имелось 22 расшивы. Зимой строительством судов занимались 17 юрьевицких мастеров, но при этом среди них не было ни одного судовладельца.

Для постройки использовался сосновый и еловый лес, пригоняемый весной в Юрьевиц по р. Унже. Но наличие в городе внушительной флотилии отнюдь не делало Юрьевиц портовым центром. Согласно сведениям, направленным городскими властями в губернское правление в декабре 1800 г., торговой пристани и верфей в городе не было, не имелось и складов для волжских товаров. В Юрьевиц также не вела «трактовая дорога», чтобы доставлять товар сухим путем «до водяной коммуникации» (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 32. Л. 9–18). Таким образом, являясь важнейшим центром судоходного промысла, Юрьевиц фактически не был включен в волжскую торговлю.

По данным июня 1799 г., в городе имелось лишь три завода – это были предприятия по выделке кирпича мецан М.Н. Кирпичникова, Ф.С. Катанаева и М.С. Баланина, на которых трудилось всего 7 чел. и вырабатывалось в год 48 тыс. кирпича, продававшегося «на удовольствие здешнего города» и уезда. По данным заводских ведомостей 1810–1815 гг., старейшим из них был завод Баланина, начавший работу в 1746 г., в 1779 г. были открыты заводы Катанаева и М.Н. Корепанова, а в 1787 г. – предприятие Кирпичникова. Завод Корепанова очевидно, прерывал деятельность на рубеже XVIII–XIX вв., поскольку в июньской ведомости 1799 г. он не значится. Предприятия эти были технологически простейшими сооружениями. Большая часть их продукции предназначалась для кладки печей. В 1810 г. все четыре завода произвели в год всего 3 тыс. широких кирпичей (для домашнего строительства) и 48 тыс. мелких (для печной работы). Через год цифры несколько увеличились – заводы произвели 4 тыс. широкого кирпича и 65 тыс. мелкого. Но в 1814 г. производство вновь упало до прежних показателей – 3 тыс. широкого кирпича и 27 тыс. мелкого. Уже к этому времени прекратили работу заводы

Кирпичникова и Катанаева, а в 1815 г. закрылся и завод Корепанова. К концу этого года в городе остался лишь один кирпичный завод И.М. Баланина, производивший 1,1 тыс. широкого и 30 тыс. мелкого кирпича (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–18).

Значительные годовые колебания кирпичного производства на отдельных заводах свидетельствуют о неустойчивости промысла, во многом зависевшего от экономического состояния занимавшегося им хозяина. Например, завод М.Н. Корепанова в 1812 г. выработал 16 тыс. кирпича, в 1813 г. – всего 5 тыс., а еще через год вновь вернул прежние показатели. А стабильность общих показателей кирпичного производства с 1799 по 1815 гг. явно была следствием невысокого спроса на продукцию юрьеveckих кирпичных заводов в городской округе. В связи с этим кирпичное ремесло не могло принести большого дохода. В октябре 1810 г. костромской губернатор направил местному городничему предложение «о размножении заводов для выделки кирпича». Но городское общество в ответ сообщало, что никто из граждан желания устроить завод не изъявил (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–2). Более доходным оказалось кожевенное производство. В 1813 г. в Юрьевце начал работу кожевенный завод купца С.И. Шапошникова. На нем производились юфтевые белые и черные, савровые подошвенные и опойковые кожи. В 1813 г. заводом было выпущено 80 дорогих юфтевых кож и 200 дешевых подошвенных и опойковых. В следующем году число юфтевых кож выросло до 120, а дешевых кож – до 600. В 1815 г. выпуск продукции дорогих кож остался на прежнем уровне, а дешевых – вдвое снизился (до 300 кож). Но беспрецедентный рост цен на дорогую кожу позволил заводу Шапошникова значительно увеличить стоимость произведенной продукции – с 632 руб. в 1813 г. до 2500 руб. в 1814 г. и 3866 руб. в 1815 г. (ГАИО. Ф. 989. Оп. 1. Д. 15. Л. 21–22).

Число объявлявших капитал купцов в первой четверти XIX в. в Юрьевце стремительно снижается. Уже в 1800 г. в купеческих семействах города состояло всего 48 чел. м.п., а всего капитал по 3-й гильдии в Юрьевце объявили 15 купцов. В 1817 г. в Юрьевце объявили капитал всего 10 купцов 3-й гильдии (36 чел. м.п.): (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 173. Л. 12–15 об.). Значительное повышение гильдейского сбора в 1812 г. (с 1,75% до 4,25% с капитала) привело к тому, что в купечество записывались лишь лица, торговавшие в других уездах, тогда как производившие торг на юрьеveckом рынке горожане капиталов не объявляли. После гильдейской реформы Е.Ф. Канкрин (ноябрь 1824 г.) численность юрьеveckого купечества постепенно начала увеличиваться, но очень небольшими темпами. Если на 1825 г. лишь один купец объявил капитал по 2-й гильдии, а еще 5 чел. – по 3-й гильдии (41 чел. м.п.), то уже в 1826 г. число купцов достигло 9 чел. (51 чел. м.п.). Через два года численность купцов вновь снижается до 6 чел. (40 чел. м.п.), но к 1833 г. возрастает до 13 чел. (61 чел. м.п.): (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 267. Л. 3–36). Этот период явился переломным в истории юрьеveckого купечества – в его состав в массовом порядке устремляются купцы с Ивановой и близлежащих слобод. Феномен «юрьеveckого исхода» ивановских купцов требует специального исследования. На наш взгляд, главным соображением ивановцев, заявлявших капиталы по Юрьевцу, было отсутствие дополнительных поборов на различные благотворительные и общественные учреждения, практиковавшееся в более промышленно-развитых городах. Уже в 1835 г. по Юрьевцу заявили капитал 3 купца 2-й гильдии и 12 – 3-й гильдии. А в 1839 г. количество юрьеveckих купцов увеличилось вдвое: по 1-й гильдии капитал объявили 2 чел., по 2-й – 8 чел, а по третьей – 23 чел. Юрьеveckие купцы

при этом торговали лишь по 3-й гильдии (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 464. Л. 2–29; Там же. Д. 572. Л. 1–22).

В 1850-х гг. к ивановским купцам прибавляются фабриканты промышленных сел Юрьевецкого и Кинешемского уездов – Родников, Парского, Пархачева, Филисова, Новой Гольчихи. Как отмечено в сентябрьской ведомости 1855 г., в городе не «имели оседлости» 75 чел. м.п., заявлявших купеческие капиталы по Юрьевцу (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 927. Л. 2–65).

В июньской ведомости 1825 г. перечислены также все юрьевецкие ремесленники: 27 сапожников, 21 рыболов, 20 плотников, 18 портных, 17 хлебников, 16 пильщиков, 12 кузнецов, 7 слесарей, 6 красильщиков, 4 столяра, 3 кирпичника, 2 кожевника и медник. Учитываются в этом списке также 9 судовладельцев и 5 держателей постоянных дворов. Оставшиеся за пределами этого перечня мещанские семейства, как указано в ведомости, «промышляют бурлацкими работами». Исходя из числа купеческих и мещанских домов (268), можно полагать, что этой работой занимались 46 семейств (ГАИО. Ф. 989. Оп. 1. Д. 25. Л. 37, 47). Наверняка она являлась сезонной и для некоторого числа юрьевецких ремесленников. По данным 1839 г. число ремесленников сильно сократилось: в ведомости отмечены по 13 портных и кузнецов, 11 сапожников, 6 красильщиков, 4 слесаря, по 3 оловянщика, столяра и печника, по 2 медника, стекольщика и резчика, а также зеркальщик, серебряник и маляр. Таким образом, общее число ремесленников составляло всего 65 чел., сократившись с 1825 г. более чем в два раза (ГАИО. Ф. 989. Оп. 1. Д. 46. Л. 3–16). Можно отметить значительный упадок некоторых старых ремесленных отраслей (портные, сапожники, слесаря) и появление новых профессий (оловянщики, печники, стекольщики, зеркальщик, серебряник и маляр). Разорившиеся ремесленники, не

сумевшие встроиться в новую рыночную структуру, явно пополняли число беднейшего населения города, занятого исключительно бурлацкой работой.

По данным на сентябрь 1855 г., земледелием в городе занимались 55 хозяйств, ремеслом – 75 хозяйств, а торговлей – 140 хозяйств. Земледельческим хозяйствам основной доход приносило садово-огородное земледелие (985,5 руб. в год), меньшая часть дохода приходилась на сенокосы (185,7 руб.) и пахотные земли (178,2 руб.). Из ремесленных профессий наиболее распространенным являлось сапожное дело (15 мастеров, 4 подмастерья), а также портновское (12 мастеров, 9 подмастерьев, 5 учеников) и кузнечное (12 мастеров, 10 подмастерьев, 5 учеников). Значителен был сегмент профессий, связанных с обработкой дерева – 7 пильщиков (4 подмастерья), 6 плотников (3 подмастерья), 4 столяра. Кроме того, в ведомости отмечены 7 булочников (5 подмастерьев), 5 стекольщиков, 4 печника и 3 маляра (2 подмастерья) (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1087. Л. 25–31). Как видим, расхождение с данными 1839 г. не слишком велико: тремя главными ремесленными корпорациями в городе являлись сапожники, портные и кузнецы. В связи с развитием рынка и распространением массовой продукции умиряют профессии, связанные с обработкой ткани и металла. В два раза сравнительно с 1825 г. сокращается и численность ремесленников, занимавшихся обработкой дерева, еще более уменьшается число булочников. И лишь немного возрастает число ремесленников, обслуживавших городскую инфраструктуру – стекольщиков и маляров. Наибольший доход на одного человека давали естественно, единоличные производства: столярное дело (156 руб.), печное (131,25 руб.) и стекольное (101 руб.). Внушительный доход давало также сапожное дело (140 руб. на мастера и 110,5 руб. на человека). Маляры получали в год 150 руб. на мастера и 90 руб. на

человека, плотники – 125 руб. на мастера и 83,3 руб. на человека. Внизу «тарифной сетки» располагались городские ремесленные корпорации портных (112,5 руб. на мастера и 51,9 руб. на чел.) и кузнецов (115,4 руб. на мастера и 51,2 руб. на чел.). Менее доходными были профессии пильщиков (92,8 руб. на мастера, 59 руб. на чел.) и булочников (44,2 руб. на мастера и 25,8 руб. на человека).

Невысокой оставалась численность действующих лавок на городском торгу. В 1816 г. лавочные книги в Юрьевце получили лишь 54 мещанина и купец С.Е. Мороков, в январе 1820 г. – 65 мещан и купец М.И. Правоторхов, а в феврале 1822 г. – всего 34 мещанина и тот же купец Правоторхов (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 170. Л. 14–16; Там же. Ф. 912. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–4).

В ведомости 1825 г. указано, что «мещанскими торгами» занимаются 48 юрьевцевских семейств. Изменяется и структура торгового ряда. В январе 1819 г. лавочные книги выбрали 68 чел. Из них 19 чел. торговали в овощном ряду, 15 чел. – в щепетинном, 11 чел. – в мясном, 10 чел. – в сыромятном, по 4 чел. – в мыльном и кузнечном и всего по 2 чел. – в хлебном и соляном (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 185. Л. 9–10). Таким образом, ведущие позиции, как и прежде, занимали овощной и щепетинный ряды, появился внушительный кожевенный ряд, зато торговля полотном и мылом сильно сократилась. По указу Костромского губернского правления от 31 августа 1817 г. с целью оживления городского торгового ряда в Юрьевце были назначены две ярмарки – Сретенская с 1 по 15 февраля и Никольская с 8 по 22 мая. Но отсутствие торговых традиций и удобных транспортных путей привело к тому, что желающих торговать на ярмарках из года в год никого не являлось.

Спустя еще полтора десятилетия структура городского торгового ряда вновь несколько меняется. В 1835 г. основу его составляли лавки с хлебом (10), мясом (9), москотильем, красным товаром и солью (по 8).

А вот на сыромятный, кожевенный и бумажный товар приходилось лишь по одной лавке (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 464. Л. 4–5). Таким образом, в течение третьего десятилетия XIX в. в Юрьевце сворачивается овощная торговля, зато возвращает свои позиции полотняная, а ведущее значение приобретает продажа привозных пищевых продуктов – хлеба, соли и мяса. Согласно отчетам 1835–1846 гг., «главным предметом занятий местного купечества» являлась хлебная торговля. Хлеб скупался у крестьян в Нижнем Новгороде, Городце и Пучеже, и доставлялся вверх по Волге в летнюю навигацию. Ведущую роль в этом играли купцы Г.Д. Шапошников и А.И. Арешков, на смену которым постепенно приходят И.Т. Дружинин и П.С. Аристов. Их торговые обороты простирались от 20 тыс. руб. (в 1835–1838, 1842, 1843 гг.) до 40 тыс. руб. (1841, 1844 гг.) и даже 70 тыс. руб. (1839, 1840 гг.). В сентябрьской ведомости 1855 г. оборот хлебной торговли в Юрьевце определен в 17,5 тыс. руб. (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 464. Л. 2–29; Там же. Д. 572. Л. 1–22). Таким образом, успех хлебной торговли сильно зависел от рыночной конъюнктуры.

Городские отчеты 1851–1855 гг. фиксируют значительный упадок внутренней торговли в Юрьевце. Из двух прежних базаров в городе остался лишь один – четверговский. На нем продавали печеный хлеб (в том числе калачи, пироги, ватрушки, сухари и крендели), а также другие пищевые продукты – пряники, орехи, масло, мед, муку, крупу, солод, соль, квас, сбитень, молоко, творог, сметану и яйца, мясные продукты, рыбу и сало. Летние базары давали небольшой оборот (1700 руб.), поскольку значительная часть пищевых продуктов производилась горожанами в собственных хозяйствах, а вот зимой их оборот достигал 3800 руб. Продукты местного ремесленного и промышленного производства (изделия кожевенного и кузнечного производства, обувь, одежда,

набивные холсты, пряжа) на базарах разбирались «тихо». В город привозились, кроме пищевых продуктов, суконные, шелковые, бумажные и москотильные товары, посуда фарфоровая, глиняная и стеклянная, железные и скобяные изделия. Они поступали на местный торг из Москвы, с Ростовской и Нижегородской ярмарок, из «низовых» волжских пристаней, а также шуйских фабрик (с. Иваново, Дунилово, Кохма). Но «по бедности жителей города», все эти товары разбирались в небольшом количестве (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 927. Л. 2–65). По данным 1861 г., на юрьевецкой пристани разгружалось в среднем 14 судов в год на сумму 23,7 тыс. руб. – в 3,5 раза меньше, чем в наименьшей из костромских пристаней, пучужской. (*Материалы для географии...*, 1861. С. 417).

Свечного и мыльного производства, несмотря на обилие сала на юрьевецком рынке, в городе не было, свечи привозились из Нижнего Новгорода и Городца. Всего в 1855 г. в юрьевецких лавках торговали 47 мещан (с оборотом 9,4 тыс. руб.) и двое иногородних купцов (с оборотом 10,4 тыс. руб.). На открытых местах разносную торговлю вели 77 мелочных торговцев (с оборотом 3,8 тыс. руб.). В том же году в целях оживления торговли в городе были устроены две новые ярмарки – с 8 по 18 июня и с 8 по 18 декабря. На сей раз это предприятие увенчалось успехом – хотя ярмарочный оборот был невелик (до 13,5 тыс. руб.), новые юрьевецкие ярмарки все же привлекали определенный круг участников (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1087. Л. 18–19). Впрочем, это было связано скорее, с общим развитием российского внутреннего рынка к середине XIX в., чем с привлекательностью Юрьевца в торговом отношении. По данным 1861 г., юрьевецкие ярмарки были самыми незначительными в губернии – на них привозилось товаров на сумму от 300 до 500 руб. (*Материалы для географии...*, 1861. С. 420–423, 597).

Медленно развивалось в городе заводское производство. Оно не могло принести хозяину быстрой прибыли, а небольшой рынок сбыта не позволял развернуть его на широкой основе. Вкладывать деньги в заводское производство в Юрьевце было просто невыгодно. Спектр деятельности юрьевецких купцов позволят установить проверка городской торговли, проведенная в феврале 1828 г. П.С. Аристов содержал ренсковый погреб, А.И. Арешков – трактир, И.В. Поляков – почтовую станцию, а Е.Т. Безпалов – кожевенный завод. Как видим, заводское заведение имел лишь один из купцов, и оно не было для него единственным направлением деятельности. Все купцы (за исключением Полякова) имели также лавки в Гостином ряду, там же имели лавки и еще две купцов – И.Г. Сухов и И.С. Мороков (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 295. Л. 1–19). Таким образом, к 1828 г. в Юрьевце появился второй кожевенный завод Е.Т. Безпалова (первый принадлежал С.И. Шапошникову и открылся в 1813 г.). В 1838 г. на этих предприятиях трудилось 8 рабочих. Сырье приобреталось, преимущественно, на Нижегородской ярмарке, а сбывалось как в Нижнем Новгороде, так и в Ростове (ГАИО. Ф. 989. Оп. 1. Д. 46. Л. 10–11).

Существовали и кирпичные заводы: как мы уже убедились на примере завода М.Н. Корепанова, они могли приостановить работу на несколько лет, но затем вновь возобновляли ее. В 1832 г. заводы Ф.В. Катанаева и И.Г. Сухова вырабатывали по 30 тыс. кирпичей, а заводы П.Ф. Катанаева и И.М. Баланина – по 20 тыс. (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 401. Л. 31–33). Таким образом, три кирпичных завода сохранили преемственность еще с предыдущего столетия (братья Катанаевы являлись внуками Ф.С. Катанаева). Каменное строительство позволило развиваться кирпичному производству – в 1832 г. юрьевецкие заводы производили уже

вдвое больше продукции, чем полутора десятилетиями ранее.

А годом ранее, в июне 1831 г. управляющий юрьеveckими питейными сборами А.Г. Осипов заключил с городскими властями контракт на аренду земли (30 руб. в год) под строительство водочного и пивоваренного завода (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 371. Л. 1–8). К ноябрю 1854 г. на этом заводе имелось 8 чанов для пивоварения, трудился мастер и 4 рабочих, продукции производилось на 1075 руб., а сбывалась она в городе и уезде.

В ноябре 1853 г. купец А.В. Жирков получил у городского общества участок земли на 300 кв. саж. в овраге под постройку еще одного кожевенного завода. В результате к концу 1854 г. на трех кожевенных заводах в Юрьевце трудилось 3 мастера и 19 рабочих, они производили продукции на 2400 руб. При каменном заводе Безпалова имелись 3 печи, 20 чанов, а также две кожевни для сушки и отделки кож. Деревянные заводы Шапошникова и Жиркова были идентичными – в них использовалось по 2 печи, котлу и 7 чанов, имелось также по одной кожевенной избе и два складочных амбара. На всех трех заводах во дворе стояли особые машины для толчения корья (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1051. Л. 3–4). К сентябрю 1855 г. сумма производства на этих заводах составила уже 4093 руб. Но в этом же году завод Безпалова закрывается – в годовой ведомости фигурируют лишь заводы А.В. Жиркова и А.С. Шапошникова (12 рабочих, сумма производства – 3400 руб.): (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1087. Л. 27). К 1862 г. эти заводы увеличили объем производства до 4580 руб. Если Жирков сбывал свои изделия лишь в городе и уезде, то Шапошников – также на Ростовской и Парской ярмарках (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1399. Л. 3–4). Кроме того, в 1854 г. в Юрьевце существовали 3 кирпичных завода. Они сохранили традиционную структуру – на каждом работал один мастер с рабочим.

При заводах имелось по одной печи и сараю для складки кирпича, работала ветряная мельница с четырьмя пестами.

В 1855 г. они вырабатывали кирпича на сумму в 350 руб., но и к 1862 г. производительность особенно не увеличили (80 тыс. кирпича на 440 руб.).

В ведомости 1854 г. в Юрьевце отмечены еще два весьма скромных завода – клейный Е.Т. Безпалова и маслобойный. Это были малые предприятия, располагавшиеся в небольших деревянных домах. На клейном заводе имелось 3 котла и сарай для сушки клея, на маслобойном – всего 2 «щели» (маслобойных машины) с 4-мя клиньями. Первое предприятие в год вырабатывало клея на 218 руб., второе – масла на 90 руб. Уже в следующем году клейный завод закрылся, а сумма производства в маслобойном заведении упала до 48 руб. в год (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 927. Л. 54–55). По данным авторов «Военно-статистического обозрения Российской империи», в 1848 г. в городе существовали два завода – кожевенный и пильный (Военно-статистическое обозрение..., 1848. С. 100). В действительности, лесопильный завод петровского купца 2-й гильдии В.И. Канунникова открылся лишь в 1860 г. Помещался он в выстроенном специально для него двухэтажном каменном здании. На заводе имелись две пилорамы и паровая машина в 40 л.с., трудилось 20 рабочих и целый ряд других специалистов – мастер, кузнец, молотобоец, кочегар, горборуб, пилостав и подточик (ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 927. Л. 70). В целом к середине XIX в. Юрьевец был едва ли не самым отсталым в промышленном отношении городом Костромской губернии. По данным В.А. Потехина, в 1858 г. по отношению количества фабричных рабочих к численности населения, Юрьевец превосходил только Макарьев – правда, по сумме производства на душу населения обходил Ветлугу, Чухлому и Лух (Потехин, 1859. С. 10).

Положение начало постепенно меняться в середине шестого десятилетия XIX в. Причиной тому стало широкое развитие волжского пароходства: к этому времени на реке действовали уже 4 пароходных общества («По Волге», «Меркурий», «Самолет» и «Волжско-Камское»), ходили более 70 пароходов (*Миндовский, 1920. С. 10*). В результате уже в городском отчете Юрьевца за 1856 г. отмечается с одной стороны, «некоторое процветание» внутренней торговли, а с другой – упадок промышленности на водоходных судах «по случаю большого умножения пароходных машин». Таким образом, город начинает вырываться из замкнутого круга, в котором он оказался в первой половине XIX в. Отсутствие в Юрьевце удобной пристани фактически выключало город

из волжского пути, замыкая торговую деятельность горожан в рамках уездной округи. Это приводило к отсутствию стимулов для развития промышленного производства. С другой стороны, развитие массовой торговли некоторыми предметами потребления привело к сокращению в городе целого ряда кустарных ремесел и разорению ремесленников. Основным путем для обогащения купечества было участие в транзитной волжской торговле, а обедневшие ремесленники были вынуждены искать пропитания в «бурлацкой работе». Фактически первая половина XIX в. для Юрьевца характеризуется экономической деградацией, обратной стороной которой являлось углубление социального расслоения.

Список источников и литературы:

1. Винокуров С.А. Юрьевецкие торговые люди Щепетинщиковы // Костромская старина. Вып. 6. – Кострома, 1994. – С. 30-32.
2. Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н.В. Устюгова. Москва: Наука, 1966. – 563 с.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 4. Ч. 3. Костромская губерния. Санкт-Петербург: Типография Департамента Генерального штаба, 1848. – 104 с.
4. ГАИО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 77.
5. ГАИО. Ф. 938. Оп. 2. Д. 5.
6. ГАИО. Ф. 938. Оп. 4. Д. 21.
7. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1051.
8. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1087.
9. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1087.
10. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 112.
11. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 121.
12. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1399.
13. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1650.

14. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1651.
15. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1659.
16. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 170.
17. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 173.
18. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 185.
19. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 267.
20. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 295.
21. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 32.
22. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 34.
23. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 371.
24. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 401.
25. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 464.
26. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 572.
27. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 927.
28. ГАИО. Ф. 989. Оп. 1. Д. 15.
29. ГАИО. Ф. 989. Оп. 1. Д. 25.
30. ГАИО. Ф. 989. Оп. 1. Д. 46.
31. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Костромская губерния. Санкт-Петербург: Типография Н.Л. Тиблена, 1861. – 636 с.
32. Миндовский В.А. К столетию Волжского пароходства. – Буй: Типография Буйского усовнархоза, 1920. – 16 с.
33. Наказ от гражданства города Юрьевца Поволжского // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 134. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1911. – 555 с.
34. Писцовые и межевые книги по городу Юрьевцу Поволжскому и Стрелецкой слободе 17184 г. // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. 1. – Кострома: Губернская типография, 1912. – 280 с.
35. Потехин В.А. Мануфактурная промышленность Костромской губернии в 1858 году // Журнал мануфактур и торговли. Т. 7. – Санкт-Петербург: Типография департамента внешней торговли, 1859.
36. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. Т. 6. Кн. 4. – Москва: Типография при Императорской Академии наук, 1786. – 631 с.

РАЗДЕЛ 3.
История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Горак А.Г.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ СТРЕМОУХОВ
В КОСТРОМЕ (31.XII.1912 – 19.I.1915)

ГОРАК А.Г.

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej
[Университет Марии Кюри-Склодовской], г. Люблин, Польша

Аннотация: Статья представляет картину общественной жизни Костромы в начале XX века на основании воспоминаний Петра Петровича Стремоухова, который после службы на разных постах был назначен (в 1911 г.) Саратовским, а вскоре Костромским губернатором. Это назначение накануне юбилейных торжеств (300-летия Дома Романовых) можно было трактовать как знак особого доверия властей. В статье внимание сосредоточено на повседневной службе губернатора.

Ключевые слова: Российская империя, российская бюрократия, Кострома, Костромская губерния, Петр Петрович Стремоухов

PETR PETROVICH STREMOUKHOV
IN KOSTROMA (31.XII.1912 – 19.I.1915)

GÓRAK A.

Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland

Summary: The article presents a picture of Kostroma at the beginning of the 20th century based on the memoirs of Petr Petrovich Stremoukhov, who, after serving in various posts, was appointed (in 1911) Saratov and soon Kostroma governor. This appointment, on the eve of the jubilee celebrations (the 300th anniversary of the House of Romanov), could be interpreted as a sign of the special trust of the authorities. The article focuses on the day-to-day service of the governor.

Key words: Russian Empire, Russian bureaucracy, Kostroma, Kostroma province, Petr Petrovich Stremoukhov

---

В истории Костромского края, несомненно, прежде всего привлекает к себе внимание связь с началом царствования Романовых. Если сама Кострома почти не воспользовалась этим обстоятельством, то спустя 300 лет о ней вспомнили в столице в связи с масштабным празднованием юбилея царствования Дома Романовых. Не столько сам факт отмечаемого годовщины, сколько масштаб и программа торжеств указывают на их политический характер тесно связанный с положением Николая II и монархии в начале XX века. Вышесказанные обстоятельства выдвигают тему управления Костромской губернией Петром Петровичем Стремоуховым на уровень общенациональной истории, а не только местной.

Основные сведения о карьере П.П. Стремоухова были опубликованы в четырехтомном издании «Биографический словарь губернаторов и вице-губернаторов в Царстве Польском (1867-1918)» (*Górak, Latawiec, Kozłowski, 2015. С. 417-424*). Кроме того, несколько сюжетов найдем в статье Андрея Михайловича Белова (Белов, 2009) или в работах касающихся других тем и косвенно упоминающих о событиях, происходящих в Костромской губернии, в то время, – кроме вышеуказанных торжеств авторы обращали внимание на забастовки и меры, принятые губернатором.

Настоящая статья основана главным образом на многотомных воспоминаниях П.П. Стремоухова, написанных в эмиграции и переданных на хранение в Русский заграничный исторический архив в Праге, а впоследствии перехваченных советскими властями и вывезенных в СССР, где они надолго были скрыты в секретных фондах Госархива. Оригинальная (черновая) версия намного обширнее. Воспоминания доступны в версии, напечатанной на печатной машинке, после заметной корректуры («самоцензуры») (*ГАРФ. Ф. Р6546. Оп. 1. Д. 1-12; ГАРФ. Ф. Р6546. Оп. 1. Д. 2-5*).

Видимо их готовили к изданию. В Государственном Архиве Российской Федерации доступен еще один личный фонд П.П. Стремоухова (*ГАРФ. Ф. 603, оп. 1*), в котором 43 архивные единицы, из которых мы можем узнать о служебной деятельности П.П. Стремоухова, в частности, о его службе в Саратове.

Воспоминания относятся к тому типу источников, который пользуется популярностью у историков, но профессионалы относятся к нему очень скептически. В отличие от дневника, их писали через призму позднейшего опыта и под влиянием новых убеждений, а также определенных целей на будущее. Особенно осторожно историки относятся к воспоминаниям, которые планировал опубликовать сам автор. С другой стороны, мы имеем инструменты для критики таких источников путем верификации фактов и сравнения мнений. Немаловажным является тщательный анализ целого текста для определения направления мысли автора, его склонности и убеждений. Чем более обширные воспоминания, тем легче и точнее можно это определить. Работа над запланированным на следующий год изданием первого тома воспоминаний позволяет мне с определенным пониманием относиться к этому источнику. Причем несомненным его преимуществом является стиль – легкий, не лишённый самоиронии, увлекающий...

1. ПЕТР ПЕТРОВИЧ СТРЕМОУХОВ

(17.I.1865, Рязань – 27.XII.1951, Ницца)

Несмотря на недавний прогресс в исследованиях карьеры П.П. Стремоухова (*Горак, 2011; Górak, 2014; Горак, 2017*), мы начнем с краткого описания этой фигуры и ее положения в бюрократической системе Российской Империи на рубеже XIX и XX веков.

Важную роль в формировании мировоззрения и амбиций Стремоухова играло

происхождение его рода, который будто бы происходил от греков, которые бежали из Константинополя в Польшу, а оттуда один из них перешел в Московское Царство. Историю рода реконструировал только в последнее время С.В. Богданов указывая на их русские корни в XV, а более документированные – в XVI веке (*Bogdanov, 2021*). Этот автор определил их как типичных представителей старинного дворянства. Часть рода, к которой принадлежал П.П. Стремоухов, вошла в состав высших слоев, но среднего звена бюрократии. Автор воспоминаний, Петр Петрович Стремоухов родился 16 января 1865 г. в Рязани, в семье чиновника (впоследствии, тайного советника) происходящего из дворян этой губернии (*РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 62; РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 9406, к. 440; Archiwum Państwowe miasta stołecznego Warszawy, o/Milanówek, Варшавское Губернское Правление, д. III 25/1915*). Происхождение хоть и позволило ему обучаться в элитарном Пажеском корпусе, но ограниченность в средствах позволила поступить на службу лишь в самый дешевый гвардейский полк столичного гарнизона. В Пажеском корпусе он завел ряд знакомств, которые повлияли на его дальнейшую судьбу, в том числе, он сидел за одной партой с Василием Иосифовичем Гурко и именно он предложил в свое время Петру Петровичу переход на гражданскую службу, в канцелярию его отца – Варшавского генерал-губернатора (*Горак, 2014*).

Следующим переломом в его службе было назначение в 1897 г. Калишским вице-губернатором. Надо заметить, что в Царстве Польском вице-губернатор имел гораздо более сильную, в отличии от Империи, почти самостоятельную, позицию. Важным событием для него было также пожалование в звание камер-юнкера высочайшего двора (6 апреля 1903 г.). Вскоре (16 октября 1904 г.) он был назначен на пост Сувалкского губернатора. Стремоухов,

невзирая на повышения и благосклонность начальства, не был доволен своим положением и стремился получить пост в России. Его попытки увенчались успехом и 2 января 1911 г. Пётр Петрович получил телеграмму с уведомлением о перемещении – назначении Саратовским губернатором (*Стремоухов. С. 648*). Там ему пришлось решить проблему епископа Гермона и иеромонаха Илиодора, с которыми в последствии ему пришлось бороться как с жесткими оппонентами губернаторской власти (*Мраморнов, 2008; Савицкая, 2008*). Но даже в такой обстановке Пётр Петрович проявил себя, как аккуратного и исполнительного администратора (*Славин, 1999; Семёнов, 2014. С. 139-142*). Вскоре (31 декабря 1912 г.) именным высочайшим указом, данным Сенату, Стремоухову было повелено стать Костромским губернатором. После организации торжеств он оказался в самом выгодном положении для получения должности в столице (Стремоухов давно мечтал о poste сенатора). Но, в конце концов, власть использовала его как винтик в машине «гонения» немцев в Царстве Польском. Когда на пост Варшавского генерал-губернатора назначили ген. кн. П.Н. Енгальчева, а Варшавский губернатор барон С.Н. Корф попал в плен и был уволен в Сенат, то 19 января 1915 г. его преемником оказался именно П.П. Стремоухов. «Трудовая копейка» писала – «И теперь у общества есть основание ожидать, что П.П. Стремоухов явится в Польше достойным представителем действительно русских симпатий и интересов и укрепит русско-польскую дружбу». Уже в сентябре Стремоухов был одним из пяти кандидатов И.Д. Горемыкина на пост министра внутренних дел (после Н.Б. Щербатова), а в начале 1916 г. в докладе, составленном 1 марта, Б.В. Штюрмер, помимо кандидатуры графа А.А. Бобринского, в преемники министра внутренних дел А.Н. Хвостова, прочил еще князя Н.Д. Голицына и П.П. Стремоухова (*Куликов, 2004*).

Но только после эвакуации российской администрации Царства (21 марта 1916 г.) его назначили директором департамента общих дел МВД (Любарская, 2002). Еще до упадка империи Стремоухов (1 января 1917 г.) был пожалован в егермейстеры, а месяцем позднее ему было повелено присутствовать в Сенате. Последние годы на службе отечеству Стремоухов провел в управлении Вооруженных Сил Юга России, в качестве помощника начальника Минераловодского района, а потом помощника Главноначальствующего генерала от кавалерии И.Г. Эрдели в Главном Управлении Северного Кавказа. Стремоухов уехал в эмиграцию в Софию. В Болгарии работал в национальной библиотеке. Позднее переехал в Югославию. С 1927 жил в Париже, работал кассиром в ресторане, зарабатывал перепечаткой на машинке. Был секретарем Общества защиты собственности русских эмигрантов, членом Союза ревнителей памяти императора Николая II и Общества бывших воспитанников С.-Петербургского университета, состоял тоже в Объединении лейб-егерей, Гвардейском объединении во Франции. Выступал с докладами о России, об общности русских и французских революций (в Русском очаге, Союзе ревнителей памяти императора Николая II и др.). С 1934 жил в Ницце. Читал лекции в Кружке молодежи по изучению русской культуры, Кружке ревнителей русского прошлого. Последние годы провел в Русском доме в Ницце. Публиковался в издании Русского очага «Русская летопись», в «Казачьем журнале», в журнале «Россия» (начало 1930-х) и др. (Стремоухов, 1924; 1925; 1993 и др.).

2. УПРАВЛЕНИЕ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЕЙ

П.П. Стремоухов в своих воспоминаниях посвятил периоду службы в Костроме более 200 страниц, но в основном это

описания подготовки, проведения и последствий юбилейных торжеств (Стремоухов. С. 913-1119). Конечно в формате одной статьи невозможно исчерпать такой материал, даже если не подвергать источниковедческой критике факты и мнение автора.

2.1. Обстоятельства назначения Костромским губернатором

Стремоухов получил предложение о переходе в Кострому во время отпуска в Италии. В Риме получил телеграмму от директора департамента общих дел МВД Д.А. Арбузова: «*Vu les festivites ministre vous prie d'accepter le poste de gouverneur de Kostroma. Prie reponse immediate et affirmative*»¹. Это вызвало его удивление, поскольку если он и ожидал перемещения, то в родственной Нижней Новгород. До торжеств оставалось не более полугода. Его волновало зачем так поздно меняют губернатора (Петра Петровича Шиловского). Конечно, Стремоухов понимал, что его посылают исключительно для подготовки торжеств, а именно организации встречи императора. Костромская губерния была сама по себе незначительную в бюрократической иерархии, но ожидавшиеся торжества выдвигали ее на первый план, в связи с чем приглашение управлять ею являлось актом особого доверия со стороны правительства. Близкая к торжествам дата назначения тоже требует своего объяснения: «По мнению Булыгина, Кострома совершенно не была подготовлена к Царскому приезду, а, вместе с тем, пребывание в ней, как в колыбели Дома Романовых, предполагалось в течение двух дней с целым рядом торжеств. Губерния издавна считалась оппозиционной, можно ожидать холодного приема, что, конечно, было бы весьма печально.

---

¹ Пер. с фр. «В связи с праздниками министр просит Вас принять пост губернатора Костромы. Пожалуйста, ответьте немедленно и утвердительно».

Министр Императорского двора, граф Фредерикс так напуган Костромой, что даже высказался за полное ее исключение из цикла торжеств и лишь он, Булыгин, настоял на том, чтобы Кострома не была обойдена. Недопустимой казалось ему мысль, чтобы державный представитель рода Романовых, после трехсотлетия царствования его Дома, не посетил своей родины.

Полицейская часть в губернии не на высоте положения, губернатор П.П. Шиловский из рук вон плох, фантазирует, играет на скрипке, работает над проектом однокорейки ж.-д., затеял постройку в Костроме Романовского музея и больницы Красного Креста, на окончание которых нет ни денег, ни времени... Скандал, если Царь приедет в мае в Кострому и все будет не готово... Губернатор то самодурствует, то либеральничает, и, учитывая выгоду своего положения, никого и ничего не признает.» (Стремоухов. С. 881-882).

Конечно, после торжеств, «когда потухнут огни и завянут венки», Стремоухов знал, что обратиться в рядового губернатора «захудалой» губернии, но, если торжества пройдут удачно, то имел надежду на окончание карьеры близ памятника Петра Великого (сенат)... Кроме того, он в службе был фаталистом и руководствовался старой поговоркой: на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся. Писал поэтому: «Совпадение получения приглашения в Кострому с моею молитвою у гробницы моего Небесного Покровителя, говорило мне, что это делается к моему благополучию». По зрелом обсуждении, он ответил Арбузову, что переехать «из Ромы в Кострому» согласен. Но еще поехал в Ниццу и там получил следующую телеграмму: «Ayant en vue le peu de temps qui nous reste prie istamment de revenir immediatement. President du comite des festivites A. Bouligine.»²

---

² Пер. с фр. «Учитывая то, что у нас осталось мало времени, прошу Вас немедленно вернуться. Председатель праздничного комитета А. Булыгин».

Пришлось ему все бросить и ехать в Петербург, где он встретил совершенно изменившуюся обстановку. Министр внутренних дел Макаров был уволен, а его преемник был еще неизвестен. На первый визит пошел к А.Г. Булыгину (заведующему торжествами по случаю празднования 300-летия царствования Дома Романовых), который сразу приказал ему взяться за дело подготовки торжеств, и хотя еще не было формального назначения ввел его в костромские дела. Обвинения в сторону Шиловского Булыгин иллюстрировал следующим примером: «Месяца два тому назад, самая крупная бумагопрядильная фабрика в губернии, наследников Коноваловых, в селе Вичуге, праздновала столетие своего существования. Глава фирмы, он же товарищ председателя Госдумы (впоследствии министр торговли и промышленности временного правительства) А.И. Коновалов пригласил Шиловского, как губернатора, на это торжество. Когда Шиловский приехал в своем вагоне на станцию, то его там никто не встретил, а стоял только присланный за ним экипаж. Шиловский обиделся и немедленно уехал. Ожидавшие губернатора на заводе, Коновалов, его гости и депутаты от рабочих, оказались в глупом положении, когда вместо губернатора к ним подъехала пустая коляска. Конечно, неправ был и Коновалов. Раз приглашаешь представителя высшей власти в губернии, то можно дать себе труд поехать встретить его на станцию или, по меньшей мере, послать кого-нибудь из членов своей семьи. Это была характерная выходка Московского оппозиционного толстоума. Позвать представителя власти и, вместе с тем, показать, что ему на эту власть наплевать. Однако, и поступок Шиловского был слишком резок. Он должен был поехать на фабрику, принять депутацию, отслужить молебствие и, отказавшись посетить дом Коноваловых, уехать. Надо было показать уважение к фирме и ее делу и пренебрежение к невоспитанному человеку.»

За признак либерализма Шиловского признали, например то, что он на запрос министерства о силах полиции, которыми он пожелал бы увеличить состав губернского штата, ответил, что полиции ему совершенно не нужно: Государь будет окружен своим верноподданным народом и преданным дворянством, чего совершенно достаточно. Такое заявление было воспринято совершенно пустою фразою: «Народная толпа, при массовом стечении, требует полицейских мероприятий и поэтому отвергнуть услуги полиции было величайшим легкомыслием. Трагическая память о Ходынке должна всегда витать перед памятью каждого администратора. А как могли преданные мужики и лояльные дворяне охранить Государя и его семью от всегда возможного покушения?» Петербургские круги выдвинули еще третье обвинение Шиловскому: «По случаю трехсотлетия в Костроме должен был быть воздвигнут соответственный памятник, на средства Академии Художеств был объявлен конкурс, по которому один из проектов, чей именно не помню, был принят. Вся переписка о постройке памятников, и, следовательно и того, о коем идет речь, по закону, производилась по МВД. Однако у Шиловского особою симпатию пользовался проект памятника скульптора Адамсона, забракованного Академией. И вот, Шиловский, какими-то задними ходами, добился аудиенции у Государя (что тоже было неправильно, т.к. губернаторские аудиенции должны были испрашиваться через министра внутренних дел) и представил ему проект Адамсона, который Его Величеством и был утвержден. Такой образ действий крайне оскорбил Академию Художеств, которая заявила министру внутренних дел свой протест. Министр потребовал объяснений от Шиловского, словом, что называется, пошла писать губерния.» В итоге министр внутренних дел Макаров решил перевести Шиловского в Олонецкую губернию,

а Стремоухова назначить на его место (*Стремоухов. С. 883*).

Ожидая назначения нового министра, Стремоухов находился в неопределенном положении: в кабинете государя лежал доклад министра, планирующий его назначение в Кострому, Шиловского в Олонецкую губернию, Ковенского губернатора Куломзина в Саратов, а Гродненского губернатора Борзенко в Нижний Новгород. В таком положении прошло недели три: министра государь не назначал, а доклада о перемещении губернаторов не утверждал. Между тем, до сведения Стремоухова дошло, что, пользуясь переменою министра, Шиловский направил все усилия, чтобы остаться в Костроме. Таким образом положение Петра Петровича становилось чрезвычайно глупым. Весь Петербург уже знал о его переводе в «Романовскую губернию» – друзья поздравляли, враги завидовали. Но если бы домогательства Шиловского получили успех: Нижний Новгород уже был обещан Борзенко, а в Саратовскую губернию возвратиться Стремоухов не мог. Наконец министерский кризис разрешился. Министром был назначен Черниговский губернатор Н.А. Маклаков, а 31 декабря 1912 года, был подписан приказ о назначении П.П. Стремоухова в Кострому, который уже 4-го был в Саратове, где энергично принялся за сдачу должности и устройство переезда в Кострому (*Стремоухов. С. 887-888*).

«Саратовский листок» 5 апреля 1915 г. в статье «На разные темы» убеждал, что пост Саратовского губернатора был признаком позднейшей карьеры, журналист писал: «казалось бы, что только перевод П.П. Стремоухова в Кострому является исключением из правила. Но, во-первых, нет правила без исключений, а, во-вторых, и перевод в Кострому накануне празднования 300-летия Дома Романовых далеко не означал административного понижения. Не даром вскоре после этих торжеств

пошли слухи о назначении П.П. Стремоухова Московским губернатором. А началась война, началась чистка германского элемента в администрации, и Стремоухов назначен был на более ответственный и очень видный пост Варшавского губернатора.» (Стремоухов. С. 907-908).

Надо заметить, что у Стремоухова были хорошие отношения со старообрядцами, которые начались еще в Сувалкской губернии, где они поселились после побега от преследований в России. Когда Стремоухов перешел в Саратов то сувалкские старообрядцы послали своим братьям хорошие рекомендации о Стремоухове, а потом саратовские послали такие же весточки костромским.

2.2. Положение дел в Костромской губернии

Надо сказать, что Стремоухов был профессионалом и уже в столице начал собирать данные о Костромской губернии. Вкратце представим собранную им информацию. По размерам своим Костромская губерния была почти вдвое меньшая Саратовской, а по своему населению втрое. Волга, протекавшая, с запада на восток разделяла губернию на две неравные части – северную лесистую и мало населенную, и южную, густонаселенную и включавшую уезды Нерехтский, Кинешемский и Юрьеvecкий, с сильно развитою текстильною промышленностью. По развитию фабричного производства Костромская губерния считалась четвертою в Империи, уступая лишь Московской, Петроковской и Владимирской (заводы Петроградской губернии сосредоточивались в самом городе Петрограде, составлявшем отдельную административную единицу).

Анализ привел его к убеждению, что в Костромской губернии фабричный вопрос занимал первое место и ему надо совершенно изменить акцент своего управления. Далее он пишет, что «Неурожаев в

Костромской губернии никогда не бывало, но земля была неважная, да и обработкой ее мало занимались. Жители северной части либо занимались лесными промыслами, либо уходили на отхожие, а в южной работали на фабриках. Хлеба своего обычно хватало лишь до Рождества. Крестьянство было зажиточно. Население было чисто русское, но ни в одежде, ни в обиходе не сохранило ничего национально оригинального. «Спиджак» у мужиков и «немецкое платье» у женщин вытеснили красивую старину. Сохранились лишь некоторые особенности в говоре. Не только простонародье, но и люди вполне интеллигентные неизменно говорили не «он собирает, желает», а «он собирать, желать». Неизменным остатком старины остались, лишь дивная архитектура многочисленных церквей, о которой я буду говорить на своем месте.» Также еще в Петербурге он узнал, что Костромские помещики были гораздо беднее Саратовских. Владельцы немногих латифундий (наследники Лугинина – Безаки, к. Трубецкие, св. Волконские) никогда в свои имения не приезжали.» При чем отметил он странное явление: «дворяне Саратовской губернии были богаты, но средства этой корпорации сравнительно незначительны, совершенно наоборот, в Костромской, дворяне были бедны, а сословие владело большими землями и капиталами. На последние было учреждено множество стипендий в учебных заведениях, а в особенности в морском корпусе, почему было очень много моряков из Костромской губернии.» (Стремоухов. С. 909).

Основной административный опыт Стремоухов получил в Царстве Польском и система власти во внутренних губерниях Империи казалась ему новой и странной – надо было учитывать земское и городское самоуправление. Кроме того, в России ему пришлось разбираться в целой палитре фракций. Из воспоминаний Стремоухова видно, что он не мог смириться

с тем, что так называемые культурные слои общества и даже простой народ оппозиционно и с недоверием относились к правительству, а революционеры даже враждебно, хотя все они были одной русской национальности. Особенно его разочаровывало дворянство, к которому он относился с сентиментальностью. Это видно в его характеристике Костромского дворянства: «Дворянства на сословные должности здесь хватало еще меньше, чем в Саратовской, например, некий Степанов был одновременно земским врачом в Галичском уезде и предводителем дворянства в Чухломском... не даром же существует поговорка в «какой-то Чухломе». Большинство предводителей совершенно не имело того лоска, который связан обычно с представлением об этой должности. Исключением в этом отношении были Кинешемский – Куломзин и Варнавинский – Базилевский. В некоторых уездах выбирать было положительно некого. Во главе местной общественной жизни стояли Зузины: бывший морской офицер – Михаил Николаевич – губернский предводитель дворянства и бывший чиновник Земского Отдела МВД, Борис Николаевич – председатель губернской земской управы, он же член Госдумы. Я выразился выше несколько неточно: следовало сказать «местной деловой жизни» – общественной здесь совершенно не было. Никто друг с другом не виделся, все сидели по своим углам и хмурились. Достаточно указать на то, что губернский предводитель ни разу не пригласил меня к себе в имение, расположенное в каких-нибудь восьми верстах от Костромы. Отчуждение общества от представителей местной власти было полное. В первый год моего пребывания в Костроме я употреблял все усилия, чтобы сблизиться с обществом, но они оказались бесплодными. Я не скажу, чтобы отношения между нами были враждебными, мы не ссорились, но оставались совершенно чуждыми друг другу.

Это подобно было маслу и воде: их можно сбить до эмульсии, но превратить в химическое соединение невозможно. В этом отношении братья Зузины давали тон местной общественности. Губернский предводитель всегда был всем недоволен, ворчал и как-то отходил в сторону, председатель же управы обладал настолько неприятным характером и в особенности скверным языком, что с ним всегда приходилось быть на чеку, дабы он не позволил себе какой-нибудь выходки, на которую пришлось бы реагировать и тем еще более ухудшить отношения. Чем объяснить себе такое полное отчуждение местного общества от представителей власти, я не знаю. Может быть, это было результатом борьбы властей с тенденциями общества, примеры которых я сейчас приведу, но это не является объяснением, т.к. тенденции эти очевидно имели более давнее происхождение.» (Стремоухов. С. 916-917).

Стремоухов видимо непонимающий общественно-политических перемен, которые произошли в России со времен его обучения в Пажеском корпусе, пытался объяснять общественные отношения в Костромской губернии личным фактором, непрофессиональным поведением бывшего губернатора – генерал-майора Алексея Порфирьевича Веретенникова, который вступил в должность в 1906 г. (вице-губернатором был Ф.А. Бантыш). В то время губерния была явно кадетская, в смысле дворянского, земского и городского представительства. Вот его описание недавнего конфликта: «Вся губерния была фактически в руках заведующего санитарным бюро губернского земства, б. члена Государственной Думы, еврея Френкеля. Этот еврей фактически управлял, как губернским земством через председателя губернской земской управы Ив. Вас. Шулепникова, так и дворянским делом, через губернского предводителя дворянства – Павла Васильевича Шулепникова. Френкель, в свое время участвовал,

как член Госдумы в Выборгском воззвании.³ Веретенниковым была предвзята чистка губернии от кадетского засилья. Война была открыта и ожесточенная. Центром кадетского влияния были: губернская управа, ветлужская уездная земская управа (председатель Б.Л. Петерсон, член 1-ой Госдумы, народный социалист) и др. Одновременно стали выяснять и политические физиономии предводителей дворянства, результатом чего было неутверждение целого ряда выборных должностей на очередном дворянском собрании, не то в 1907 не то в 1908 году. Основанием такого отношения было то, что в Костромское дворянство демонстративно приняло в свою среду всех лиц, исключенных из других дворянских обществ за подписание Выборгского воззвания. Неутвержденными были: Петров (Макарьевского уезда), Текутьев (Солигаличского), Перелешин (Костромского) и еще другие. Помнится, всего подверглось неутверждению пять или шесть предводителей, а также много других выборных на разные должности лиц. Затем И.В. Шулепников и вся губернская управа были судимы и признаны виновными, по ст. 341 Уложения о наказаниях, в превышении власти. Нарушение закона заключалось в том, что губернское земское собрание постановило разъяснить населению манифест 1905 года (о думе, свободе вероисповедания и т.п.) и если не ошибаюсь, и смысл Выборгского воззвания. Постановление это было отменено губернским присутствием. Однако управа, несмотря на отмену, все же выполнила постановление собрания. Все виновные были приговорены к отречению от должности (или исключению со службы – точно не помню) с лишением, если мне не изменяет память, в течение

³ Обращение от 9 (22) июля 1906 года «Народу от народных представителей», составленное в городе Выборги подписанное значительной группой депутатов Государственной Думы созыва через 2 дня после её роспуска указом Николая II. Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению) – не платить налоги, не ходить на военную службу и т.д.

пяти лет, права быть избираемыми на какие бы то ни было должности. После ухода Шулепникова из губернской управы, состав управы был по назначению от правительства. В то же время была раскассирована и городская управа города Костромы на почве ревизии городского ломбарда. Городскому голове Ботникову пришлось уйти, а об остальных производилось следствие. После произведенного разгрома местных общественных организаций местная жизнь в губернии вошла в нормальное русло, по крайней мере на ее поверхности. Болезнь, по-видимому, вошла внутрь, проявлялась, однако, в полном отчуждении общества от власти. Ни бестолково либеральная политика заместителя Веретенникова, П.П. Шиловского, ни мое, уже признанное «благодущие» ничего сделать не смогли» (Стремоухов. С. 917-918).

Будущий губернатор также пытался получить информацию о представителях Костромской губернии в Государственной Думе и Государственном Совете. В Государственной Думе Костромская губерния была, в то время, представлена Б.Н. Зузиным, И.В. Шулепниковым, А.И. Коноваловым, Юрьевецким предводителем дворянства Грибуниным, крестьянином Мухиным, а кроме того священником Варнавинского уезда, а от рабочей курии Шаговым. Шулепников принадлежал к кадетской партии, а Зузин к прогрессистам. Шулепников устранен по суду от права занимать выборные должности поэтому, когда он был избран в Думу, то по протесту Костромского губернатора Шиловского, его избрание было кассировано Сенатом, о чем и сообщено канцелярии Думы, но последняя не обратила на это внимания. Стремоухов отметил это как упадок уважения к закону. Что касается Грибунина, то он, после переворота, ездил в Ставку арестовать Государя. Таким образом Костромская губерния, которая была колыбелью дома Романовых, свела его в могилу.

К партии прогрессистов официально принадлежал и Коновалов, хотя по подозрениям Стремоухова он был гораздо левее, что подтвердилось позднее полученным сообщением, будто бы он состоял в тесном общении с революционерами, пребывающими в Циммервальде.⁴ В общем наш герой написал, что Коновалов поспособствовал гибели родины и своего состояния. Также Шагова Стремоухов подозревал в том, что хотя тот и числился трудовиком, то, на самом деле, был большевиком и Циммервальдистом. На счет Марина, избранного в Государственный Совет, где он примкнул к наиболее левым элементам, состоявшего вместе с тем и податным инспектором в Чухломском уезде, Стремоухов написал: «По-видимому, во всей губернии не сумели найти человека с более обширным кругозором» (*Стремоухов. С. 918-920*).

Петр Петрович приехал с женою в Кострому 14 января 1913 г.: «Вокзал находился на правом берегу Волги, которою надо было переехать по льду. День был ясный и морозный. Когда мы подъехали к реке, то перед нами развернулась вся панорама, чарующая своею стариною, коренного русского города. Налево выделялся, окруженный кедровою рощею, Ипатьевский монастырь, колыбель Романовых, чуть вправо на горе, опоясанный стеною, подобно кремлевской, высился, сияя золочеными главами, Успенский собор; далеко вправо поражал своими пятью чешуйчатыми главами и дивною архитектурою храм Воскресения на Дебрях; прямо перед очами гордо тянулась в высь колокольня, построенная боярами Салтыковыми – предками моей жены – Богоявленского женского монастыря. Кроме названных, тут и там, виднелись церкви со своими сияющими в морозном воздухе, золотыми крестами. Я невольно склонился перед этой чудной декорацией святой

Руси и осенил себя крестным знаменем; да поможет мне Господь достойно принять здесь Помазанника Своего».

Согласно обычаю, сразу поехал в собор, где был встречен духовенством, отслужившим молебен, а затем проехал в губернаторский дом, гораздо скромнее Саратовского, но весьма удобный, к тому же окруженный чудесным тенистым садом с десятину величиною. Стремоухов передал предание, существующее об этом доме. Ранее губернатор помещался в гораздо более обширном здании, а в ныне ему отведенном уютилась мужская гимназия. Замена была произведена по приказу Николая I, во время визита в Кострому узнавшего, что тогдашний губернатор был холост. Губернаторский дом (1913 г.) стоял на горе. Стремоухов заметил, что и из его окон открывался бы чудный вид, если бы прямо перед ним не торчала фабричная труба завода Вахрамеева, воздвигнутая на этом месте, как гласила губернская хроника, на зло губернатору Веретенникову. По водворении в городе, новый губернатор приступил к визитам, начав с архиерея, каковым в то время состоял преосвященный Тихон, которого он так охарактеризовал: «Это был человек еще молодой, энергичный, не глупый, безо всякого ханжества, толково, но, кажется, довольно сурово управляющий своею епархию. При всех этих положительных качествах он был довольно несимпатичен по сухости своего характера и постоянной боязни уронить свое достоинство, происходившей от свойственного большинству иерархов честолюбия. В особенности последнее проявлялось в его стремлении непременно приезжать на всякое торжество позднее губернатора, чтобы быть встреченным последним. Для сего им за мною была учреждена положительно слежка: он не выезжал из своего дома, не получив известия по телефону о том, что я уже на месте. Иногда такие его приемы приводили к комическим положениям,

---

⁴ Международная социалистическая конференция в Циммервальде (Интернациональная социалистическая конференция в Циммервальде), состоявшаяся 5-8 сентября 1915 г.

комментируемым в обществе не в его пользу. Епископ Тихон был довольно красив, но по внешности скорее походил на удалого ямщика, чем на архипастыря. С тем вместе, он был большою кокеткою и одевался с редким вкусом. Проповеди он говорил не только хорошо, но и кратко, каковое соединение не всем дается. Поговаривали, что убеждений он был довольно левых, но это ни в чем не проявлялось.» На второй день, по установленному обычаю, губернатор устроил прием должностных лиц и произнес вдохновенную речь. С разочарованием констатировал, что в Саратове, наверное, закричали бы «Ура!», запели бы гимн и потребовали бы послать телеграмму Государю, в Костроме же это оказалось *un coup d'érée dans l'eau*⁵ (Стремоухов. С. 922-924).

2.3. Администрация

Воспоминания о службе в Костроме в огромной части наполнены подготовкой, проведением и последствиями торжеств (Стремоухов. С. 930-1023; Празднование трёхсотлетия..., 1913). На счет празднования, которое заслуживает отдельной статьи, лишь процитирую политическое подведение его итогов Стремоуховым: «Произошло ли какое-либо реальное, ценное своими последствиями, сближение Царя с народом и с передовым его классом? Откровенно скажу, что нет. Отгорели огни, завяли цветы и все осталось по-старому. Это был хороший, огромный по размерам, художественно и стильно выполненный спектакль и больше ничего» (Стремоухов. С. 1018).

Немало места в воспоминаниях занимают репортажи об отблесках политической жизни столицы. Местные повседневные дела, видимо, не записались в его памяти или спустя годы автор не считал их важными. Возможно, что большинство бюрократических мелочей возложил он на плечи подчиненных, а прежде всего вице-губернатора – Ивана Владимировича Хозикова (Белов, 2009. С. 61-62) как одного из немногих, кто заслужил его положительную оценку: «бывший Лебеденский предводитель дворянства был очень воспитанным и приятным в сношениях человеком, всецело преданным интересам губернатора, не без хитрецы, весьма правых убеждений, большой сноб и человек широких привычек.» (Стремоухов. С. 925). В общем, Стремоухов очень негативно характеризовал служащих в Костроме. Вторым исключением был неприменный член по земским и городским делам присутствия, князь В.А. Друцкой-Соколинский. Обобщая, писал о всех других: «Вот те люди среди и при посредстве которых мне пришлось работать и действовать. Картина довольно безотрадная, не только с чисто деловой, но и с психической стороны. Все они были какие-то чужие, замкнутые, хмурые. Было ли это последствием каких-либо ненормальных условий общественности, сурового северного климата или иных причин – я не разгадал, но утверждаю, что во всем обществе, а равно и на служилом элементе лежала глубокая печать отчужденности, хмурости и взаимного недоброжелательства.» (Стремоухов. С. 928).

Приведу еще одно обобщение Стремоухова на счет Костромского общества: «Должен отметить, что не только люди, но и все правительственные, а равно и земские и городские установления в губернии были обставлены гораздо слабее, чем в Саратовской. Земские учреждения работали не на выборном составе, а на третьем элементе, занявшем доминирующую роль, а городские были серы и мало культурны.» (Стремоухов. С. 929).

Как уже заявлено, в этой статье мы сосредоточим внимание на повседневной службе и Костромском обществе. Как и о других на счет третьего элемента земства губернатор имел ужасное мнение:

Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время

---

⁵ Пер. с фр. «Удар меча в воду» (т.е. бесполезное действие).

«Там решительно не было ни одного человека без подмоченной репутации. В особенности это замечалось среди служащих губернской земской управы, а в превосходнейшей степени у статистиков и лиц стремившихся занять должности по санитарному надзору.» Впрочем, конфликт с губернской земской управой создал забавный анекдот. Когда уездные земские управы начали жаловаться на санитарный контроль, который по их мнению был лишь предлогом для политической агитации («сеявшими смуту и шпионившими»), губернатор начал отказываться в утверждении кандидатов на эти должности. В ответ Зузин на одном из первых заседаний осенней сессии 1913 произнес в Думе речь, в которой указывал на стеснения, делаемые администрацией земствам, причем привел, что Костромской губернатор Стремоухов систематически не утверждает санитарных деятелей земства и даже выражает сомнение в их нужности. На это изображение положения дела, с депутатских скамей раздался возглас: «Какой нечистоплотный губернатор!» (Стремоухов. С. 1025). Эта поговорка, облетевшая в газетах всю Россию, вызвала громкий и существенный хохот «высокого» законодательного собрания (Стремоухов. С. 1027).

Летом 1913 г. губернатор предпринял поездку по губернии и познакомился со многими уездами. Снова отметил отличия в сложении административного аппарата, в сравнении с Саратовской губернией. По его мнению там управление опиралось на предводителей дворянства, а в Костромской на исправников: «Происходило это не только потому, что дворяне принадлежали к фрондирующим, но и потому, что сами исправники во многих уездах, по своему интеллекту и характеру, стояли выше предводителей. Они имели гораздо более влияния на население, пользовались большим уважением, правильнее понимали и освещали положение. Не имея, в сущности, никакой власти, в некоторых

уездах, исправники руководили всею местною жизнью и заставляли земцев к себе прислушиваться.» (Стремоухов. С. 1028).

Во-первых, в это лето посетил Макарьевский, Кологривский и Варнавинский уезды. Путешествие вспоминал как сплошное удовольствие. Ехал на роскошном пароходе, по реке Унже до Кологрива. Писал: «Чудно было ехать на пароходе вечером в тихой беседе, в атмосфере, дышащей всеми ароматами весны и в то время в чай китайский ром ямайский потихоньку подливать...». Того же лета поехал тоже в Варнавинский уезд в связи с перенесением мощей св. Варнавы в соборную церковь. По дороге гостил у Нижегородского губернатора, В.М. Борзенко, а далее, через город Семенов, поехал на автомобиле. По случаю торжеств в Варнавине Стремоухов заметил: «Кстати, отмечу одно наблюдение. За четыре года моего управления коренными русскими губерниями, я ни разу не был приглашен в дом священников, хотя бы на чашку чая, не говоря уже про обед. У каких только людей разного звания мне не пришлось побывать во время моих разъездов, только не был у священников, а между тем я всегда оказывал духовенству полное внимание уже одним тем, что посещение всякой местности неизменно начинал с храма. Откуда такая отчужденность? В Царстве Польском напротив ксендзы отличались широким гостеприимством и их квартиры всегда как бы делались штаб-квартирою всех проезжих лиц. Во всяком случае, бедностью я могу объяснить себе этого. Во многих селениях как Саратовской, так и Костромской губернии, священники, а в особенности благочинные, жили весьма зажиточно. Очевидно, причина была здесь не экономическая, а социальная». Далее он поехал по реке Ветлуге к уездному предводителю дворянства Базилевскому, старому знакомому (Стремоухов. С. 1029).

В августе он направился в фабричный район губернии, где посетил и описал фабрики Горбунова, Красильщикова, Сидоровой и их владельцев. Особенно его удивило село Родники: «Едва ли с радиуса в пятнадцать верст все крестьянские дома оказались крытыми железом и были весьма благообразны. Впоследствии я выяснил, что все эти дома принадлежали рабочим Родниковской фабрики, которым Красильщиков предоставлял кровельное железо за баснословно дешевую цену и с рассрочкою уплаты едва ли не на десять лет. Все окружающее Родники дышало довольствием. Фабричные помещения были обширны, светлы, прекрасно вентилированы, была чудная больница, школа, один клуб для рабочих, другой для служащих. Для первых, кроме того, был устроен трок со всевозможными гимнастическими приспособлениями. Николай Михайлович хлеба-соли мне не поднес, но в буквальном смысле слова меня очаровал своим просвещенным и высоко гуманитарным отношением к возглавляемому им делу и людям к нему причастным. Вот это был, по-моему, действительный демократ, любящий народ, не забывший, что и он сам лишь в третьем поколении из него вышел. Помнится, я провел у него три дня с искренним интересом знакомясь с ткацким делом, поставленным по-европейски на широкую ногу, имея в самом Николае Михайловиче просвещенного и любезного чичероне.» (Стремоухов. С. 1034).

Воспоминания о службе в Костроме завершают реляции с выборов предводителем дворянства С.И. Бирюкова, лесных пожаров летом 1914 г., гонения немцев и самые обширные – о забастовках, которые начались в июле.

3. ЭПИЛОГ

П.П. Стремоухов, после отработки, так называемой бюрократической барщины в Костроме, имел надежду на получение высокого поста в столице, но вернулся обратно в Царство Польское. Столичные мечты Стремоухова сбылись как не странно только после краха Российского господства на польских землях, пост варшавского губернатора стал мало важным и его назначили директором департамента общих дел МВД.

Надо обратить внимание, что Стремоухов выполнил свою задачу не только в отношении проведения торжеств, а также в примирении правящих слоев губернии. В два года почти все негативно им охарактеризованные выдающие фигуры ушли с постов, в том числе Зузин и архиерей Тихон. В этом Стремоухов продолжал дело Веретенникова, но более мягкими мерами.

Как нетрудно заметить общество Костромы казалось ему странным, отчужденным и серым. Немало повлияла на такую оценку политическая атмосфера, в которой как можно заметить он был каким-то динозавром. В своих воспоминаниях он хочет, чтобы его считали за либерального хозяина губернии – человека, понимающего нужды местного населения, но, с другой стороны, он характеризует себя как защитника трона и государства. На самом же деле он являлся либеральным консерватором в английском стиле.

Список источников и литературы:

1. Белов А. М. Служение отечеству: Руководители Костромской губернии и области. 1778—2008 гг. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – 296 с. – ISBN 978-5-7591-0983-9.
2. Горак А.Г. Дело полковника С.Н.Мясоедова в воспоминаниях П.П. Стремоухова. // Первая мировая война и российская провинция. Материалы международной конференции. / Ред. А.С. Минаков. – Орел: ИД Орлик, 2014. – С. 58-68.
3. Горак А.Г. Институт губернаторства российской империи в исторической ретроспективе: по воспоминаниям П.П. Стремоухова. // Вісник чернігівського національного педагогічного університету. Вып. 87, серия „Історичні науки”. № 8. – Чернігів, 2011. – С. 72-76.
4. Горак А.Г. Революция в воспоминаниях губернатора Петра Петровича Стремоухова. // 1917 год: государство, власть, территория. / ред. Л.Д. Шаповалова, предисл. А.С. Сенин. – Москва: «Политическая энциклопедия», 2017. – С. 125-130. – ISBN 978-5-8243-2207-1.
5. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). – Рязань: П.А. Трибунский, 2004. – 472 с. – ISBN 5-94473-006-4.
6. Любарская Т.Г. Департамент Общих Дел // МВД России: Энциклопедия. /Некрасов В.Ф., Полубинский В.И. – Москва: ОЛМА-Пресс, 2002. – С. 166-167. – ISBN 5-224-03722-0.
7. Мраморнов А.И. Епископ Гермоген (Долганов) в церковной и общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX вв. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Москва: [б.и.], 2008. – 20 с.
8. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19-20 мая 1913 года. / Издание КГУАК. Сост. член Совета Комис. Н. Н. Виноградов. – Кострома: Губернская типография, 1913. – 230 с.
9. РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 9406, к. 440.
10. РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 62.
11. Российское Зарубежье во Франции, 1919 – 2000: биограф. слов.: в 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 3: С-Я. – Москва: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. – 752 с. – ISBN 978-5-02-037382-2.
12. Савицкая О.Н. Церковно–политическая история саратовской губернии в лицах: иеромонах Илиодор (С. М. Труфанов) // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации. Под ред. проф. В.Н. Данилова. Вып. 4. – Саратов: «Наука», 2008. – С. 150-162. – ISBN 978-5-91272-768-9.
13. Семенов В.Н. Правители земли Саратовской. – Саратов: Волга, 2014. – 270 с. – ISBN 978-5-9904233-7-4.
14. Славин И. Я. Минувшее – пережитое // «Волга». – 1999 – № 12.
15. Стремоухов П. П. Императрица Александра Феодоровна в Ее письмах // Русская летопись. Кн. 6. – Париж: «Франко-русская печать», 1924. – С. 61-117.

-
16. Стремоухов П.П. Воспоминания. Все в прошлом. / ГАРФ. Ф. Р6546. Оп. 1. Д. 2-5.
  17. Стремоухов П.П. Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // Русская Летопись. Кн.7. – Париж, 1925. – С. 41-172.
  18. Стремоухов П.П. Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором // Архив русской революции изданный Гессеном. Т. 15-16. – Москва: ТЕРРА, 1993. – С. 5–48. – ISBN 5-85255-287-9.
  19. Archiwum Państwowe miasta stołecznego Warszawy, o/Milanówek, Варшавское Губернское Правление, д. III 25/1915.
  20. Bogdanov S. The Stremoukhovs. Local Nobility and Administrative Apparatus of the Russian Empire in the 19th-early 20th Century. // "Res Historica", 51. – 2021. – P. 373-385.
  21. Górak A. The Institution of Russian Imperial Governorship in Historical Retrospective According to P. P. Stremoukhov's Memoirs. // Russian Studies in History. Volume 53, Issue 3. – 2014. – P. 84-94.
  22. Górak A., Latawiec K., Kozłowski J., Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867-1918), wyd. 2. – Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej, 2015. – 543 с.

РАЗДЕЛ 3.
История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Демирова Н.И.

КОСТРОМСКОЙ УЧЕНЫЙ В.И. СМИРНОВ
И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ-АРХЕОЛОГИ¹

ДЕМИРОВА Н.И.

Государственный исторический музей, г. Москва

Аннотация: В статье дан обзор переписки костромского ученого В.И. Смирнова с советскими и зарубежными археологами, изучавшими памятники каменного и бронзового века на Русском Севере. Эти материалы, хранящиеся в ОПИ ГИМ, являются значимым, но практически неизученным источником по истории советской археологии 1920-1930-х гг.

Ключевые слова: история археологии, письменные источники, архив ученого, В.И. Смирнов.

KOSTROMA SCIENTIST V.I. SMIRNOV
AND HIS CORRESPONDENTS-ARCHAEOLOGISTS

DEMIROVA N.I.

State Historical Museum, Moscow

Summary: The article provides an overview of the correspondence of the Kostroma scientist V.I. Smirnov with soviet and foreign archaeologists, who studied Stone Age archaeological sites in the Russian North. These materials, stored in the Department of Written Sources of the State Historical Museum, are significant but unexplored in the history of Soviet archeology in the 1920s and 1930s.

Key words: history of archeology, written sources, scientist archive, V.I. Smirnov.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-09-40115 (Древности) «Научные коммуникации в отечественной археологической науке во второй половине XIX – первой четверти XX в. (на основе неопубликованных архивных источников)».

В ОПИ ГИМ хранится личный архив Василия Ивановича Смирнова (1882–1941), известного краеведа, археолога и этнографа, оставившего заметный след в научной и культурной жизни Костромы, где он многие годы руководил деятельностью Научного общества по изучению местного края (КНОИМК), Музея местного края и Этнологической станции, был одним из инициаторов открытия в городе университета и организации работы музеев в уездных центрах. По оценке С.О. Шмидта «Василий Иванович Смирнов имел в 1920-е гг. всероссийскую известность, общением с ним, советами его дорожили и краеведы страны, и виднейшие ученые» (Шмидт, 2011. С. 6). Научное описание личного архива В.И. Смирнова (Ф. 547, оп. 1 и 2) производилось в 2001–2003 гг. М.М. Якушкиной и И.В. Белозёровой, тем не менее, он мало изучен исследователями, несмотря на публикацию обзора его первой части (Якушкина, 2002).

Важнейшим источником для изучения широчайших научных контактов В.И. Смирнова является огромное эпистолярное наследие ученого (6014 писем), практически не введенное в научный оборот. Лишь часть его писем к родным, написанных в 1930–1931 гг. из тюрьмы и ссылки, была опубликована его дочерью Татьяной Васильевной Смирновой (Смирнов, 2016). Также в настоящее время готовится к публикации переписка В.И. Смирнова с основателем Чухломского музея Л.Н. Казариновым, археологами О.Н. Бадером и А.Я. Брюсовым.

Наряду с личными письмами в архиве сохранилось множество писем к Смирнову из музеев, научных обществ, от коллег-ученых, краеведов (1910-е гг. – 1941 г.), а также некоторое количество его ответных писем. Особенно активная переписка шла в 1920–1930-е гг. Корреспондентами Смирнова были представители самых разных специальностей, как гуманитарных, так и естественных, – историки,

антропологи, геологи, археологи, этнологи, филологи. Среди корреспондентов были и начинающие исследователи, и уже состоявшиеся ученые. География переписки также обширна. Значимая роль Смирнова как человека, объединявшего и во многом направлявшего местные научные силы, выразилась в огромном количестве отложившихся в архиве писем от костромичей и жителей Костромской области. Много писем из соседних, особенно северных и северо-западных областей – Архангельской и Ленинградской. Одновременно в архиве Смирнова имеется довольно представительный массив писем от видных московских и ленинградских ученых: Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга, В.А. Городцова, Б.С. Жукова и др.

Значимое эпистолярное собрание В.И. Смирнова позволяет проследить как внутреннюю научную жизнь Костромского края в первой трети XX века, так и взаимоотношения региональной науки с центральными учреждениями и научными школами Москвы и Ленинграда. Но, несмотря на свою ценность, оно практически не введено в научный оборот. Данная статья преследует цель осветить тематику переписки костромского ученого с археологами, показать ее информационные возможности как источника по истории советской археологии, привлечь внимание историков науки к этому интересному и практически неосвоенному материалу.

Среди корреспондентов В.И. Смирнова более 20 археологов – активных полевых исследователей или сотрудников профильных научных учреждений (О.Н. Бадер, А.Я. Брюсов, В.А. Городцов, Б.С. Жуков, А.В. Збруева, А.А. Спицын, М.Е. Фосс и др.). Далеко не со всеми из них у Смирнова имелись прочные научные связи. От некоторых корреспондентов в архиве сохранилось буквально 1–2 письма информационного, поздравительного или консультативного характера. Такие разовые контакты мы оставим за рамками обзора,

сосредоточив внимание на тех корреспондентах, с которыми Василий Иванович поддерживал продолжительный диалог в переписке.

Научные интересы В.И. Смирнова были весьма разнообразны. Как археолог, он с начала 1920-х гг. изучал памятники эпох неолита, бронзы и раннего железа лесного Заволжья и Севера Европейской части России. Его работам был присущ свой особый подход, анализ археологического материала с учетом глубоких познаний в области геологии и этнологии региона (*Китицына, Третьяков, 1968. С. 239*). В Костромском крае им было выявлено 25 новых археологических памятников, привлечших внимание О.Н. Бадера, А.А. Спицына, А. М. Тальгрена и других ученых, о чем свидетельствуют их письма, богатые и разноплановые, содержащие много информации, в том числе организационно-научного характера. В архиве сохранилась также черновая рукопись «Из истории археологических исследований в Костромском крае» (*ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 1. Ед.хр. 1*).

Так, из посланий О.Н. Бадера (25 писем, 1926–1941) и ответных В.И. Смирнова (3 письма, 1926–1941) (*ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 82, 91*) можно узнать, что Отто Николаевич помогал костромскому коллеге в поисках и приобретении необходимого для исследований оборудования в Москве, делился сведениями о своей работе в археологическом подотделе Главнауки, планируемых научных мероприятиях. Уникальную информацию содержат письма Бадера за 1927 г., связанные с подготовкой Смирновым Второго совещания палеоэтнологов Центрально-Промышленной области в Костроме, в которых обсуждались многие организационные моменты. Например, в одном из них (11.04.1927) предложен детальный список лиц для участия в этом совещании, намечены темы докладов ведущих участников совещания – А.А. Спицына,

В.А. Городцова, Б.С. Жукова, а также собственного выступления (*ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 91. Л. 10-10об*). В письмах второй половины 1927 г. – 1928 г. обсуждалась публикация материалов прошедшего совещания, принципы работы и место организации будущего – Третьего – совещания. В 1930 г., в том числе и из-за ареста Смирнова, переписка оказалась прерванной вплоть до 1935 г., когда Василий Иванович сообщил Бадеру о своем намерении вернуться к полевым археологическим работам. Тот поддержал начинание коллеги, помог ему сориентироваться в текущей ситуации с организацией археологических работ, привел типовую смету собственных раскопок (Там же. Л. 29-30об). В 1940 г. в ходе обследования стоянки Кубенино близ Каргополя Смирнов обнаружил человеческие останки. Отто Николаевич помог организовать их антропологическое исследование в Институте антропологии МГУ, чему посвящены два последних письма ученого.

Не менее содержательны и интересны послания выдающегося российского археолога А.А. Спицына (22 письма, 1925-1930) и ответные В.И. Смирнова (6 писем, 1926-1929) (*ОПИ ГИМ Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 85, 166*). Их переписка – это письма коллег, совместно ведущих полевые исследования. В 1925-1926 гг. они обсуждают организацию совместных раскопок в Вежах, передачу на хранение полученных материалов и пр. Александр Андреевич оказался рецензентом отчета Смирнова о раскопках Федоровской стоянки (1926), ставших неожиданно резонансными благодаря обнаружению остатков погребений. Спицын в своем письме по этому поводу дал подробный разбор своего видения стратиграфии указанного памятника (*ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 68.*).

Наряду с археологическими вопросами в переписке ученых поднимались

темы изучения Костромского края: Спицына интересовала деятельность и история КНОИМК.

Планируя визит в Кострому, он просил Смирнова стать его проводником в изучении данного вопроса (*Там же. Л. 51*). Василий Иванович, в свою очередь, отправлял в Ленинград на предварительную рецензию свою программу для собирания этнографических материалов «Крестьянские земельные пределы и народные меты», опубликованную в 1926 г. Александр Андреевич в одном из писем дал подробнейший разбор этого документа, не обошлось и без довольно существенных критических замечаний (*Там же. Л. 52-53*). Тем не менее, Спицын очень высоко оценивал научный уровень и значение работ Смирнова. В одном из писем он лаконично заметил: «Мой взгляд на костромское краеведение такой, что оно живет выше нормы, силами и нервами одного человека» (*Там же. Л. 60*). Спицын советовал коллеге не ограничиваться программами для сбора этнографического материала, а обобщить свои знания о Костромском крае в виде монографии. В силу крайней занятости, Василий Иванович не сумел подготовить такой глобальный труд, однако вскоре увидела свет статья, подводившая итоги его 15-летних работ по изучению края (Смирнов, 1927).

В числе корреспондентов В.И. Смирнова было немало представителей зарубежной науки разных специальностей. Среди них известный финский археолог Арне Михаэль Тальгрена. Сохранились письма А.М. Тальгрена (6 писем, 1923-1928) и ответное Смирнова (без даты). Эпиграфом к этой переписке могут быть слова самого Тальгрена в его первом письме Смирнову: «Так называемая фатьяновская культура в России есть теперь центром² исследований в археологической

науке Северной и Центральной Европе, и она не может быть окончательно разрешена, прежде чем новые находки не дадут нового материала» (*ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 168. Л. 7*). В 1920-е годы все затруднительнее становилось научное общение советских и зарубежных ученых. Несмотря на это, финскому исследователю все-таки удалось несколько раз посетить Советский Союз. В ходе этих поездок ему не довелось увидеться лично со Смирновым, однако он познакомился в Костроме с его подопечными, тогда еще начинающими исследователями П.Н. Третьяковым и С.Н. Рейнпольским. Что же касается письменного общения с самим Смирновым, то они обменивались фотографиями археологических находок и научной литературой. Финский археолог интересовался, прежде всего, материалами Туровского поселения (раскопки Смирнова на Галическом озере) и Говядиновского могильника. По мнению Тальгрена, изучение финского неолита было невозможно вне связи его с Русским Севером и в частности Костромским краем. Он писал В.И. Смирнову: «Северный, м[ежду] пр[очим] финляндский неолит остается неопределенным, пока Костромской край не изучен и его материал не хорошо разработан. Ваш край является центром влияния из юга, востока и запада. Относительно севера, по-моему, пока нельзя сказать, как идут эти влияния, из севера или как раз наоборот» (*Там же. Л. 10-10об.*).

В отдельную группу можно выделить письма археологов – учеников школы В.А. Городцова. Наряду с большим количеством непосредственно археологических сведений, они интересны именно как яркое подтверждение сложившейся и осознающей себя школы одного из основоположников российской археологии. Ученики Городцова наряду с личными посланиями отправляли Смирнову коллективные письма.

---

² В цитате сохранены особенности стиля и орфографии автора письма.

Первое из них подписано А.В. Арциховским, А.Я. Брюсовым, Е.Н. Липеровской и переслано в Кострому самим Городцовым в феврале 1924 г. Студенты археологического отделения 1 МГУ обращались к Смирнову с просьбой помочь им в организации археологических раскопок на «Заячьей горе»³. Планировался приезд большого студенческого отряда (около 20 человек). Городцов в приписке к письму студентов просил Василия Ивановича не отказать его ученикам в этой просьбе (ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 105. Л. 3-3 об.). Среди писем Брюсова Смирнову 1925 г. есть еще одно коллективное письмо, подписанное «учениками школы Городцова»: А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс, А.В. Збруева, Е.А. Байбурт (Там же. Л. 47).

Впоследствии основным корреспондентом В.И. Смирнова из числа учеников В.А. Городцова был А.Я. Брюсов (12 писем, 1924-1929). Сохранилось и 3 ответных письма Смирнова (1927 г.). Василий Иванович оказывал большую практическую помощь начинавшему свой путь на поприще археологии исследователю. В марте 1925 г. Брюсов обратился к костромскому ученому с деликатной просьбой – предоставить ему для исследования несколько стоянок, обнаруженных в ходе разведок Смирнова. Для молодого ученого это была единственная возможность посвятить полевой сезон 1925 г. работе на памятниках Русского Севера, так как собственных объектов для исследования он на тот момент еще не имел. Камнем преткновения стал вопрос о месте хранения материалов раскопок: Брюсову для получения желаемой командировки необходимо было передать находки в Москву; Смирнов настаивал, чтобы найденные предметы остались в Костроме. Александр Яковлевич предложил провести фактически совместные раскопки на нескольких объектах, получив открытые

листы на часть объектов на имя Брюсова, а на другую – на имя Смирнова; соответственно листам разделить и находки (ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. 96. Л. 44). Судя по письмам следующего года, Василий Иванович согласился помочь начинающему коллеге (Там же. Л. 48). Кроме организационных вопросов, Брюсов (недавно поступивший в аспирантуру ИАИ РАН ИОН) много пишет о своих взглядах на датировку Заячьей горки и его расхождениях по этому вопросу с Городцовым (Там же. Л. 44). Вообще поиск собственной методологической позиции, определенное противопоставление себя старшему поколению археологов постоянно скользит в письмах Брюсова к Смирнову, что делает их особенно ценным и интересным источником для изучения дискуссий, разворачивавшихся в советской археологии во 2 пол. 1920-х – 1 пол. 1930-х гг.

Отдельный интерес представляют письма В.И. Смирнову от его учеников П.Н. Третьякова и С.Н. Рейнпольского. Оба еще старшеклассниками участвовали в работах этнологической станции КНО-ИМК под руководством Смирнова. Этот первый научный опыт оказался для обоих определяющим при выборе жизненного пути. Впоследствии оба юноши получили образование в Ленинградском университете, однако, их можно считать учениками В.И. Смирнова, с которым они поддерживали и в дальнейшем тесные научные и личные связи. С.Н. Рейнпольский в студенческие годы увлекся искусствоведением, впоследствии оказался в Москве, где работал в музее Советской армии, а позже в ГИМ, где заведовал IV экспозиционным отделом (с 1964 г.), руководил сектором внутримузеевской массовой и выставочной работы отдела научной пропаганды. П.Н. Третьяков обосновался в Ленинграде, работал в ИИМК, затем в Институте археологии АН СССР, преподавал на историческом факультете ЛГУ, в 1958 г. стал членом-корреспондентом АН СССР.

---

³ Так в письме. Имеется в виду Заячья горка, на которой расположено Туровское поселение на Галичском озере.

Его письма более информативны, так как ленинградский археолог был особенно близок Смирнову с профессиональной точки зрения.

В ЛГУ Третьяков слушал у Спицына «семинарии по Славянам и Прибалтике» (ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 169. Л.21). Александр Андреевич часто передавал через своего студента приветы уважаемому им костромскому коллеге, справлялся о его здоровье и научных делах. Третьяков в своих посланиях прилежно передавал все эти знаки уважения и внимания. После окончания университета он постоянно держал Василия Ивановича в курсе своих полевых разысканий 1930-х гг., преимущественно на Верхней Волге, пересылал Смирнову выписки из статьи Брюсова об исследовании Беломорских стоянок. С середины 1930-х гг. в письмах Третьякова отразилась дискуссия, связанная с фатьяновской культурой. Как и Смирнов, он участвовал в работе Фатьяновской комиссии, созданной в 1924 г. при Московском отделении ГАИМК. Вновь развернувшимся дискуссиям по фатьяновской проблеме был присущ социологический подход (Кузьминых, Сафонов, 2021). Третьяков не вполне разделял его, сомневаясь в верности методологических установок комиссии и перспективности ее работы (ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 169. Л. 28). Работая в Ленинграде, Третьяков, тем не менее, держал своего костромского учителя в курсе научных новостей, спорах вокруг фатьяновской культуры (Там же. Л. 31-31об).

П.Н. Третьяков инициировал публикацию В.И. Смирновым в журнале «Советская археология» большой обзорной статьи об археологических памятниках Беломорского побережья (Смирнов, 1937). До этого момента Смирнов практически не публиковал материалы своих раскопок, его публикации 1920-х гг. были посвящены в основном краеведческим проблемам. Большинство археологических трудов Смирнова изданы в 1940-1941 гг. Материалы Говядиновского могильника – одного из ключевых памятников в научной биографии ученого – увидели свет лишь спустя 6 лет после его смерти (Смирнов, 1947).

В заключение хотелось бы отметить, что переписка В.И. Смирнова с археологами может быть разделена на четыре смысловых блока: разовые письма; переписка с видными учеными центральных научных и культурных учреждений; переписка с учениками В.А. Городцова; переписка с собственными учениками. Три последние группы писем наиболее информативны и содержат ценные сведения по истории советской археологии 1920–1940-х гг.: формированию ее организационной структуры, организации полевых работ и методическим поискам. Дальнейшее углубленное изучение эпистолярного наследия В.И. Смирнова, безусловно, станет важным вкладом в историко-научные исследования, особенно если удастся привлечь письма ученого, которые могли отложиться в личных архивах его корреспондентов.

Список источников и литературы:

1. Кितिцына Л.С., Третьяков П.Н. Памяти Василия Ивановича Смирнова // СА. – 1968. – № 4. – С. 239-244.
2. Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн: диалог в переписке. – Москва: ИА РАН, 2021. В печати.
3. Смирнов В.И. Говядиновский могильник // СА. – 1947. – № 9. – С. 213-220.
4. Смирнов В.И. Итоги 15-летней краеведческой работы в Костромском крае // Краеведение. – 1927. – № 3. – С. 405-413.
5. Смирнов В.И. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области // СА. – 1937. – № 4. – С. 169-211.
6. Смирнов В.И. Цветок клюквы и веточка карликовой берёзы: Судьбы краеведов / сост. Т.В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО «Все для Вас «Подмосковье»», 2016. – 265 с.
7. Шмидт С.О. Выдающийся краевед // В.И. Смирнов. Народ в тюрьме (1930-1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова / сост. Т.В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО «Все для Вас Сергиев Посад», 2011. – 224 с.
8. Якушкина М.М. Обзор фонда Василия Ивановича Смирнова // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. – Москва: ГИМ, 2003. – С. 363-369. (ТГИМ; Вып. 136.)

РАЗДЕЛ 3.

История костромского края и сопредельных территорий в древности, Средневековье и в Новое время в свете письменных и устных источников

© Наградов И. С.

ДОМ СТАРООБРЯДЦЕВ СКОБЁЛКИНЫХ: ГЕНЕАЛОГИЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЛАДЕЛЬЦЕВ, МУЗЕИФИКАЦИЯ ЗДАНИЯ

НАГРАДОВ И. С.

*Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник, г. Кострома*

Аннотация. В статье описана генеалогия старообрядцев Скобёлкиных из деревни Стрельниково Костромского района Костромской области. Рассмотрена хозяйственная жизнь семьи: огородничество, плетение корзин и утвари, вступление в колхоз. Основным источником описания послужил семейный архив, поступивший на хранение в Костромской музей-заповедник от потомков Веры Александровны Скобёлкиной. В составе архива находятся документы личного, хозяйственного, религиозного характера и воспоминания. Рассмотрен вопрос о времени строительства дома старообрядцев Скобёлкиных. Приведены различные даты. Дается описание дома, история его музеификации (дом находится на территории архитектурно-этнографического отдела Костромского музея-заповедника).

Ключевые слова. Скобёлкины, Памятник деревянного зодчества, Старообрядчество.

HOUSE OF OLD BELIEVERS SKOBELKIN: GENEALOGY, RELIGIOUS AND ECONOMIC LIFE OF OWNERS, TRANSFORMATION OF A HOUSE INTO A MUSEUM

NAGRADOV I. S.

*Kostroma state historical-architectural
and art museum-reserve*

Summary. The article describes the genealogy of the Old Believers Skobelkins from Strelnikovo village, Kostroma District, Kostroma Region. The economic life of the family is considered: farming, weaving baskets and utensils, joining a kolkhoz. The main source of the description was the family archive, given to the Kostroma Museum-Reserve by the descendants of Vera Alexandrovna Skobelkina. The archive contains personal, economic, religious documents, and memories. The question of the construction time of the Skobelkin Old Believers' house is raised. Various dates of construction are given. A description of the house, the history of its museification is given (the house is located on the territory of the architectural and ethnographic department of the Kostroma Museum-Reserve).

Keywords: Skobelkin, Monument of wooden architecture, Old Believers.

В 2018 г. по инициативе д.и.н., профессора Ирины Васильевны Поздеевой и руководителя археографической лаборатории МГУ им. М.В. Ломоносова Натальи Викторовны Литвиной сотрудники музея и лаборатории подготовили заявку на участие в конкурсе грантов Британской библиотеки и благотворительного фонда «Аркадия» Лисбет Раузинг и Питера Болдуина. Программа под названием «Архивы в опасности» (Endangered Archives Programme) работает с 2005 г. Благодаря ей по всему миру оцифровано более 300 архивов, находящихся под угрозой исчезновения. Изображения доступны для изучения бесплатно на сайте Британской библиотеки. В России к настоящему моменту поддержку получили 13 проектов, включая наш. Он называется: Complex archeographic research of old believers communities in Kostroma region: search, digitization and archiving of early Cyrillic books and manuscripts (*Наградов, 2020*).

В состав рабочей группы вошли: заместитель генерального директора по научной работе Костромского музея-заповедника И.С. Наградов (руководитель проекта), заведующий Межкафедральной археографической лабораторией исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Н.В. Литвина, старшие научные сотрудники музея И.А. Кузьмичёв и О.В. Кузьмичёва.

В настоящее время работа над проектом завершена. Оцифровано более 170

документов по истории старообрядчества Костромской области. Наибольший интерес представляет архив старообрядцев Скобёлкиных. Документы и фотографии архива отражают повседневную, хозяйственную, религиозную и личную жизнь старообрядческой семьи на протяжении всего XX в. Архив особенно ценен для музея тем, что он позволит глубже узнать историю дома, который с 1984 года находится на территории архитектурно-этнографического отдела. В настоящее время в доме отсутствует экспозиция, а сам он нуждается в реставрации. Целью данного исследования является сбор и систематизация сведений об истории дома и его владельцев для последующего использования при создании тематической музейной экспозиции.

Узнать о существовании архива и провести переговоры с его владельцами (семьёй Анатолия Леонидовича Шутова) удалось благодаря бескорыстной помощи хранителя фонда «Стекло. Керамика» Костромского музея-заповедника Натальи Юрьевны Погореловой, за что я очень благодарю её.

Архив старообрядцев Скобёлкиных даёт возможность более детально рассмотреть историю дома – памятника архитектуры и его жителей. Документы и фотографии архива семьи Скобёлкиных в настоящее время находятся в стадии описания и постановки на музейный учёт. Предметам присвоены номера временного хранения, на которые я и даю ссылки.

* * *

История семьи Скобёлкиных записана их зятем – Леонидом Павловичем Шутовым (08.02.1907 – 29.12.1994) со слов его жены Веры Александровны Скобёлкиной, её сестер Матрёны, Марфы/Марии и брата Ивана.

По его же подсчётам на 1 февраля 1927 г. в д. Стрельниково проживало 8

семей с фамилией Скобёлкины в количестве 41 человека.

Первым известным представителем рода Скобёлкиных был Василий, купивший в XVIII в. деревянный дом у «неких старых дев сестер Груздевых». У Василия был сын Роман Васильевич, внук Устим Романович и правнук Андрей Устимович.

В своих воспоминаниях Л.П. Шутов указывает даты рождения, вычисленные им с помощью «демографического подсчета», то есть путём прибавления 35 лет, а соответственно, весьма приблизительно. Более уверенно он называет даты рождения и смерти только Андрея Устимовича – около 1844 – 1919 гг. Так же известно имя супруги Андрея Устимовича – Ефросинья Новожилова (Шутов, 1969. Л. 2).

Известны их дети: Надежда Андреевна, вышедшая замуж за Капитона Попова из д. Святое; Александр Андреевич, женившийся на Ольге Фёдоровне Топорковой из д. Пустошка; Фёдор Андреевич; Анфиса Андреевна, в замужестве Баракова, жившая в с. Саметь и Вера Андреевна, в замужестве Касаткина, жившая в д. Курочино.

Известны даты жизни и Александра Андреевича Скобёлкина (05.02.1868 – 20.01.1942) – праправнука основателя рода. Сохранилась фотография Александра Андреевича в семейном альбоме, а так же фотография его жены – старообрядки-беспоповки Ольги Фёдоровны Топорковой (12.07.1866 – 17.01.1938). Их дети стали последними жителями дома.

Иван Александрович (1889 – 1965). В 14-летнем возрасте у него началась необратимая потеря зрения. В 17 лет он ослеп. Проживал в родительском доме в д. Стрельниково с сёстрами Марфой и Матрёной. Занимался ведением хозяйства, мелким ремонтом, играми с детьми. Женат не был (Шутов, 2019. Л. 5; Шутов, 1969. Л.2-4).

Михаил Александрович (1892 – 1915). Погиб на фронтах Первой мировой войны. В архиве семьи сохранилось его письмо от 28 января 1915 г. (Письмо, 1915. Л. 1-1об.)

Анна Александровна (1894 – 1952). Была замужем за Я.И. Каменщиковым из д. Каримово. Её муж был состоятельным человеком. В 1920-х гг. он умер, находясь в доме Скобёлкиных в д. Стрельниково, где остановился проездом. С его именем

члены семьи связывают клад, состоящий из банкнот Российской империи и т. н. «керенок», который был обнаружен в сер. XX в. А.Л. Шутовым. Фотография Я.И. Каменщикова хранится в семье Шутовых (Шутов, 2019. Л. 26).

Марфа/Мария Александровна (1897 – 1982). Проживала в родительском доме в д. Стрельниково. Замуж не выходила. Марфа – это крестильное имя. В документах, как правило, именовалась Марией. В быту, письмах члены семьи называли её «Маня». Была не грамотна. А.Л. Шутов характеризует её так: «Добрая по характеру, улыбчивая, была самой лучшей помощницей нашей семьи (Шутовых)». С момента вступления отцовского хозяйства в колхоз она работала в овощеводческом и семеноводческом звене. Была награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (1947 г.) и «За трудовое отличие» (1950 г.) (Шутов, 2019. Л. 6-7).

Василий Александрович (1898 – 1973). В годы Гражданской войны служил в Красной армии (1919 – 1920 гг.). В архиве семьи сохранились почтовые карточки, присланные им родителям из армии. (Карточка почтовая, 1919. Л. 1-1 об.). Был женат. Жил с семьёй в д. Стрельниково (Шутов, 2019. Л. 4).

Матрёна Александровна (1900 – 1983). Проживала в родительском доме в д. Стрельниково. Замуж не выходила. В быту, в письмах её называли «Мотя». Окончила два класса церковно-приходской школы. А.Л. Шутов отмечает, что в отличие от старшей сестры она была «с характером более жёстким, по-мужски хозяйственным и рачительным. После смерти матери и отца взяла хозяйство семьи в свои руки. Вела его весьма расчётливо». Продавала выращенные на личном участке продукты в Костроме. Работала в полеводческой бригаде колхоза. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1947 г.). (Шутов, 2019. Л. 8-9).

Иосиф Александрович (1902(1903) – 1943(11.05.1944)). Данные о рождении и смерти в учётных документах министерства обороны (1902 – 1944) и сведения, указанные Л.П. Шутовым (1903 – 1943), расходятся. Однако, речь, безусловно, идёт об одном и том же человеке, так как полностью совпадают населённый пункт, имя, отчество и довольно редкая фамилия. В 1928 г. он работал на Космынинской торфоразработке под г. Нерехтой Костромской губернии (*Расчетная книжка, 1928*). Был женат дважды. Первая жена Евдокия Александровна Сорокина (1910 – 1933) из д. Гридино (Аферово) погибла в результате несчастного случая. Она работала на железной дороге стрелочницей и её зацепил проходящий поезд. От первого брака у Иосифа родилась дочь – Ливия (1931 г.р.). Вторым браком Иосиф был женат на Валентине Васильевне Поповой (1912 – ?) из д. Некрасово. У них родились дети: Алевтина и Владимир. В 1937 г. Иосиф уже проживал с семьёй в пос. Комсомольский Ивановской Промышленной области (Миловское почтовое отделение), откуда прислал родственникам почтовую карточку (*Карточка почтовая, 1937. Л. 1-1 об.*).

Иосиф Скобёлкин – участник ВОВ. Был призван Комсомольским райвоенкоматом Комсомольского района Ивановской области. Отмечен на военно-пересыльном пункт № 387 ЗСП как русский, беспартийный, рабочий, женатый. Жена – Валентина Васильевна, проживающая в пос. Комсомольский. 27 июня 1943 г. был награждён медалью за оборону Сталинграда. На момент награждения – стрелок комендантского взвода 44-ЗЯ. Во время обороны Сталинграда с 1 октября 1942 по 9 октября 1942 гг. – стрелок 115-го гвардейского стрелкового полка 134 дивизии 16 армии. Рядовой 90-й гвардейской стрелковой дивизии Иосиф Александрович Скобёлкин был убит в бою 11 мая 1944 г. на территории Идрицкого района Опочецкого округа Калининской области,

в 1 км южнее д. Замора. По сведениям, включённым в книгу памяти Ивановской области, он был похоронен в пос. Идрица Себежского района Калининской области (*Скобёлкин И.А.*).

Вера Александровна (1907 – 1988). Вышла замуж на Леонида Павловича Шутова 20 октября 1928 г. (*Свидетельство, 1953. Л. 1-2 об.*). В 1929 г. в семье родилась дочь Валентина, в 1938 г. – Ольга, а в 1948 г. – Анатолий. Именно Анатолий Леонидович Шутов передал в 2018 г. в музей архив своих родителей.

Николай Александрович (1912 – после 1985). Был женат. Жил с семьёй в д. Стрельниково. Известно имя супруги – Вера. В 1930 г. он работал в кооперативе «Крестьянин» (*Членская книжка, 1930. Л. 1-34 об.*), в 1933 г. в промартели «14-й Октябрь» (*Справка, 1933. Л. 1-1 об.*), а также какое-то время слесарем на механическом заводе (*Справка, б.г.. Л. 1-1 об.*). В 1938 г. он отделился от хозяйства отца (*Заявление, 1938. Л. 1-1 об.*).

Николай Скобёлкин – участник ВОВ. Был осуждён Ярославским революционным трибуналом 13 августа 1941 г. по статье Уголовного кодекса РСФСР 193 пункт 7 подпункт «г» (самовольная отлучка свыше суток) и пункт 12 (уклонение военнослужащего от несения обязанностей военной службы путем причинения себе какого-либо повреждения или путем симуляции болезни, подлога документов или иного обмана). Уголовный кодекс предусматривал в военное время за эти проступки высшую меру наказания (*УК, 1926; УК, 1950*).

В мае 1942 г. – марте 1943 г. Николай находился в Трудколонии № 1 г. Ярославля. Вскоре его заявление о помиловании и отправке на фронт было удовлетворено и Николай Александрович сумел искупить свою вину (*Жалоба, 1942. Л. 1 – 1 об.*).

Согласно данным документов, размещённых на сайте «Память народа», гвардии старший сержант, токарь подвижной ремонтной мастерской 5-й гвардейской миномётной дивизии 1-го Белорусского

фронта, Н.А. Скобёлкин был награждён медалью за боевые заслуги. В мае 1945 г. он был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». А 9 апреля 1985 г. – Орденом Отечественной войны I степени (Скобёлкин Н.А.).

Именно Николай Александрович вместе с Верой Александровной были признаны наследниками дома в д. Стрельниково.

* * *

На территории Костромской низины проживали представители разных старообрядческих согласий: поповцы и беспоповцы. Как показывает история семьи Скобёлкиных, религиозные различия не мешали заключению браков. Л.П. Шутов, пересказывая воспоминания родственников, отмечал: «Все Скобелкины были старообрядцами, как и Топорковы, но Федор Топорков был из т. н. «покрещеван-беспоповцев» и отец его тоже, который ходил в подштанниках, чаю они не пили, самовар называли «Антиев горшок» т. е. антихристов, ели только из своей посуды. Сам он был седенький старичок, невысокого роста и ходил все в полушубке.

Как рассказывали Скобелкины, Федор Топорков был женат на Екатерине родом из Шунги и не старообрядке и не сектантке и он всю жизнь агитировал перейти в свою сектантскую вер(у)-беспоповцев, она же не соглашалась. В старости она была больна и Федор «окрестил» её в свою веру в пруде, после чего она совсем слегла и умерла, а Федор радовался тому, что она «святая теперь»» (Шутов, 1969. Л. 4).

И всё же Скобёлкины оставались старообрядцами-поповцами (Белокриницкое согласие) в соответствии с религиозными взглядами отца семейства. А.Л. Шутов вспоминает: «Постоянно все трое (Марфа, Мария и Иван Скобёлкины – И.Н.) ходили в церковь, а каждый вечер после

Они же продали дом Костромскому музею-заповеднику в 1983 г. (Решение, 1983. Л. 1-1 об.).

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем общее представление о генеалогии Скобёлкиных, достаточное для рассказа о владельцах дома в рамках экскурсии по будущей экспозиции, для составления аннотаций и справочных материалов.

ужина перед сном Мотя читала молитвы и церковные книги на старославянском языке <...> Всё трое подолгу молились. Когда наступали большие церковные праздники с ночными службами, в дом на ночёвку, помимо родственников, приходили издалека верующие. Приходили даже из с. Сущёво, д. Пустошки – шли пешком напрямую, минуя Кострому.» (Шутов, 2019. Л. 10).

В архиве Л.П. Шутова сохранилось совсем не много предметов религиозного назначения. Это Ноты крюковые (знаменные) «Литейная стихера на праздник Вознесения Господня» (Ноты, 1920), написанные рукою В.А. Скобёлкиной в 1920 г.; Тропарь Пресвятой Богородице всем скорбящим радость, переписанный в 1961 г. Натальей Петровной Голубевой (Тропарь, 1961) и Канон Богородице Феодоровской с Каноном пророку Науму (Канон, б.г.). Имеется в архиве семьи так же поминальник кон. 1980-х – нач. 1990-х гг. с именами членов семьи Скобёлкиных. По словам А.Л. Шутова, значительное количество книг было передано в 2000-е гг. в один из монастырей г. Костромы. Судьба их не известна.

Старообрядческое вероисповедание Скобёлкиных не вызывает сомнения. Учитывая наличие в доме моленной комнаты, этот факт должен быть учтён при музеефикации дома и создании тематической экспозиции в нём.

* * *

Хозяйственная жизнь семьи прочитывается по документам, сохранившимся в архиве, и воспоминаниям А.Л. Шутова.

Анатолий Леонидович отмечает: «В семье Скобёлкиных трудились все. Из домашних животных были козы, корова, лошадь. Держали кошек, которые не давали мышам портить и съедать запасы в подвале. Собаки не было – ещё Александр Андреевич отзывался о собаке так: «Только лошадь пугать».

Маму (Веру Скобёлкину) с 8 лет приучали работать с лошастью (водить за уздцы при пахоте, ездить на телеге).

Летом – работа на земле (выращивание овощей, заготовка сена, ивовых прутьев и др.).

Зимой – работа в мастерской (лозоплетение и столярные работы). Жена и дочери вываривали прутья и чистили их. Муж и сыновья занимались плетением из них изделий (корзины, стулья, сундуки), которые пользовались хорошим спросом и в селе, и в Костроме» (Шутов, 2019. Л. 10).

И.В. Маковецкий, описывая работу комплексной экспедиции Академии наук СССР и Государственного исторического музея, упоминает слова Ивана Александровича Скобёлкина: «...о трудной и опасной работе отца на сплаве леса, о деде, нанимавшемся в водоливы на баржи...». (Маковецкий, 1952. С. 11).

А.Л. Шутов отмечает, что: «В период коллективизации в с. Стрельниково был образован колхоз «Огородник». Название связано с тем, что в этих местах всё земледелие было связано с выращиванием овощей (картофель, лук, морковь, капуста, огурцы). Это было связано во многом с тем, что почти все луга вокруг были заливными. Злаковые (рожь, пшеницу) за рекой Костромой вообще не выращивали. Только овощи и хмель.

<...>

Заливные луга были очень плодородными и не требовали удобрений и даже полива. Вдоль берега Волги было много островов и на островах сажали капусту. От села Стрельниково в сторону Волги сажали поля огурцов. Огурцы росли в открытом грунте и без полива. Мы с ребятами бегали на край деревни к огуречному полю, чтобы набрать там огурцов-желтяков и вырезать из них всякие поделки. Никто эти поля не охранял.

Очень ценился сладкий стрельниковский лук, особенно романовский (красный).

Морковь также была очень сочная и сладкая. И это всё благодаря заливным лугам.

Но вся обработка полей (посев, прополка, уборка) производились вручную. И этим занимались женщины. И вот Мотя и Маня всю жизнь занимались полевыми работами. Помню их клеёнчатые фартуки и наколенники, в которых они работали. Потому, что все работы производились на коленях ползком. И так всю жизнь. Расплачивались тогда не деньгами, а трудоднями» (Шутов, 2019. Л. 25-26, Трудовая книжка, 1938. Л. 1-10 об.).

Как сообщает А.Л. Шутов в 1936 г. Скобёлкины вступили в колхоз, отдав свою лошадь. Сделали они это под давлением властей. (Заявление, 1936. Л. 1-1об.; Шутов, 2019. Л. 17). Однако документы вносят некоторые коррективы в эту информацию. Согласно жалобе Александра Андреевича в редакцию газеты «Северная правда», лошадь он продал, а стоимость лошади внёс в кассу колхоза. Сама жалоба была направлена против председателя колхоза Богомолова, который не принимал сено, затопленное паводком в 1935 г., хотя водой было повреждено и требовало повторной зимней просушки сено

не только у многих единоличников, но и у самого колхоза. За не сданное в колхоз сено у дочерей Александра Андреевича были вычтены трудодни (*Жалоба, 1937. Л. 1-1 об.*).

Постепенно дети покидали хозяйство. Иосиф, как уже упоминалось, в 1928 г. работал на Космынинской торфоразработке, а затем жил в пос. Комсомольский, откуда был призван на фронт. В письмах родным он сообщал, что не будет писать брату Василию о претензии на часть родительского дома, но и отказываться от крыши над головой считал не разумным (*Письмо, б.г. Л. 1-1 об.*).

В 1930 г. Николай Скобёлкин стал членом строительного кооператива «Крестьянин» (*Членская книжка, 1930. Л. 1-34 об.*). В 1938 г. он отделился от хозяйства отца (*Заявление, 1938. Л. 1-1 об.*).

Анна и Вера Скобёлкины вышли за муж и покинули отцовское хозяйство. Михаил и Иосиф погибли на войне.

В родительском доме остались трое детей: Марфа, Матрёна и Иван. Иван был инвалидом по зрению. Тем не менее в 1932 г. он работал в Тепловском промколхозе «Путь к социализму» (*Справка, 1932. Л. 1-1 об.*). К 1942 г. он уже полностью не работал (*Справка, 1942а. Л. 1-1 об.*) и в колхозе не состоял (*Справка, 1942б. Л. 1-1 об.*). Одна из сестёр в 1934 г., то есть

ещё до вступления хозяйства отца в колхоз, работала на дорожном строительстве (*Справка, 1934. Л. 1-1 об.*). Матрёна Александровна какое-то время работала в колхозе «Дружба» (*Пенсионное удостоверение, 1965. Л. 1-4 об.*).

Таким образом, крестьянская семья Скобёлкиных прошла через горнило коллективизации, индустриализации и военных конфликтов первой половины XX века с большими людскими и материальными потерями. Традиционно, в силу природных особенностей местности, жители Костромской низины не сеяли злаковые культуры, занимаясь огородничеством и ремеслом (в случае Скобёлкиных – корзиноплетением). Они так же были вынуждены наниматься на сезонные работы на Волге, а с началом индустриализации работать и подрабатывать на промышленных предприятиях.

Жизнь раскидала братьев и сестёр, оставив в родительском доме двух незамужних сестёр и незрячего брата. В таком составе вести крестьянское хозяйство и поддерживать удовлетворительное состояние дома со временем становилось всё сложнее, и всё острее вставал вопрос о продаже или обмене дома. Тем более, что в 1950-е гг. такая возможность вроде бы появилась – дом попал в поле зрения сразу нескольких научных организаций.

* * *

«Историческое расположение дома – Костромская область, Костромской район, на южной окраине села Стрельниково. Это был первый дом в селе на правой (северо-восточной) стороне дороги из Костромы. Теперь эта улица называется в честь летчика Анания Шутова – улица Шутова. <...> В Стрельниково дом Скобёлкиных называли «Большой Дом», т.к. он действительно был больше и выше многих других домов» (Шутов, 2019. Л. 3, 12).

В одном из вариантов своих воспоминаний Л.П. Шутов так рассказывает историю строительства дома, вплетая её в деревенское предание об основании селения: «Вот и всё, что известно, что додумано и изложено в сей версии о роде Шутовых из д. Стрельниково, которую по преданию впервые выстроили ссыльные стрельцы Петром 1-м – за их выступление за «царицу» – сестру Софью, вознамерившуюся царствовать в России <...>, но Петр жестоко подавил

выступление стрельцов и половину побеждённых казнили, отрубив головы <...>

Вторая половина «мятежных стрельцов» была выслана в разные отдалённые губернии России в том числе и в Костромскую с прямым назначением ... для увеличения холопов Ипатьевского монастыря – родины Романовых, как крепостных, которых в первую очередь при приезде и заставили ... срубить подле монастыря, что между Волгой и р. Костромой сосновый и еловый лес /место до сих пор в деревне зовётся «За ельником», хотя нет ни одной ели и сосны/ и вот эти самые ссыльные стрельцы и построили свои избы рядом с построенным первым высоким домом на кургане во въезде, Скобелкиных-Кургановых, который сохранился до сих пор и перевезен на территорию Музея деревянного зодчества...» (Шутов, 1993. Л. 2).

Как и прочие крестьянские жилые постройки, дом был приспособлен не только для жилья, но и для различного рода хозяйственных работ. А.Л. Шутов в своих воспоминаниях даёт подробное функциональное описание основных помещений: «Горенка», «Жилая комната», «Мастерская и подвал», «Хлев», «Лавочка», «Сеновал», а также отдельно стоящих за огородом «Ледника» и «Бани».

«Горенка» – «Это особая комната, дверь туда была всегда закрыта, ребятишек туда не пускали, там всегда было чисто. Горенка была молельной комнатой».

«Жилая комната» – «Единственное, кроме мастерской, отапливаемое помещение, поэтому там в холодное время года все и жили. Летом можно было ночевать ещё в сенях (сенцах) или на сеновале. Стены комнаты представляли собой обтёсанные брёвна и ничем не обшивались. Широких полок по стенам под потолком раньше не было (их сделали при сборке дома в музее). Большую часть комнаты занимает русская печь

<...>

К русской печи пристроена деревянная крашенная конструкция (её звали голбец)».

Над входом, от южной стены почти до голбца – полати, устланные матрасами, которые набиты сеном. В настоящее время часть полатей над входной дверью убрали потому, что после входа через низкую дверь, полати не дают выпрямиться, пока под ними не пройдёшь до середины избы.»

«Мастерская и подвал» – «Оно расположено под тёплой (жилой) частью сруба. Мастерская использовалась для работы зимой. Для отопления помещения стояла печка, работающая на опилках. Конструкция печи похожа на железную толстостенную бочку на ножках.

<...>

В полу мастерской был люк для входа в подвальное помещение (это уже ниже уровня земли). В центре подвала была яма для хранения овощей. Яма представляла собой цилиндр диаметром около 3-х метров и глубиной 2,5 метра, выложенный красным кирпичом на известковом растворе и выбеленный известью. В яме сделаны сусеки из досок, в которые закладывались разные овощи. Яма была закрыта деревянным настилом с люком.

По периметру подвала стояли большие двуручные корзины – тоже с овощами.»

«Хлев» – «В мастерской находилась утеплённая дверь, которая вела в помещение под холодной частью сруба дома. Там находился хлев для коз. Из хлева на улицу есть небольшая дверь. А корова и лошадь находились в стойлах под сенями».

«Лавочка» – «Под окнами фасадной части дома была устроена лавочка, которую сделал слепой д(ядя) Ваня для отдыха проходивших мимо путников. Дом был первым в селе по дороге со стороны Костромы и путники с удовольствием присаживались отдохнуть на лавочку.

И тогда д(ядя) Ваня приходил и расспрашивал прохожего...»

«Сеновал» – «сеновал в пристройке располагался на высоте достаточной, чтобы под него внутрь пристройки можно было запятить телегу с возом сена для перегрузки наверх.»

«Ледник» – «невысокий сруб (около метра) с двускатной дощатой крышей. Внутри цилиндрическая кирпичная яма диаметром около 2,5 м и такой же глубины.» (Шутов, 2019. Л. 15-19).

Дом был известен специалистам уже в 1920-е гг. В собрании музея хранится рисунок неизвестного художника «Дом Скобелкина. Деревня Стрельниково Шунгенской волости», который можно датировать этим периодом. Возможно, он появился в результате работы членов Костромского научного общества по изучению местного края, которые активно

исследовали и зарисовывали материальную культуру Костромской низины. Надпись на рисунке гласит: «дом Скобёлкина. д. Стрельниково, Шунгенской в. (построен 130 лет назад).» (Рис. 1, б.г.). Это предположение находит подтверждение в справке от 1 декабря 1983 г. директора музея-заповедника «Ипатьевский монастырь» В.С. Соболева, в которой указано: «Этот дом впервые был зафиксирован в 20-е годы этнологической станцией Костромского Научного общества по изучению местного края» (Справка, 1983). Однако обнаружить информацию о доме в отчётах КНОИМК мне не удалось. В отчёте первой экспедиции этнологической станции, состоявшейся в 1924 г., упоминается, что «... более полно исследования были произведены лишь в Шунгенской, Мисковской и частью Андреевской волостях Костр. у.» (Отчёт КНО, 192. С.19).

Рис. 1. Дом Скобёлкина в д. Стрельниково Шунгенской вол. Костромского уезда. 1924 г. (?) Костромской музей-заповедник. ВФ-315

Возможно, тогда дом и был впервые взят на заметку. Тем более, что участница экспедиции Н.П. Беляева «... занималась зарисовками предметов народного искусства, архитектуры, костюма и народных промыслов» (Отчёт КНО, 1925. С. 21). Можно предположить, что рисунок дома был выполнен именно ею в ходе этой экспедиции.

В научной литературе дом был описан в 1950 г. экспедицией Института истории искусств, Института этнографии АН СССР и Государственного исторического музея. По сообщению И.В. Маковецкого владделец дома И.А. Скобёлкин говорил о том, что дому 303 года, то есть тот был построен в 1647 г. Он также рассказал участникам экспедиции, что «его дядя Дмитрий Романович был старшим из трёх братьев Скобёлкиных, живших в этом доме одновременно. Умер Дмитрий Романович 19 апреля 1899 г., упав с крыши, в возрасте 117 лет. Его отец Роман Родионович был принят в этот дом Филиппом Ивановичем Груздевым, дед которого и купил постройку у проживавших в этом селении стрельцов». (Маковецкий, 1952. С. 8). Эта информация отличается от сведений, данных в воспоминаниях Л.П. Шутова, хотя первоисточником в обоих случаях являются члены семьи Скобёлкиных.

Участники экспедиции нашли косвенное подтверждение древности дома. «Дом <...> срублен из сосновых брёвен, имеющих в своём обрезе 40 – 60 см; лес по своему характеру и состоянию точно такой же, как и у находящейся в 15 км от Стрельникова церкви в Спас-Вежах, датируемой 1628 г.»¹ В целом же датировка дома была достаточно широкой:

---

¹ Н.с. архитектурно-этнографического отдела Костромского музея-заповедника С.А. Уткин обратил моё внимание, на то, что 1628 г. как дата постройки церкви была оспорена искусствоведом Е.В. Кудряшовым. Он указывает, что в опубликованных в нач. XX в. материалах содержится информация об освящении в 1713 г. после пожара в Спас-Вёжах новой церкви (Кудряшов, 1990. С. 55-57). Следовательно, относить ни церковь, ни дом Скобёлкиных к первой трети XVII в. столетия нельзя.

«некоторые особенности этого сооружения дают все основания отнести постройку дома к весьма давнему времени, но не позднее середины XVIII в.» (Маковецкий, 1952. С. 8).

В дальнейшем в другом своём исследовании автор датировал дом началом XVIII в. (Маковецкий, 1962. С. 74).

Участники экспедиции этнографы И. Гроздова и Л. Чижикова лишь отметили общую древность дома и привели его общее описание, включая план верхнего этажа (Гроздова, Чижикова, 1952. С. 13).

Вскоре был поднят вопрос о музеефикации дома. В письме Л.П. Шутова от 28 марта 1955 г. обсуждался вопрос о продаже дома костромскому музею, и давались советы его владельцам – Матрёне, Марфе и Ивану Скобёлкиным, – какие условия выдвигать при переговорах. В частности, Леонид Павлович писал: «Сегодня по телефону мне звонила из Костромы директор областного музея Орехова Мария Михайловна, которая вчера была у вас по вопросу приобретения или перевозки вашего дома в Ипатьевский монастырь, как музейного для показа быта (жизни) крестьян того времени...» (Письмо, 1955. Л. 1-1об.).

В Государственном архиве Костромской области в фонде Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской хранятся фотографии, сделанные в июле 1955 г. неким Вишневым (ГАКО, 1955).

Таким образом, к нач. 1960-х гг. дом был признан важным объектом деревянной архитектуры, его изучили и сфотографировали. В 1960 году в ходе разработки первоначального генерального плана создания Музея деревянного зодчества перенос дома Скобёлкиных на его территорию был запланирован в 3-ю очередь (Москалёва, 2013. С. 45).

Тем не менее, достигнуть договорённости о продаже дома не удавалось на протяжении 30 лет. Одна из таких попыток

*Рис. 2. Общий вид дома Скобёлкина. Июль 1955 г.
Автор снимков Вишневский (имя, отчество не указано).
Государственный архив Костромской области. р-5425*

была описана в декабре 1962 г. в служебных записках вр. и.о. директора Костромского музея А. Павлова и главного архитектора Специальной научно-реставрационной мастерской К.Г. Тороп на имя зам. начальника областного управления культуры Г.Д. Стрельченко. Созданная для закупки дома комиссия и владельцы не смогли достигнуть соглашения по цене дома, хотя К.Г. Тороп в разрез с общим мнением комиссии и предлагала согласиться на условия хозяев (ГАКО, 1962. Л. 12-14).

В следующем 1963 г. неким Девочкиным было сделано 15 новых фотографий дома (ГАКО, 1963). Интерес к дому со стороны работников культуры не угасал.

Вскоре дом был взят под государственную охрану решением Костромского облисполкома № 11 от 18 января 1968 г. как памятник деревянной архитектуры XVIII в. (Письмо, 1979а. Л. 1).

Несколько позже, в 1969 г. Л.П. Шутов вспоминал, что: «По определению ленинградской экспедиции / примерно в 1957-58 гг. / намеревавшейся купить этот дом, как памятник деревянного архитектурного зодчества и реликвию, но по ходатайству б. директора Историч. музея Ореховой Костромской облисполком вынес решение «О запрещении вывоза и прода(жи) дома Скобёлкиных в другую область». Возраст дома тогда был определён в 300 лет» (Шутов, 1969. Л. 2).

Еще через 10 лет в письме директору неизвестного музея он упоминал, что «в 1950-х гг. специалистами комплексной экспедиции Академии наук СССР время постройки этого дома определено около 300 лет тому назад», и сообщал, что престарелые владельцы больше не могут ухаживать за домом и готовы продать его музею. (Письмо, 1979б. Л. 1). Интересно вспомнить, что источником датировки

Рис. 3. Лицевой фасад дома Скобёлкина с пристройкой. Сентябрь 1963 г. Автор снимка [Девочкин]. Государственный архив Костромской области. р-1787а

дома серединой XVII в., судя по публикации И.В. Маковецкого, являлся Иван Скобёлкин, а члены экспедиции всё же не спешили делать столь категоричных выводов, предпочитая более «размытые» формулировки.

А.Л. Шутов приводит новые сведения о датировке дома: «В 60-ые годы Ленинградским музеем был проведен радиоуглеродный анализ возраста брёвен дома, который определил примерный год постройки дома – 1620.». Он же указывает, что кроме двух музеев покупкой дома интересовались частные лица, желавшие купить дом для проживания в нём. В итоге, дом был продан музею в 1983 г., поскольку это давало возможность беспрепятственного посещения дома членами семьи (Шутов, 2019. Л. 27). В настоящий момент неизвестно, какой именно музей проявлял интерес к покупке дома, и, соответственно, осуществлял анализ древесины.

Кроме того, нужно помнить, что радиоуглеродный анализ даёт слишком большую временную погрешность. Тем не менее, обнаружение результатов исследования дало бы дополнительную информацию к истории изучения дома.

В сентябре 2020 г. началось сотрудничество Костромского музея-заповедника и Института географии Российской Академии наук. Специалисты института под руководством директора, д.г.н., чл.-корр. РАН О.Н. Соломиной провели дендрохронологический анализ древесины дома Скобёлкиных. В отчёте с.н.с. к.г.н., В.В. Мацковского от 27 октября 2020 г. дата порубки деревьев для строительства дома определена с высокой точностью. Автор приходит к следующему заключению: «Успешное перекрестное датирование 16 из 17 кернов древесины, извлеченных из разных частей дома Скобёлкиных, и создание из них плавающей хронологии

длиной 259 лет позволило с очень высокой вероятностью определить время заготовки (порубки) бревен для строительства – 1804 год. Однако наши результаты не позволяют полностью исключить вариант, при котором часть бревен (пять из 16 исследованных) была заготовлена раньше, наиболее вероятно в 1780-е годы.» (Мацковский, 2020. Л. 10)

Следует помнить, что надпись на рисунке дома Скобёлкиных 1920-х гг. указы-

вает на его возраст в 130 лет, то есть дату постройки можно отнести к 1790-м гг., что вполне соответствует результатам дендрохронологического исследования. Можно предположить, что члены КНОИМК могли получить информацию от более старшего поколения семьи Скобёлкиных, например, Александра Андреевича, который, возможно, обладал более точными сведениями о времени строительства дома, чем его дети.

* * *

К концу 1970-х гг. жители дома – Матрёна и Марфа Скобёлкины, – состарились. Им было тяжело вести хозяйство. Этим обстоятельством объясняется письмо Л.П. Шутова директору неизвестного («ленинградского») музея в 1979(?) г. Вероятно, узнав о поиске покупателей для дома, директор Костромского музея-заповедника А.А. Шмелёв направил письма владельцам дома и представлявшему их интересы Л.П. Шутову с напоминанием об ответственности владельцев за памятник архитектуры и преимущественном праве выкупа со стороны государства (Письмо, 1979а. Л. 1).

Началось длительное обсуждение условия продажи дома музею-заповеднику. Оно затянулось на несколько лет. За это время сёстры Скобёлкины умерли. Наследниками были признаны их брат и сестра – Николай Александрович Скобёлкин и Вера Александровна Шутова (Решение, 1983. Л. 1)

В 1983 г. дом был продан Костромскому историко-архитектурному музею-заповеднику (Договор, 1983. Л. 1-1об.). В начале 1984 г. начались работы по демонтажу здания, завершившиеся перевозкой здания и его реставрацией. Вместе с домом в музей было передано более 80 предметов быта (Перечень, 1983. Л. 1-2).

В справочной литературе дом определяется как «Один из старейших сохра-

нившихся в Костромской области деревянных домов, принадлежащий к редкому типу двухрядной постройки. Перевезен из д. Стрельниково Костромского района, реставрирован в 1987-1988 гг. по проекту арх. В.С. Шапошникова с воссозданием хозяйственного двора и моста с крыльцом. <...> В доме восстановлен интерьер крестьянского жилища. Характерной особенностью дома является то, что сени в нем имеют значение самостоятельного помещения, отличающегося своей просторностью, хорошей освещенностью и деталями обстановки, характерными для жилого помещения (лавки, стол, кровать, шкафы)» (ПИИК).

Описание реставрационных работ как «воссоздания хозяйственного двора и моста с крыльцом» в данном случае существенно искажают реальное положение дел. «Выступающее перед мостом крыльцо каркасной конструкции» – это пример неоправданного изменения конструкции и экстерьера памятника архитектуры в соответствии с эстетическими представлениями авторов реставрационного проекта. Как, впрочем, и параллельная ориентация крыши хозяйственного двора и избы. А.Л. Шутов отмечает, что: «Крыша дома, до переноса в музей, была другой конструкции – ось пристройки была перпендикулярна оси дома, таким я его помню в 1956 году» (Шутов, 2019. Л. 13).

Это подтверждается фотографиями дома, хранящимися в ГАКО. В результате нового конструктивного решения, применённого при реставрации, дождевая и талая вода скапливается в месте соприкосновения двора и избы, в результате чего происходят постоянные протечки и идёт быстрое разрушения здания. В настоящее время ООО «Архитектурно-строительный центр № 1» (г. Кострома) разработан проект повторной реставрации дома.

В письме Л.П. Шутову от 30 октября 1990 г. главный хранитель музея Л.Л. Соболева сообщала, что «Дом Скобёлкина для посещения будет открыт в летний сезон 1991 года» (Письмо, 1991. Л.1). Однако, открыть экспозицию не удалось по причине отсутствия в доме охранной и пожарной сигнализации (Отчёт, 1991. Л.35).

С 2006 г. в доме работала небольшая экспозиция крестьянского быта, которая не отражала историю дома, а была направлена на обеспечение работы музейного интерактивного мероприятия. В 2008 г. С.А. Уткин и С.М. Гусева работали над выявлением и сбором материала с целью дальнейшей музеефикации дома Скобёлкиных и создания в нём экспозиции «Стрелецкая изба». Экспозиция не была построена. Однако в ходе работы старший научный сотрудник музея Сергей Анатольевич Уткин выдвинул свою гипотезу о происхождении названия д. Стрельниково. Он отмечает, что уже до-революционные историки М.Я. Диев и П.Ф. Островский, ссылаясь на текст грамот (1585, 1594 гг.) царя Фёдора Ивановича, говорят о существовании деревни в последней четверти XVI в. Соответственно наличие «петровских» стрельцов не могло стать причиной названия деревни Стрельниковым. Правда, в одной из версий своих записок Л.П. Шутов рассказывает другой вариант предания, упоминая не о стрельцах эпохи Петра I, а о стрельцах Ивана IV (Шутов, б.г. Л. 2об.-3).

В целом С.А. Уткин соглашается с тем, что селение могло получить название из-за своей связи со стрелецким войском. Например, в деревне мог находиться стрелецкий сторожевой пост или его владелец Никифор Чулков сын Головцын мог быть некоторое время начальником какого-либо стрелецкого подразделения. Однако автор считает, что название могло произойти и от стреловидного мыса, на котором оказывалось селение во время весеннего половодья, которое, как известно, в Костромской низине бывало очень высоким (Уткин, 2018. С. 7, 10-11). Действительно, по устным воспоминаниям А.Л. Шутова, жившего в доме Скобёлкиных, в 1955 г. вода подошла к крайним домам деревни вплотную и даже подтопила их.

После 2010 г. в доме проводилась де-густация традиционных русских напитков, в том числе слабоалкогольных. После протестов со стороны потомков Скобёлкиных и публикации их письма в газете, эта деятельность была свёрнута. Во всей жилой части дома была создана постоянная этнографическая экспозиция, однако вскоре он был закрыт для посещения по причине аварийного состояния, а экспозиция – разобрана.

Несмотря на то, что дом Скобёлкиных известен специалистам уже около 100 лет, изучение его истории ещё не закончено. Необходимо уточнение генеалогии семьи Скобёлкиных по официальным документам – метрическим книгам и ревизским сказкам; предстоит поиск архивов семьи у других потомков старообрядцев Скобёлкиных.

Конечной целью работы является реставрация здания и создание в нём тематической экспозиции с использованием аутентичных предметов, освещающей историю семьи старообрядцев Скобёлкиных, и, шире, старообрядческого населения Костромской низины.

Список источников и литературы:

1. ГАКО. Р-5424, Р-5425. 1955 г. (ГАКО, 1955)
2. ГАКО. Ф. 548. Оп. 1-доп. Д. 53. Л. 12 – 14. (Дело храниться в архиве Костромского музея-заповедника). (ГАКО, 1962).
3. ГАКО. Р-1787 – 1790, 1797. (ГАКО, 1963).
4. Годовой отчёт отделов музея-заповедника. 1991 г. // Архив Костромского музея-заповедника. (Отчёт, 1991).
5. Гроздова И., Чижикова Л. Верхневолжская экспедиция по изучению русского народного зодчества // Краткие сообщения института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 12 – 22.
6. Договор №202 купли-продажи дома находящегося в д. Стрельниково, Костромского района, Костромской области. 1983 г. // Костромской музей-заповедник (КМЗ) ВХ-34/20/106. (Договор, 1983).
7. Дом Скобелкина, XVIII в. // Памятники истории и культуры Костромы: энциклопедия. URL: <http://enckostr.ru/showObject.do?object=1804536789>. Дата обращения: 23.06.2020 г. (ПИИК)
8. Жалоба на действия правления колхоза в редакцию газеты «Северная Правда» от члена колхоза «Огородник» Шунгенского сельсовета Александра Андреевича Скобёлкина. 1937 г. // КМЗ ВХ-34/20/41. (Жалоба, 1937).
9. Жалоба о пересмотре судебного решения в военный трибунал Московского военного округа от заключённого трудколони № 1 в г. Ярославле Николая Александровича Скобёлкина. 1942 г. // КМЗ ВХ-34/20/44. (Жалоба, 1942).
10. Записка Шутова Л.П. «Некоторые данные о родах фамилий Шутовых и Гузановых». Рукопись. 1993 г. // КМЗ ВХ-34/20/82. (Шутов, 1993).
11. Заявление Александра Андреевича Скобелкина о вступлении в колхоз «Огородник». 1936 г. // КМЗ ВХ-34/20/40. (Заявление, 1936).
12. Заявление от члена колхоза «Огородник» Александра Андреевича Скобёлкина в Шунгенский сельский совет о разделении хозяйства с сыном Николаем. 1938 г. // КМЗ ВХ-34/20/42. (Заявление, 1938).
13. Канон Богородице Феодоровской. Канон пророку Науму. Российская империя. Конец XIX в. Бумага, чернила, рукопись. 22,7x18,5. // КМЗ ВХ-71/19/12. (Канон, б.г.)
14. Карточка почтовая Александру Андреевичу Скобелкину от Иосифа Александровича Скобелкина. 1937 г. // КМЗ ВХ-34/20/64. (Карточка почтовая, 1937).
15. Карточка почтовая Александру Андреевичу Скобелкину от красноармейца Василия Александровича Скобёлкина. 1919 г. // КМЗ ВХ-34/20/60. (Карточка почтовая, 1919)
16. Карточка почтовая В. В. Скобелкиной от Иосифа Скобелкина (?). 1938 г. // КМЗ ВХ-34/20/65. (Карточка почтовая, 1938).
17. Книжка расчетная №346 паровщика Космынинской торфоразработки станции Космынино Осипа Александровича Скобелкина. 1928 г. // КМЗ ВХ-34/20/16. (Расчётная книжка, 1928).
18. Книжка трудовая Матрены Александровны Скобелкиной колхозницы колхоза «Огородник» Шунгенского сельсовета Костромского района. 1938 г. // КМЗ ВХ-34/20/21. (Трудовая книжка, 1938).
19. Книжка членская №207/898 члена Костромского строительного кооператива «Крестьянин» Николая Александровича Скобелкина. 1930 г. // КМЗ ВХ-34/20/19. (Членская книжка, 1930).

**РАЗДЕЛ 3. История костромского края и сопредельных
территорий в древности, Средневековье и в Новое время
в свете письменных и устных источников**

---

20. Копия письма 1-171 от 14.02.1979 г. директора Костромского историко-архитектурного музея-заповедника А.А. Шмелёва Л.П. Шутову. 1979 г. // КМЗ ВХ-34/20/91. (Копия письма, 1979).
21. Кудряшов Е.В. Художественная культура Костромского края XVI – XIX вв. – Кострома, 2004. – 134 с.
22. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 338 с.
23. Маковецкий И.В. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 132 с.
24. Мацковский В.В. Дендрохронологическое датирование дома Скобёлкиных в Костромском музее-заповеднике // Архив Института географии РАН. 2020 г.
25. Москалёва Л.В. Деревянная архитектура костромского края. Из истории создания музея деревянного зодчества в г. Костроме // Костромская слобода. Художественно-этнографический журнал. 2013. № 3-4. С. 39 – 54.
26. Наградов И.С. Комплексное археографическое исследование общин старообрядцев в Костромской области: поиск, оцифровка и архивирование ранних кириллических книг и рукописей (ЕАР990) // Endangered Archives Programme (Программа «Архивы в опасности». URL: <https://ear.bl.uk/project/EAR990> (дата обращения: 18.06.2020). (Наградов, 2020)
27. Ноты крюковые (знаменные). Литейная стихера на праздник Вознесения Господня. 1920 г. Чернила, карандаш цветной, рукопись. 22,5x28 // КМЗ ВХ-71/19/10. (Ноты, 1920).
28. Отчёт о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1924 год. Кострома: Первая губтипография «Красный печатник» в Костроме, 1925. 42 с. (Отчёт КНО, 1925.)
29. Перечень домашнего инвентаря и крестьянского имущества переданных бесплатно музею из дома Скобёлкиных. 1983 г. // КМЗ ВХ-34/20/110. (Перечень, 1983).
30. Письмо 1-172 от 14.02.1979 г. директора Костромского историко-архитектурного музея-заповедника А.А. Шмелёва Матрёне и Марии Скобёлкиным. 1979 г. // КМЗ ВХ-34/20/92. (Письмо, 1979а).
31. Письмо №20-383 Л.П. Шутову от главного хранителя Костромского государственного объединенного историко-архитектурного музея заповедника Л.Л. Соболевой о постановке на учет предметов, сданных Бурдину В.В. 1991 г. // КМЗ ВХ-34/20/119. (Письмо, 1991).
32. Письмо Леонида Павловича Шутова директору неизвестного музея с предложением о покупке дома. 1979 (?) // КМЗ ВХ-34/20/89. (Письмо, 1979б).
33. Письмо Леонида Павловича Шутова Моте, Мане и Ивану Александровичу с советами о продаже дома музею. 1955 г. // КМЗ ВХ-34/20/126. (Письмо, 1955).
34. Письмо Михаила Александровича Скобёлкина родителям с фронта. 1915 г. // КМЗ ВХ-34/20/125. (Письмо, 1915).
35. Письмо родителям, братьям и сёстрам от Иосифа Александровича Скобёлкина. // КМЗ ВХ-34/20/73. (Письмо, б.г.).
36. Решение Костромского районного народного суда о признании факта родственных отношений Матрёны Александровны Скобёлкиной с её родным братом Скобёлкиным Николаем Александровичем и сестрой Шутовой Верой Александровной. 1983 г. // КМЗ ВХ-34/20/105. (Решение, 1983).
37. Рисунок. Дом Скобёлкина. Деревня Стрельниково Шунгенской волости. Нач. XX в. Бумага, тушь, перо, кисть. 18 x 26,5 // КМЗ ВФ-315. (Рисунок, б.г.).

-
38. Свидетельство о браке повторное ЦЖ № 126700 Л. П. Шутова и В.А. Скобёлкиной. 1953 г. // КМЗ ВХ-34/20/120. (*Свидетельство, 1953*).
  39. Скобёлкин Иосиф Александрович // Память народа: URL: <https://pamyat-naroda.ru>. Дата обращения: 22.06.2020 г. (*Скобёлкин И.А.*)
  40. Скобёлкин Николай Александрович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru>. Дата обращения: 22.06.2020 г. (*Скобёлкин Н.А.*)
  41. Справка №21211 от 12.11.1942 г. об отсутствии членства в колхозе выдана Стрельниковской сельско-хозяйственной артелью «Огородник» Ивану Андреевичу Скобёлкину. 1942 г. // КМЗ ВХ-34/20/35. (*Справка, 1942б*).
  42. Справка о занимаемой должности и заработной плате Николая Александровича Скобёлкина на механическом заводе за рекой Костромой // КМЗ ВХ-34/20/33. (*Справка, б.г.*).
  43. Справка о заработной плате токаря промартели «14 Октябрь» механического и судостроительного завода Николая Александровича Скобелкина. 1933 г. // КМЗ ВХ-34/20/27. (*Справка, 1933*).
  44. Справка о невыполнении плана выработки выдана Тепровским промколхозом «Путь к Социализму» Ивану Александровичу Скобелкину для предоставления в сельсовет. 1932 г. // КМЗ ВХ-34/20/26. (*Справка, 1932*).
  45. Справка об отработке в 1934 г. на дорожном строительстве и заработке трудодней, выданная Шунгенским сельским советом М.А. Скобёлкиной. 1934 г. // КМЗ ВХ-34/20/28. (*Справка, 1934*).
  46. Справка об отсутствии доходов выдана Шунгенским сельским советом инвалиду Ивану Александровичу Скобёлкину. 1942 г. // КМЗ ВХ-34/20/37. (*Справка, 1942а*)
  47. Справка от 1 декабря 1983 г. директора музея-заповедника «Ипатьевский монастырь» В.С. Соболева // Архив Костромского музея-заповедника. (Далее –Архив КМЗ). (*Справка, 1983*).
  48. Тропарь Пресвятой Богородице всем скорбящим радость. СССР. 1961 г. Бумага, чернила, рукопись. 20,9x16,8. // КМЗ ВХ-71/19/11. (*Тропарь, 1961*).
  49. Уголовный кодекс РСФСР (1926) // НКВД. URL: <http://nkvd.memo.ru>. Дата обращения: 22.06.2020 г. (*УК, 1926*)
  50. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950. 256 с. URL: http://istmat.info/files/uploads/49552/ugolovnyy_kodeks_rsfsr_-_1950.pdf. Дата обращения: 11.11.2020 г. (*УК, 1950*).
  51. Удостоверение пенсионное №2298 Матрены Александровны Скобелкиной. 1965 г. // КМЗ ВХ-34/20/15. (*Пенсионное удостоверение, 1965*).
  52. Уткин С.А. Стрелецкая изба. К варианту экспозиции музея-заповедника в доме крестьян Скобёлкиных из деревни Стрельниково Костромского района // Костромская слобода. Художественно-этнографический журнал. 2018. № 1. С. 5 – 13.
  53. Шутов А.Л. К 400-летию дома Скобёлкиных из села Стрельниково. Рукопись. 2019 г. // КМЗ ВХ-34/20/88. (*Шутов, 2019*).
  54. Шутов Л.П. Некоторые данные из истории рода Скобёлкиных. Рукопись. 1969 г. // КМЗ ВХ-34/20/2. (*Шутов, 1969*).
  55. Шутов Л.П. Тетрадь №1. К истории рода Шутовых (черновик). Рукопись. Б.г. // КМЗ ВХ-34/20/86. (*Шутов, б.г.*).

РАЗДЕЛ 3.
История костромского края
и сопредельных территорий
в древности, Средневековье
и в Новое время в свете
письменных и устных
источников

© Самоделова Е.А.

О СВАДЕБНОМ ПРИВОРАЖИВАНИИ
В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ
(По полевым материалам 2015-2016 гг.)

САМОДЕЛОВА Е.А.

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, г. Москва*

Аннотация. Коренные жители деревень Костромской обл. и соседних областей до сих пор помнят способы привораживания подходящего для семейной жизни человека с помощью угощения пищей или напитком. За приворотной магией стоит многовековая традиция, однако трансформирующаяся и приобретающая новые смыслы.

Ключевые слова: свадебная магия, поверья и приметы о свадьбе, свадебный пряник, фольклор Солигаличского района.

ABOUT WEDDING CHARMING
IN KOSTROMSKAYA REGION
(By field materials 2015-2016)

SAMODELOVA E. A.

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences*

Summary. The indigenous inhabitants of the villages of the Kostroma region and neighboring areas still remember how to charm a person suitable for family life with the help of food or drink. There is a centuries-old tradition behind love spell magic, but it is transforming and acquiring new meanings.

Key words: wedding magic, beliefs and omens about the wedding, wedding honey-cake, folklore of Soligalich district.

Костромская традиционная свадьба относится к региональным типам, не изученным в должной мере фольклористами, этнографами, диалектологами и музыковедами. Издана только одна объемная аналитическая статья (Самоделова, 2019. С. 288-356), хотя история собирания свадебного фольклора насчитывает почти два столетия, начиная с «Замечаний, касающихся до Нерехты, уездного города Костромской губернии» М. Диева, 1830, и «Свадебных обрядов в Галиче (Костромской губернии)» В. Рощина, 1831 (Диев, 1830; Рощин, 1831). Многие описания свадьбы хранятся в центральных и региональных государственных и ведомственных архивах. Имеется несколько десятков публикаций (в том числе брошюр, фрагментов вузовской хрестоматии, отдельных материалов) свадебного фольклора и обрядовых действий за период с 1830 по 2021 гг.; представлены описания и фольклорные тексты из некоторых селений, сделаны подобные подборки из разных населенных пунктов, однако они не охватывают существенную часть деревень, сел, поселков и городов Костромской обл.; нет повторных записей, произведенных в разные годы. Остаются «белые пятна» и неосмысленные учеными моменты продолжительного свадебного обряда. К числу таких относятся случаи насильственного совершения свадеб, вопреки свободной воле невесты или, реже, жениха. Причины бракосочетания без свободного волеизъявления одной главной персоны из складывающейся семейной пары были разные, причем иногда они даже не нарушали родительскую волю, церковный устав и российский закон (семейный кодекс).

В фольклорно-этнографической экспедиции в Солигаличский р-н в 2015 г. нам встретился один большой род, состоящий из нескольких поколений и самостоятельных семей. В двух породненных семьях бабушка, ее золовка и одна из дочерей

(младшая) вышли замуж не по своему желанию; также там рассказали о случае женитьбы парня тоже без его добровольного согласия.

Информантка Н.Ф.Б., родившаяся в начале 1930-х гг., сообщила о своем спонтанном согласии стать женой нелюбимого парня, что было вызвано, по ее мнению, особым магическим приемом – любовным (свадебным) привораживанием. Важно отметить, что во время свадебного обряда, состоявшего из множества ритуалов и растянутого на несколько недель, девушка не осознавала свой опрометчивый поступок. И далее на протяжении десятилетий (!) не задумывалась о совершении ошибки в молодости. И только после сообщения соседкой о причинах ее неправильного выбора жениха она переосмыслила причины несчастной жизни в замужестве и выявила мистический фактор, а точнее – нашла актора-вредителя. Она рассказала следующее:

«Я замуж выходила – поверите Вы мне или не поверите, конечно. Как говорят раньше, дело было при... Ну как? Привораживали. Вот. Я жила в Лимонове, парень пришёл из армии в Лукино – это туда, там <показывает рукой, в какой стороне>. И вот больно я нравилась этой – евённой сестре, этого парня, Сергеем звали. Это мой муж. Вот. И она: “Ой, Нинька, всё равно мы тебя сосватам. Серёжка придёт из армии, – говорит, – мы тебя всё равно сосватам!”. А я говорю: “Как ты меня сосваташь? Я не люблю его!” Вот. Вот он <показывает фотографию на стене>. <...> Он вообще и дурной был на это, харáктером, дурак совсем был: он бил шибко! (Оу! – Е.С.) Он как выпьет – так и драться, а то и с ножам! Я сколько ножей с ним прятала! Ну вот я и сказала <его сестре>: “Нет, я не пойду, – говорю, – за него замуж. Я его не люблю”. – “Ой, да что хоть ты! Он тебя больно любит!” Я говорю: “Я его и не знала, он до армии где-то работал – я его не люблю”. И я евённой матери

больно нравилась – Александре Яковлевне. Вот как приду в гости, так: “Нíнушка, всё равно ты будешь наша, всё равно ты будешь наша!” И Надёнка настояла – зазвала в гости. Вот. Я, значит, это, не любила его, ничего: “Нет, не пойду, не пойду! Мамке приду скажу своей!” Она: “Нинушка, желанный мой! Не ходи! – мама моя родная: – Он хулиган-парень”.

И вот, значит, один раз была в деревне гулянка. Вечер был. Она меня позвала в гости – Надёнка: это моя золовка. Моего мужа сестра. Позвала в гости. И вот начали разговаривать. Вот он сидит, так на меня смотрит. А я сижу: он так меня прямо стрижёт. А я прямо в тоске. Вообще стеснительная была. Я и до сих пор всё стесняюсь: как и своей худобы, и всё. И до сих пор такая. Потом он пошёл меня провожать из своего дому, с гулянки. Я с ним не разговариваю. А он и говорит: “Всё равно будешь моя. А вот всё равно будешь моя! Давай хоть на что поспорим!” А я вот так сижу и говорю: “Буде приворожишь!” А раньше привораживали! Много вот так ходили делали. А он и говорит: “Не буду привораживать! Всё равно я тебя так возьму. Я люблю”. Ну вот, значит, до дому мы не дошли, там в поле он остановился, на лыжах поехал и, значит, домой ушёл.

Потом пришёл ко мне на другой день и говорит: “Я уезжаю”. А я так сижу, душой говорю: “Слава тебе, Господи!” Перед ним-то не говорю, душой-то: “Слава Богу, хоть уедет!”. Пришла, сказала мамоньке: “Мамонька, – говорю, – уедет он! Я не пойду за его замуж!” Вот.

Он, значит, уехал уже в Ярославль – там у его сестра жила, и брат жил – и он уехал туда. А он уехал – только до Галичато! До Галича доехал, там где-то. И на другой день опять катит, ко мне пришёл. “Ой, Господи, – говорю: – Ты что не уехал-то?” – “А я не мог тебя оставить одну! Я не могу. Я всем сердцем болею за тебя!”

Ой, маме опять сказала своей: “Мамынька-родинушка, желанная, хоть и

на гулянки не ходи! Он не нравится, он хулиган-парень”. Вот ладно. Потом, значит, это, опять Надёнка меня позвала, сестра евóнная, в гости там. У них Никола была. У нас Кузьма-Демьян праздник был, назывался, а здесь у их Никола была. Вот она меня позвала опять в гости. Я не пошла была, а она меня сíлом повела. Пришла: “Всё равно ты будешь наша!” Вот, значит: “Наша-наша” всё.

Он ходил ко мне: всё пьяный, всё пьяный. И один раз, значит, это вечером поехал, напился пьяный. Пьяный идёт, меня провожат на лыжах. Я говорю: “Всё равно с тобой гулять не буду!” Он берёт лыжи, вот так (показывает жестом скрещенные лыжи) ставит и говорит: “Это вот что?” Вот так – позади от лыж. Вот так. “Это вот что?” Я говорю: “Позади”. – “Нет, а что они обозначают? Что? Как они поставлены?” Я говорю: “Крест”. – “Вот тебе и будет крест, если за меня не пойдёшь замуж”. Я говорю: “А что такое?” – “А я тебя зарежу!” – вытаскивает ножик. Меня вот так всю затрясло, не могу! Я говорю: “Ладно, счас ты поезжай домой! Я тоже, – говорю, – поеду. А там, – говорю, – видно будет!”

Потом, значит, он опять устроился куда-то – я уж забыла: давно было. Где-то работал. Опять приехал. А мать евóнная, значит, захотела меня взять к себе – замуж за его. И вот она это... Мне уж потом рассказывала соседка: я-то не знала. Потом уж я в голову-то взяла. И вот поехали три женщины: вот свекровь-то моя, эта Б-ва Александра, и ещё две – тётя Шура Л-ва и Смирнова – две поехали в церковь молиться.

А мне это рассказывала тётя Шура – приехала, другая ещё женщина. Вот сели мы, она и я с маленьким ребёночком: только родился у меня. У нас круг был в деревне. Сели на лавочку, разговариваем. Она говорит: “Нíнуш, я тебе, знаешь, что скажу? Ты ведь не по доброй воле за него замуж вышла!” Я говорю: “Тётя Шура, я знаю!” Она и говорит: “Вот поехали в

Солигалич молиться. И она с нам поехала. На Колюпатинской повёртке вдруг свернула: слезла с этого автобуса. Говорит: “Бабоньки, я не поеду с вам. Мне, – говорит, – надо зайти сюда”. – “А, Господи! Ты молиться-то придёшь?” – “Да приду я, приду! Счас только забегу и приду!” Оказывается, она ходила к бабушке-колдунье! А там жила колдунья-бабушка. Она много-много и добра делала, и плохо делала всем.

И вот, значит, прошло дня два или там три – теперь гулянки. У нас гулянки часто! Зимой и летом всё гуляли! Гуляли с гармошкой! У меня брат гармонист был... Специально учился. Как заиграет гармонь, так... Плясать я плясала, но стеснялась. Плясала хорошо я: и “Семёновну” выходила, и “Цыганочку” плясала. Но я стеснялась: худенькая была. Я была худая, счас вот... Ладно! Потом вдруг она мне говорит: “Пойдём чай пить”. Надёнка – сестра. Я говорю: “Не пойду!” – “Пойдём, чайку попьём!” Ну, я пришла. Никого нет: одна я пришла. И она – на кухню к матери. Вдруг мать идёт: “Садись, Нинушка! Чайку попей!” И несёт мне конфетину – одну-единственную! Не в сахарнице, ни где, а просто конфету положила ко мне! И чашку чая поставила. Я что? Задним-то умом говоря? Нехорошо как! Ничего не подумала. Конфету съела, чай выпила: “Спасибо, тётя Шура!” И пошли гулять. Но с тех пор мне его жалко сделалось (Что сделалось? – Е.С. не расслышала). Жалко сделалось: конфета-то была приколована. <...> Мне-то ни к чему! Это уж потом, потом, как говорят – задним умом только очнулась! Вот.

И значит, что же? Я... Пришли свататься. Пришли, а бедно раньше жили: лошадей не было. Жили-то мы после войны, лошади все во время войны... Я сама лично водила трёх лошадей: с бригадой мы сдавали на это – на войну брали. Вот лошадей было мало. Тогда, значит, свадьба. Договорились – приехали, свадебку сыграли.

Бедненко так было. Всё ничего на ноги не было надеть – ни туфель, ничего. Были какие-то туфельки, разношены уж там. Вот наша жисть какая была во время войны! Вот посидели так: он напівся пьяный, все гости разошлись, папа с мамой мои ночевать остались у их как сватья. Вот. Он ушёл, его утащили на сарай, облили водой всего – молодого моего. Вот. И спал до утра. Утром встал: “А где моя невеста-то?” (изображает его грубый голос). Вот. А я сижу и плачу. Они: “Вон сидит!” Он: “А чего это?” (продолжает грубым голосом имитировать голос и недовольные интонации мужа). “А чего? – говорю. – Ты даже спать не лёг со мной, ушёл в пьяном виде! Самого на койку вели”. Говорю: “Неужель ты не мог это никак...” И как он начал! Как начал! На маму с папой! Мама с папой ночью домой уехали, даже нисколько с нам не посидели. Вот» (Самоделова, 2015, ws760309.wma).

В этом сообщении интересно несколько моментов. Во-первых, парень сообщил девушке о возможности ее приворожить, но она этому не придавала значения: очевидно, при Советской власти и атеистическом мировоззрении старинные суеверия утратили свое прежнее важное значение, однако не для всех. Более того, суеверия потеряли однозначную символичность и получили дополнительные смыслы, то есть приобрели семантическую вариативность, стали осмысляться по-разному в зависимости от индивидуального мировоззрения человека, а не прежнего общинного (артельного) мировосприятия людей. Несовпадающие общефилософские установки и «фольклорное сознание» населения конкретных деревень также начали влиять на восприятие народных поверий и примет или, наоборот, на отсутствие доверия к ним. Так, члены семьи жениха (он сам, его сестра и мать, то есть представители разных поколений) по-прежнему верили в действенность привораживания, говорили о нем и практиковали его,

а девушка из другой семьи и из соседней деревни восприняла мысль о привороте как некую абстракцию, нереальность.

Во-вторых, девушка вроде бы отвергла жениха, однако все-таки соглашалась на его провожания из ближней деревни, продолжала дружить с его сестрой, несмотря на ее явное желание помочь брату, а не подруге; эти факты она и впоследствии объясняет своей стеснительностью. В-третьих, мать девушки не советовала ей выходить замуж за парня-забияку, но особенно и не препятствовала, что свидетельствует об историческом этапе разрушения патриархальной семьи и об уже сложившейся ситуации неоднозначного отношения к мистике, колдовству в разных населенных пунктах, то есть о одновременности социально-духовного развития даже в одинаковых слоях общества. В-четвертых, в мысли о привораживании уже замужняя женщина утвердилась только после сообщения ей о случившемся посторонним человеком или, точнее, соседкой: «Потом уж я в голову-то взяла», а во время самих событий она реагировала иначе: «Мне-то ни к чему! Это уж потом, потом, как говорят – задним умом только очнулась!». В-пятых, несчастья девушки начались сразу же, с первой ночи, которая должна быть брачной.

Однако совершенно несчастным такое замужество назвать нельзя: бестолковый муж все-таки любил свою жену, в браке родилось много детей и все они выросли хорошими людьми. Плохое отношение наблюдалось только со стороны свекрови – той самой, которая и осуществляла привораживание невестки:

«И потом так мы жили... Он всё время пил, всё дурил... У меня было пятеро детей: через два года – ребёнок, через два года – ребёнок. А куда денешься? <...> Я с таким-то дураком – никуда не денешься! И вот жили тóжа: первое время со свекровью. Она утром встáня, запрёт: мы на сарае спали. Ну, повíть была: на повíти –

на сарае. Вот. Утром встанет, уйдёт – ничего не скажет. А Серёга лежит у меня, говорит: “Нинуль, пойдём покопаем!” – “Пойдём!” Встанем: тут дёрнули, тут дёрнули! Ведь какая была вредная! Калитку запрёт – да скотину выпускать со двора, и двери в úзбу: в úзбу дверь на коридор замок повесит, а сама грядки копает. Нам не выйти! Он постúкат в окошко – она: “Спúтя?!” (глухим недовольным голосом). Тут поматерному: “Спитя вот!” – ругала. Ну что? Он и говорит: “Давай, Нинуха, спать!” Мы лежим. Придёт: “Что? Не выспались? Всё не можете надуриться? Бáушка одна копáэт!” (продолжает глухим недовольным голосом). Он говорит: “Мам, мы же дёргали – ты же нас заперла!” – говорит. Издавалась она над нам! Издевалась! Ой, жисть моя, дúхонька, какая была! Ой, я не знаю! Как ещё до сих пор жива?! Девяностые года уж пошли! Ну, он, значит, встанет: йисть не давала ничего. Сядет к самовару: что её второй сын в Ярославле жил, положит к себе за самовар чего-нибудь пойисть-попить, а нам – нет. Посмотрим: “Мам, дай хоть нам сахарку!” – “Вы проспали!” Вот так и жили. Ой, какая жисть была!

А работы сколько было! Он на пилораме работал: всё пьянствовал. Бáушки придут с Петрова – Петровские бáушки были, старушки. Принесут вина. Я-то их ругала, а потом уж стали... А они за это, чтобы дал этих досок: пилорама была недалёко за деревней. Я даже из окошка гляну на пилораму: только... А один специально с сумкой всё вина таскал. Чего пили? А остальные всё это сидели. Попили – начнут. Ой, моя жизнь была – я не знаю! Даже счас вот помирать мне, я нискóль не жалею! Мне неохота было жить. Всё дети-дети-дети-дети были! Но дети у меня все хорошие! И все работают. (Так всё-таки получается, что Ваш муж Вас любил? – Е.С.) Любил! А любил-то, что только пьяный был! Всё время пил!» (Самоделова, 2015, ws760309. wma).

В психологии известна закономерность, согласно которой девушки в определенной мере повторяют судьбу своих матерей и бабушек; это наследование происходит не на генетическом уровне (хотя природные задатки и физическая красота тоже важны), но обусловлено семейным воспитанием и транслируемыми философскими установками, принятыми в роду. Поэтому неслучайно, что два случая выхода замуж с помощью привораживания девушек стороной жениха наблюдаются не просто в одной деревне, а в одном роду. Показательно, что при разнице в материальной конкретике предложенного угощения женщины разных поколений обнаруживают его общую смысловую направленность – использование пищи/питья в качестве приворотного средства (хотя ситуация участия в праздничной трапезе в гостях повторялась много десятков и даже сотен раз). Такая однозначная трактовка основана на знании фольклорной традиции, допускающей возможность привораживания, и поддержана как бы спонтанным воспроизведением некоторых ее элементов, личной осведомленностью о прежних подобных случаях с близкими людьми или хотя бы с односельчанами. Дочь 83-летней бабушки поведала о повторении материнской судьбы ее сестрой – последним ребенком в семье:

«Ну чего? Моя сестра Светлана тоже гуляла, а парнишка – ну, она понравилась парню. Он говорит: “Ты всё равно будешь моя!” Она говорит: “Не буду!” А пригласил в гости тоже там в какой-то праздник домой. Ну, к себе домой. Вот. И выпила она там красного вина. И всё: через месяц она сыграла свадьбу. Вот. А через два года они разошлись: ничего не поделаешь. Ну, если она его не любила! А замуж вышла! После того, как посидела в гостях: приворожили.

(И Вы говорите, что приворожить можно только на два года? – *Е.С.*) Да, вот так говорят, что ворожба эта вот свадебная –

на два года. (А как же вот Н.Ф.Б. удалось целую жизнь прожить с мужем? – *Е.С.*) А это прожила почему? Раньше не было такого, чтоб разводились. (Угу. – *Е.С.*) Хотя как говорили раньше: муж бьёт – значит, любит. (Угу. – *Е.С.*) Вот. И будешь жить, пока он тебя, как говорится, не убьёт. Правильно? А нынешняя молодёжь уже не та.

(А потом Светлана вышла замуж за кого-нибудь другого? – *Е.С.*) Нет, она так одна и живёт. И он один живёт. Он её до сих пор так любит, а она нет. (А дети у них есть? – *Е.С.*) Да, ребёнок. (А к ребёнку он ходит и заботится, да? – *Е.С.*) Общается, помогает – ну, да. Как он – алименты не платил, но помогает. Как подзаработает там – и внук уже родился! Внуку помогает. <...> (То есть получается, что они развелись, и Вашей сестре он не нравится, а он её продолжает любить? – *Е.С.*) Он до сих пор её <кивает на Н.Ф.Б.> мамой зовёт. Вот до сих пор её мамой зовёт. И к нам приходит: иной раз и посидит, и всё.

(А почему Вы решили, что наворожили на вино? Может, это обычное было вино? – *Е.С.*) Не знаю, но вот так говорили. Она сама, Света, сказала, что я как выпила – и вдруг со мной что-то такое произошло. И согласилась, и пошла, и стала с ним. Говорят, что ворожили. (Но вот маме-то говорят, что соседки рассказали про ворожбу. А здесь кто-нибудь рассказывал? – *Е.С.*) Не знаю: может быть, кто-нибудь и рассказывал, но я не знаю, как получилось. Вот я вот чисто от неё, от сестры, слышала. (А от других людей вот сама сестра слышала что-нибудь? Вот ей рассказывали, как Н.Ф.Б., что подсыпали что-то в вино? Или ещё там как-то? – *Е.С.*) Не знаю: слухи-то ходят, говорят! (И указывают конкретного человека, который это сделал? – *Е.С.*) Да нет... (Ну вот это сам жених? – *Е.С.*) Зачем? Наверное, сама мать, скорее, евонная мать. (То есть для этого не требовалось идти к колдунье, просить? – *Е.С.*) Да. (То есть сама свекровь могла это сделать, да? – *Е.С.*) Наверно. Как-то что-то... А может,

и ходила куда-то – кто знает?» (*Самоделова, 2015, ws760311.wma*).

В этом повествовании важно отметить четыре момента: 1) применение красного вина при привораживании, которое совершается на какой-нибудь праздник или даже на свадьбу (чужую), когда принято пить вино; 2) роль свекрови (тещи) в решении судеб своих детей (и чужих); 3) утверждение о том, что приворот действует лишь в течение двух лет, а потом семейная жизнь разлагается; 4) воздействие магии на последнего ребенка в семье. Первый момент основан на символике красного цвета и на ритуальном употреблении красного вина в церковных таинствах и в народных обрядах. Применительно к свадьбе важно отметить, что невеста должна венчаться «чистой» в физиологическом плане, потому что они с женихом перед таинством венчания принимают причастие – «причащаются крови Христовой» (выпивают по ложке кагора, который символизирует кровь Богочеловека). Один из начальных и юридически важных (в смысле обычного права) ритуалов свадебного обрядового комплекса носит название «пропой»: после рукобיתья отец невесты угощает родителей жениха вином, подтверждая данное при сватовстве согласие выдать дочь замуж (правда, цвет вина здесь не важен; во всяком случае, не отмечен собирателями фольклора).

Второй момент является общефольклорным: известны тематическая группа свадебных корильных и корильно-величальных песен о свекрови-лиходейке, жанровая разновидность семейных песен с сюжетами о свекрови-злодейке; существует целый ряд сказочных сюжетов о мачехе (СУС 403=АА 403 А, В; СУС –480 С**=АА 480*Д и др.) (СУС, 1979), ее образ родственен свекрови по семантическому принципу «чужая мать»; имеется множество пословиц и поговорок о противопоставлении чужой и родной матери, о свекрови, о мачехе; и все эти произведения

объединены образом неродной матери-вредительницы. Показательно, что, вопреки главной роли отца в патриархальной семье, матримониальными делами руководит мать, которая, по народному мнению, сама умеет колдовать или обращается за помощью к колдунье. В плане магической практики мать (особенно свекровь) сближается со свахой, от умелых действий которой зависела успешность сватовства; сваха со стороны невесты, наоборот, уберегала ее от колдовских действий – напр., втыкала в подол одежды иголку от «сглаза» (*Свиньин, 1839. С. 185-186*).

Третий момент нуждается в дополнительном изучении; пока же можно отметить двойственность цифры «два»: с одной стороны, она символизирует пару, что актуально для свадьбы; с другой – относится к заключительным поминальным мероприятиям, проводимым через 2 года после похорон; вот и два года совместной жизни – хронологический предел насильственным образом созданной семейной четы – нежизнеспособному объединению (брачному союзу), которое в каком-то смысле уподоблено покойнику, чей образ продолжает оставаться в памяти людей благодаря двухгодичному регулярному поминанию, трауру по нему. Показательно, что время действия привораживания показано в динамике: прежде магия влияла в течение всей жизни человека (это видно на примере бабушки), а с изменением отношения к институту брака – воздействовала только два года (как это заметно на примерах золовки и дочери). Четвертый момент является чрезвычайно важным в народном сознании: считается, что мистическими способностями может быть наделен и магическим воздействиям подвержен именно последний ребенок в семье (он бывает прозорливым, обладает целительским даром; младшему по возрасту передают тайные молитвы и заговоры, он положительный герой фольклорных сказок и т.п.).

Дочь рассказала о судьбе маминой золовки, также пострадавшей от магической практики своей матери: «Она вот тоже замуж вышла: она ни с кем не гуляла. А пришёл парень из армии. Всё: ухватили тут же тоже в праздник – хоп! Тут же свадьбу сыграли – на другой день, после маминой свадьбы. Два года – и разошлись! Всё: он тоже её бросил! Он её не любил! (Он её бросил или она ушла? – *Е.С.*) Он её бросил. А приворожили – вот! Та же свекровь, что маму привораживала! И к дочке приворожила мужа, как говорится!» (*Самоделова, 2015, ws760311.wma*).

Обе рассказчицы – дочь и мать – продолжают устный рассказ о некоей женщине-матери (свекрови и теще), которая ходила к колдунье, но и сама, видимо, обладала сверхъестественными способностями и направляла их на судьбы родных детей, сделала их несчастными в семейной жизни:

«Поняли смысл-то? (Угу. Да. – *Е.С.*) Сыну и дочке она сделала мужа и жену. (Да. – *Е.С.*) Сыну мама приворожила, а дочке-то того приворожила мужчину. Ну, короче: он-то тоже не пожил с ней. Сделал ей двойняшек и... (Тётя Надя его не любила, не гуляла! – *Н.Ф.Б.*) Она родила – он два года пожил и ушёл, и женился на другой. Вот тоже приворожил(и)!

Вот случилось-то как: на моей свадьбе, на моей свадьбе сидели все (*Н.Ф.Б.*). (Угу. – *Е.С.*) И ему наливают вина разного – другого, красного! (Отдельно. – Голос дочери.) Всем наливали белого, а ему всё красного! Он сказал: «Почему мне красное вино?» Мать подошла, сказала: «Такого положено!» И всё! И всё! И сразу, на другой день после моей свадьбы – у меня мятенье, а он пишет: «Надюха, давай мы с тобой – замуж выходи за меня!» Всё! (У Вас мятенье? – *Е.С.*) Да, у меня мятенье было. (Так, это что такое? – *Е.С.*) На второй день (*Н.Ф.Б.*). На второй день свадьбы называлось «мятенье» (дочь). А мятенье – это горшки кидают, подме-

тают, с деньгам, деньги... (*Н.Ф.Б.*). У нас «мятенье» называют, в других деревнях как-то по-другому (дочь). (Понятно! – *Е.С.*) А у нас – мятенье. И вот они, значит, Андрюшку-то позвали туда: он был, и она налила. (*Н.Ф.Б.*) Вот они тоже пожили два года! (дочь). Он двойников ей сделал. Она ему двойничков принесла – Веру, Нину... И бросил он её прямо сразу. Она пришла, заплакала.

А он говорит: «Мне тебя не надо! Я себе другую нашёл». И взял бабу с ребёнком, а её бросил и своих деток (*Н.Ф.Б.*)» (*Самоделова, 2015, ws760312.wma*).

На уточняющий вопрос фольклориста о двух одновременных случаях привораживания полюбившегося человека именно с применением десертного вина обе рассказчицы повторяют и дополняют уже высказанные сведения об известных им способах – с помощью угощения конфетой или красным вином, с добавлением менструальной крови (если требовалось приворожить девушку к парню):

«(Я так понимаю, что вот это всё связано с красным вином, да? – *Е.С.*) – Что-то добавляют! (дочь) (Но вот именно в красное? – *Е.С.*) – Да (*Н.Ф.Б.*). (Не в белое, ни в какое-нибудь? – *Е.С.*) Да. А месяшны – говорят, добавляли! Да-да-да! (*Н.Ф.Б.*) (А парню? – *Е.С.*) Парню наливают вино и поят этим – с месяшными (*Н.Ф.Б.*). – А её, вишь, приворожили конфетиной! Там она уже заморожена была чисто колдуньей. Находятся люди, видимо! (дочь). – Одну меня посадили чай пить: «Попей чайку! Садись!» (*Н.Ф.Б.*). – Раньше конфет шоколадных достать – с горем пополам! (дочь). – «На тебе конфетку!» Как выпила – нет её! Посидела и пошла (*Н.Ф.Б.*). – Вот с девушкой что-то такое делается, что жалеет! А потом-то уже поздно будет, когда уже дело сделано! (дочь). Он (*Н.Ф.Б.*) уж признавался: всё, собрал сумки и уехал из этого, из Самылова – садятся в Самылове... (*Н.Ф.Б.*) Раньше (дочь). Из Самылова вернулся, пришёл: «Я не могу

без тебя! Давай выходи за меня замуж!»» (Самоделова, 2015, ws760312.wma).

Мы в Москве в конце XX в. лично наблюдали ситуацию, когда была высказана примета о близкой свадьбе (не сбылась): на семейном празднике подали красное вино, девушка пьёт и случайно разлила вино из бокала; кто-то из гостей или хозяев говорит, что это предвещает скорую свадьбу! Тетя (возможно, и бабушка) пролившей вино девушки проживала или даже была родом из г. Кирово-Чепецк Кировской обл., то есть из граничащего с Костромской обл. региона. Наши рассказчицы из Солигаличского р-на в 2015 г. сначала не нашли в памяти подобного, но потом вспомнили: «У нас такого не было... Такого не было. Счас вот вообще незнамо! (Н.Ф.Б.). Забыли! Было что-то раньше – говорили: “А, замуж выйдешь!” Забылось – уж чего там?! Счас, может, кто что-то другое вспомнит! (дочь)» (Самоделова, 2015, ws760312.wma).

В г. Талдом Московской обл., который прежде относился к Тверской губ. (это территория к северу от Москвы, также близкая к Костромской обл., фольклор региона обладает единством, возможно, обусловленным давним заселением вятичами и их ассимиляцией с местными угро-финскими племенами), одна жительница средних лет в 2000 г. со слов бабушки поведала о свадебной традиции угощения невестой жениха пряником, который подружки носили в баню на девичнике и производили с ним ритуальные действия:

«Это было – глухомань же – Тверская область. Это же вообще глухомань. И вот она <бабушка> рассказывала, что мы, то есть раньше нельзя было: счас все в церковь бегут, а раньше нельзя было ходить грязной в церковь, не мывшись. И вот под венец надо всегда помыться, потому что идёт причастие, и ты принимаешь внутрь Святой Дух. То есть красоту божественную принимаешь, и сама должна

быть как бы... стараться двигаться к этой красоте. Вот она мне рассказывала, что надо обязательно помыться. А всё это не только, говорит, идёшь в баню да и трёшься, а всё это обставляется каким-то – вот девичник, например, называется это, у него <жениха> – мальчишник, он там моется с ребятами, а у неё девичник. И Вы знаете, она мне такие вещи рассказывала. Вот бывает, пекётся пряник. Может, мне не надо <рассказывать>? Пряник. И вот когда приходят туда, в баню, девчонки, они её готовят – ей баню. Причём баню – это вообще магические свойства, то есть онé не просто готовят баню, её подружки. Они действительно приготавливают её как бы оккультными путями, вот. Специально носится вода из трёх колодцев, специально там ломаются <ветки> – необыкновенный веник вот должен быть, вот, и дрова подбираются. И вот когда они купаются в этой бане, то вот пряник, который она испекла, она <невеста> прикладывает как бы к телу во все места, и он напityвается её потом, или я там не знаю, чем напityвается. И вот этим пряником она потом, вот этой сладостью на самой свадьбе – она дарит его жениху. И наевшись её как бы магии, он остаётся ей верным до гроба. Ну, я уж не знаю, насколько это всё соответствует действительности. Вот эта сласть никому не продаётся; она, наоборот, выкупается женихом за любые деньги. Вот. И вот она <бабушка> мне говорила: пока мы там моемся вот, подружки поют мне песню – вот как бы они: “Ты топись-топись, баенка...” (и т.д.)» (Самоделова, 2000. Тетр. 24 Б. № 76). Пряник фигурировал в свадебном ритуале, практиковавшемся в бане невесты накануне венчания в г. Нерехта Костромской губ.: «На закуску ставят тогда опёкуши (так называются толстые блины на дрожжах) и большой пряник. В это время дружка <главная подруга> поддает на каменку пивом, веря, что брачившиеся будут

сладко жить»; также известен пряник как дар невесте: «В субботу, когда приходит сродник жениха с пряником <...>» (*Снегирев, 1839. С. 145, 158*). Магия с частями «благословенного хлеба» наблюдалась среди подруг невесты после ее бани в Костромской губ.: «Некоторые из них завязывают в узелки кусочки хлеба с солью, и хранят его, думая, пока он будет сохранен, дотоле будет продолжаться мир и согласие между мужем и женою» (*Терещенко, 1848. С. 172*).

При сопоставлении обычаев с пряником из Тверской губ. с костромскими хлебами важно отсутствие непреодолимой границы между магией вредительской (привораживание человека без его ведома) и магией свадебно-обрядовой (условно говоря – доброжелательной), содействующей усилению добровольного союза двух любящих людей, уже изъявивших согласие создать семью.

В фольклорной экспедиции в Мантуровский р-н в 2016 г. мы испытали на себе необычный способ угощения: разведенный мужчина средних лет (1950-х годов рождения) пригласил за стол и лично приготовил еду (его отец в кулинарном действе не участвовал), при этом несколько раз зачерпывал из нашей тарелки своей ложкой кушанье, объясняя, что он должен убедиться в его вкусоности (*Самоделова, 2016. Тетр. 47 А. С. 40, 42-43*). Можно дать такому обстоятельству обычную трактовку: в крестьянской традиции было принято при праздничном застолье есть из общего блюда; однако вероятна и мысль о нарочитой маскировке под этот обычай совершенно другой установки – специальной магии, нацеленной на любовное привораживание гостя. Проверить данное предположение не представилось возможным: беседы велись о свадебных традициях, но не о ворожбе. Однако важно заметить: чтобы «сработала» магия, надо ее объекту (реципиенту) владеть потаенными знаниями о «магических кодах», находиться в той же «системе координат»,

что и субъекту – производителю магического действия.

Как видим, даже в начале XXI века сохраняется древняя традиция веры в сверхъестественные человеческие способности, которыми обладают отдельные личности, а также в возможность управлять судьбой. Некоторые современные женщины-рассказчицы разных поколений верят в действенность магических средств – девичьих физиологических отправлений (пота, менструальной крови), однако по-разному трактуют продолжительность их воздействия на судьбу (в течение всей жизни или двух лет) и дают им различную оценку (от положительной до негативной). Остается неизвестным, что могли подмешивать девушке в ее питье или пищу и связано ли это с аналогичными продуктами жизнедеятельности организма парня (слюны, пота, крови – по принципу параллелизма действий, наблюдаемых в свадебном обряде; ср. также сказочный сюжет о помощи слюнок героине – СУС 313 Е*=АА *722=К 317) (*СУС, 1979*). Тема эта во многом «сокрытая», сокровенная, основанная на большом доверии информантов к фольклористам-собираателям, поэтому подобные подтверждающие примеры сложно отыскать в архивных коллекциях и публикациях, особенно дореволюционных и советских; однако даже в наших костромских экспедициях 2015-2019 гг. приведенные данные оказываются не единичными. Хотя проблематика относится к «темной стороне» жизни, в ней есть определенная польза: убежденность людей в реальности магии вообще и привораживания в частности диктует им определенные поведенческие нормативы, в том числе необходимые бытовые стереотипы и манеры поведения, а также важные запреты. Так, боязнь стать привороженным подчеркивает значимость установки «быть, как все», не выделяться из толпы, соблюдать возрастные ограничения своей социально-возрастной группы, не пытаться получить более высокий статус

в обществе сомнительными действиями, не совершать необдуманных поступков (напр., не ходить в гости без повода, не садиться за стол в одиночку, не есть отличающееся от общепринятых кушанье, не пить непривычный напиток и т.п.). Идея

самой возможности приворотов, курсирующая в народе, носит в определенной мере осторожную функцию: учит людей быть осторожными в своих желаниях и в бытовом поведении.

Список источников и литературы:

1. *Диев М.* Замечания, касающиеся до Нерехты, уездного города Костромской губернии // Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света на 1830 год. – 1830. – Ч. 3. № 2. – С. 130-138.
2. *Роцин В.* Свадебные обряды в Галиче (Костромской губернии) // Северная пчела. 1831. – 26 нояб. № 269. – Без стр.
3. *Самоделова Е.А.* Полевые материалы автора (ПМА) 2000. Л.И.К., около 40 лет, из семьи интеллигентов, г. Талдом Московской обл., август 2000 г. – Тетр. 24 Б, под 29-30 июня, кассета 14 А. Сведения знает со слов бабушки из Тверской обл.
4. *Самоделова Е.А.* ПМА 2015. Аудиофайл ws760309.wma – Н.Ф.Б., 1932 г. р., родом из д. Лимонново, вышла замуж в д. Лукино, живет в Солигаличском р-не Костромской обл., 22.06.2015. Тетр. 46. С. 26. Файл ws760309.txt; аудиофайлы ws760311.wma, ws760312.wma – Т.С.М., 1964 г. р., дочь Н.Ф.Б., там же, 22.06.2015. Тетр. 46. С. 26. Файлы ws760311.txt, ws760312.txt.
5. *Самоделова Е.А.* ПМА 2016. Тетр. 47 А. С. 40, 42-43. Б-вы С.Н., 1958 г. р., и отец Н.А., г. Мантурово Костромской обл., 26.06.2016.
6. *Самоделова Е.А.* Часть 2. Глава 1. Региональная специфика свадебного обряда Костромского края и его локальные версии // Морозов И.А., Слепцова И.С., Самоделова Е.А., Куприянов П.С., Чеснокова Е.Г. Динамика трансформаций: Региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов. – Москва: Индрик, 2019. – С. 288-356. – ISBN 978-5-91674-552-8.
7. *Свиньин П.П.* Древний подвенечный убор в Галиче // Картины России и быт разноплеменных ее народов, из путешествий П.П. Свиньиного. – Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. – Ч. 1. С. 181-186.
8. *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – Москва: В Университет. типогр., 1839. – Вып. IV. – [4], 200, 41 с.
9. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. – Ленинград: Наука, 1979. – 438 с.
10. *Терещенко А.В.* Быт русского народа. Ч. II. Свадьбы. – Санкт-Петербург: В типогр. военно-учебных заведений, 1848. – С. 166-193.

СПИСОК АВТОРОВ

Аристов Александр Андреевич (г. Кострома).

АНО «Центр историко-культурных исследований и проектирования».

Виноградова Светлана Геннадьевна (г. Кострома).

Церковная православная организация учреждение Церковный

Историко-археологический музей Костромской епархии Русской Православной Церкви.

Втюрина Ксения Николаевна (г. Казань). Казанский Федеральный Университет.

Горак Артур Генрикович (г. Люблин).

Университет Марии Кюри-Склодовской, г. Люблин, Польша

(Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, Polska)

Городилин Сергей Владимирович (г. Москва).

Центр по истории Древней Руси ИРИ РАН.

Горохова Анна Викторовна (г. Кострома). ОГБУ «Наследие».

Демирова Наталья Ильинична (г. Москва). Государственный исторический музей.

Долгова Екатерина Антоновна (г. Москва). Институт географии РАН.

Завьялов Владимир Игоревич (г. Москва). Институт археологии РАН.

Захаров Андрей Леонидович (г. Москва). Институт географии РАН.

Константинов Евгений Александрович (г. Москва). Институт географии РАН.

Кузнецова Вероника Викторовна (г. Москва). Институт географии РАН.

Кузнецова Валентина Николаевна (г. Санкт-Петербург).

Институт истории материальной культуры РАН.

Кузьменкова Наталья Викторовна (г. Москва). МГУ им. Ломоносова.

Кузьминых Сергей Владимирович (г. Москва). Институт археологии РАН.

Кузьмичёв Иван Александрович (г. Кострома).

ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник».

Кучумова Ирина Юрьевна (г. Кострома).

ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник».

Лазарев Алексей Станиславович (г. Кострома). ОГБУ «Наследие».

Левашова Любовь Валерьевна (г. Плёс). ГБУ ИО «Плесский музей-заповедник».

Лукьянович Анатолий Аркадьевич (с. Вятское Ярославской области).
Историко-культурный комплекс «Вятское» им. Е.А. Анкудиновой.

Мальцева Нина Юрьевна (с. Вятское Ярославской области).
Историко-культурный комплекс «Вятское» им. Е.А. Анкудиновой.

Мацковский Владимир Владимирович (г. Москва). Институт географии РАН.

Медведев Андрей Александрович (г. Москва). Институт географии РАН.

Наградов Илья Сергеевич (г. Кострома).
ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник».

Панченко Галина Викторовна (г. Плёс). ГБУ ИО «Плесский музей-заповедник».

Самоделова Елена Александровна (г. Москва).
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Семеняк Надежда Сергеевна (г. Москва). Институт географии РАН.

Сергазина Карлыгаш Толегеновна (Ксения Сергазина) (г. Москва). РГГУ.

Сизинцева Лариса Ивановна (г. Кострома).
Костромское региональное отделение РГО.

Соломина Ольга Николаевна (г. Москва). Институт географии РАН.

Сычев Никита Владиславович (г. Москва). Институт географии РАН.

Терехова Наталия Николаевна (г. Москва). Институт археологии РАН.

Тихомирова Елена Леонидовна (г. Москва).
Собрание русских икон при поддержке Фонда Андрея Первозванного.

Филиппова Ксения Геннадьевна (г. Москва). Институт географии РАН.

Фомичёва Виктория Владимировна (г. Кострома). ОГБУ «Наследие».

Четвертаков Евгений Валентинович (г. Нижний Новгород).
Дальнеконстантиновский краеведческий музей.

Щербаков Виталий Леонидович (г. Кострома).
АНО «Центр историко-культурных исследований и проектирования».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕС – Археология евразийских степей. Казань
АИ – Археологические изыскания. Санкт-Петербург
АО – Археологические открытия
АП – Археология Подмосковья. Москва
АСГЭ – Археологический сборник государственного Эрмитажа
АЭАЕ – Археология, этнография, антропология Евразии. Новосибирск.
АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа
БРЭ – Большая Российская энциклопедия. Москва
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГАИО – Государственный архив Ивановской области
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГИМ – Государственный Исторический музей
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Санкт-Петербург; Петроград
ИА – Институт археологии РАН
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАЭ – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
КГУАК – Костромская губернская учёная архивная комиссия
КИАМЗ – Костромской историко-архитектурный музей-заповедник
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. Москва
МарГУ – Марийский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИАП – Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола
МИС – Материалы по истории Сибири. Новосибирск
НА ИИМК – Научный архив ИИМК
НКРЯ – Национальный корпус русского языка
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РА – Российская археология. Москва.
РАН – Российская Академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИС – Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Москва
СА – Советская археология. Москва
СГАИМК – Сообщения ГАИМК. Ленинград
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук
СУС – Сравнительный указатель сюжетов
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва
ФАП – Фонд Андрея Первозванного
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
FM – Finskt Museum. Helsinki
FUF – Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**КОСТРОМСКОЙ КРАЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В НОВОЕ ВРЕМЯ**

К 160-летию со дня рождения Н.М. Бекаревича

Сборник научных трудов

Верстка: Т. В. Зайцева

Подписано в печать 24.11.2021 г
Формат: 64x90/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19
Тираж 400 экз. Заказ № 13927

Отпечатано ИД «Линия График Кострома»
г. Кострома, ул. П. Щербины 9А

Кострома 2021

